

Москва
Издательство «Согласие»
2020

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)3-001.3
У33

ПРОГРАММА «ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Рецензенты:
Дергачева Ирина Владимировна, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой лингвистики
Московского государственного института культуры;

Дорофеева Людмила Григорьевна, доктор филологических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Художник:
М. Ю. Маяков

Ужанков А. Н.
У33 **«Слово о полку Игореве» и его автор.** — М.: ООО «Издательство «Согласие», 2020. — 488 с.

ISBN 978-5-907038-58-5

Главная тема книги — «Слово о полку Игореве». Поэтому открывается она публикацией древнерусского текста «Слова о полку Игореве» и новой редакции его перевода, сделанного А. Н. Ужанковым. Затем представлено осмысление этого выдающегося творения. Изучаются библейские влияния и, в частности, «Книги пророка Иеремии» на раскрытие темы и главной идеи «Слова», тем самым доказывается, что это религиозное сочинение. Сопоставляются все три произведения о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.: две летописные статьи и само «Слово о полку Игореве». Выясняется, как они соотносятся между собой, что было написано раньше, и когда было написано само «Слово». Выстраивание трех исторических повестей в хронологической последовательности способствует выявлению идей самих произведений и места их создания.

Другая тема книги — гениальный безымянный Автор древнерусской поэмы. Можно ли установить его имя, ведь не мог же он быть автором всего лишь одного произведения?

Сопоставление повести о походе Игоря Святославича из Киевской летописи, составленной в Выдубицком монастыре игуменом этой обители Моисеем, его же торжественного «Слова на обновление церкви св. Архангела Михаила» со «Словом о полку Игореве», выявление их общих особенностей, источников, места и времени написания, позволяют поставить вопрос об их одном авторе — игумене Моисее Выдубицком.

Книга рассчитана на самого широкого читателя, интересующегося историей и литературой Древней Руси, студентов и школьников.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)3-001.3

ISBN 978-5-907038-58-5

Содержание

Моему преданному другу и единомышленнику —
жене Татьяне

ОТКРОВЕНИЕ
(От издателя)

Автор этой книги Александр Николаевич Ужанков сказал мне, что о «Слове о полку Игореве» уже написано порядка пятнадцати тысяч исследований.

Тогда спрашивается, а зачем еще одно — пятнадцать тысяч первое?

Затем, чтобы, наконец, ответить на те трудные вопросы, которые вот уже двести с лишним лет оставались безответными.

Так *оставались* или *остаются* до сих пор?

Думаю, что *оставались* в прошлом, а в новом настоящем и будущем «Слова о полку Игореве», после выхода в свет этой книги А. Н. Ужанкова, остававшиеся вопросы о времени и месте написания «Слова» и его авторе обретут, наконец, ответы. Так уж сложилось волею судеб, что «Слово о полку Игореве» стало во многих отношениях первоисточником не только светской русской словесности, но и всей русской художественной культуры.

Со студенческих лет я был много наслышан о «Слове о полку Игореве». Дело в том, что в общежитии Литературного института мы жили в одной комнате с замечательным русским поэтом Игорем Шкляревским, переводившим «Слово о полку Игореве» на современный русский язык. Так что я не изучал знаменитую поэму, а именно был наслышан о ней, можно сказать, на бытовом уровне. Позднее, тот же Игорь Иванович Шкляревский познакомил меня с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, и наше мимолетное знакомство само собой переросло в прочные дружеские отношения. Когда он бывал в Москве, мы виделись, наверное, каждый день. Приезжал и я к нему в Петербург, бывал и в городе — на квартире, и на крохотной двухэтажной даче в Комарово.

Однажды осенью сидели мы на лавочке в Комарово перед дачей Лихачева и перед огромной кучей угля, куски которого матово поблескивали в лучах сентябрьского солнца.

В те времена власть предержащие старательно возводили Лихачева в один из символов страны, а вот провести пожилому человеку в дом паровое отопление как-то не додумались. Я сказал об этом Лихачеву, он засмеялся и ответил: «Какой я символ? Ну, если и символ, то тем более нечего баловать. Символы должны доживать свой век как привыкли: на угле, на дровишках».

Тут я хочу заменить, что и в свои девяносто Дмитрий Сергеевич оставался очень молодым и веселым человеком. За его плечами был такой тернистый путь, что сделаться ему угрюмым и мрачным было просто невозможно, иначе как бы после Соловецкого концлагеря он вновь начал свою карьеру с должности корректора…

Потом мы естественно, само собой, заговорили об Игоре Шкляревском: Дмитрий Сергеевич восхищался его переводом «Слова о полку Игореве», а я его стихами, которые были знакомы мне с юности из первых уст. От автора перевода «Слова о полку Игореве» мы невольно перешли к разговору об авторе самого оригинала. Вернее, о том, что автора «Слова о полку Игореве» как бы даже и нет. Поэма есть, а автора нет.

— Как же так, неужели его никогда не найдут? — удивленно спрашивал я. Как человек не ученый, а дилетант, я никак не мог смириться с тем, что «Слово о полку Игореве» есть, а его автора нет.

— Кто знает, — улыбнулся Лихачев, — кто знает, может и найдется автор. Может уже родился тот человек, на которого снизойдет откровение, и он докажет авторство какого-то конкретного лица. Пока нам это не удалось. Но я был бы очень рад, если бы это вдруг случилось. Очень.

Тут я хочу непременно добавить, что Дмитрий Сергеевич Лихачев никогда не считал себя истиной в последней инстанции. Он же рассказывал мне и о том, что первыми, кто возвестил миру о великом памятнике древнерусской словесности, были поэт М. Херасков и историк Н. Карамзин. Херасков сообщил об этом в своей поэме «Владимир Возрожденный» на русском языке, а Карамзин — в восторженной статье на французском языке, которую он опубликовал

в издававшемся в Гамбурге журнале французских эмигрантов. Слово Карамзина оказалось решающим, в том числе и потому, что его весть пришла к нам из Западной Европы и была изложена на французском — языке, которым пользовалась в те времена вся просвещенная русская знать. Карамзин сравнивал «Песнь воинам Игоря» с «лучшими оссиановскими поэмами» — песнями легендарного кельтского барда III века нашей эры. Сравнение это считалось очень высоким и во многом определило судьбу древнерусского памятника.

Вскоре после этого нашего разговора, однажды, сидя у себя в издательстве «Согласие», я ни с того, ни с сего позвонил Вадиму Валерьяновичу Кожинову и спросил его:

— А есть в России хотя бы одна неизданная великая книга?

— Да, — ответил Кожинов, — есть — «Палея Толковая».

В тот же день я спросил об этом Дмитрия Сергеевича Лихачева, и получил точно такой же ответ: «Палея Толковая». Так мы начали работу по подготовке к изданию «Палеи Толковой». Бывшие когда-то в большой дружбе Лихачев и Кожинов к тому времени рассорились, а общая работа над «Палеей Толковой» снова вернула их, если не к былым, то, во всяком случае, к миролюбивым рабочим отношениям.

Книга вышла в 2002 году, уже после смерти и Кожинова, и Лихачева. На титульном листе «Палеи Толковой» так и написано: «Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева и Вадима Валериановича Кожинова, принимавших непосредственное участие в работе над этой книгой».

Через десять лет мы предприняли второе издание «Палеи Толковой», которое посвятили также памяти Кожинова и Лихачева. После выпуска книги провели большую Международную конференцию и по ее докладам также выпустили книгу. Мотором всей этой нашей работы стал Александр Николаевич Ужанков. Тогда А. Н. Ужанков еще не был ученым с мировым именем, а, что называется, быстро набирал высоту.

Но вернемся к предмету нашего разговора — к «Слову о полку Игореве» и его неизвестному автору.

Великие поэты и великие писатели не оставляют после себя ни школ, ни учеников, а оставляют целые миры — мир Пушкина, мир Толстого, мир Чехова. Другое дело с большими учеными — у них, как правило, есть и школы, и ученики. Со многих сторон — это очень хорошо, а с одной — не очень. С той самой стороны, что «не очень», наличие светила может сковывать порывы учеников. Во всяком случае, я так думаю. А клоню все к тому, что А. Н. Ужанков никогда не принадлежал ни к какой школе кого-то великого, не был ничьим учеником, и в то же время учился у всех. Наверное, это затрудняло его научную жизнь, но в то же время давало волю дерзать там, где, казалось бы, всё уже определено навечно.

В 1995 году под редакцией академика Д. С. Лихачева вышла в свет «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”» в пяти томах, где, как и подобает энциклопедии, казалось, все было собрано, канонизировано и затвержено на веки вечные.

И вот вы держите в руках книгу А. Н. Ужанкова «“Слово о полку Игореве” и его автор» — книгу, которая буквально переворачивает всё это канонизированное о «Слове о полку Игореве» и ставит это *всё* с головы на ноги. Да, да я ничего не преувеличиваю, но и ничего не преуменьшаю: именно с головы на ноги.

Невольно вспоминается шутка, приписываемая Эйнштейну (цитирую по памяти): «Открытия делаются очень просто: все знают, что этого сделать нельзя, но вот приходит человек, который этого не знает, и делает».

Так в чем же все-таки открытие Александра Ужанкова? Так кто же, наконец, автор «Слова о полку Игореве»?

А вот этого я вам не скажу. Почитайте книгу, она того стоит. Как и «Палею Толковую». Совсем не зря мы печатаем ее в нашей программе «Достояние России».

Вацлав Михальский,
лауреат Государственной премии России по литературе

ВСТУПЛЕНИЕ

Как ни парадоксально, но никто не заинтересован в открытии Автора* «Слова о полку Игореве»: ни исследователи, ни его почитатели. Разве только одна наука, но сама по себе она абстрактна. Конкретный же исследователь или почитатель «Слова» не заинтересован, чтобы кто-то другой, а не он сам, назвал это сокровенное имя. Да и мало кто по-настоящему стремится разгадать восьмисотлетнюю тайну Автора «Слова» и, тем самым, разрушить ***миф*** о невозможности отыскать Автора «Слова».

Существующая загадка дает возможность ***всем*** предлагать все новые и новые имена, особо не утруждая себя поиском доказательств или опровержений. Так и множатся работы по авторству «Слова о полку Игореве».

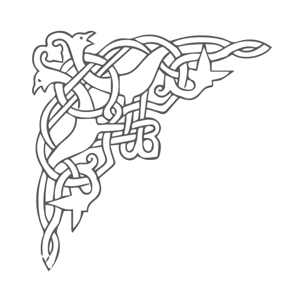
К любому заявлению, что, наконец-то, найден Автор «Слова о полку Игореве» ***все***, и маститые ученые, и ревностные почитатели этого гениального творения, отнесутся даже не с большим, а с огромным скепсисом. Более двухсот двадцати лет пытались и пытаются найти и назвать его имя, но все попытки пока оказались тщетными. Сколько гипотез уже высказано, но, увы, не доказано. Однако все они, тем не менее, стали достоянием истории науки. Сама же проблема остается нерешенной до сих пор. И вдруг, без привлечения новых источников, кто-то заявляет, что установил Автора «Слова» и может назвать его имя. Первым, кто отнесся бы к такому заявлению с недоверием, был бы я сам. И искренне посочувствовал бы тому человеку, кто отважился на такое заявление, ведь оно вызовет критику практически всех, кто занимается этой проблемой. И сила критического огня будет прямо пропорциональна доказательной базе выдвигаемой гипотезы. Чем доказательней база выдвинутого предположения, тем интенсивней будут подвергать ее атакам и сомнениям, причем, особо не утруждая себя контраргументами,

* Из уважения к Автору этого гениального произведения буду писать это слово с большой буквы.

ограничиваясь заявлениями: «Мне кажется, что высказанное предположение не достаточно аргументировано» и т. п., и т. д. Чем слабее доказательства у предложенного суждения, и чем оно фантастичнее, тем снисходительнее к нему отнесутся, или вовсе не заметят. К чему тратить силы на пустое?!

К тому же, история свидетельствует, что миф одолеть нельзя. Но, может быть, мы имеем дело вовсе не с мифом о безымянном гении, а всего лишь с ошибочными суждениями по его поводу? Может, другой взгляд на проблему, другой подход к имеющимся материалам позволит прийти к неожиданным открытиям?

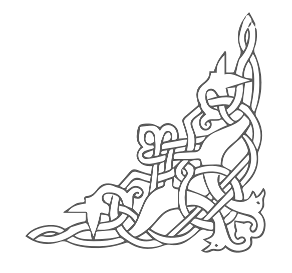
Поскольку главная тема книги — само «Слово о полку Игореве», и только затем — его Автор, то поиск Автора предваряет публикация древнерусского текста «Слова о полку Игореве» и моя новая редакция его перевода с небольшим комментарием.

Слово о полку Игореве

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
Древнерусский текст

СЛОВО
О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ,
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо[1] ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстий[2]
о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй пѣсни
по былинамь сего[3] времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вѣщий[4],
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется
    мыслию по древу,
    сѣрымъ вълкомъ по земли,
    шизымъ орломъ подъ облакы,
помняшеть бо, рече,
първыхъ временъ усобицѣ.

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
(Перевод А. Н. Ужанкова)

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА,
ВНУКА ОЛЕГОВА

Нелепо[1] было бы нам, братия,
начать старыми словами
трудных повестей[2]
о походе Игоревом,
Игоря Святославича.
Начаться же этой песне
по былому сего[3] времени,
а не по замышлению Бояна.
Боян же вещий[4],
если кому хотел песнь воспеть,
то растекался:
    мыслью-белкой по древу,
    серым волком по земле,
    сизым орлом под облаками;
ибо помнил, говорят,
прежних времен усобицы.

Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй,
которыи дотечаше,
та преди пѣснь пояше
    старому Ярославу
    храброму Мстиславу,
        иже зарѣза Редедю
            предъ пълкы касожьскыми,
    красному Романови Святъславличю.

Боянъ же, братие,
не 10 соколовь
    на стадо лебедѣй пущаше,
нъ своя вѣщиа пръсты[5]
    на живая струны въскладаше,
они же сами
    княземъ
        славу рокотаху.

Почнемъ же, братие,
повѣсть сию
отъ стараго Владимера[6]
до нынѣшняго Игоря,
иже истягну умъ[7] крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
наплънився ратнаго духа,

Тогда пускал он десять соколов на стадо лебедей:
которую настигали,
та прежде песнь пела —
    старому Ярославу,
    храброму Мстиславу,
        что зарезал Редедю
            пред полками касожскими,
    (потом) красавцу Роману Святославичу.

Боян же, братия,
не десять соколов
    на стадо лебедей пускал,
но свои вещие персты[5]
    на живые струны возлагал;
они же сами
    князьям
        славу рокотали.

Почнем же, братия,
повесть сию
от старого Владимира[6]
до нынешнего Игоря,
который стянул ум[7] волею своей
и поострил сердце свое мужеством,
наполнился ратного духа,

наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половѣцькую
за землю Руськую.

Тогда Игорь
възрѣ на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты[8].
И рече Игорь
къ дружинѣ своеи:
«Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти![9]
А всядемъ, братие,
на свои бръзыя комони
да позримъ[10] синего Дону».
Спала князю умь
похоти,
и жалость ему знамение заступи[11]
искусити Дону Великаго.
«Хощу бо, — рече, — копие приломити
конець поля Половецкаго
съ вами, русици.
Хощу главу свою приложити,
а любо[12] испити
шеломомь Дону».

навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь
взглянул на светлое солнце
и увидел от него тьмой (исходящей)
всех своих воинов прикрытых[8].
И молвил Игорь
дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше бы нам посеченными быть,
нежели плененными быть![9]
А всядем, братья,
на своих борзых коней,
да позрим[10] синего Дона!»
Поник княжий ум,
захотел,
и желание ему зна́мение заступило[11],
вкусить Дона Великого.
«Хочу, — говорит, — копье преломить
в конце поля Половецкого
с вами, русичи!
Хочу голову свою положить,
а любо[12] испити
шлемом из Дона!»

О Бояне,
соловию стараго времени!
А бы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы
оба полы сего времени[13],
рища въ тропу Трояню
чресъ поля на горы.
Пѣти было пѣснь Игореви,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чресъ поля широкая —
галици стады бѣжать
къ Дону Великому».

Чи ли въспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовь внуче:

Комони ржуть за Сулою —
звенить слава вь Кыевѣ!
Трубы трубять въ Новѣградѣ,
стоять стязи въ Путивлѣ.

О Бояне,
    соловей старого времени!
Если бы ты эти полки щекотом воспел,
скача, соловью, по мысленному древу,
летая умом под облаками,
свивая славы
    обеих половин этого времени[13],
рыща по тропе Трояна
    через поля на горы.
Петь бы (тебе тогда) песню Игорю,
    того (Трояна) внуку:
«Не буря соколов занесла
    через поля широкие –
галок стаи стекаются
    к Дону Великому».

Или так воспеть (надо) было,
    вещий Боян,
Велесов внуче?!

Кони ржут за Сулой –
    звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новгороде –
    стоят стяги в Путивле.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему Буй Туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
Оба есвѣ Святъславличя!
Сѣдлай,
брате,
свои бръзыи комони,
а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни — свѣдоми къмети:
подъ трубами повити[14],
подъ шеломы възлелѣяны,
конець копия въскръмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени.
Сами скачють,
акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти,
а князю — славѣ».

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему Буй-Тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый –
ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай,
брате,
своих борзых коней,
а мои-то (уже) готовы,
оседланы у Курска накануне.
А мои-то куряне — опытные воины:
под трубами повиты[14],
под шлемами взлелеяны,
острием копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены.
Сами скачут,
как серые волки в поле,
ища себе чести,
а князю славы».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше,
нощь стонущи ему грозою,
птичь убуди свистъ,
звѣринъ въ ста збися,
Дивъ кличетъ връху древа,
велитъ послушати земли незнаемѣ:
    Влъзѣ,
    и Поморию,
    и Посулию,
    и Сурожу,
    и Корсуню,
    и тебѣ,
        Тьмутороканьскый блъванъ[15].

А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону Великому[16].
Крычатъ телѣгы полунощы,
рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ.

Уже бо бѣды его пасетъ птиц по дубию,
влъци грозу въсрожатъ по яругамъ,

Тогда вступил Игорь князь в злато стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмой путь заступало,
ночь стонала ему грозой,
птичий пробудился свист,
звери в стаи сбились,
див кличет на вершине дерева,
велит послушать земле незнаемой:
    Волге,
    и Поморью,
    и Посулью,
    и Сурожу,
    и Корсуню,
    и тебе,
        Тмутороканский болван![15]

А половцы неуготованными дорогами
побежали к Дону Великому[16].
Кричат (их) телеги в полуночи,
будто лебеди распуганные.

Игорь к Дону воинов ведет.

Уже, ведь, беду его пасут птицы по дубравам,
волки грозу сторожат по оврагам,

орли клектомъ на кости звѣри зовутъ,
лисици брешутъ[17] на чръленыя щиты[18].

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси![19]

Длъго ночь мрькнетъ.
Заря свѣтъ запала.
Мъгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе.
Говоръ галичь убудися.

Русичи
    великая поля
        чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти,
а князю — славы.

Съ зарания въ пятъкъ
потопташа поганыя плъкы половецкыя
и, рассушясь стрѣлами по полю,
помчаша красныя[20] дѣвкы половецкыя,
а съ ними
    злато,
        и паволокы,
        и драгыя оксамиты[21].

орлы клекотом на кости зверей зовут,
лисицы брешут[17] на червленые[18] щиты.

О, Русская земля, ты уже за холмом[19]!

Долго ночь меркнет.
Зари свет запылал.
Мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный утих.
Гомон галок пробудился.

Русичи
    великие поля
        червлеными щитами перегородили,
ищущи себе чести,
а князю — славы.

С рассветом в пятницу
потоптали (они) поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных[20] девок половецких,
а с ними
    злато,
        и паволоки,
            и дорогие оксамиты[21].

Орьтъмами,
    и япончицами,
        и кожухы
начашя мосты мостити по болотомъ
    и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми узорочьи половѣцкыми.

Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святьславличю!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо —
далече залетѣло!
Не было онъ обидѣ порождено
    ни соколу,
    ни кречету,
    ни тебѣ,
        чръный воронъ,
    поганый[22] половчине!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому[23].

Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и грязевым местам,
и всякими узорочьями половецкими.

Червленый стяг,
белая хоругвь,
червленая челка,
серебряно древко –
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
далеко залетело!
Не было оно на обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе,
черный ворон,
поганый[22] половец!

Гзак бежит серым волком,
Кончак ему во след правит к Дону Великому[23].

Другаго дни
    велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдають;
чръныя тучя съ моря идутъ,
хотятъ прикрыти 4 солнца[24],
а въ нихъ трепещуть синии млънии.
Быти грому великому.
Итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго![25]
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
    на рѣцѣ на Каялѣ,
    у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси![26]

Се вѣтри,
Стрибожи внуци,
вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текуть,
пороси поля прикрываютъ,
стязи глаголютъ.

На другой день,
    очень рано,
кровавые зори свет предвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть 4 солнца[24],
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому.
Идти дождю стрелами с Дона Великого![25]
Тут копьям изломиться,
тут саблям потупиться,
о шлемы половецкие,
    на реке на Кая́ле,
    у Дона Великого!

О, Русская земля! Ты уже за холмом![26]

Это ветры,
Стрибожьи внуки,
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля тучнеет (от крови),
реки мутно текут,
пороша поля прикрывает,
стяги лопочут.

Половци идуть
    отъ Дона,
    и отъ моря,
    и отъ всѣхъ странъ
рускыя плъкы оступиша.

Дѣти бѣсови[27]
кликомъ поля прегородиша,
а храбрии[28] русици
преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ!
Стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными.
Камо, Туръ, поскочяше,
    своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными
    шеломы оварьскыя[29] отъ тебе,
        Яръ Туре Всеволоде!
Кая рана,
    дорога братие,
забывъ чти и живота,
    и града Чрънигова

Половцы идут
    от Дона,
    и от моря,
    и со всех сторон
русские полки обступили.

Дети бесовы[27]
кликом поля перегородили,
а храбрые[28] русичи
перегородили их червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод!
Стоишь, обороняясь,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, Тур, поскачешь,
    своим златым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Поплющены саблями калеными
    шлемы аварские[29] тобой,
        Яр-Тур Всеволод!
Клял он раны,
    дорогие братья,
забыв о чести и о жизни,
    и о граде Чернигове –

отня злата стола,[30]
и своя милыя хоти,
красныя Глѣбовны,[31]
свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни,[32]
минула лѣта Ярославля,
были плъци Олговы,
Ольга Святьславличя[33].
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу[34] коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремень
въ градѣ Тьмутороканѣ,
той же звонъ слыша
давный великый Ярославь,
а сынъ Всеволожь Владимиръ
по вся утра
уши[35] закладаше въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславлича
слава на судъ[36] приведе,
и на канину[37] зелену
паполому постла
за обиду Олгову,
храбра и млада князя.

отцовом златом престоле[30],
и о своей милой жене –
красавице Глебовне[31],
привычках и обычаях.

Были века Трояновы[32],
минули годы Ярославовы.
Были походы Олеговы,
Олега Святославича[33].
Тот ведь Олег мечем крамолу[34] ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступал в злато стремя
во граде Тмуторокане,
тот же звон (стремени) слышал
давний великий Ярослав,
а сын Всеволода — Владимир,
во все утра
закладывал уши[35] в Чернигове.
Бориса же Вячеславича
слава на (Божий) суд[36] привела,
и на канун[37] зеленый
погребальный покров постлала –
за обиду Олегову –
храброго и молодого князя.

Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелѣя
отца своего
между угорьскими иноходьцы
ко святѣй Софии къ Киеву[38].
Тогда при Олзѣ Гориславличи
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждь-Божа внука[39],
Въ княжихъ крамолахъ
вѣци человѣкомь скратишась.
Тогда по Руской земли
рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати, и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано![40]

Съ зараниа
до вечера,
съ вечера
до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя,
гримлютъ сабли о шеломы,

С той же Каялы Святополк повелел
везти отца своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии в Киеве[38].
Тогда при Олеге Гориславиче
сеялись и растились усобицы,
погибала жизнь Даждьбожьего внука[39].
В княжеских крамолах
век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле
редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы себе деля;
а галки своим галдежом галдели,
собираясь полететь на кормление.

То было в те рати, и в те походы,
а о такой битве не слышано![40]

С заутрия
(и) до вечера,
с вечера
(и) до (рас)света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,

трещатъ копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ
среди земли Половецкыи[41].
Чръна земля подъ копыты
    костьми была посѣяна,
        а кровию польяна.
Тугою взыдоша по Руской земли!

Что ми шумить,
    что ми звенить
        давечя
            рано предъ зорями?

Игорь плъкы заворочаетъ,
жаль бо ему мила брата Всеволода.

Бишася день,
    бишася другый,
        третьяго дни къ полуднию
            падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста
    на брезѣ быстрой Каялы.
Ту кроваваго вина не доста.
Ту пиръ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша,
    а сами полегоша
        за землю Рускую.

трещат копья булатные
в поле неведомом —
среди земли Половецкой[41].
Черная земля под копытами
    костьми была засеяна,
        а кровью полита.
Тоской взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
    что мне звенит —
        далече —
            рано перед зорями?

Игорь полки заворачивает,
жаль бо ему милого брата Всеволода.

Бились день,
    бились другой,
        на третий день к полудню
            пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились
    на берегу быстрой Каялы.
Тут кровавого вина недостало.
Тут пир докончили храбрые русичи:
сватов попоили,
    а сами полегли
        за землю Русскую.

Ничить трава жалощами,
а древо
    с тугою
        къ земли
            преклонилось.

Уже бо,
    братие,
        невеселая година въстала:
уже пустыни силу прикрыла[42].

Въстала Обида
    въ силахъ Дажь-Божа внука,
вступила дѣвою
    на землю Трояню[43],
въсплескала лебедиными крылы
    на синѣмъ море у Дону[44],
        плещучи,
убуди жирня времена.
Усобица князем̂ъ
    на поганыя погыбе.
Рекоста бо братъ брату:
    «Се мое,
        а то мое же».

Приникла трава от жалости,
а дерево
    с тоской
        к земле
            приклонилось.

Уже, ведь,
    братие,
        невеселое время настало:
уже пустыня силу прикрыла[42].

Встала Обида
    в воинах Даждьбожьего внука,
вступила девою
    на землю Троянову[43],
всплеснула лебедиными крыльями,
    на синем море у Дона[44],
        плещучи,
утопила богатые времена.
Усобицы князей –
    на погибель от поганых.
Ибо говорит брат брату:
    «Это — мое,
        а то — мое же!»

И начяша князи про малое
  «се великое» млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.
А погании съ всѣхъ странъ
  прихождаху съ побѣдами
    на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ,
  птиць бья,
    къ морю.

А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
За нимъ кликну карна[45],
и жля поскочи
  по Руской земли,
смагу людемъ мычючи
  въ пламянѣ розѣ[46].
Жены руския въсплакашась,
  аркучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра
  ни мало того потрепати!»

И начали князья про малое
— «это великое» молвить,
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон
приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол,
птиц избивая,
— к морю!

А Игорева храброго полка не воскресить!
По нему вскликнула карительница[45],
и скорбь поскакала
по Русской земле,
пожары людям разметая
пламенной розой[46].
Жены русские восплакались,
причитая:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию осмыслить,
ни думою обдумать,
ни глазами оглядеть,
а златом и серебром
больше нам не звенеть».

А въстона бо,
    братие,
        Киевъ тугою,
а Черниговъ
    напастьми.
Тоска разлияся
    по Руской земли,
печаль жирна тече
    средь земли Рускыи.
А князи сами на себе
    крамолу коваху,
а погании сами,
    побѣдами нарищуще
        на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ[47] отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,
    Игорь и Всеволодъ,
уже лжу убудиста которою;
    ту бяше успилъ отецъ ихъ[48]
    Святъславь грозный великый Киевскый
        грозою.
Бяшеть притрепалъ
    своими сильными плъкы

И застонал,
братие,
Киев от горя,
а Чернигов
от напастей.
Тоска разлилась
по Русской земле;
печаль жирная течет
средь земли Русской.
А князи сами на себя
крамолу ковали,
а поганые сами,
с победами нарыскивали
на Русскую землю,
взимая дань по беле[47] от двора.

Ибо те два храбрых Святославича —
Игорь и Всеволод –
уже ложь разбудили враждою,
её, было, усыпил отец их[48] –
Святослав грозный великий Киевский —
грозой.
Было притрепал
своими сильными полками

и харалужными мечи;
наступи
на землю Половецкую,
притопта
хлъми и яругы,
взмути
рѣки и озеры,
иссуши
потоки и болота.
А поганаго Кобяка
изъ луку моря[49],
отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ половецкихъ,
яко вихръ, выторже.
И падеся Кобякъ
въ градѣ Киевѣ,
въ гридницѣ[50] Святъславли.

Ту Нѣмци и Венедици,
ту Греци и Морава[51]
поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ
во днѣ Каялы,
рѣкы половецкия,
рускаго злата насыпаша.

и сверкающими мечами,
наступил
на землю Половецкую,
притоптал
холмы и овраги,
возмутил
реки и озера,
иссушил
потоки и болота.
А поганого Кобяка
из лукоморья[49],
от железных великих полков половецких,
как вихрем исторг.
И упал Кобяк
в граде Киеве,
в гриднице[50] Святославовой.

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и морава[51]
поют славу Святославу,
укоряют князя Игоря,
который погрузил богатство
на дно Каялы –
реки половецкой,
русского злата насыпав.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
    а въ сѣдло кощиево.

Уныша бо градомъ забралы,
    а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ
    въ Киевѣ на горахъ[52]:
«Си ночи
    съ вечера
        одѣвахуть мя, — рече —
чръною паполомою на кровати тисовѣ[53];
чръпахуть ми
    синее вино
        съ трудомь смѣшено;
сыпахуть ми
    тъщими тулы
        поганыхъ тльковинъ
            великый женчюгь на лоно,
и нѣгуютъ мя.
Уже дьскы безъ кнѣса[54]
    в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю нощь
    съ вечера
        бусови врани

Тут Игорь князь пересел из седла златого
        в седло рабское.

Унылы городские стены,
        и веселие поникло.

Святослав смутный сон видел
    в Киеве на горах[52]:
«Этой ночью
    с вечера
        обряжали меня, — говорит, —
в черное покрывало на кровати тисовой[53];
черпали мне
    синее вино
        с горечью смешанное;
сыпали мне
    тощими колчанами
        поганых толкователей
            крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже кровля без опоры[54]
    в моем тереме златоверхом.
Всю ночь
    с вечера
        серые воро́ны

възграяху у Плѣсньска
на болоньи,
бѣша дебрь Кисаню[55]
и не сошлю
къ синему морю».
И ркоша бояре князю:
«Уже, княже,
туга умь полонила.
Се бо два сокола
слѣтѣста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома
крильца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самою опуташа
въ путины желѣзны».

Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа погасоста,
и съ нима молодая мѣсяца,
Олегъ и Святъславъ,

разыгрались у Плесньска
на лугу,
где овраг Киянь[55],
и (по)неслись
к синему морю».
И сказали бояре князю:
«Уже, княже,
тоска ум полонила!
Ибо два сокола
слетели
с отчего стола златого
поискать город Тмуторокань
и желая испить шлемом Дон.
Уже соколам
крыльца подрезали
поганых саблями,
а самих опутали
путами железными!»

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
и с ними молодые месяцы –
Олег и Святослав

тъмою ся поволокоста,
и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла!

По Руской земли
прострошася половци,
аки пардуже гнѣздо.
Уже снесеся
хула на хвалу;
уже тресну
нужда на волю;
уже връжеса Дивь на землю.

Се бо готския красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю,
звоня рускымъ златомъ,
поютъ время Бусово[56],
лелѣютъ месть Шароканю[57].

А мы уже,
дружина,
жадни веселия.

тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую дерзость придали степнякам.

На реке на Каяле тьма свет покрыла!

По Русской земле
простерлись половцы,
словно гепардов выводок.
Уже сошлись
хула с хвалою,
уже столкнулись
неволя с волею,
уже свергся див на землю.

Вот и готские красные девицы
воспели на берегу синего моря,
звеня русским золотом,
поют о времени Бусовом[56],
лелеют месть за Шарукана[57].

А мы уже,
дружина,
(только) жаждем веселия.

Тогда великий Святъславъ
изрони злато слово,
слезами смѣшено,
и рече:
«О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде![58]
Рано еста начала
Половецкую землю
мечи цвѣлити,
а себѣ славы искати![59]
Нъ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую[60] пролиясте![61]
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузѣ[62] скована,
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

А уже не вижду власти
сильнаго, и богатаго,
и многовоя
брата моего Ярослава,
съ черниговьскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,

Тогда великий Святослав
изронил златое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
«О мои, сыновцы, Игорь и Всеволод![58]
Рано вы начали
Половецкую землю
мечами расцвечивать,
а себе славы искать![59]
Но не честно одолели,
ибо не честно кровь поганую[60] пролили![61]
Ваши храбрые сердца
в сильном пламени[62] скованы,
а в буйстве закалены!
Что же (вы) сотворили моей серебряной седине?

А уже не вижу власти
сильного, и богатого,
и много воинов имеющего
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
и с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельби́рами,
и с топчака́ми,

и съ ревугы,
и съ ольберы[63].
Тии бо бес щитовь,
съ засапожникы,
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте:
«Мужаемѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ»[64].
А чи диво ся,
братие,
стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
высоко птацъ възбиваетъ,
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.
Нъ се зло —
княже ми непособие!
Наниче ся годины обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами:
туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча,

и с реву́гами,
и с ольбе́рами[63].
Те ведь без щитов,
с засапожными ножами,
кличем полки побеждают,
звеня в прадедову славу.
Но сказали вы:
«Мужество явим сами:
прежнюю славу сами похитим,
и последнюю сами поделим![64]»
А не диво ли,
братие,
старому помолодеть?
Когда сокол в линьке побывает,
высоко птиц избивает,
не даст гнезда своего в обиду.
Но это зло —
князья мне не пособляют!
На худое времена обратились.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами:
горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод!
Не мыслишь ли ты прилететь издалеча

отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ,
    то была бы чага по ногатѣ,
    а кощей по резанѣ[65].
Ты бо можеши посуху
    живыми шереширы[66] стрѣляти —
    удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли *вои*
    злачеными шеломы
        по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
    рыкаютъ акы тури,
        ранены саблями калеными,
            на полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, въ злата стремена
    за обиду сего времени,
    за землю Русскую,
    за раны Игоревы,
        буего Святславлича!

отчий златой престол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу веслами раскропить,
а Дон шлемами вычерпать!
Ежели бы ты был (здесь),
    то была бы пленница по нога́те,
    а пленник по ре́зане[65].
Ты ведь можешь посуху
    живыми шереширами[66] стрелять –
    удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, буй-Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
    золочеными шлемами
        по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
    рыкает, как туры,
        раненные саблями калеными,
            на поле неведомом?
Вступите, господины, в золотые стремена
    за обиду сего времени,
    за землю Русскую,
    за раны Игоревы,
        буйного Святославича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
    на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
    своими желѣзными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облаки[67],
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
    салтани за землями.
Стрѣляй,
    господине,
        Кончака,
            поганого кощея,
за землю Рускую,
    за раны Игоревы,
        буего Святславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! [68]
Храбрая мысль носитъ ваю умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
    яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь
  на своем златокованом престоле,
подпер горы Венгерские
  своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
бросая бремена через облака[67],
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего золотого престола
    султанов за землями!
Стреляй,
  господине,
    Кончака,
      поганого раба,
за землю Русскую,
  за раны Игоревы,
    буйного Святославича!

А ты, буй-Романе Мстиславов[68]!
  Храбрая мысль носит твой ум на дело.
Высоко плаваешь в делах с буйным (помыслом),
  словно сокол на ветрах паря,

хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи паворзи
подъ шеломы латинскими.
Тѣм и тресну земля,
и многи страны хинова:
Литва,
Ятвязи,
Деремела
и Половци —
сулици своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи[69].
Нъ уже, княже,
Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ[70],
а древо не бологомъ листвие срони[71],
по *Роси* и по Сули гради подѣлиша[72],
а Игорева храбраго плъку не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи,
доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилци![73]

желая птицу в озорстве одолеть.
Есть ведь у тебя железные воины
под шлемами латинскими.
Под ними треснула земля,
и многие страны язычников:
Литва,
Ятвяги,
Деремела
и половцы, —
копья свои повергли
и головы свои приклонили
под твои мечи закаленные[69].
Но уже, княже,
Игорю померк солнца свет[70],
а дерево не по добру листву сронило[71],
по Роси и по Суле (половцы) города поделили[72],
а Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, княже, кличет
и зовет с князьями на победу.
Ольговичи, храбрые князья,
(уже) поспели на брань…

Ингварь и Всеволод,
и все три Мстиславича –
не худого гнезда шестикрыльцы![73]

Не побѣдными жребии
    собѣ власти расхытисте![74]
Кое ваши златыи шеломы
    и сулицы ляцкии и щиты?
Загородите Полю[75] ворота
    своими острыми стрѣлами,
    за землю Русскую,
    за раны Игоревы,
        буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
    къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ
    онымъ грознымъ полочаномъ
        подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
    о шеломы литовския,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
    а самъ подъ чрълеными щиты
        на кровавѣ травѣ
    притрепанъ литовскыми мечи,
        исхоти юна кров(ь),
а тьи рекъ[76]:

Не победными жребиями
    себе владения расхитили[74].
Каковы ваши золотые шлемы
    и копья польские, и щиты?
Загородите Полю[75] ворота
    своими острыми стрелами
    за землю Русскую,
    за раны Игоревы,
        буйного Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями
    к городу Переяславлю,
и Двина болотом течет
    к тем грозным полочанам
        под кликом поганых.
Один же Изяслав, сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами
    о шлемы литовские,
притрепал славу деда своего Всеслава,
    а сам под червлеными щитами
        на кровавой траве
    притрепан литовскими мечами,
        истекла юная кровь,
а ему рекут[76]:

«Дружину твою, княже,
птиць крилы приодѣ,
а звѣри кровь полизаша».
Не бысть ту брата Брячяслава,
ни другаго — Всеволода.
Единъ же изрони
жемчюжну душу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелие.
Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеславли!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени,
уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Которою
бо бѣше насилие
отъ земли Половецкыи!

«Дружину твою, княже,
птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
В одиночестве же и изронил
жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.
Уныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярослава все внуки и Всеслава!
Уже приклоните стяги свои,
вонзите свои мечи враждебные,
ибо уже выскочили из дедовой славы.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых
на землю Русскую,
на достояние Всеслава.
С распрями
явилось насилие
от земли Половецкой!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
    връже Всеславъ жребий
        о дѣвицю себѣ любу.
Тъй клюками подпръся
    о кони и скочи къ граду Кыеву,
        и дотчеся стружиемъ
            злата стола Киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
    въ плъночи
        изъ Бѣлаграда[77],
            обѣсися синѣ мьглѣ,
утрѣ же вознзи с три кусы[78]:
    отвори врата Нову-граду,
    разшибе славу Ярославу,
    скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ[79].

На Немизѣ снопы стелютъ головами,
    молотятъ чепи харалужными[80],
        на тоцѣ животъ кладутъ,
            вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
    не бологомъ бяхуть посѣяни,
        посѣяни костьми рускихъ сыновъ.

На седьмом веке Трояна
бросил Всеслав жребий
о девице ему любой.
Тот, опираясь на хитрости,
на коне прискочил ко граду Киеву,
и дотянулся древком копья
до золотого престола киевского.
Вскочил от них лютым зверем
в полночь,
из Белгорода[77],
объятый синей мглой,
урвал удачу в три укуса[78]:
отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярослава,
доскочил волком до Немиги с Дудуток[79].

На Немиге снопы стелят головами,
молотят цепями калеными[80],
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
На Немиге кровавые берега
не добром были засеяны —
засеяны костями русских сынов.

Всеславъ князь людемъ судяше,
    княземъ грады рядяше,
    а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ[81]
    Тмутороканя,
великому Хрътсови[82]
    влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано
    у святыя Софеи въ колоколы,
        а онъ въ Киевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ,
    нъ часто бѣды страдаше[83].
Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку,
    смысленый,
        рече:
«Ни хытру,
    ни горазду,
        ни пытьцю[84] горазду
суда Божиа не минути!»[84]

О, стонати Руской земли,
    помянувше пръвую годину
        и пръвыхъ князей!
Того стараго Владимира
    нельзѣ бѣ

Всеслав князь людей судил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал:
из Киева дорыскивал до полуночи[81]
в Тмуторокань,
великому Хорсу[82]
волком путь перерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано,
у Святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и вещая душа (была) в дерзком теле,
но часто от бед(ы) страдала[83].
Ему и вещий Боян прежде припевку,
смышленый,
молвил:
«Ни умному,
ни разумному,
ни пытливому умельцу
Суда Божьего не миновать!»[84]

О, стонать Русской земле,
помянув прежние времена
и прежних князей!
Того старого Владимира
нельзя было

пригвоздити
къ горамъ киевскимъ.
Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нъ розно ся
имъ хоботы пашутъ,
копиа поютъ.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ,
зегзицею[85] незнаема рано кычеть.
«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ[86] въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ
на забралѣ,
аркучи:
«О вѣтре вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?

пригвоздить
к горам киевским!
Здесь же ныне стали стяги Рюриковы,
а другие — Давыдовы,
но порознь
их полотнища развиваются
и копья поют!

На Дунае Ярославны голос слышится,
чайкою[85], неведома, рано кличет:
«Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав[86] в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле»

Ярославна рано плачет
в Путивле
на забрале,
приговаривая:
«О, ветре-ветрило!
Зачем, господине, с силой веешь?
Зачем мечешь половецкие стрелы
на своих легких крыльях
на моего милого воинов?

Мало ли ти бяшетъ
    горѣ подъ облакы вѣяти,
    лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселие
    по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачетъ
    Путивлю городу
        на забороле̂,
        аркучи:
«О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
    сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады
    до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине,
    мою ладу къ мнѣ,
    а быхъ не слала къ нему
    слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ
    въ Путивлѣ
        на забралѣ,
            аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!

Мало ли тебе было
    высоко под облаками веять,
    лелея корабли на синем море?
Зачем, господине, мое веселие
    по ковылю развеял?

Ярославна рано плачет
    в Путивле-городе
        на крепостной стене,
            приговаривая:
«О, Днепре-Словутиче!
Ты пробил каменные горы
    сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославы суда
    до полков Кобяка.
Прилелей, господине,
    моего милого ко мне,
    чтобы не слала к нему
    слез на море рано».

Ярославна рано плачет
    в Путивле,
        на городской стене,
            приговаривая:
«Светлое и тресветлое солнце!

Всѣмъ тепло и красно еси!
Чему, господине,
    простре горячюю свою лучю
        на ладѣ вои?
Въ полѣ безводнѣ
    жаждею имь лучи съпряже,
    тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи.
Идутъ сморци мьглами.

Игореви князю Богъ путь кажетъ
    изъ земли Половецкой
        на землю Рускую,
            къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
    отъ Великаго Дону
        до Малаго Донца.

Комонь въ полуночи
Овлуръ свисну за рѣкою,

Всем тепло и прекрасно!
Зачем, господине,
    простерло горячие свои лучи
        на милого воинов?
В поле безводном
    жаждою их луки стянуло,
        тоской им колчаны заткнуло?»

Прыснуло море в полуночи.
Идут смерчи мглою.

Игорю князю Бог путь указывает
    из земли Половецкой
        на землю Русскую,
            к отчему золотому престолу.

Погасли вечерние зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
    от Великого Дона
        до Малого Донца.

Конь (ждет) в полуночи –
Овлур свистнул за рекой,

велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!

Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизаша.
А Игорь князь поскочи
горнастаемъ къ тростию,
и бѣлымъ гоголемъ[87] на воду,
Възвръжеся на бръзъ комонь,
и скочи съ него босымъ влъкомъ,
и потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обѣду,
и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече:
«Княже Игорю!

дает князю понять:
князю Игорю не оставаться (в плену)!

Кликнула,
    стукнула земля,
        зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь князь поскакал
    горностаем к тростнику,
        (скользнул) белым гоголем[87] на воду.
Взобрался на борзого коня,
    и соскочил с него серым волком,
        и побежал к лугу Донца,
            и полетел соколом под мглою,
избивая гусей и лебедей
    к завтраку,
        и обеду,
            и ужину.
Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
    отрясая собой студеную росу,
ибо притомили своих борзых коней.

Донец говорит:
«Княже, Игорю!

Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа!»

Игорь рече:
«О, Донче!
Не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влънахъ,
    стлавшу ему зелѣну траву
        на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами
    подъ сѣнию зелену древу,
стрежаше его гоголемъ на водѣ,
    чайцами на струяхъ,
        чрьнядьми на ветрѣхъ.
Не тако ли,
    рече,
        рѣка Стугна:
худу струя имѣя,
    пожръши чужи ручьи и стругы,
        рострена к усту,
уношу
    князя Ростислава
        затвори днѣ
            при темнѣ березѣ.

Не мало тебе величия,
а Кончаку — неудовольствия,
а Русской земле веселия!»

Игорь сказал:
«О Донец!
Не мало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева,
сторожившему его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернетями на ветрах.
Не такова, как ты, —
говорит, —
река Стугна:
худую струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширилась к устью,
юношу —
князя Ростислава —
затворила на дне
у темного берега.

Плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою,
и древо с тугою
къ земли прѣклонилося.

А не сорокы втроскоташа —
на слѣду Игоревѣ
ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Тогда врани не граахуть,
галици помлъкоша,
сорокы не троскоташа,
по лозию ползоша только[88].
Дятлове тектомъ[89] путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.

Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
соколича ростръляевѣ
своими злачеными стрѣлами».
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца опутаевѣ
красною дивицею».

Плачет мать Ростислава
    по юноше князе Ростиславе.
Поникли цветы от жалости,
    и дерево с тоской
        к земле преклонилось.

То не сороки застрекотали –
    по следу Игоря
        едут Гзак с Кончаком.

Тогда вороны не граяли,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
по лозе ползали только[88].
Дятлы тектом[89] путь к реке указуют,
соловьи веселыми песнями
    рассвет предвещают.

Молвит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит,
    (то) соколенка расстреляем
        своими золочеными стрелами».
Говорит Кончак Гзаку:
«Если сокол к гнезду летит,
    то соколенка опутаем
        красною девицею».

И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына,
Святъславля пѣснотворца
стараго времени Ярославля
Ольгова коганя хоти:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло и тѣлу кромѣ головы»,
Руской земли безъ Игоря!

Солнце свѣтится на небесѣ,
Игорь князь въ Руской земли.

Дѣвици поютъ на Дунаи,
вьются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
къ святѣй Богородици Пирогощей[90].
Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:

И сказал Гзак Кончаку:
«Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
    но начнут нас птицы бить
        в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
    старого времени Ярослава
        и Олега-кагана:
«Хоть и тяжко тебе, голова, без плеч,
хуже тебе, тело, без головы!»
(Так и) Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небесах,
Игорь князь в Русской земле.

Девицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву (взвозу)
    ко святой Богородице Пирогощей[90].
Страны рады, города веселы.

Пропев песнь старым князьям,
    а потом и молодым петь:

Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здрави,
    князи и дружина,
        побарая за христьяны
            на поганыя плъки!

Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

«Слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравы будьте,
князья и дружина,
борющиеся за христиан
против полков язычников!»

Князьям слава и дружине!

Аминь.

КОММЕНТАРИИ К ДРЕВНЕРУССКОМУ ТЕКСТУ И ПЕРЕВОДУ

Публикация текста «Слова о полку Игореве» и его перевод осуществлены на основе его первого издания 1800 года с учетом писарской копии 1795–1796 гг., сделанной для Екатерины II. В первом издании «Слово о полку Игореве» печаталось гражданским шрифтом, поэтому и здесь оно воспроизводится гражданским шрифтом. Поскольку это не научное издание текста, то некоторые конъектуры, сделанные лично мной, отдельно не оговариваются. Слова и буквы, добавленные при переводе для более точной передачи смысла, взяты в круглые скобки. Разбивка текста на слова и смысловые отрезки сделаны мной, и они отличаются от первого и последующих изданий.

Здесь представлен только минимальный комментарий к «Слову» и его переводу. Более подробные комментарии можно найти в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» (Т. 1–5. СПб, 1995) и в специальных изданиях «Слова о полку Игореве».

Впервые мой перевод был опубликован в книге: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 435–497. Для нынешнего издания он подвергся существенной редактуре.

[1] *Не лѣпо ли ны* — В комментарии к «Слову о полку Игореве» А. С. Пушкин, очень тонко чувствовавший значение слов и смысл фразы, писал: «Все занимавшиеся толкованием “Слова о полку Игореве” перевели: “Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?” Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому *ne*; иногда ли значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же* <…> По мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же песнь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышлению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие! — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна». См.: А. С. Пушкин («Песнь о полку Игореве») // Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985 (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 427–428.

В древнеславянской лексике существовало слово *лѣпо — хорошо,* и производные от него: «А *лѣпо* ны было братье, възряче на Божию помочь и на молитву святоѣ Богородицы поискати отець своихъ и дедъ своихъ пути, и своеи чести» (Ипатьевская летопись под 1170 г.; ПСРЛ. Т. II. Стлб. 538). «Якоже бо *нелѣпо* и не подобает жития нечестивых пытати и писати, сице не подобает жития святыхъ мужъ оставляти, и не писати и млъчанию предати…» (Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод, комментарии, исследование А. В. Духаниной. Москва — Брюссель, 2015. С. 133–134).

Лексема *лѣпо* в современном русском языке в употреблении не сохранилась, но осталась с приставкой *не — нелѣпо — нехорошо*. Поэтому, полагаю, переводить ее не следует, она и так понятна, тем более, что при использовании ее в оценочном качестве, она несет в себе еще и дополнительную семантическую окраску некой несуразности того, что не следует делать.

[2] В оригинале — «*трудных повѣстий*», что можно перевести и как «ратных», «тяжелых»; но в «Лексиконе» Памвы Беринды XVII в. указано и значение «тайный, сокровенный», то есть, имеющий тайный смысл. В «Слове» также имеется тайный смысл, поэтому при восприятии смысла произведения необходимо учитывать и это значение слова.

[3] У автора — «*по былинам сего времени*», то есть, по «былям» — рассказам о действительно бывших событиях, м. б., преданиям.

[4] *вещий* — знающий, ведающий. См. характеристику князя Олега в «Повести временных лет».

[5] *персты* — пальцы, «*вещие персты*» — искусные, ловкие, знающие, волшебные пальцы.

[6] *от старого Владимира* — ученые до сих пор не пришли к единому мнению по поводу того, кого подразумевал автор под «старым Владимиром». Первые издатели отдали предпочтение Владимиру Святославичу, крестившему Русь. Позднее этой точки зрения придерживались Д. Н. Дубенский, А. В. Соловьев, Д. С. Лихачев, В. И. Стеллецкий, Л. А. Дмитриев, Н. А. Мещерский, О. В. Творогов, В. В. Кусков и др. Первым признал в «старом Владимире» Владимира Мономаха Н. Г. Головин. Его мнение разделили С. М. Соловьев, В. Ф. Ржига, С. К. Шамбинаго, Б. Д. Греков, Н. К. Гудзий, А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и др. Автор указывает на некую смысловую связь между двумя древнерусскими князьями — старым Владимиром и нынешним Игорем. Думается, что Автор рассматривал глав двух враждовавших между собой княжеских ветвей — Всеволодовичей (Мономаховичей) и Святославичей (Ольговичей) — Владимира Мономаха и Игоря Святославича (см. соответствующий раздел в этой книге).

[7] в слове «*истягну*» есть корень *–тягн-*, однокоренные слова — тянуть, затянуть, стянуть. Ум — очи духовные, проводник в жизни. Умом, через Божию благодать, постигался мир и Бог, осознавались поступки человека. «Стянуть ум (или "истягнути ум") волею своей» — значило подчинение его своей воле, т. е. желаниям, о чем речь пойдет ниже.

[8] Можно сказать, что здесь присутствует пророчество о будущем этих воинов: все они погибнут и будут покрыты тьмой, т. е. землей.

[9] Кажется, что князь Игорь уловил тайный смысл затмения, почувствовал возможность плена — бесславия, и предпочел бы плену смерть. По сути, здесь наличествует предсказание развития дальнейших событий.

[10] *позрим* — здесь и поищем и увидим.

[11] Ср. у Н. Дылевского: «Пыл (пылкость) князю ум полонил (охватил), и жажда (рвение, ревность) отведать Дону великого заступила (превозмогла) у него знамение». См.: *Дылевский Н.* «Спала князю умь похоти» в «Слове о полку Игореве». Българска Академия на науките. Институт за литература. [Отледен отпечатък]. София, 1961. С. 331.

[12] *любо* — хорошо; то, что нравится.

[13] две половины нынешнего времени — прошлое и настоящее.

[14] т. е., рождены и в пеленки повиты.

[15] *болван* — каменное изваяние, истукан, языческий идол.

[16] Половцы побежали с обозом (телегами) к Дону, где находились их поселения и основные военные силы. Игорь идет следом за ними, т. е. на территорию Половецкой земли.

[17] *брешут* — лают.

[18] *червленые* — красные.

[19] В древнерусском тексте — *«О, Руская земле, уже за шеломянемъ еси!»*.

Под *шеломомъ* или *шеломянемь* можно подразумевать как холм, так и воинский шлем. Тогда получается замечательный художественный образ, основанный на полисемии: Русская земля осталась и где-то сзади за воинскими шлемами, и далеко за холмом …

[20] *красных* — красивых.

[21] *паволоки и оксамиты* — дорогие византийские шелковые ткани; оксамит (от греческого «гексамит» — шестинитчатый) — вид бархата, украшенного причудливым орнаментом.

[22] *поганый* — язычник.

[23] Автор в очередной раз указывает направление движения половецких ханов — к Дону Великому. Очевидно, Дон являлся местом половецких поселений и символом независимости Половецкой земли, туда и стекались все половецкие военные силы. Поход Игоря к Дону — это, по сути, попытка покорить Половецкую степь.

[24] *4 солнца* — четыре древнерусских князя, выступивших в поход: Игорь Святославич, Всеволод Святославич, сын Игоря — Владимир, и племянник Игоря — Олег Рильский.

[25] Там ведь уже собрались все войска половецкие!

[26] В рефрене автор подчеркивает, что битва будет происходить не на Русской земле, а на Половецкой! Это — не оборонительный поход, а завоевательный — славы ради!

[27] Автор считает язычников-половцев бесовскими детьми — слугами бесов, внуками языческих богов (Велеса и прочих).

[28] Автор всячески подчеркивает храбрость русских воинов, но этого не достаточно для победы, если дело не богоугодно и нет помощи от Бога.

[29] *поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя…* — Половецкие шлемы были деревянными, скрепленными сверху металли-

ческим навершием, поэтому их можно было «поскепать» саблей — расщепить, расплющить.

[30] *и града Чрънигова, отня злата стола* — автор несколько раз возвращается к теме стольного города Чернигова — главного соперника Киева еще с первой половины XI века, со времен Ярослава и Мстислава Владимировичей. Не случайно и завершает он свое творение указанием, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, *къ отню злату столу*». Он не предсказывает события (Игорь Святославич действительно займет Черниговский отчий престол в 1198 г.), а констатирует их, поскольку пишет свое «Слово», зная о случившемся. Для автора «Слова» очень важна фактическая основа повествования, поскольку только она способна продемонстрировать разворачивание Божественного промысла о людях.

[31] *красныя Глебовны* — Ольги Глебовны, жены Всеволода Святославича, дочери Глеба Юрьевича, сестры переяславского князя Владимира Глебовича.

[32] Века римского императора-язычника Траяна (98–117 гг.). Его имя хорошо было известно на Руси, поскольку он сослал в Херсонес (Корсунь) святого Климента, епископа Римского, широко почитаемого всеми христианами, в том числе и на Руси. Мощи святого обрел равноапостольный Кирилл Философ, посетивший около 860–861 гг. Корсунь, часть мощей он подарил папе Римскому Адриану II. А главу св. Климента Римского перенес в Киев Владимир Святославич после своего крещения в Херсонесе (Корсуни) в 988 г. Какое-то время она пребывала в построенной князем Владимиром Святославичем Успенской (Десятинной) церкви — первом каменном храме Киевской Руси.

«Слово на обновление Десятинной церкви», в котором содержались сведения об императоре Траяне, было хорошо известно и игумену Моисею, поскольку он цитировал его в своем торжественном слове, произнесенном 24 сентября 1199 г. Следовательно, в Выдубицком монастыре, где было написано «Слово», знали о язычнике-императоре Траяне, гонителе христиан.

Века Траяна — надо понимать как время язычества. И князья ведут себя как язычники, стремясь к земной славе и богатству, позабыв о славе небесной и спасении души. См. еще прим. 43.

[33] Олег Святославич — внук Ярослава Мудрого, о котором говорится строчкой выше, родоначальник Черниговских князей, прадед Игоря Святославича.

[34] *крамола* — междоусобица.

[35] *во все утра закладывал уши в Чернигове* — в этой строке заключен и прямой и переносный смысл. «*Уши*» — это проемы в воротах, которые закладывали, когда необходимо было запереть ворота. Здесь содержится намек на взятие Чернигова Олегом Святославичем в 1093 г., когда Владимир Мономах уступил его двоюродному брату, не желая кровопролития.

[36] *слава на суд привела* — «*слава*» здесь — похвальба, «*суд*» — смерть. Двоюродный брат Олега Святославича — Тмутороканский князь Борис Вячеславич перед сражением на Нежатиной ниве в 1078 г. похвастался, что сам сможет справиться с коалицией Киевских и Переяславских князей, и погиб в этом сражении. Современное написание Тмуторокани — Тмутаракань.

[37] *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла* — Речь идет о гибели в 1078 г. на Нежатиной Ниве в столкновении с Изяславом и Всеволодом Ярославичами, и их сыновьями Изяславом и Владимиром, Тмутороканского князя Бориса Вячеславича, выступившего на стороне Олега Святославича. Перед битвой Борис Вячеславич «похвалився велми», что сам победит всех противников, «не ведый, яко Бог гордым противится, смереным дает благодать, да не хвалиться силный силою своею». А потому в состоявшемся тогда сражении «первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми» (ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 201). Явно автор пытается создать смысловую параллель между похвалой, поражением и гибелью князя Бориса Вячеславича и похвалой, поражением и пленом Игоря Святославича. Тому подтверждением служит общее название двух разных рек, на которых произошли две разные битвы в двух разных столетиях, одним именем — Каяла.

Что такое *канина/Канина*, до сих пор не вполне ясно, и продолжаются попытки толкования этого слова. Н. Кудрявцев полагал, что это название реки. Он обратил внимание, что войско Юрия Долгорукого «поидоша к Чернигову и перешедше Сновъ и сташа у Гуричева близь города, перешедше *Канинъ*» (ПСРЛ. Т.I. М., 1997. Стлб. 338. Описание событий 1152 г.). Сновь — это небольшая река, впадающая в Десну, на которой стоит Чернигов. *Канин*, возможно, тоже река, или, скорее, ручей. Однако в любом случае покрывать упомянутой в «Слове» *паполомой*, то есть, погребальным покрывалом реку или ручей выглядит абсурдным. Поэтому в переводе мной использовано предложенное Юрием Сбитневым чтение и *на **канун** зелену паполому постла.*

В практике православной церкви *канун* — это специальный поминальный столик (стол) в храме, на который ставятся свечи об усопших, так, порой, именуют и саму панихиду по умершему, положенному для отпевания на *канун* (низкий столик для отпевания, похожий на лавку), и поминальную еду с питьем на *кануне*, и сами поминки. Автором создается заупокойный образ похвалившегося и поплатившегося за это князя Бориса Вячеславича.

[38] Речь идет о странной гибели Киевского князя Изяслава Ярославича, получившего удар копьем в спину не в ходе сражения на поле брани, а когда стоял в отдалении и наблюдал за битвой. Изяслав Киевский выступил на стороне Всеволода Ярославича и его сына Владимира Мономаха против племянника — Олега Святославича. Немногим ранее Святослав Ярославич, в сговоре с Всеволодом, изгнал из Киева своего старшего брата Изяслава, но через три года умер. Тогда Изяслав вернулся на Киевский престол и простил обиду Всеволоду, занявшему Черниговское владение Святослава. Его-то и пытался отвоевать Олег Святославич, но неудачно. Он попал в плен к Всеволоду. А Всеволод, после смерти Изяслава, стал Киевским князем. Собственно, автор «Слова» коснулся истоков междоусобных распрей Переяславско-Киевских князей Всеволодовичей (Мономаховичей) и Черниговских князей Святославичей (Ольговичей).

[39] Автор назвал Олега Святославича — Гориславичем, снискавшим горе-славу сеятеля междоусобиц, и внуком языческого бога — Даждьбога, видимо, по той же причине, поскольку для князя-христианина воевать с братьями было большим грехом. Олег же пренебрег христианскими заповедями, т. е. поступал как язычник. К тому же, именно Олег стал первым использовать в войне против своих братьев христиан язычников половцев.

[40] Автор подчеркивает, что Русь была хорошо знакома с междоусобными войнами, но о подобном походе — не слышала, поскольку это был завоевательный поход русских князей, вызванный гордыней и жаждой славы Святославичей!

[41] Вот, собственно, ради чего предпринят поход: неведомое поле в Половецкой земле! Зачем оно было нужно русским князьям, и разве стоило оно жизни пяти тысяч воинов?!

[42] Т.е., уже выросшая трава скрыла тела павших воинов.

[43] Скорее всего, речь идет о северном Причерноморье, входившем при императоре Трояне (98–117 гг. н. э.) в состав его Римской империи. Как свидетельствует житие (IX в.) святого Климента Рим-

ского, ученика святого апостола Петра и его третьего преемника на римской кафедре (в 90–99 гг.), он был сослан в Херсонес Таврический (Корсунь) именно при вернувшемся к язычеству римском императоре Траяне, где и скончался в начале II века (около 103 г.). Его мощи были открыты в 861 г. в Херсонесе просветителем славян Константином (Кириллом) Философом, а в 988 г. великий князь Владимир Святославич крестился в Херсонесе (Корсуни) и перенес часть мощей, в том числе и главу св. Климента, в Киев. Ее использовали при поставлении митрополитов на Руси (Илариона Киевского, Климента Смолятича). В конце XI–XII веке в степях Причерноморья уже кочевали половцы. См. подробнее: *Бегунов Ю. К.* Св. Климент Римский в славянской традиции: Некоторые итоги и перспективы исследования // Византинороссика. 2005. Т. 4. С. 1–61.

[44] т. е. в центре Половецкой земли.

[45] *карительница* — плакательница, оплакивающая покойников

[46] Имеется в виду скорбь, вызванная набегами половцев, опустошавших Русскую землю, сжигавших дома русских людей.

[47] *емляху дань по бѣлѣ отъ двора* — по мелкой серебряной монете; *бѣла* — мелкая серебряная монета, прежде полагали, что это беличья шкурка.

[48] На самом деле Святослав Киевский приходился князьям Святославичам двоюродным братом. Автор создает художественный образ грозного великого князя Киевского.

[49] *лукоморье* — излучина моря, кривой, как лук, берег.

[50] *гридница* — большое помещение для дружинников — гридней, в котором проводились советы, пиры и т. д.

[51] Моравой в старину называли чехов.

[52] Т.е., в Киевском детинце, своей резиденции, располагавшейся на возвышенном месте, на Днепровских кручах.

[53] тис — твердое, привозное дорогостоящее дерево.

[54] В оригинале: «*Уже дьски безъ кнѣса*», что дословно можно было бы перевести как «Уже доски кровли без столба опоры (кнеса) в моем тереме златоверхом». *Кнес* — это столб в центре шатрового терема, вокруг которого спиралью шли ступени на второй этаж и на который опирается кровля (См.: *Махновец Л.* Про автора «Слова о полку Игореве». Киев, 1989. С. 202).

[55] *бѣша дебрь Кисаню* — загадочное место в «Слове». Одно из толкований его, как названия местности под Киевом, принадлежит И. М. Кудрявцеву. Более обстоятельно это название разъяснил

Н. В. Шарлемань, полагавший, что «это “дебрь Киянь”, лес в овраге, прорытом речкой, а впоследствии ручьем Киянью (потом Киянкой)» под Киевом (См.: *Шарлемань Н. В.* «Дебрь Кисаню» — «Дебрь Киянь» // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. чл.-корр.АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. С. 209). С этим мнением согласились Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, Л. А. Булаховский, Н. А. Мещерский и др.

[56] *поютъ время Бусово* — готские девы воспевают былое время, лелея месть за хана Шарукана, потерпевшего поражение от русских князей в 1106 г. Комментируя это место, Д. С. Лихачев опирается на мнение О. Огоновского, высказанное еще в конце XIX века. Д. С. Лихачев полагает, что «Бус — это антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. н. э. готский король Винитар… победил антов (предков восточных славян) и приказал распять на кресте короля антов Боза, его сыновей и семьдесят знатных антов. Готские девы воспевают это время и лелеют месть за поражение хана Шарукана». См.: *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // «Слово о полку Игореве». Литературные памятники. М.-Л., 1950. С. 430–431.

[57] *Хан Шарукан* — дед хана Кончака, разбитый в 1106 г. Владимиром Мономахом. Опять возникает связь дедов и внуков.

[58] В тексте употреблено слово «*сыновчя*», т. е. племянники или сыновья. На самом деле, Игорь и Всеволод приходились Святославу Киевскому двоюродными братьями, но автор создает художественный образ отцовства великого князя киевского, по своему положению — отца всем князьям.

[59] Слово «рано» как-то не вяжется с возрастом князей, ведь в ту пору Игорю Святославичу было уже 35 лет, а Всеволоду — немногим менее. В данном случает речь идет не о возрасте князей, а об их легкомыслии, до конца не осознанном поступке.

[60] *поганую* — т.е, язычников.

[61] Может показаться странным, что Святослав Киевский говорит о не честном поступке, даже поведении князей, которые не честно проливают половецкую кровь. На самом деле он осуждает князей за завоевательный поход, который был направлен не на защиту Русской земли, а за честью (добычей) и славой. Далее киевский князь объясняет и причину необдуманного поступка: у князей булатные сердца, т. е. жестокие, немилосердные, и буйство, соседствующее с гордыней: «О Владычице Богороди-

це! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего в пустошнемь семь житии» (ПЛДР, Т. 1. С. 396).

[62] *въ жестоцемъ харалузѣ* — начиная с первых издателей слово *харалуг* понимали как булат, в *жестоцемъ харалузѣ — из крепкого булата скованы.* Однако В. В. Арендт, исследовавший этот вопрос, отметил, что в XII веке Русь не знала ни восточных мечей, ни самого булата. Он обратил внимание на древний способ закаливания клинка, в холодной струе воздуха. Всаднику давали раскаленный клинок, конь пускался в карьер, и «клинок, поставленный вертикально, лезвием вверх, закалялся ураганной струей воздуха». Поэтому слово *харалуг, харалужный*, по мнению ученого, следует понимать как *пламя–пламенный–рожденный пламенем.* См.: *Арендт В. В.* К вопросу о «мечах харалужных» Слово о полку Игореве // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 341.

[63] *с татра́нами, и с шельби́рами, и с топчака́ми, и с реву́гами, и с ольбе́рами* — до сих пор нет однозначного толкования этого перечня; некоторые исследователи полагают, что это перечень родовых имен орд коуев, подданных или союзников черниговских князей. Возможно, что *татра́ны* — это советники.

[64] *преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ* — По представлению древнерусских книжников *переднее* событие — это предыдущее событие, *заднее* — это последнее.

[65] Автор подразумевает, что если бы старейший из Мономаховичей и сильный князь Всеволод Юрьевич принял участие в походах русских князей против степи, то половецких пленников было бы так много, что цены на них резко бы упали: невольница стоила бы не 6 гривен, а в 120 раз меньше — ногату (1 гривна = 20 ногат), а пленник стоил бы не 5 гривен, а в 250 раз меньше — ре́зану (1 гривна = 50 резан).

[66] Однозначного мнения по поводу толкования слова «*шереширы*» нет, из текста можно догадаться, что это вид метательного оружия, копья.

[67] «*Бремена*» от «*бремя*». Автор создает образ очень могучего князя, который перебрасывает свои войска через облака в любое место.

[68] *А ты, буй Романе, и Мстиславе!* — До сих пор остается вопросом: в этом тексте «Слова» подразумевается один галицко-волынский князь Роман Мстиславович (1170–1205) или же он упоми-

нается вместе со своим двоюродным братом князем Мстиславом Ярославичем Пересопницким, или Мстиславом Всеволодовичем Городенским, или Мстиславом Владимировичем Дорогобужским (См. о них в ЭСПИ. Т. 3. С. 277–280).

В этом фрагменте текста произведения встречается как двойственное число — «Храбрая мысль носитъ *ваю* умъ на дѣло», так и единственное: «Высоко *плаваеши* на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти». И опять двойственное «Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими». Однако далее присутствует *обращение* только к одному княю: «Нъ уже, *княже*, Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ». Оно дает возможность предполагать, что имеется ввиду все же только один галицко-волынский князь Роман Мстиславович. Об этом свидетельствует еще одно обращение: «Донъ ти, *княже*, кличетъ…».

Роман Мстиславович Галицкий совершит поход в Половецкую степь осенью 1200 г. по просьбе своего тестя — византийского императора Алексея III Ангела, когда половцы подступили к столице империи Константинополю, и возникла угроза его захвата. Автор чуть ниже еще раз напомнит о победе Романа Мстиславовича над половцами: «Литва, Ятвязи, Деремела и *Половци* — сулици своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи». Именно поэтому в переводе указывается имя одного князя — Романа Мстиславовича Галицкого.

[69] *подъ тыи мечи харалужныи* — См. прим. 61. Здесь слово *харалужныи* можно понимать и как закаленные в огне, и как огненные, сверкающие огнем на солнце.

[70] С одной стороны, здесь наблюдается аллюзия с уже отмечавшимся в начале произведения затмением солнца. С другой, автор рисует образ ночи, в которой пребывает князь Игорь, находясь в половецком плену.

[71] Лето 1185 года было очень засушливым и отмечено ранним листопадом.

[72] Автор имеет в виду, что половецкие ханы Гзак и Кончак, разбив войска Игоря и пленив русских князей, решили пойти на Русскую землю, при этом Гзак отправился на владения Ольговичей в сторону р. Сулы, на Северское княжество Игоря Святославича и дошел до Путивля, за левобережной Сулой, а Кончак выступил на вотчину Мономаховичей — к Переяславлю, в сторону р. Роси, правому притоку Днепра. Однако по реке Рось он будет воевать в 1187 г., и автор, когда писал свое произведение, уже знал об этом.

[73] Автор создал интересный образ князей. Традиционно князей сравнивают с соколами, поэтому в большинстве переводов на месте слова «шестокрильци» и ставят слово «соколы», толкуя этот образ через три ряда маховых перьев у сокола. Однако в XII веке могла возникнуть ассоциация и с шестикрылыми серафимами. Другое дело, что на ангелов князья явно не походили, хотя должны были бы, коль Господни были! И в этой двойственности есть особый смысл.

[74] Автор подчеркивает, что они не путем завоеваний обрели свои княжения, а как унаследовавшие законные правители.

[75] Под «полем», точнее было бы «половецким полем», автор подразумевает половцев.

[76] *исхоти юна кров(ь), а тьи рекъ* — фраза не имеет однозначного прочтения. Мной использованы предложенные чтения Н. И. Маньковского («Исходить юна кровь…»), М. В. Щепкиной («исхыти юна кровь, а тъи рек(л) бы»), Л. А. Булаховского, Н. К. Грунского («исходи юна кров(ь) и тъи рекъ»). (См.: ЭСПИ. Т. 3. С. 106). О юном князе Изяславе Васильковиче древнерусские летописи умалчивают.

[77] Автор вспоминает события 1067–1069 гг., связанные с борьбой Ярославичей с Всеславом Полоцким. Во время переговоров в Киеве в июле 1067 г. Всеслав был вероломно захвачен и посажен в темницу («поруб»). В сентябре 1068 г. Ярославичи потерпели поражение от половцев и спрятались в Киеве, киевляне потребовали у Изяслава Ярославича оружие и коней для защиты княжества, но князь отказал. Тогда киевляне освободили из темницы больше года находившегося там Всеслава и провозгласили своим князем («коснулся копьем киевского княжества»). Изяслав Ярославич бежал в сентябре 1068 г. к своему тестю, польскому королю, в Польшу и, получив от него военную помощь, в 1069 г. пошел на Киев. Всеслав с киевлянами выступил против него к Белгороду, однако ночью, как свидетельствует «Повесть временных лет», Всеслав «утаивъся кыянъ, бежа» (ПВЛ, Ч. 1. С. 115), как «лютый зверь».

[78] Автор создает образ Всеслава Полоцкого как «лютого зверя» (то ли волка, то ли рыси), который скачет в полночь и отрывает тремя укусами три куска удачи.

[79] Всеслав Полоцкий захватил 3 марта 1067 г. на короткое время Новгород, слава которого была связана с Ярославом Мудрым, но вскоре потерпел поражение от сыновей Ярослава на Немиге, куда прискакал из новгородского монастыря «на Дудутках».

[80] *молотятъ чепи харалужными* — метафора, подразумеваются сверкающие, закаленные мечи. Опять появляется слово *харалужными*. Автор постоянно использует его при описании сверкающих мечей в битве.

[81] Выражение *«до кур»*, значит «до пения петухов», точнее, до первого пения петухов, которое происходит в полночь. Т.е., автор подчеркивает, что Всеслав Полоцкий до полуночи добирался из Киева в Тмуторокань. Ср. у Тараса Шевченко:

«Ще перші півні не співали,
Ніхто ніде не говорив…»

[82] *Хръсови…* — в Древней Руси у язычников Хорс, по всей видимости, считался богом солнца.

[83] Обычно переводят, что страдала не душа, а сам князь, например: «Хотя и колдовская душа была в храбром теле, но часто от бед страдал» (В. И. Стеллецкий).

[84] *Ни хытру, ни горазду, ни п(ы)т(ъ)цю [вар. птицю] горазду суда Божиа не минути* — В Древней Руси *хитрец* — это творец, умный, искусный; *горазд* — очень хороший, толковый, знающий, искусный мастер; *п(ы)т(ъ)цъ* — не дошедшее до нас слово, восстановленное Л. А. Булаховским, М. Ф. Мурьяновым и Л. В. Соколовой. По мнению Н. С. Серегиной, оно означает язычника-ворожея, предсказателя, чародея, кудесника. «“Пытьць” это тот, кто искусен в вопрошании-предвидении будущего (от слова “пытати”, вопрошать, стараться предвидеть, исполнить)». (См.: *Серегина Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011. С. 183–184). Этот отрывок можно перевести и по-другому: «Ни творцу, ни умельцу, ни пытлецу разумному (ни чрезмерно искусному) Суда Божьего не миновать!». Или: «Ни умному, ни разумному, пытливому умельцу Суда Божьего не миновать!»

[85] «*Зегзицей*» или «зігічкой» на Северщине еще в пору моего детства называли чибиса — речную чайку — за его полет зигзагами над водой и поочередное касание то одним крылом, то другим водной глади. У птицы протяжный жалобный крик-причитание: «чьи вы, чьи вы». Хотя и строгое, но красивое оперенье, с бело-коричневой опушкой наподобие кружева на крыльях, и хохолком, как кокошником, на голове. К этому же мнению о чибисе пришли В. М. Константинов и И. Г. Лебедев (См.: *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. VI. М.-Л., 1948. С. 115; *Константинов В. М., Лебедев И. Г.* Некоторые новые сведения о «зегзице» в «Слове о полку Игореве» // Герме-

невтика древнерусской литературы. Вып. 10. М., 2000. С. 102–106). Андрей Чернов, ссылаясь на исследования В. А. Козырева, замечает, что в брянских и курских говорах *зегзицей* называли иволгу (См.: *Чернов Андрей.* Хроники изнаночного времени. СПб., 2006. С. 205). Во-первых, иволга не летает над водой и не обмакивает крылья в реке, стало быть, художественный образ «Слова» не выдерживается. Во-вторых, сам В. А. Козырев, опираясь на брянские говоры, видел в *чайце* «Слова» именно чибиса, пигалицу — Vanellus capella (См.: *Козырев В. А.* Словарный состав «слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 101). Следовательно можно заключить, что *чайца* и *зегзица* «Слова» — это одна и та же птица. Попутно замечу, что приведенные им брянские примеры можно было встретить в 60-е годы прошлого столетия на севере Черниговщины, граничащей с Брянской областью.

[86] *Омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ* — Продолжительное время переводчики и исследователи полагали, что речь идет о бобровой опушке на рукаве женской одежды. Однако похожее слово бьбръ встречается в тексте переведенных на Руси повестей «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повести об Акире Премудром» и в древнерусском переводе библейской книги «Есфирь». Оно означает белую шелковую драгоценную ткань. (См.: *Мещерский Н. А.* К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1956. № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. С. 5–6). В древнем Риме она использовалась для парадной одежды римских воинов во время торжеств по случаю победы императора Тита Флавия Веспасиана над Иудеей.

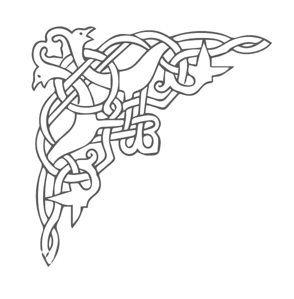
[87] *бѣлымъ гоголемъ на воду* — гоголь — разновидность речной утки.

[88] *сороки не троскоташа, по лозию ползоша только* — (так в первом издании «Слова») сороки могут не только стрекотать, но и молча переползать с ветки на ветку куста или ивняка — лозе.

[89] *Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ* — Автор, как и древние русичи, был близок к природе и проявил себя весьма наблюдательным человеком. Обычно слово «*тектомъ*» переводят как «стуком», что, думаю, не совсем верно. Дело даже не в том, что, как отметила В. П. Адрианова-Перетц, «название стука дятла “текот” в памятниках старшего периода не отмечено» (См.: *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литера-

туры XI–XIII веков. Л., 1968. С. 185). В степи мало деревьев и дятлу трудно было бы перелетать с одного дерева на другое (к тому же, дятлы плохо летают), чтобы указывать путь князю. Можно, конечно, увидеть здесь гиперболу: дятел стучит по дереву на берегу реки и его стук разносится далеко в степь, и его может слышать князь Игорь. Дятлов «тект» — это сильный пронзительный крик дятла, очень похожий на сочетание этих звуков: тект-тект. Птица издает его, перелетая с места на место, когда ее что-то тревожит. Хотелось еще обратить внимание, что автор отмечает щекот соловья, стрекотание сорок, и, по аналогии, текот дятлов, т. е. голоса птиц.

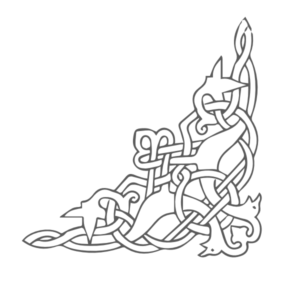
[90] *Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей* — Церковь Пресвятой Богородицы Пирогощей (по мнению митрополита Макария (Булгакова) название происходит от греч. πυργιώτις — Башенная) на Подоле в Киеве. Как свидетельствуют летописи, была заложена в 1131 г. князем Мстиславом, а уже в 1136 г. «церкви Пирогоща свершена бысть» (ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 300). Это — семейный храм князей Мономаховичей. К ним, видимо, и едет с примирением князь Игорь Святославич.

РАЗЫСКАНИЯ ОБ АВТОРЕ

Слова о полку Игореве

АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Много обнаружилось претендентов на роль Автора «Слово о полку Игореве» почти за два с половиной столетия изучения этого древнерусского шедевра, но ни один из них так и не удостоился безоговорочного признания. Когда пять лет назад готовилась к изданию моя книга «“Слово о полку Игореве” и его эпоха»[1], то в конце раздела «Безымянный гений», посвященного Автору «Слова», я вынужден был написать: «Вопрос об Авторе “Слова”, думается, еще не скоро будет решен».

Никогда не ставил я перед собой цели найти Автора этого древнерусского произведения. Сколько уже было предпринято попыток за двести лет, и все неудачные. И для меня эта задача казалась не решаемой. Однако по мере продвижения в работе над книгой появлялось все больше и больше данных и свидетельств об Авторе, и постепенно стал вырисовываться не только его образ, но и стоящий за ним реальный человек. Когда появилась уже убежденность, ***кто*** мог быть *потенциальным,* а не гипотетическим Автором «Слова», пришлось сменить вышеприведенную в книге фразу на другую, и назвать имя творца «Слова», пообещав, что это станет темой уже другой книги.

Теперь и ее, не без волнения, передаю на суд специалистов и читателей, осознавая, какую ответственность беру на себя и сколько критических замечаний придется выслушать. Однако чем больше будет аргументированных высказываний по этому поводу, тем лучше для дела.

Мне всегда казалось несправедливым, что, восторгаясь гениальным творением древнерусской словесности, — «Словом о полку Игореве» — мы не отдаем должное его создателю, и даже не установили его имя. Очень хочется восстановить справедливость и назвать его. Понимаю, что, несмотря на значительный пройденный путь, мы находимся только в самом его начале.

Самым заманчивым в изучении «Слова о полку Игореве» был поиск его Автора — безымянного гения древнерусской словесности. Поэтому более двухсот лет и пытаются ученые, начиная с первых издателей «Слова», разгадать его тайну. Где его только не искали, и кого только не называли Автором «Слова»!

Самым распространенным при этом является посыл: кто бы *мог быть* Автором? И называют самые различные имена: Овлура/Лавра, способствовавшего побегу Игоря Святославича (В. Г. Руделев); «премудрого книжника Тимофея» из Киева (Н. Г. Головин) и «славетного певца Митуса» (А. К. Югов), упомянутых в Галицко-Волынской летописи, соответственно, под 1205 и 1240 гг.; сына тысяцкого Рагуила (по версии И. А. Новикова он и есть «книжник Тимофей») и самого тысяцкого Рагуила Добрынича (В. Г. Федотов); внука Бояна (А. А. Потебня, М. В. Щепкина, А. Н. Робинсон); киевского боярина Петра Бориславича (Б. А. Рыбаков); боярина Владислава Кормильчича (О. И. Прицак); черниговского вельможу Беловолода Просовича (Н. А. Мещерский); черниговского воеводу Ольстина Олексича (М. Т. Сокол); киевского воеводу Романа Нездиловича (А. А. Горский); утомянутого в «Задонщине» Софония Рязанца (В. П. Суетенко, А. М. Ломов); «милостника» Кочкаря, т. е. любимца великого князя Святослава Всеволодовича (С. Тарасов); таинственного Ходыну (В. Г. Руделев, А. Ю. Чернов), князя Владимира Святославича Вщижского (по мнению А. Ю. Чернова, он же Ходына), золотых дел мастера Кузьмища Киянина (А. А. Бурыкин).

Автора видели в ближайших родственниках Игоря Святославича: его племяннике и участнике похода князе Святославе Рыльском (А. М. Домнин, С. В. Грабовский); шурине Игоря — князе Владимире Ярославиче Галицком (С. Г. Пушик, В. Б. Семенов, С. Пинчук, Л. Е. Махновец), жене Игоря Святославича — Ярославне, родной сестре Владимира Ярославича (В. И. Попков); и сестре самого Игоря Святославича — Болеславе Святославовне (Ю. Н. Сбитнев).

Авторство приписывали даже киевскому князю Святославу Всеволодичу (В. В. Медведев), и его жене Марии Васильковне (Г. В. Сумаруков, Н. С. Серегина), и, наконец, самому князю Игорю Святославичу (Н. В. Шарлемань, И. И. Кобзев, В. А. Чивилихин)[2].

Создается впечатление, что уже не осталось ни одного исторического лица, кому бы ни приписали авторство «Слова».

Что общего у всех этих претендентов на авторство «Слова»? Все *они не были писателями*. Даже если предположить, что «премудрый книжник Тимофей» или «славетный певец Митуса» что-то и создали, то мы не знаем, что именно. Мы не осведомлены в их писательском (если даже допустить, что такое было) мастерстве. И, тем не менее, историки и даже филологи, не говорю уже о представителях других профессий, продолжают искать Автора «Слова» не среди древнерусских писателей, видимо, полагая, что и дилетант способен сотворить шедевр уровня «Слова о полку Игореве». Из всех претендентов на авторство «Слова», выдвинутых в прошлом столетии, исключение составил только боярин Петр Бориславич, которому академик Б. А. Рыбаков приписывает составление летописных записок. Однако и эта версия со временем не выдержала критики.

В двух энциклопедических статьях об Авторе «Слове» Л. А. Дмитриев дает исчерпывающий обзор накопившихся точек зрения, их критику и библиографию на сей счет[3]. Его дополняет статья И. И. Горловой и В. К. Чумаченко[4].

Характеристика Автора в значительной степени зависела и зависит от восприятия исследователем самого произведения: оно светское или религиозное? Если светское (лучше все же говорить *мирское*), то почему переписывалось и сохранилось в монашеской среде? Если религиозное, то почему в нем упоминаются языческие боги? И найдутся еще десятки *почему*, на которые до сих пор нет должных ответов.

Н. М. Карамзин был убежден, что «Слово» написано «мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные»[5].

Эта точка зрения нашла поддержку у многих ученых и долгое время господствовала в науке. Отталкиваясь от нее, пытались определить и социальную среду, из которой вышел автор. Общепринятым стало представление, что Автор принадлежал к высшему классу древнерусского общества, боярам или даже князьям. Доказательством этому могло служить «отличное знание им междукняжеских отношений, профессиональная осведомленность в военном деле, независимость авторской позиции»[6].

Правда, независимую позицию Автора П. П. Охрименко объяснял как раз его происхождением из неимущих слоев, что, однако, не помешало ему стать княжеским наставником: «Положение наставника, учителя, советчика позволяло говорить даже самым высоким представителям феодальной верхушки откровенную, нередко горькую правду, что и делал автор "Слова" по отношению к Игорю и многим другим князьям. При этом обычно не возникало большого риска для такого наставника-учителя, ибо к нему, по многовековой традиции морального кодекса, отношение даже высокопоставленного воспитанника было, как правило, снисходительно простительным… Таким образом, наиболее вероятно, что автором "Слова о полку Игореве" был наставник, учитель и советчик Игоря Новгород-Северского»[7].

Л. А. Дмитриев на это резонно заметил, что Автор «Слова» «мог быть учителем (в широком понимании этого слова) Игоря», что никак «не противоречит гипотезе о высоком социальном статусе Автора: учителем князя мог быть и человек, принадлежащий к высшему классу общества»[8].

Следует заметить, что такими независимыми наставниками и учителями в древнерусском православном обществе выступали обычно духовники, или пользующиеся авторитетом священники, или настоятели монастырей и архиереи. При этом прежнее их социальное положение или происхождение не играло уже никакой роли. Однако признание Автора лицом духовным как-то не вязалось с приписывамым «Слову» «светским характером произведения». Поэтому

и продолжает господствовать в науке мнение о мирском Авторе «светского произведения».

Правда, еще П. П. Вяземский в XIX в. видел в Авторе лицо духовное[9], а в конце XX в. о том же заговорил и Б. И. Зотов[10]. Он полагал, что Автором «Слова» мог быть епископ Кирилл Туровский — выдающийся писатель конца XII века, которому принадлежат удивительные по своей художественности молитвы, поучения и торжественные слова. Критически отнесясь к этой гипотезе и считая подобную атрибуцию неприемлемой, Л. А. Дмитриев приводит серьезный аргумент: «Кирилл Туровский либо умер до 1182, либо принял в 1182 схиму, т. е. полностью отрекся от жизни, связанной с миром, и чисто хронологически он не мог быть А[втором] "С[лова]", в котором описывается событие 1185»[11]. Если учесть, что «Слово» было написано не ранее 1200 г.[12], то замечание Л. А. Дмитриева выглядит резонным.

Исходя из одного только текста «Слова» довольно трудно определить, к какому из княжеств, и, соответственно, князей он более тяготеет. Л. А. Дмитриев по этому поводу писал: «А[втор] С[лова] осуждает безрассудность похода Игоря, но нельзя не видеть, какую глубокую симпатию питает он к своему герою, к его брату Всеволоду, ко всему "гнезду" Ольговичей. Эти черты С[лова] являются основой гипотезы, считающей А[втора] С[лова] черниговцем (О. Огоновский, Д. И. Иловайский, Е. В. Барсов, М. Д. Приселков, Н. М. Тихомиров, С. П. Обнорский, А. И. Никифоров, В. Г. Федотов. — *А. У.*), членом дружины Игоря Святославича. Многочисленные сторонники этой гипотезы видят подтверждение ей и в некоторых языковых чертах памятника, и в ряде др[угих] его особенностей <…> Многие исследователи предполагают, что А[втор] С[лова] был киевлянином (В. В. Каллаш, П. В. Владимиров, В. А. Келтуяла, А. И. Лященко, Н. К. Гудзий. — *А. У.*), человек близкий к киевскому князю Святославу Всеволодовичу. Основой этого предположения служит прежде всего то, что А[втор] С[лова] осуждает поход Игоря и вместе с тем восхваляет киевского князя Святослава; ото-

бражение в памятнике общерус[ских] интересов, скорее всего, могло иметь место в том случае, если он создавался в Киеве»[13].

Причем с каждым новым исследованием «Слова» прибавляются аргументы по всем четырем показателям: Автор вполне мог быть черниговцем (на Черниговщине еще в моем детстве речную чайку — чибиса, называли *зегзицею*) и дружинником Игоря Святославича (он сам свидетельствует об участии в походе и принадлежности к дружине), но писал в Киеве (мнение Б. А. Рыбакова[14]) и очень хорошо относился к Святославу Всеволодовичу (проживал и трудился в Киеве во время его правления), имел независимый от князей статус и общерусский кругозор.

Может такое сочетаться в одном человеке? Оказывается, может. Этого человека и попытаемся отыскать в этой книге. Его имя пока еще не названо.

Выше перечислены весьма существенные маркеры для его поиска. Особенно — независимый статус и особое мировосприятие. Что еще?

Справедливости ради, следует отметить, что уже давно высказывались предположения (С. А. Адрианов, А. В. Соловьев), что Автор «Слова», будучи черниговцем, написал свое произведение в Киеве. По мнению А. В. Соловьева, он был представителем черниговско-тмутараканской поэтической школы вещего Бояна, певцом Святослава Всеволодовича, и когда тот перешел из Чернигова на Киевский великокняжеский престол, перебрался с ним в стольный град. Хорошая осведомленность Автора в делах Полоцкого княжества, объясняется А. В. Соловьевым именно близостью Автора к киевскому князю Святославу Всеволодовичу, поскольку его женой была полоцкая княгиня Мария Васильковна — правнучка Всеслава Полоцкого, упоминаемого в «Слове». А вот Мономаховичей Автор не жаловал, его симпатии всецело были на стороне Ольговичей, — считает А. В. Соловьев[15].

С этими выводами А. В. Соловьева трудно согласиться. Автор ну никак не мог быть представителем поэтической

школы вещего Бояна, поскольку не только не разделял его манеру повествования, но и противопоставлял ей свою, о чем сообщает сразу же в зачине своего произведения. К тому же, он был христианином, а не язычником. И жаловал Мономаховичей, обращался с призывом к ним. А как мог певец Святослава Всеволодовича оказаться в дружине Игоря Святославича во время его похода на половцев? И как *зависимый* от киевского князя *поэт* мог проявлять *независимую* позицию? Ответов на эти вопросы исследователь не дает.

Автора считали выходцем из Галицко-Волынской Руси (О. Партыцкий, А. С. Петрушевич, А. С. Орлов, Л. В. Черепнин). Действительно, можно обнаружить стилистическую и идейную близость «Слова» и Галицко-Волынской летописи[16]. Однако это объясняется знакомством автора «Летописца Даниила Галицкого» со «Словом»[17].

К. Д. Ушинский полагал, что Автор был жителем Новгород-Северска, где и было, скорее всего, написано «Слово»[18]. Ив. М. Кудрявцев видел в Авторе новгородца, И. И. Малышевский — выходца из южной Руси, В. М. Михайлов — псковитянина и т. д[19]. Такой разброс во мнениях свидетельствует лишь о незаурядном мастерстве Автора, сумевшего создать удивительное произведение, которое вобрало в себя конкретные черты отдельных земель и княжеств — Новгород-Северска, Брянска, Пскова, Великого Новгорода, Смоленска, Орла, Трубчевска и др.[20] — и превратилось в общерусское, отразившее общие чаяния всей Русской земли. За этим скрывается зрелость, опыт и значительная коммуникабельность Автора «Слова». Это — еще одна серьезная подсказка для нас.

Наиболее аргументированные гипотезы XX века об Авторе «Слова» принадлежали академику Б. А. Рыбакову[21] и украинскому профессору Л. Е. Махновцу[22]. Оба они *априори* исходили из посыла, что Автором «Слова» был *светский человек*.

Академик Б. А. Рыбаков видел Автором «Слова» Петра Бориславича[23] — боярина сначала великого князя киевского

Изяслава Мстиславича (1146–1154), затем его сына Мстислава Изяславича (1150–1160), а потом и племянника Рюрика Ростиславича (1173, 1181–1196). По мнению Б. А. Рыбакова, у боярина Петра Бориславича и Автора «Слова» совпадают и время работы, и место жизни — Киев, принадлежность к старшей дружине и боярству, выразителем идей которого выступал Петр Бориславич в своей летописи, над которой он трудился, как полагает Б. А. Рыбаков, с 1146 по 1196 год. У обоих авторов одинаковые симпатии и антипатии, схожее отношение к великому князю Святославу Всеволодовичу и т. д.

«В отличие от большинства летописцев того времени, этот автор… был далек от церкви. В его ясном и точном языке не было церковной витиеватости, в его философии отсутствовал провиденциализм (а у Автора "Слова" он, кстати, был! — *А. У.*). Светский писатель, полководец и дипломат, он обладал еще одной чертой, выгодно выделявшей его из общей массы средневековых летописцев, — он выражал свои, а не княжеские мысли, он не был придворным подневольным летописцем и мог временами, не нарушая феодальной верности, подняться до мудрого осуждения торопливых и необдуманных действий своего князя»[24].

Хотя эту гипотезу Б. А. Рыбакова поддержала своими лингвистическими исследованиями В. Ю. Франчук[25], но ее нельзя признать состоятельной[26].

Во-первых, как увидим ниже, «Слово о полку Игореве» — это глубоко религиозный памятник древнерусской словесности, судя по источникам, написанный в монастыре и, естественно в таком случае, не «придворным подневольным летописцем», а монахом — человеком независимым.

Справедливым здесь кажется и существенное замечание члена-корреспондента РАН Л. А. Дмитриева, много времени изучавшего «Слово о полку Игореве»: «То обстоятельство, что автор "Слова" неоднократно и свободно упоминает в своем произведении языческих богов, дало повод некоторым исследователям утверждать, что автор "Слова" верит в язы-

ческих богов. *С этим нельзя согласиться* (Выделено мной. — *А. У.*). Упоминаемые в "Слове" языческие божества — символы природы, художественные образы. То же самое следует сказать и об одушевлении автором "Слова" природы — это не отражение религиозных представлений автора "Слова", а образы художественной системы произведения. О христианском мировоззрении автора "Слова" писали многие исследователи. Как отмечает Д. С. Лихачев, "автор "Слова" — христианин, старые же дохристианские верования приобрели для него новый поэтический смысл"»[27].

Во-вторых, следует отметить, что после 1169 (1170) г. имя боярина Петра Бориславича в летописях больше не встречается. Поэтому нет никакой возможности утверждать, что он дожил до 1196 г., как полагал Б. А. Рыбаков, а тем более, до 1200 г., когда было написано «Слово»[28]. Да и смог бы он в столь преклонном возрасте (около восьмидесяти лет) сотворить такое чудо?

Впрочем, и сам Б. А. Рыбаков признавался, что его разыскания носят чисто гипотетический характер: «Был ли этот летописец (Петр Бориславич. — *А. У.*) автором "Слова о полку Игореве" или только современным ему двойником, во всем подобным ему, *решить нельзя* (Выделено мной. — *А. У.*). Да и сам облик этого летописца, составленный из разнородных источников, может вызвать много сомнений и возражений. Не свободен от сомнений и автор книги… (т. е., Б. А. Рыбаков. — *А. У.*)»[29].

Независимость позиции в оценке княжеских деяний — вот главное качество Автора «Слова», особо подчеркнутое Б. А. Рыбаковым. С этим можно и нужно согласиться, но нельзя признать, что она могла быть присуща боярину, находящемуся на службе у князя. Автор «Слова», несомненно, отличался и независимостью своих суждений, и независимостью своего положения от *всех* князей. Вот этот статус Автора и следует определить.

Гипотеза Л. Е. Махновца об Авторе «Слова»[30] столь же несовершенна. Украинский исследователь решительно отвергал

авторство боярина Петра Бориславича и полагал, что Автором мог быть только князь. Проанализировав княжескую генеалогию и историческую обстановку 80-х годов XII в., осведомленность Автора в межкняжеских связях и отношениях, ученый пришел к выводу, что Автором «Слова о полку Игореве» мог быть только шурин Игоря Святославича — князь Владимир Ярославич Галицкий, который во время похода князя Игоря на половцев в 1185 г. гостил у своей сестры в Путивле. Свою «песнь», — по мнению Л. Е. Махновца, — Владимир Ярославич провозгласил экспромтом на княжеском пиру в Киеве у Святослава Всеволодовича на праздник Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1185 г. Независимо друг от друга предположение об авторстве Владимира Ярославича выдвинули еще С. Г. Пушик и В. Б. Семенов[31].

Несостоятельность этой гипотезы, равно, как и других, связывающих создателя «Слова» с княжеским статусом, заключается в том, что князья в XI–XII вв. не обращались друг к другу *княже*, а именно такое обращение присутствует в «Слове». Исходя из этого, Автор «Слова» не мог быть по своему положению князем, как это показала В. Ю. Франчук[32], ее мнение поддержал и Л. А. Дмитриев[33]. К тому же, князь Владимир Ярославич Галицкий скончался в 1198 г., а «Слово» было написано зимой 1200 г., на основании письменных источников, которые можно было получить только в Киевском Выдубицком монастыре[34]. Гипотеза об авторстве князя Владимира Ярославича Галицкого, таким образом, не подтверждается.

Поздняя датировка «Слова» сразу же отсекает практически всех ныне известных претендентов на авторство. Поэтому так рьяно и отстаивается время его написания в 1185 г. или 1187/88 годах.

В XXI веке появились еще две развернутые гипотезы об Авторе «Слова». Петербургский поэт Андрей Чернов полагает, что Автор «Слова» — «поэт и духовный наследник дружинного песнотворца Бояна». «Круг его чувств — круг чувств молодого человека. Поэма дышит земными страстя-

ми и земной любовью». «Стремительность поэтической реакции на историческое событие (“Слово” написано не позже 1186 года) и постоянное “выворачивание” поэтом устойчивых летописных клише тоже указывает на молодость поэта»[35].

Это — размышления поэта о поэте, не более.

«Многократно отмечалось, что кругозор Автора — кругозор не дружинника, а князя. Как писал Л. А. Дмитриев, “отличное знание междукняжеских отношений” говорит о принадлежности поэта к высшему сословию», — продолжает А. Ю. Чернов[36].

Высшему сословию, но не княжескому! Существенное различие. Л. А. Дмитриев как раз и писал, что Автор «Слова» не мог быть князем, поскольку «употребление слова “князь” в “Слове”» в обращении к князьям, «не свидетельствует о княжеском происхождении Автора»[37].

Проигнорировав лингвистические исследования и доказательства В. Ю. Франчук[38], что Автором «Слова», по лингвистическим данным, не мог быть князь, А. Ю. Чернов все же строит свою гипотезу на княжеском происхождении Автора, не выдвигая контраргументы своим оппонентам.

«Проверив сумму <…> условий и указаний на соответствие тому, что известно об исторических лицах конца XII века, убеждаемся, что автором “Слова о полку Игореве” был молодой черниговский князь Владимир Святославич Вщижский (ок. 1160–1201), второй сын центрального героя “Слова” Святослава Всеволодовича Киевского и Марии Васильковны»[39].

А. Ю. Чернову осталось только объяснить, какой смысл было сочинять Владимиру Святославичу *повесть* или *песнь* о своем двоюродном дяде Игоре Святославиче? Почему он не написал ее о своем отце Святославе Всеволодовиче — великом князе Киевском? Да и был ли он способен на сочинительство вообще? И как он оказался в Выдубицком монастыре, где было написано «Слово»?

Нет ответов у А. Ю. Чернова на эти и многие другие вопросы.

Еще одна основательная попытка установить Автора «Слова» принадлежит петербургскому лингвисту и историку А. А. Бурыкину[40]. Он сделал весьма справедливое замечание, с которым нельзя не согласиться: «Первая и главная из … фантазий в науке и вокруг “Слова о полку Игореве”, незаметная ее адептам: автор создал только “Слово…” и ничего более. <…> Увы, этим (т. е. допущением, что у автора в активе — ничего, кроме “Слова…”) отличаются и новые предположения об авторе “Слова…” с новыми именами»[41]. А далее он перечисляет и новых, и старых претендентов на авторство «Слова»: князей, бояр, княжеских жен и сестер, и т. д., и т. п., сделав закономерное исключение только для писавших епископов Кирилла Туровского и Климента Смолятича.

Сам А. А. Бурыкин решил вернуться к ранее уже известному по исследованиям Б. А. Рыбакова Кузьмище Киянину, предполагаемому автору «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Гипотеза петербургского ученого строится на исследовании лексики трех переводных повестей, известных нам по мусин-пушкинскому сборнику, в котором было обнаружено и «Слово о полку Игореве».

«Сущность нашей гипотезы состоит в том, — замечает А. А. Бурыкин, — что автором “Слова о полку Игореве” является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык “Повести об Акире”, “Девгениева деяния” и “Сказания об Индийском царстве”[42] — тех самых повестей, что находились в мусин-пушкинском сборнике, в котором было найдено “Слово…”». Например, «словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются в “Слове…” и во всех трех названных выше переводных произведениях»[43].

А. А. Бурыкин попытался выявить совпадения лексики «Слова» и двух-трех произведений из мусин-пушкинского сборника, при отсутствии таких совпадений в других текстах. На основании этих общих мест и строится его вывод, что переводчик трех повестей и автор «Слова» — это один человек.

Затем А. А. Бурыкиным было проведено сравнение лексики «Слова» и Краткой и Пространной редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Некоторое ее совпадение позволило А. А. Бурыкину и в этом случае заговорить об одном авторе. Поскольку А. А. Бурыкин следом за Б. А. Рыбаковым считает автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» Кузьмища Киянина[44], то, соответственно, он признает его и Автором «Слова о полку Игореве».

Правда, сам Б. А. Рыбаков так не считал: «Как летописец одного из Ольговичей, как автор, любящий щеголять цитатами из церковной литературы, Кузьмище Киянин не сближается с автором великой поэмы. Кроме того, по своему образу мыслей Кузьма (мастер золотого узорочья?) нигде не поднимался на высоту такого судьи князей, каким был автор "Слова"»[45].

По сути дела, у А. А. Бурыкина не одна гипотеза, а четыре, которые в отдельности нуждаются в серьезных доказательствах. Он и сам об этом говорит: «Утверждение о том, что Кузьмище Киянин мог быть автором "Слова…", объединяет как минимум три разные гипотезы, каждая из которых выглядит довольно неожиданной. Первая гипотеза заставляет думать, что "Слово…" создано переводчиком "Повести об Акире", "Девгениева деяния" и "Сказания об Индийском царстве". Вторая гипотеза требует допущения, что русские версии всех трех названных здесь текстов созданы одним и тем же переводчиком. Третья гипотеза позволяет считать, что "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" написана тем же автором, который переводил три названные выше повести и написал "Слово о полку Игореве". Есть в этом круге проблем и четвертая гипотеза, согласно которой "Повесть об убиении…" написана именно Кузьмищем Кияниным, а не кем-либо другим, например, не попом Микулой (Н. Н. Воронин, В. В. Колесов)»[46].

Замечу, в каждой из четырех гипотез есть серьезные допущения, без которых они не выстраиваются в цепь доказательств главной из них, что Кузьмище Киянин — Автор «Слова о полку Игореве». Однако А. А. Бурыкин настаивает на этом.

«Предположение о том, что автором “Слова о полку Игореве” мог быть Кузьмище Киянин, архитектор и золотых дел мастер-дизайнер по профессии, вполне согласуется с многими представлениями об авторе “Слова…”, которые могли бы быть извлечены из текста этого произведения»[47].

Уточню, *представлениями самого А. А. Бурыкина* об авторе «Слова», которые он далее перечисляет. Прокомментирую несостоятельность только некоторых из них, но важных для поиска Автора.

«Это человек, связанный с книжностью, но не принадлежащий к церковной среде» (С. 150) — ошибочное заключение, как показали исследования Риккардо Пиккио[48] и мои[49].

«Это человек, <…> не имеющий отношения к оформлению летописных повестей 1185 г., рассказывающих о неудачном походе Игоря на половцев» (С. 150). Спорное утверждение, поскольку Автор «Слова» не только хорошо знал этот рассказ о походе Игоря на половцев в 1185 г. из Киевской летописи, ибо заимствовал оттуда, как увидим ниже, и *Каялу*, и *Желю*, но и, скорее всего, сам его написал ранее «Слова», о чем еще речь пойдет в этой книге.

«Автор “Слова…” не был участником похода 1185 г.» (С. 150) и не был дружинником (С. 158) — сомнительное утверждение, поскольку в «Слове» есть свидетельства самого Автора о том, что он был и участником похода («Что *ми* шумить, что *ми* звенить давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ…»), и о том, что он был дружинником («А *мы* уже, *дружина*, жадни веселия»). На это обратил внимание когда-то еще Д. С. Лихачев[50].

«Описание природы в “Слове…” подчинено художественному канону, который предполагает представление ее в составе модели мира, близкой к полноте, тому канону, который дожил в изобразительном искусстве до Высокого Возрождения» (С. 150) — Автор создает неповторимое описание природы на метафорическом противопоставлении света и тьмы[51].

Приписывая миниатюры Радзивиловской летописи (точнее, ее протографа, составленного в конце XII — на-

чале XIII в.) руке зодчего Кузьмище Киянину (С. 157), якобы проиллюстрировавшего повесть о походе Игоря Святославича 1185 г., А. А. Бурыкин несколько раз подчеркивает близость этой лицевой повести «к статье о походе Игоря, известной по Лаврентьевской летописи» (С. 157, 172).

Однако б***о***льшую близость к «Слову о полку Игореве» демонстрирует как раз *другая* повесть — из Ипатьевской летописи (Киевского летописного свода), которая даже полемизирует с рассказом Лаврентьевской летописи. Точнее сказать, «Слово о полку Игореве» ближе к повести из Ипатьевской летописи, нежели к повести из Лаврентьевской летописи, и даже полемизирует с ней. О чем это свидетельствует? О том, что автор миниатюр протографа Радзивиловской летописи, т. е. предполагаемый зодчий Кузьмище Киянин, и Автор «Слова» — абсолютно разные люди, поскольку они находятся на противоположных позициях в оценке поступка князя Игоря Святославича. Следовательно, Кузьмище Киянин не мог быть Автором «Слова»!

В начале своего исследования А. А. Бурыкин сделал важное замечание, которое приведено выше и с которым я согласился: неубедительной выглядит гипотеза об Авторе «Слова», если *доподлинно* не известны другие литературные сочинения претендента[52].

Кузьмище Киянин *всего лишь претендент* на авторство «Повести об убиении Андрея Боголюбского», но этого явно мало, чтобы считать его еще и Автором «Слова о полку Игореве».

По мнению Б. А. Рыбакова, «в последний раз знакомый нам стиль Кузьмища Киянина <…> встречается в летописи под 1184 г.»[53]. О самом же Кузьмище Киянине летописи далее умалчивают. Был ли он жив, и мог ли завершить «летом или в начале осени 1185 г.» «Слово о полку Игореве», как полагает А. А. Бурыкин (С. 190), неизвестно.

Однако уже включилась фантазия исследователя: «У нас есть основания думать, что именно в это время он занялся переводами литературных произведений с греческого языка.

Первый текст, переведенный им, — “Сказание об Индийском царстве” (первый номер в мусин-пушкинской тетради) — явно связан с его профессиональными интересами, архитектурой и декоративной отделкой зданий. К весне 1185 г., видимо, было закончено и переложение “Повести об Акире” (второй номер в мусин-пушкинской тетради). Где-то в это время, весной или летом 1185 г., Кузьмище узнает о походе Игоря Святославича и Всеволода на половцев и о поражении их войска — и вот тут мы ***опять*** (в который уже раз! — *А. У.*) *вступаем в область догадок* (Выделено мной. — *А. У.*). Когда у него возник замысел повести о походе Игоря, оформленный от экспозиции с выбором формы (дохристианская поэзия Бояна, гимны по образцу Царя Давида — “новые песни”, и наконец проза) до финальной славы князьям и дружине? При известии о разгроме дружины Игоря и Всеволода или после возвращения Игоря из плена? Вероятнее всего, план известного нам произведения появился все же после возвращения Игоря из плена, когда Кузьмище увидел в Киеве Игоря, который уже “едеть по Боричеву к святей Богородици Пирогощей”, т. е., как показал Б. А. Рыбаков, покидает Киев, очевидно, направляясь в свой Новгород-Северский. Игра случая — возможно, автор поэмы, а точнее, романа о походе Игоря на половцев в тот момент, когда Игорь Святославич покидал Киев, мог стоять на том месте Боричева взвоза — Андреевского спуска, где располагается дом, в котором жил будущий автор романа о Мастере и Маргарите — М. А. Булгаков» (С. 188–189)[54].

Оставляю этот пассаж без комментариев, как и гипотезу воронежского лингвиста А. М. Ломова об авторстве Софония Рязанца, по совпадению, еще и автора «Задонщины»[55], поскольку «Слово о полку Игореве» было написано в 1200 г.[56], а не в 90-е годы XIV века, как ошибочно полагает А. М. Ломов. Его представление о времени написания «Слова» мы еще разберем ниже.

Подводя итог обзору имеющихся точек зрения на авторство «Слова о полку Игореве», Л. А. Дмитриев сделал, не утра-

тившее до сих пор своего значения, очень верное замечание: «Сущностью всех гипотез об авторах “Слова” в определенной степени является домысливание создателями этих гипотез к тем или иным реальным именам XII в. таких биографических данных, которые дают возможность приписать им авторство. <…> Создатели новых гипотез осознают слабость аргументов своих предшественников, но свои собственные аргументы считают бесспорными»[57].

Более осторожно к проблеме авторства «Слова» подошел академик Д. С. Лихачев. Он не искал Автора и не пытался назвать его по имени. Он просто попытался охарактеризовать его, делая ряд допущений: «Автор “Слова” мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком и по своему социальному положению вряд ли принадлежал к эксплуатируемому классу населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни “придворным”, ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. <…> Автор “Слова” занимал свою, независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и близки интересы широких слоев русского трудового населения, повсюду стремившегося к единству Руси»[58].

Ни один из перечисленных выше и названных по имени претендентов в Авторы «Слова» не соответствует столь всеохватывающей характеристике, представленной Д. С. Лихачевым. Да и ее саму можно расценивать как своеобразный художественный образ легендарного древнерусского творца, созданный интуицией исследователя.

Что же мы имеем в итоге?

Был на Руси гениальный писатель, создавший творение, которое уже более 800 лет будоражит умы, вызывает споры,

не дает покоя профессиональным ученым и просто любителям и ценителям «Слова о полку Игореве». В силу своих религиозно-нравственных убеждений он не указал свое имя под сочинением, поскольку полагал, что написано оно по откровению свыше. Однако Автор оставил, произвольно или не произвольно, довольно много свидетельств о себе. И перед тем, как рискнуть установить его имя, необходимо попытаться максимально охарактеризовать его на основании этих скрытых в самом произведении данных. Эта характеристика писателя, наряду с установленным временем и местом создания им своего творения, и позволит максимально приблизиться к раскрытию тайны авторства.

И наша задача как исследователей — восстановить справедливость, отыскать и назвать это имя.

* * *

Когда Л. А. Дмитриев писал обобщающую статью об Авторе «Слова» для «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"», он в самом же ее начале заметил: «Ни в "Слове", ни в каких-либо др[угих] ист[орических] и лит[ературных] памятниках данных об А[вторе] "С[лова]" нет. Основным источником наших представлений о нем является только текст "С[лова]"»[59].

С этим верным в целом утверждением можно согласиться только с оговоркой. Да, ни в исторических, ни в литературных произведениях *прямых* сведений об Авторе "Слова" нет. Однако мне, как литературоведу, трудно допустить, что Автор — творец всего лишь одного, к тому же гениального произведения. Именно то, что это произведение гениальное, и заставляет задуматься, а где другие примеры творчества этого Автора? Не может писатель создать только одно и сразу же гениальное творение, да еще, как предполагал Л. Махновец, и экспромтом. Должны быть другие, более или менее талантливые сочинения, постепенно подводящие автора к главному его творению. И они не спрятаны от нас, а, скорее всего, где-то на виду, и мы их даже можем знать

и читать, только не догадывались до сей поры, что эти произведения — творения безымянного гения. Впрочем, и у него есть имя, и ***мы его знаем***. Только не подозревали до сих пор, что он еще и Автор «Слова». И, кстати сказать, приведенная выше характеристика Автора «Слова», сделанная Д. С. Лихачевым, полностью соответствует ему.

Где же он утаился?

На огромных просторах домонгольской Руси проживало не более 10 миллионов жителей. Основные книжные сокровища пребывали в монастырях. Их тоже было не очень много. Монастырская братия не была многочисленной. В ее среде и вызревали почти все известные нам писатели[60].

Трудно себе представить, чтобы в одном небольшом монастыре в одно и то же время, подвизались и трудились два гения, одного из которых мы уже можем знать, а другого — нет. Значит, нужно отыскать того единственного, нам уже известного, и творившего в то же самое время, когда и было написано «Слово о полку Игореве». Точнее, обратить внимание на его труды и авторские особенности и сопоставить их со «Словом». Провести, так сказать, историко-литературоведческое расследование.

Будем исходить из посыла, что ***Автор «Слова» не может быть творцом одного лишь произведения, тем более — гениального! Автор, несомненно, профессиональный писатель.***

Для начала нужно установить время его деятельности, а для этого следует уточнить *время создания* «Слова». Затем определить использованные им источники, чтобы отыскать монастырскую библиотеку, в которой они могли пребывать, и где с ними мог познакомиться Автор. То есть, найти *место написания* «Слова», а, если повезет, то и того, кто пользовался именно этими же источниками в других своих сочинениях, которые тоже должны отличаться высоким профессионализмом. И сравнить эти произведения со «Словом», чтобы проверить, не обнаружатся ли общие *авторские черты* у них. Это и будут дополнительные сведения об Авторе,

взятые из других его произведений. А если *автор этих произведений* уже нам известен по имени, то следует назвать его, поскольку он и *был*, скорее всего, *Автором* «Слова».

Приступим к этому поиску. Для этого установим время написания «Слова о полку Игореве» и проведем комплексный анализ всех трех произведений, описавших злополучный поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году: повести о походе Игоря Святославича на половцев из Лаврентьевской летописи, повести о походе Игоря Святославича на половцев из Ипатьевской летописи и самого «Слова о полку Игореве». Очень важно выявить хронологическую последовательность их появления и влияния друг на друга.

О «ВНУТРЕННЕМ» И «ВНЕШНЕМ» ВРЕМЕНИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ДАТИРОВКЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Думаю, никто не станет отрицать целесообразность комплексного подхода при определении времени создания древнерусского творения. Начинается такое исследование с изучения истории текста: установления дат списков, датирования редакций, а затем уже, если удастся, и самого памятника. Но это в том случае, когда есть возможность работать со списками и редакциями. Многие же древнерусские произведения дошли до нас в одном-двух списках («Галицко-Волынская летопись», «Слово о погибели Русской земли»), а «Слово о полку Игореве» — только в копии, сделанной для Екатерины II, да печатном издании 1800 года. В таком случае нужен иной подход при определении времени создания произведения. Какой же?

Необходимо четко уяснить идею произведения; иметь правильные представления о мировоззрении автора и не приписывать ему присущие нам воззрения; по мере возможности, установить место написания; учитывать современную автору историческую действительность и т. д.

Не стану перечислять всех составляющих, ибо они достаточно хорошо известны[61]. Остановлюсь вначале на одной, но очень важной проблеме, играющей весьма существенную роль в датировке произведения.

§ 1

В этом параграфе речь пойдет об отражении «внешнего», то есть, реального автору времени (иными словами, времени написания «Слова»), во «внутреннем», то есть «художественном времени» произведения. Это отразившееся в произведении «внешнее» время как раз и указывает с наибольшей полнотой на время работы автора.

Подход отнюдь не нов и широко применялся еще исследователями XIX века.

Так, например, протоиерей А. В. Горский датировал найденное им «Слово о Законе и Благодати» временем, расположенным между 1037 и 1050 годами. Нижняя граница определена им по сообщению «Повести временных лет» под 1037 г. о «заложении» Софии Киевской (на самом деле в этом году она была уже освящена[62]. — *А. У.*) и завершении строительства Благовещенской церкви на Золотых воротах в Киеве. Оба собора названы в «Слове». Верхняя — по упоминанию как здравствующей княгини Ирины, жены Ярослава Мудрого, которая умерла в 1050 г.[63] То есть, А. В. Горский предполагал, что Иларион еще *не знал*, когда писал свое сочинение, о кончине княгини. Иными словами, во «внутреннем времени» произведения не отражены события, выходящие за пределы 1050 года, что и позволяет определить верхние границы «внешнего времени» — работы автора.

Вообще, среди исследователей стал широко использоваться методологический прием, когда при уточнении времени написания древнерусского произведения особое внимание обращается на то, чего автор не знает.

Так, академик А. А. Шахматов при датировке «Жития Феодосия Печерского» замечает: «Нестор … не упоминает в Житии Феодосия об обретении его мощей, не упоминает также о смерти игумена Никона и избрании нового игумена Иоанна (1088), не говорит ни о поставлении бывшего игумена Стефана епископом владимирским (это утверждение А. А. Шахматова ошибочно. — *А. У.*), ни об его смерти, не сообщает, наконец, об освящении основанной Феодосием церкви». И далее ученый констатирует: «В Житии Феодосия нет ни одной черты, обличающей время после 1088 года». Иными словами, преп. Нестор во время написания «Жития Феодосия Печерского» не знал ничего о событиях после 1088 г. А потому А. А. Шахматов признает, что «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» были составлены между 1081 и 1088 годами[64]. В данном случае «внешнее время», т. е. время работы преп. Нестора над житием, не выходит за пределы 1088 года.

Подобные примеры использования (для определения верхней даты возможного написания древнерусского произведения) ряда событий, последовавших после написания сочинения и потому оставшихся неизвестными автору, можно множить. Я сам использовал этот прием при уточнении датировки тех же «Чтения о Борисе и Глебе» и «Жития Феодосия Печерского»[65].

Однако этот исследовательский прием может только указать на *приблизительную* верхнюю временную границу работы автора над произведением, но не позволяет точно датировать его.

Датировать же произведение помогает отраженное в его «внутреннем» художественном времени «внешнее» время написания — в виде мимоходных замечаний автора о *своем* времени (в том числе и о себе), искусно сокрытых, неприметных, и с первого раза неразличимых, присутствующих в сочинении в виде, может быть, только намека…

Сошлюсь, опять же, на собственный опыт. Так, одним из существенных указаний на время работы преподобного Нестора над «Житием Феодосия Печерского» является ремарка агиографа в конце жития, на которую прежде не обращали внимания: «Се бо елико же выше о блаженѣмь и велицѣмь отци нашемь Феодосии оспытовая слышахъ от дрѣвьниихъ мене отець, бывшиихъ въ то врѣмя, та же въписахъ азъ грѣшныи Несторъ, мьнии вьсѣхъ въ манастыри блаженаго и отца всѣхъ Феодосия»[66].

Что речь здесь идет о возрасте преподобного Нестора, который на момент написания жития был *моложе других монахов*, а не его положении в монастыре (к этому времени он уже был иеродьяконом), я попытался показать в ряде своих работ, а потому не останавливаюсь здесь на этом вопросе[67].

Современные автору события могут стать предпосылкой или толчком для его создания, как это случилось с непревзойденным «Словом о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Оно явилось не только торжественной проповедью на «обновление» (то есть, освещение) Благовещенской церкви на Золо-

тых воротах в Киеве, но и *юбилейным* «Словом», прочитанным пресвитером Иларионом в этой надвратной церкви перед всенощной службой в ночь с праздника Благовещения 25 марта на Пасху 26 марта 1038 г.[68], в Богозванный, то есть юбилейный год. По Библии, лето 50-е — это юбилейный год: «…И освятите пятидесятый год… да будет это у вас юбилей… Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните… ибо это юбилей: священным да будет он для вас» (Левит, 25.10–12).

В 1038 году[69] исполнилось 50 лет принятия Христианства на Руси, 50-летие Киевской митрополии, 500-летие Софии Константинопольской, в честь которой была освящена София Киевская и т. д.

Все эти современные автору и актуальные для времени написания проповеди темы, так или иначе, отразились в самом «Слове». Более того, учитывая требования «Типикона» (Богослужебного устава), можно с точностью до одного часа установить время прочтения пресвитером Иларионом своего торжественного «Слова» в Благовещенской церкви: после вечерни — перед Всенощной, то есть около 22–23 часов по нашему времени[70].

И здесь мы должны признать, что для датировки произведения наиболее существенным является выяснение (максимально, насколько это возможно) объема знаний автором событий, следующих за описанными в его сочинении. Ведь многие произведения писались не сразу после события, а спустя время, после его осмысления (например, «Задонщина» или «Повесть о разорении Рязани Батыем»), или же на протяжении какого-то времени (как летописи).

Так, при изучении «Летописца Даниила Галицкого» (Галицкой летописи), мною было обращено внимание, что автор, повествуя о каком-то событии в начале своего труда, вскользь замечает о его развитии или завершении в будущем. Например, под 1207 г. «Летописец» повествует о несостоявшемся намерении венгерского короля Андрея выдать свою малолетнюю дочь Елизавету замуж за Даниила Галицкого и здесь же сообщает о ее дальнейшей судьбе: «И да дщерь

свою за Лонокрабовича за Лудовика, …юже ныне святу наречають»[71]. Известно, что Елизавета умерла в 1231 г., канонизирована в 1234 г. Стало быть, раньше этого времени автор «Летописца» работать не мог.

Или другой пример: под 1217 г. впервые упоминается о «прегордом» венгерском воеводе Филе с ремаркой: «Во ино время убьен бысть Даниилом Романовичем древле прегордый Филя». Это произошло в 1245 г. (по Ипатьевской летописи — в 1249 г.), о чем «Летописец» сообщает под 1249 г.

Выделив эти экскурсы в будущее, я обратил внимание на то обстоятельство, что чем ближе повествователь подходил ко времени своей работы над «Летописцем», тем заметнее сокращалась временная дистанция между парными событиями (датами).

Так, между приведенными выше событиями разница, соответственно, 27 и 28 лет, а при изложении событий 40-х годов временная амплитуда между парами дат сходит на нет. К примеру, под 1240 г. говорится об избрании Гуюка великим ханом монгольским, что случилось 28 августа 1246 г., то есть спустя 6 лет. А под 1245 г. говорится о трагической гибели князя Михаила Черниговского в Орде, произошедшей 20 сентября 1246 г., то есть уже на следующий год.

Концом 1246 — началом 1247 г. *обрывается* первая редакция «Летописца» (по Ипатьевской летописи — 1250 г.), поскольку в ней нет более экскурсов в будущее. В галицком летописании наступил, как минимум, 17-летний перерыв! Зато продолжатель «Летописца», работавший уже после смерти Даниила Галицкого, наступившей в 1264 г., усвоил манеру своего предшественника, и описания событий конца 40-х — 50-х годов имеют экскурсы в 60-е годы!

То есть выявленные отражения «внешнего» времени работы автора в художественном тексте произведения помогли вычленить две редакции «Летописца» и установить время их написания[72].

Все это было сказано только для того, чтобы подчеркнуть важность обнаружения признаков отражения «внешнего»

времени написания во «внутреннем» времени произведения для его датировки. Этот фактор еще более значим, если «внешнее» время написания существенно отстоит от «внутреннего» — «художественного времени» произведения.

Здесь, правда, исследователя может ожидать соблазн принять детали и подробности описания за «датирующие признаки»: легко принять хорошо осведомленного автора за участника (очевидца) события, писавшего по свежим следам. Так, собственно, и случилось с датировкой самого популярного как в среде ученых, так и любителей древнерусской словесности, и самого неподдающегося датировке древнерусского произведения — «Слова о полку Игореве».

§ 2

При датировке «Слова о полку Игореве»[73] исследователи долгое время исходили из посыла (по умолчанию), что «внутреннее время», то есть «художественное время» произведения, однозначно совпадает с реальным временем работы над ним автора (то есть «внешним временем»). «Слово о полку Игореве», таким образом, воспринималось, чуть ли не как репортаж с места событий и о бегстве князя Игоря из половецкого плена. Во всяком случае, как произведение, написанное по «горячим следам» после побега и возвращения князя Игоря в Новгород-Северское княжество (или приезда в Киев) летом-осенью 1185 г.

Советские исследователи так ревностно отстаивали написание «Слова о полку Игореве» 1185 годом, словно от этого всецело зависела его художественная ценность, как будто, если бы оно было написано в 1200 г., то его значение для истории русской литературы было бы гораздо меньше.

Как полагал академик Б. А. Рыбаков, «наиболее вероятным временем написания “Слова о полку Игореве” следует считать время пребывания Игоря в Киеве в качестве гостя и просителя», то есть, осень 1185 г.[74]. По мнению историка, на момент присутствия Игоря Святославича в Киеве приходится и работа автора «Слова», который должен был нахо-

диться где-то рядом с Новгород-Северским князем: «В Киеве в эти дни нашелся гениальный поэт, который смог выразить все эти мысли в такой совершенной форме, сумел так широко посмотреть на общенародные задачи Руси, что его песнь о походе Игоря стала предметом живейшего обсуждения современников и образцом для подражания потомков»[75].

Исходя из этих замечаний исследователя, можно заключить, что, с его точки зрения, «внутреннее» время произведения совпадает с «внешним» временем работы писателя.

Свое мнение Б. А. Рыбаков обосновывал следующим образом: «В рассуждениях о времени написания "Слова о полку Игореве" исследователями, отодвигавшими дату написания к 1186 или 1187 г., упущена одна очень важная хронологическая примета: обращаясь ко Всеволоду Большое Гнездо, автор "Слова" пишет: "Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы". Не вызывает сомнения, — пишет далее Б. А. Рыбаков, — что здесь под загадочными "шереширами" подразумеваются сыновья Глеба Ростиславича Рязанского. <…> Всеволод может "стрелять"-Глебовичами, т. е. поражать при их помощи, посредством их, своих врагов. Такая вассальная зависимость ведет нас к событиям 1180 г., когда двое Глебовичей, Всеволод и Владимир, обратились ко Всеволоду Большое Гнездо с просьбой: "Ты — господин, ты — отец, брат наю старейший! Роман уимаеть волости у наю <…>", Всеволод Суздальский "прия ею (обоих братьев) в любовь" и начал войну, в результате которой ему присягнули еще двое рязанских князей "на всей воли всеволожи"»[76]. В 1183 г. "новые вассалы" — все четверо рязанских князей приняли участие в походе Всеволода Суздальского на Волжскую Болгарию. Однако уже в 1185 г. "удалые сыны Глебовы" снова начали "крамолу злу". Попытка Всеволода их примирить оказалась тщетной, поскольку Глебовичи "восприимше буй помысл, начаша ся гневати" на Всеволода Юрьевича. Ему «пришлось долго воевать в Рязанской земле, а когда часть рязанцев запросила мира, то он "не восхоте мира их, якоже пророк глаголеть: брань славна луче есть

мира студна…" Если бы до Киева успела дойти весть о таком непокорстве недавних вассалов, — замечает Б. А. Рыбаков, — то автор "Слова" не стал бы уподоблять Глебовичей шереширам, которыми Всеволод может стрелять по своему усмотрению. Рязанские события происходили в 1185 г. (после похода Игоря), и мы должны исключить как 1186, так и 1187 г. из числа возможных дат написания "Слова", так как к этому времени в Киеве должны были уже знать (надо полагать — автор. — *А. У.*) о выходе Глебовичей из повиновения и о рязанской войне Всеволода Большое Гнездо»[77].

Хочу обратить внимание, что известный историк строил свое заключение о времени написания "Слова" *только на основе интерпретации событий 1180–1185 гг.* — взаимоотношений Всеволода Юрьевича и Глебовичей — и обращения к Всеволоду в "Слове": "Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы".

Следует отметить, что эта фраза *заключает* обращение к Всеволоду Суздальскому, в котором немногим выше действительно упоминается о походе Суздальского князя на Волгу, *но рядом упомянут и Дон,* на который Б. А. Рыбаков не обратил внимание: «Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча отня злата стола поблюсти? *Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!* <…> Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы».

Помимо художественного образа в выделенной фразе чувствуется литературное отражение каких-то еще исторических событий. Вот как комментирует эти слова Д. С. Лихачев: «Говоря о могуществе Всеволода Суздальского, автор "Слова" развивает этот образ: Всеволод может не только испить шлемом Дону — он может вычерпать его весь шлемами своих воинов; он может расплескать Волгу веслами своих воинов. Здесь символ победы слит с образом многочисленности воинов Всеволода: их столько, что если они начнут пить из Дона, — они выпьют из него всю воду; их так много, что если они сядут за весла, то они расплескают всю воду в Вол-

ге. <…> Словами “ты бо можеши Волгу веслы раскропити” определяется могущество Всеволода над волжскими странами. В самом деле, Всеволод энергично продолжал начавшееся еще очень давно покорение Поволжья. В 1183 г., за два года до похода Игоря, Всеволод с успехом осаждал “Великий город” волжских болгар, заключив выгодный для себя мир. В битве на Волге русские загнали волжских болгар в их “учаны” (речные суда), часть из которых опрокинулась, и более тысячи болгар утонуло»[78].

Характерно, что, интерпретируя автора «Слова», Д. С. Лихачев первыми ставит комментарии к Дону, а потом уже к Волге, причем не датирует и не упоминает события, связанные с походом на Дон. Ничего о них не говорит и Б. А. Рыбаков. Между тем, как следует из «Слова», *они произошли уже после волжского похода Всеволода Суздальского*. Когда именно?

На это обратил внимание украинский исследователь Б. И. Яценко, увидевший в интерпретируемых словах «очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.: Всеволод может “Донъ шеломы выльяти”. Хотя в Лаврентьевской летописи поход Всеволода датирован 1199 г., он, — как пишет Б. И. Яценко, — состоялся в 1198 г. Это легко проверить по дальнейшим записям: Всеволод возвратился из похода 6 июня, в субботу, а 6 июня приходилось на субботу только в 1198 г. Кроме того, 25 июля 1198 г., в субботу, “бысть пожаръ великъ в граде Володимери”»[79]. Добавлю, что расчеты Б. И. Яценко верны, поскольку в 1199 г. 6 июня и 25 июля приходились на воскресенья. Отсюда и его вывод: «“Слово о полку Игореве” не могло появиться раньше 1198 г.»[80].

К точке зрения Б. И. Яценко еще вернемся позднее, а сейчас рассмотрим аргументы еще одного сторонника датировки «Слова» 1185 г. — украинского профессора П. П. Охрименко, полагавшего, «что содержание “Слова о полку Игореве” (и, прежде всего, оно), а также относящиеся к этому памятнику летописные и археологические данные говорят в пользу его датировки летне-осенним периодом

1185 г. Проанализированные под определенным углом зрения в совокупности они могут дать прочные основания для такого утверждения»[81].

П. П. Охрименко развивает идею Б. А. Рыбакова, согласно которой «Слово» было создано сразу же по возвращении Игоря Святославича из плена в 1185 г.[82] Исходя из этого убеждения, исследователь и стремится максимально точно установить время бегства Игоря на Русь. Анализ данных он начинает с летописных сообщений: «В Киевской летописи отмечено, что "Игорь…тотъ годъ бяшеть в половцехъ", — то есть в том 1185 г., когда состоялся поход. Владимиро-Суздальская летопись точнее говорит о том, как "по малыхъ днехъ ускочи Игорь князь у половець". Это же подтверждает и Ермолинская летопись, где сказано, что Игорь "того же года утече" — именно 1185-го. Следовательно, Игорь находился в плену недолго — возвратился он на родину в том же году, когда состоялся поход» (С. 95).

Однако, по мнению П. П. Охрименко, летописные данные представляют лишь «вспомогательный материал для выяснения вопроса о времени возникновения "Слова о полку Игореве". Они должны быть подтверждены, прежде всего, содержанием самого памятника, на что и следует обратить пристальное внимание» (С. 95).

«Если обратиться к тексту "Слова о полку Игореве", то время возвращения Игоря из плена, указанное в летописях, можно уточнить. В исключительно поэтической сцене его побега из половецкого плена говорится, что освобождение Игоря было предвещено самим Богом, пославшим смерчи ("сморци") на море: "Прысну море полунощи, идуть сморци мьглами". А смерчи возможны, по утверждению природоведов, только в жару, чаще всего весной или в начале лета. Кроме того, как отмечено в "Слове", Игорю содействовала даже природа, в частности птицы: "Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ". А такое, в особенности пение соловьев, свойственно периоду разгара весны и раннего лета. Таким

образом, в это время, скорее всего в начале лета, где-то в июне 1185 г., и возвратился Игорь на родину. Вскоре было написано и гениальное произведение о его походе, в *котором ничего не говорится о событиях после 1185 г.* (выделено мной. — *А. У.*)» (С. 95).

Выше уже разобран случай с упоминанием Дона, свидетельствующий об ошибочности подобного утверждения, поскольку Автор знал и сообщал и о более поздних событиях. Это подтверждается и другими примерами, речь о которых пойдет позднее.

По мнению же П. П. Охрименко, «в тексте “Слова о полку Игореве” имеются и более точные сведения о времени его возникновения. К ним относятся прежде всего слова: “Уже бо, братіе, невеселая година въстала, — уже пустыни силу прикрыла”. Это место следует объяснить так: уже невеселое время настало на Руси, уже растительность (травы и зелье — “пустыни”) целинной степи прикрыла павших на поле боя воинов Игоря (“силу”) — их трупы покрылись (заросли́) травой. Так можно было писать только вскоре после похода (на что указывает и начальное в приведенном предложении слово “уже”), конкретнее, именно летом или осенью (но не зимой) 1185 г., ибо в будущем году, не говоря уже о последующих годах, от “силы” (воинства, павшего в битве) остались бы только кости» (С. 95–96).

Очевидно, что и П. П. Охрименко, как в свое время и Б. А. Рыбаков, отождествлял «внутреннее», «художественное время» произведения с «внешним» временем работы Автора над «Словом».

В чем, несомненно, П. П. Охрименко прав, так это в том, что Автор очень хорошо знал — до мельчайших подробностей — обстоятельства возвращения Игоря из плена и *отразил эти обстоятельства в своем сочинении*, создав правдивую картину действительности, согласующуюся с летописями. Но *эти воспроизведенные детали бегства Игоря не могут свидетельствовать о времени написания произведения,* на чем настаивает П. П. Охрименко.

«Очень важным для уточнения хронологии “Слова о полку Игореве”, — по его мнению, — является также выражение “уже… древо не бологомъ (не с добра. — *П. О.*) листвiе срони”, которое по-разному комментировалось исследователями. Следует помнить, что это не только художественный, но вместе с тем и конкретно-исторический образ. Такой вывод подтверждается археологическими данными, которые могут быть привлечены для изучения памятника с большой пользой. Как недавно стало известно, весна и лето 1185 г. были чрезвычайно засушливым, о чем свидетельствуют, в частности, кольца древесины того времени, что вызвало необычно ранний листопад. Это и отразилось в содержании и образной системе “Слова”. О листопаде, бывшем в конце лета или в самом начале осени, автор произведения сообщил в художественной форме сразу же, о чем говорит объединяющее предыдущую и приведенную части предложения слово “уже”. Если бы это произведение было написано не в тот год, когда совершался поход Игоря, а позднее, то вместо “уже” было бы употреблено “тогда” или подобное по смыслу слово. В данном случае археологические (вернее, дендрохронологические) данные подтверждают и глубже раскрывают содержание “Слова о полку Игореве”» (С. 96).

Рассуждения по поводу уточнения “уже” примечательны, но не верны, поскольку должны быть соотнесены не со временем работы автора над “Словом”, ибо у нас нет никаких на это указаний (оснований), а на *время возвращения князя Игоря на Русь*.

«Наконец, — замечает украинский ученый, — при определении времени возникновения “Слова о полку Игореве” надо учитывать смысл призыва отомстить “поганым” половцам “за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы”. Этот призыв мог быть провозглашенным только вскоре после возвращения героя из плена, когда Игорь, сразу же навестив Чернигов и Киев, просил помощи у князей-братьев и соотечественников. Об этом же свидетельствует и характерное выражение призыва, подчеркивающее

мысль автора, — “за обиду *сего* времени”, “за *раны* Игоревы” (Курсив наш. — *П. О.*). Такой конкретно призыв (связанный с именем Игоря) в последующие годы был бы запоздалым» (С. 96–97).

В данном случае П. П. Охрименко, следуя за А. И. Лященко, возражает против мнения И. Н. Жданова, П. В. Владимирова и В. П. Суетенко, которые относили время написания «Слова» к осени 1187 г. В качества аргумента П. П. Охрименко напоминает, что весной 1187 г. русские князья отомстили половцам за поражение на Каяле, «следовательно, — замечает ученый, — если бы “Слово” было написано после этих событий, то его призыв отомстить “за обиду *сего* времени” в таком случае был бы неуместным, анахроничным, чего не мог допустить автор» (С. 97).

И как вывод: «…Анализ “Слова о полку Игореве” и относящихся к нему исторических и археологических материалов дает основания утверждать, что это гениальное произведение создано в летне-осенний период (поздним летом — ранней осенью) 1185 г.» (С. 97).

Значимость наблюдений П. П. Охрименко заключается в том, что он существенно расширил доказательную базу датировки *возвращения Игоря Святославича из плена на Русь летом-осенью 1185 г.,* однако нельзя признать доказанным, что «Слово» было написано в это же самое время.

Делая обзор основных точек зрения по данному вопросу, А. А. Горский справедливо отметил, что «твердых конкретных аргументов в пользу написания “Слова” именно в 1185 г. пока не приведено. Между тем, — замечает А. А. Горский, — исследователи поэмы давно уже отметили в ее тексте место, позволяющее утверждать, что в 1185 г. “Слово”, в том виде, в каком оно дошло до нас, не могло быть написано. Это диалог Кончака и Гзака, едущих по следам Игоря:

Млъвить Гзакъ Кончакови:
“Аще, соколъ къ гнѣзду летитъ,
Соколича рострэляевэ своими злачеными стрэлами”.
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
“Аще соколъ къ гнѣзду летитъ,

а вѣ сокольца опутаевѣ красною девицею".
И рече Гзакъ къ Кончакови:
"Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнуть наю птици бити
въ полѣ Половецкомъ".

Упоминание о возможном браке Владимира Игоревича с Кончаковной можно было бы отнести к 1185 г. (поскольку они были сосватаны до похода). Однако во вложенной автором в уста Гзака фразе: "Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице" содержится явный намек на возвращение Владимира с Кончаковной из половецкого плена на Русь, после которого половецкая княжна и ее ребенок от Владимира были крещены и произошло венчание Владимира и Кончаковны. События эти относятся к 1188 г.»[83].

Это замечание подвергает сомнению и точку зрения сторонников написания «Слова о полку Игореве» в 1187 г. Их аргументы сводятся к двум.

Первый — это обращение к Ярославу Осмомыслу Галицкому с призывом стрелять «Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы» (С. 22–23). Поскольку же, согласно сообщению Ипатьевской летописи, он умер 1 октября 1187 (6695) г., стало быть, по мнению сторонников написания «Слова» в 1187 г., обращение было написано, когда он еще был жив, то есть не позднее указанной даты смерти.

Сразу же хочу отметить, что подобный вывод свидетельствует об уже знакомой нам ошибке отождествления «внутреннего времени» произведения с «внешним» — работой автора.

К тому же, в Киевской летописи Ипатьевского свода мы имеем примеры подобных случаев. После сообщения о смерти князя летописец пишет о нем в настоящем времени. Например, о герое «Слова» преставившемся князе Буй-Туре Всеволоде: «…понеже бо во Ольговичехъ всихъ оудалее рожаемь и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою и можь-

ственою доблестью и любовь имеяше ко всимъ»[84]. Или о другом, тоже упоминаемом в «Слове» смоленском князе Давыде Ростиславиче. После сообщения о его погребении в монастыре св. Бориса и Глеба, летописец далее пишет: «Се же благоверный князь Давыдъ <…>, любовь имея ко всимъ <…> Манастыря набдя, и черньци утешивая, и вси игумены с любовью приимая, и взимая у нихъ благословение <…> Всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не сбираеть, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, какоже подобаеть цесаремь творити…»[85].

Следовательно, *повествование в настоящем времени о князьях-героях «Слова» не может быть датирующим признаком написания этого произведения*!

Второй довод — провозглашение славы Владимиру Игоревичу в конце «Слова», что подразумевало уже возвращение юного князя из плена.

Здесь уместно привести убедительные рассуждения А. А. Горского по этому поводу: «В Ипатьевской летописи сообщения о смерти Ярослава и возвращении Владимира действительно помещены под одним и тем же 6695 мартовским годом. Смерть Ярослава датируется 1-м октября. О возвращении Владимира говорится ниже, но датируется оно августом-сентябрем (по соотнесению с датами заключения браков между Верхуславой, дочерью Всеволода Суздальского, и Ростиславом Рюриковичем и Святослава Игоревича с дочерью Рюрика Ростиславича — о возвращении Владимира сказано, что оно произошло “тогда же”). Однако Н. Г. Бережков доказал, что в статье 6695 г. Ипатьевской летописи произошло совмещение статей 6695 и 6696 мартовских годов, и часть статьи, содержащая рассказ о смерти Ярослава, говорит о событиях 1187/88 г., а часть статьи с рассказом о свадьбах и возвращении Владимира излагает события 1188/89 г. (в Лаврентьевской летописи о Ярославе говорится под 6696, а о браке Верхуславы с Ростиславом — под 6697 ультрамартовскими годами). Таким образом, единственный аргумент в пользу датировки “Слова” 1187 годом теряет силу, по-

скольку Владимир Игоревич вернулся из половецкого плена в августе-сентябре 1188 г., т. е. почти через год после смерти Ярослава Осмомысла»[86].

Это замечание А. А. Горского еще раз свидетельствует, что повествование в настоящем времени в «Слове» об умерших к тому времени князьях, не является датирующем признаком «Слова о полку Игореве».

Сам А. А. Горский полагает, что «наиболее вероятной предположительной датой» написания «Слова о полку Игореве» является осень 1188 г. «К этому времени, — пишет он, — вернулись из плена Владимир Игоревич и, по-видимому, Всеволод — в "Слове" им (вместе с Игорем) провозглашается сл**а**ва. В предыдущем, 1187 г., вновь обострились отношения с Кончаком (он воевал "по Роси") — в "Слове" Кончак изображен заклятым врагом Руси. В том же 1187 г. опять неблаговидно повел себя Ярослав Черниговский, уклонившись от военных действий против половцев — он осуждается в поэме. К лету-осени 1188 г. относится заключение сразу нескольких династических браков — Верхуславы, дочери Всеволода Суздальского, с Ростиславом Рюриковичем, дочери Рюрика со Святославом Игоревичем, Владимира Игоревича с Кончаковной. Возможно, именно в это время, в условиях острой борьбы с половцами и хороших отношений между Святославом, Рюриком, Игорем и Всеволодом Юрьевичем (князьями, положительно изображенными в поэме) и было создано "Слово"»[87].

Правда, эти свои рассуждения А. А. Горский завершает существенной оговоркой, что это его *предположение* относится к «Слову о полку Игореве» в том виде, в котором оно дошло до нас. «Однако, — напоминает он, — уже давно высказывалось мнение о возможности разновременного появления разных частей поэмы. Некоторые исследователи полагали, что основная часть "Слова" была написана во время пребывания Игоря в плену, а заключительная часть (описание бегства из плена) — после его возвращения (но тоже в 1185 г.)[88]. Н. К. Гудзий, разделявший это мнение, считал так-

же, что такие фрагменты, как диалог Кончака и Гзака и провозглашение славы Владимиру Игоревичу, были включены в "Слово" только после возвращения из плена Владимира[89]. По мнению А. Н. Робинсона, "Слово" в основном было написано в 1185 г. после бегства Игоря, а затем до начала XIII века в него вносились добавления, связанные с возвращением Владимира Игоревича и походами Романа Мстиславича на ятвягов (1196 г.) и половцев (1202 и 1205 гг.)[90]»[91].

Далее А. А. Горский хотя и оценивает критически высказанные предположения, однако не отрицает возможности более поздних добавлений в «Слово». Ход его рассуждений следующий: «Предположение о более позднем появлении описания бегства Игоря (по отношению к основной части поэмы) вряд ли правомерно: против него говорит то обстоятельство, что главные символические образы "Слова" — свет и тьма — образуют целостную художественную картину только при единстве основной и заключительной частей. В результате поражения Игоря исчезает свет[92] и опускается тьма ("два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и съ нима молодая мѣсяца… тъмою ся поволокоста и въ море погрузиста"; "На рѣцѣ на Каялѣ тьма свет покрыла"); с возвращением Игоря на Русь свет возвращается ("соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ"; "солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Руской земли")[93]. Что касается диалога Кончака и Гзака по поводу судьбы Владимира и "славы" молодым князьям с упоминанием его имени, то они действительно могут быть позднейшими добавлениями — исключение этих фрагментов не нарушает целостности поэмы. Не столь убедительно предположение о позднейшем включении в перечень побежденных Романом народов ятвягов и половцев. Во-первых, перечень в этом случае оказывался бы слишком кратким и не вписывался бы в ритмику поэмы; во-вторых, возникает вопрос: если могут быть упомянуты в тексте 1185 г. литовцы, хотя о войнах Романа с ними нет сведений по отношению ко времени ни до, ни после 1185 г., то почему ятвяги не могут быть упомянуты одновременно с ними? Получается, что

только потому, что известно о походе на них Романа в более позднее время. Что касается половцев, то … их упоминание в конце перечня может относиться к Мстиславу, князю, к которому наравне с Романом обращается автор»[94].

Исходя из этих не безусловных рассуждений А. А. Горский делает вывод: «Таким образом, вряд ли есть основания видеть в дошедшем до нас тексте “Слова о полку Игореве” намеки на какие-либо события, происшедшие позже середины 1188 г., и относительно времени создания поэмы могут быть высказаны два предположения: 1) “Слово” было создано осенью 1188 г.; 2) “Слово” было создано в 1185 г., а в 1188 г., после возвращения из плена Владимира Игоревича и Всеволода Святославича, в него были включены диалог Кончака и Гзака и провозглашение “славы” молодым князьям»[95].

Н. С. Демкова предложила «широкую» датировку «Слова о полку Игореве» (осень 1188 г. — май 1196 г.), обладающую, по ее мнению, «достаточно бесспорным основанием», и «узкую» — после июля 1194 г. — до мая 1196 г.[96]

«Какие же конкретные датирующие данные мы можем извлечь из авторского текста “Слова”? — задается вопросом исследовательница и далее отвечает на него. — В начале “Слова” князь Игорь назван “нынешним” (умер в 1202 г.), в конце “Слова” читаются “слава” и “здравица” в честь трех князей — участников похода 1185 г. — Игоря, Всеволода и Владимира. Несомненно, что эти слова автора обращены к живым, здравствующим князьям, уже вернувшимся из половецкого плена на Русь (намек на возвращение Владимира содержится и в диалоге Гзы и Кончака[97]). Известно, что Всеволод Святославич умер в мае 1196 г., Владимир Игоревич вернулся на Русь осенью 1188 г. Отсюда следует, что границы написания “Слова” — осень 1188 г. — май 1196 г.»[98]. Но поскольку в концовке «Слова» нет «славы» киевскому князю Святославу Всеволодовичу, то Н. С. Демкова предполагает, «что “Слово” было написано уже после смерти Святослава Всеволодовича (князь умер в конце июля 1194 г.)». При этом исследовательница очень тонко анализирует сон Святослава,

в котором чувствуется «иносказательное напоминание автора о недавней смерти самого великого князя»[99].

Помимо названных конкретных датирующих деталей определить время создания «Слова» исследовательнице помогает сложившаяся на момент его написания «политическая ситуация» и повод, вызвавший к жизни «Слово». По мнению Н. С. Демковой, в «Слове» отражена историческая обстановка 1194–1196 гг., характеризующаяся новым резким обострением вражды после смерти Святослава Всеволодовича двух княжеских родов: Мономаховичей (Всеволода Суздальского, Рюрика и Давыда Ростиславичей) и Ольговичей (Ярослава Всеволодовича Черниговского, Игоря и Всеволода Святославичей). «Кажется, — замечает Н. С. Демкова, — есть основания видеть в ситуации этих лет исторический фон и непосредственный повод для создания "Слова о полку Игореве". "Слово" было создано в защиту черниговских Ольговичей, оно напоминало о недавнем княжении на Киевском столе одного из Ольговичей — Святослава, было направлено против определенной политической линии Всеволода Суздальского. Пафос "Слова" заключается в том, чтобы направить силы князей на борьбу с половецкой опасностью. Высший критерий оценки для автора — благо Русской земли и ее "ратаев"»[100].

«Весьма удачной» назвал украинский ученый Б. И. Яценко «попытку Н. С. Демковой пересмотреть датировку "Слова о полку Игореве" в хронологических рамках XII в.». По его мнению, «конкретные датирующие данные», приведенные исследовательницей в статье, «убедительно свидетельствуют, что "Слово" было написано после смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.)». Однако он считает мало обоснованным «крайний временной предел появления "Слова" — до смерти "буи тура" Всеволода (май 1196 г.)».[101]

По мнению Б. И. Яценко, «политическая характеристика, данная Игорю Святославичу в "Слове", не могла возникнуть в 1194–1196 гг.», поскольку «и после смерти Святослава Киевского Игорь оставался подручным князем и не оказывал решающего влияния на политические события Руси. Старейшим же

среди Ольговичей тогда был Ярослав Всеволодович — феодальный глава всех черниговских и северских князей. Но интересно, что в “Слове” нет обращения к Ярославу. Более того, здесь читаем фразу, в которой явно ощущается укор Ярославу: “А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовоя брата моего Ярослава”, — говорит Святослав Киевский. <…> Нам кажется, — продолжает Б. И. Яценко, — что эта фраза не только упрек, но более резкое осуждение Ярослава как политического деятеля. <...> Так мог писать только политический противник Ярослава. Но он не мог еще прославлять Игоря и не принимать во внимание Ярослава Черниговского в 1194–1196 гг., когда Ольговичи выступали как единая политическая сила»[102].

Весьма существенное и верное замечание. С ним солидаризуется и А. А. Горский: «Что же касается предположения о создании “Слова” в 1194–1196 гг. сторонником Ольговичей, то против него существует аргумент в тексте произведения: это осуждение черниговского князя Ярослава Всеволодовича (“А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовоя брата моего Ярослава …”), которое не могло исходить из “черниговских кругов”, тем более в 1194–1196 гг., когда Ярослав был старейшим среди Ольговичей»[103].

Оба исследователи убедительно доказали, что нет оснований полагать, будто «Слово о полку Игореве» было написано в 1194–1196 гг.

Однако Б. И. Яценко, в отличие от А. А. Горского, сторонник более позднего времени создания «Слова». Его рассуждения сводятся к следующему: «…Автор “Слова” везде называет Чернигов “отним златым столом” Игоря и Всеволода Святославичей, игнорируя старейшинство и несомненное право на Чернигов князей Всеволодовичей. Если учесть, какой острой была борьба за Чернигов между Святославом и старшим братом Игоря Олегом (1164–1179 гг.), то напрашивается вывод, что автор мог назвать Чернигов “отним столом” Игоря лишь после смерти Ярослава, когда Игорь стал владетельным господином в Чернигове. Нам представляется, что время написания “Слова” следует ограничивать 1198–1202 гг.»[104].

По мнению Б. И. Яценко, «Слово о полку Игореве» не могло появиться раньше 1198 г. еще и потому, что в нем имеется «очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.», о чем уже упоминалось выше. К тому же, рассказывая о доблестных победах Романа Волынского, автор упоминает среди прочих покоренных народов и половцев, но, как показал Н. Ф. Котляр, «первый поход на половцев состоялся в 1197 или 1198 г.»[105].

Указанные Б. И. Яценко хронологические границы написания «Слова» заслуживают серьезного рассмотрения, как и весьма важные его наблюдения и замечания. Однако с дальнейшими его уточнениями согласиться трудно.

«Восторженная военная характеристика, данная Роману в "Слове", может относиться только к 1195–1198 гг., когда волынский князь был союзником Ольговичей в феодальных войнах за передел Русской земли. В 1199 г. князь Роман захватил Галич и стал врагом Игоря и его сыновей, внуков Осмомысла, которые тоже претендовали на Галицкое наследство. Значит, "Слово о полку Игореве" было написано в 1198–1199 гг., — после вокняжения Игоря Святославича в Чернигове и до захвата Романом Мстиславичем Галича* <…>

"Свивая славы обаполы сего времени" — славу Игорева похода (как его понимал автор) в 1185 г. и славу великого князя черниговского в 1198 г., автор "Слова" создал широкую картину общественно-политических отношений на Русской земле в конце XII в.»[106].

---

* После смерти в 1199 г. Владимира Ярославича, сына Осмомысла, брата жены Игоря, Галицкое княжество оказалось выморочным, и его действительно захватил Роман Мстиславич Волынский. Однако до его гибели в 1205 г. сыновья Игоря Святославича не претендовали на Галич. Только по приглашению галицких бояр они втянулись в шестилетнюю борьбу за Галицкое княжество в 1205–1211 гг. Поэтому, нет основания говорить о вражде Святославичей с Романом Мстиславичем в конце 90-х годов. Наоборот, в 1202 году Роман рассорился с Мономаховичем Рюриком Ростиславичем, своим тестем, и три года воевал с ним, пока силой не постриг его в монахи. Следовательно, нет никаких оснований полагать, что «Слово о полку Игореве» было написано в 1198–1199 гг. до захвата Романом Мстиславичем Галича.

А. А. Горский предпринял обстоятельную попытку подвергнуть сомнению наблюдения и выводы Б. И. Яценко. По его мнению, недоброжелательное отношение к Ярославу Черниговскому могло проявиться у автора (если допустить при этом, что он был близок к Игорю, а это не вытекает из текста «Слова» априори) и до 1194 г., когда старейшим Ольговичем был Святослав Всеволодович Киевский. «Порицание Ярослава можно связать с его уклонением от военных действий против половцев, которое после похода Игоря имело место дважды: в 1185 и 1187 гг.»[107]. И в этом замечании А. А. Горский прав, если учитывать логику «внутреннего», «художественного времени» произведения, когда автор в своей оценке поведения князя Романа исходит из исторически сложившихся обстоятельств на момент «завершения сюжета» «Слова», т. е. пребывания Игоря Святославича осенью 1185 г. в Киеве.

Менее убедительными выглядят рассуждения А. А. Горского по поводу «отня злата стола», под которым ученый видит и Чернигов, и Новгород-Северский, как составную часть Черниговского княжества — отчины Ольговичей. Трудно согласиться с интерпретацией А. А. Горского слов «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (С. 27–28) как возвращение Игоря в свое, Новгород-Северское княжество,[108] а не намек на будущее княжение в Чернигове.

Сам автор «Слова» совершенно однозначно называет Черниговское княжество «отним столом» в пассаже с братом Игоря Всеволодом Святославичем: «Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая рана, дорога братие, забывъ чти и живота, и *града Чрънигова отня злата стола*, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны (С. 15)».

Если учесть, что автор «Слова» весьма точен в воспроизведении исторических обстоятельств и деталей, то слабыми

кажутся предположения оппонента Б. И. Яценко и относительно того, что «Слово» приводит *обобщенный* перечень покоренных Романом и Мстиславом народов, и половцев побеждал не Роман, а Мстислав (Немой или Городенский) в 1184 г.[109] К тому же, А. А. Горский оставил без внимания и имеющийся «очень прозрачный намек на поход Всеволода Суздальского на Дон в 1198 г.», о котором уже говорилось выше. А это весьма существенный датирующий признак, оставшийся до сих пор не опровергнутым.

На это обратил внимание в своем ответе А. А. Горскому и сам Б. И. Яценко: «А. А. Горский, ставя под сомнение предложенную нами датировку "Слова" 1198–1199 гг., совсем не упоминает о походе Всеволода на Дон в 1198 г. и его отражении в "Слове"; не нашлось аргументов, и чтобы опровергнуть факт похода Романа на половцев в 1197 или 1198 г., тоже ярко написанного в "Слове" как нерядовое, выдающееся событие. Не помогает установлению истины и небрежность в осмыслении феодального этикета, в частности этикета старейшинства. Известно, что в 80–90-х гг. Святослав Киевский не был сюзереном Игоря, как считает А. А. Горский, а старейшиной среди Ольговичей. А непосредственным сюзереном был Ярослав Черниговский: он дал войско в помощь северянам; к нему прежде всего едет Игорь, вернувшись из плена. Поэтому при жизни Ярослава (ум. 1198 г.) автор не мог славить Игоря и осуждать его сюзерена Ярослава, тем более называть Чернигов "отним столом" только братьев Святославичей»[110]. С этими замечаниями Б. И. Яценко нельзя не согласиться: слабость аргументов А. А. Горского очевидна.

Тем не менее, подводя итог своему разбору разных мнений по датировке «Слова», А. А. Горский пишет: «Таким образом, существующие точки зрения на время написания "Слова" не представляются достаточно убедительно обоснованными. Нижней датой написания поэмы (в дошедшем до нас виде) можно считать время возвращения из плена Владимира Игоревича (август-сентябрь 1188 г.). Верхней датой представляется смерть Всеволода Святославича, которому

в поэме провозглашается слава (май 1196 г.). Дату эту можно снизить, исходя из того, что половцы во время написания "Слова" должны представлять значительную опасность, — нельзя не считаться с искренностью призыва автора к защите от них Русской земли. За 1194–1196 гг. сведений о военных действиях против половцев нет. Следовательно, "Слово" было, скорее всего, написано между 1188–1193 гг.»[111].

Стремясь обосновать более раннюю дату написания «Слова» (1188 г.), А. А. Горский замечает, что «за 1194–1196 гг. сведений о военных действиях против половцев нет». Но, во-первых, о войне с ними повествует статья под 1193 г., а, во-вторых, он упустил из виду участие половцев в междоусобной войне Мономаховичей и Ольговичей. Только в статье Ипатьевской летописи под 1196 г. они упоминаются неоднократно: их использует Рюрик Ростиславич против Ольговичей, о чем он сообщает своему свату Всеволоду Суздальскому: «Азъ же совокоупився с братьею своею и с дроужиною своею и съ дикими Половци» (Стлб. 694); «Рюрикъ же приведъ братью свою и дикыи Половци и почаша воевати со Ольговичи» (Стлб. 695); «Ярослав же Черниговьскыи и поча слати послы своя к Рюрикови, река емоу: Чему еси брате початъ волость мою воевати, а поганымъ роуцѣ полнишь» (Стлб. 695).

Когда же Ярослав Черниговский заключает мир с Мономаховичами в 1196 г., то вызывает тем огорчение у половцев: «Ярославъ же посла своя моужа и води Всеволода и Давыда кресту… и тако оутвердишася крестомъ честнымъ. преблагыи и премилосердыи Христосъ Богъ нашь не хотя дати радости дьяволу. ни дикымъ Половцемь. ажь бяхоуть на се готови. и оустремилися на кровопролитье. и обрадовалися бяхоуть свадѣ в Роускыхъ князехъ» (Стлб. 700).

Под 1199 г. в Лаврентьевской летописи читаем: «Ходи благоверныи и христолюбивыи князь великии Всеволодъ Гюргевич. внукъ Володимерь Мономаха. на Половци с сыномъ своимъ Костянтиномъ. Половци же слышавше походъ его бежаша и с вежами к морю. князь же великыи ходивъ по зимовищемъ

ихъ и прочее възлѣ Донъ. онѣмъ безбожнымъ пробѣгшимъ прочь. князь же великыи възвратися …в Володимерь и вниде месяца иуня въ 6 день, на память святага мученика Дорофея епископа в день суботний» (Стлб. 414–415). Хотя в Лаврентьевской летописи указан 1199 г., на самом деле события произошли в 1198 г., поскольку 6 июня приходится на субботу в 1198 г. В 1202 г. на половцев ходил Роман Галицкий, на следующий год половцев привели на Киев Рюрик с Ольговичами. Поэтому нельзя согласиться с выводом А. А. Горского, что половцы представляли опасность для Руси только в 80-е годы XII века.

Следующий аргумент А. А. Горского: «Симпатии автора одновременно к обоим соправителям — Святославу и Рюрику — могут быть датирующим признаком. Ипатьевская летопись сообщает о ссоре между этими князьями в 1190 г. (осенью или в начале зимы). Если автор "Слова" был жителем Южной Руси (а все современные исследователи сходятся на этом), он вряд ли мог бы (учитывая, что "Слово", вероятно, предназначалось для устного исполнения в княжеско-боярском кругу) положительно высказываться одновременно о главах двух крупнейших в этом регионе княжеских династий — Мономаховичей и Ольговичей — в период обострения отношений между ними. Правомерно предположить, что поэма создавалась тогда, когда эти князья были в хороших отношениях, т. е. до ссоры, имевшей место в 1190 г. Таким образом, хронологические рамки написания "Слова" сужаются до отрезка август-сентябрь 1188 — осень 1190 г.»[112].

Но почему А. А. Горский сбрасывает со счетов ***примирение*** после многих лет войны представителей тех же двух династий: Мономаховичей, во главе со старейшим Всеволодом Суздальским, и Ольговичей, во главе с Ярославом Черниговским в 1196 г.?

«Всеволодъ же… посла моужа своя ко Ярославу и оумолви с нимъ про волость свою. и про дѣти своя. а Кыева подъ Рюрикомъ не искати. а подъ Давыдомъ Смоленьска не искати. и води Ярослава ко честному кресту и всихъ Ольговичь. Ярославъ же посла своя моужа и води Всеволода и Давыда кресту

и Рязаньскыя князи на своихъ рядохъ. и тако оутвердишася крестомъ честьнымъ» (Стлб. 700). Важно отметить, что после заключения этого мира, закрепленного крестным целованием, действительно прекратилась более чем столетняя война Ольговичей и Мономаховичей, начатая в 1078 г. Олегом Святославичем. Чем не повод для написания «Слова»?

В 1993 г. Б. И. Яценко еще раз вернулся к датировке «Слова» 1198 годом, указав дополнительные аргументы: «Приведем еще два примера расшифровки поэтических образов, которые вполне определенно датируют "Слово" 1198 г. Прежде всего, чрезвычайно важен хронологический пробег "отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря", в котором князь Игорь поставлен на один уровень с киевским князем как равновеликий. Такое уравнивание могло возникнуть после 1198 г., когда Игорь стал великим черниговским князем, старейшим среди Ольговичей, соправителем Рюрика Ростиславича в Киеве»[113]. При этом Б. И. Яценко ссылается на толкование сходного «хронологического пробега» из «Слова о погибели Русской земли» — «от великаго Ярослава... и до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго». По его мнению, «младший Ярослав поставлен впереди старшего Юрия, потому что занимал более высокое место в княжеской иерархии». С этим выводом согласился и А. А. Горский[114]. «Только на киевском престоле Ярослав мог считаться равным Ярославу Мудрому. Такое же равенство между "старым Владимиром" и "нынешним Игорем" — великими князьями киевскими — в "Слове о полку Игореве". Согласно феодальному этикету, они должны быть одинаково почитаемы и в обществе, и в памяти потомков», — заключает Б. И. Яценко[115].

«Еще один факт находим в рассказе о Всеславе, где идет речь о враждебных отношениях между полочанами и новгородцами. Осенью 1198 г. они обострились с новой силой. Полочане вместе с литовцами напали на Луки и сожгли хоромы. А зимой новгородский князь Ярослав Владимирович пошел войной на Полоцк. Конфликт закончился миром на озере Касопле. Именно

в это время, — по убеждению Б. И. Яценко, — мог прозвучать призыв автора “Слова”: “Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени”»[116].

Позволю небольшую ремарку к этому наблюдению: не в это же время, а после описываемых событий, поскольку в словах автора есть красноречивое междометие «уже», косвенно указывающее на уже заключенный мир, после которого и целесообразно спрятать мечи в ножны…

* * *

Отдельно следует рассмотреть датировку «Слова о полку Игореве» XIV–XV веками, предложенную воронежским лингвистом А. М. Ломовым[117].

Во-первых, по мнению А. М. Ломова, до выхода его книги «“Слово о полку Игореве” и его автор» «серьезных исследований о времени создания “Слова” не было» (С. 9). То есть, в его сознании разобранные выше работы Б. А. Рыбакова, Л. А. Дмитриева, Н. С. Демковой, Б. И. Яценко, А. А. Горского, М. Ф. Котляра не выглядят серьезными.

Во-вторых, безапелляционным звучит и его утверждение, что «никаких других хронологических разысканий» после выхода в 1995 г. в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» статьи Л. А. Дмитриева «Время создания “Слова”» «не предпринималось» (С. 9). По этому поводу хочу заметить, что уже в начале XXI века вышли книги А. А. Горского «Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова» (М., 2002)[118] и Бориса Яценко «“Слово о полку Ігоревім” як історичне джерело» (Київ, 2006)[119], в которых рассматривались вопросы места и времени написания «Слова». Укажу и на некоторые мои статьи и книги[120]. Понимаю, что в восприятии А. М. Ломова они могли также выглядеть несерьезными, но хотя бы ради научной этики нужно было их разобрать и указать на их научную несостоятельность.

С какими же выводами своих предшественников не соглашался А. М. Ломов? По его мнению, существуют четы-

ре *показательных* факта, «противоречащих утверждению об отнесенности “Слова” к XII (или началу XIII) в.».

Рассмотрим эту *показательность*.

«Факт» первый. А. М. Ломов полагает, что это не переписчик Домид в приписке 1307 года к псковскому «Апостолу» использовал «Слово о полку Игореве», а сам автор «Слова» «использовал в своем творчестве текст приписки Домида» (С. 9).

Мнение отнюдь не новое, высказывая его, А. М. Ломов следует за А. А. Зиминым[121]. Правда, существует серьезное отличие в датировке «Слова о полку Игореве» обоими исследователями: если А. М. Ломов датирует его XIV–XV веками, то А. А. Зимин — концом XVIII века. При этом, будучи историком, А. А. Зимин пытается объяснить, где и когда создатель «Слова» мог познакомиться с припиской Домида к псковскому «Апостолу».

А. А. Зимин к тому же полагал, что приписка переписчика Домида — «Сего же лета быс(ть) бой на Русьской земли, Михаилъ съ Юрьемь о княженье Новгородское. При сихъ князехъ сеяшется и ростяще усобицами, гыняше жизнь наша въ князехъ которы, и вецы скоротишася человекомъ» — восходит не к «Слову о полку Игореве» («Тогда при Ользе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ веци человекомь скратишась»), а имеет «мотивы библейского происхождения: ср. “гыняше жизнь наша” и “исчезе в болезни живот мой” (Пс. 30, 11); “вецы скоротишася человекомь” и “умалил еси дни времене его” (Пс. 88, 46)»[122].

Почему, в таком случае, не предположить, что именно Автор «Слова» пользовался Псалтырью, а не псковским «Апостолом», тем более что в «Слове» содержатся и другие цитаты из Псалтыри и иных библейских книг?[123]

А. М. Ломов не ставил перед собой задач ни по определению места и времени возможного знакомства Автора «Слова» с припиской Домида, ни, тем более, по доказательству того, что Автора «Слова» сознательно предпочел воспользоваться

припиской Домида, а не самой Псалтырью, которую хорошо знал. Тогда нужно было вразумительно объяснить, зачем он это сделал?

Словом, первый «факт» оказался показательным лишь в части голословных утверждений А. М. Ломова.

«Факт» второй. «Все читавшие “Слово” помнят, что автор собирается повествовать о походе Игоря старыми словесы <…> Это столь же неожиданно, как если бы человек (наш современник!) начал рассказывать о случае, свидетелем которого он был, языком XVIII века!» — замечает А. М. Ломов. При этом он опирается на мнение Е. А. Болховитинова, высказанное еще в XIX веке: «Удовлетворительное истолкование этого факта предложил Е. А. Болховитинов, который писал, что стремление автора написать текст старыми словесы, то есть старинным прежних времен слогом, а не современным себе свидетельствует о том, что тот не современник событий. Но это в полном смысле гибельное для первой гипотезы (о написании “Слова” в XII веке. — *А. У.*) объяснение, конечно же, не было принято во внимание» (С. 10).

Напомню читателям зачин «Слова о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню».

Вопрос здесь в правильном понимании текста «Слова» и адекватном переводе слов его Автора. При внимательном их прочтении мы видим, что **Автор** как раз и **не собирается писать** *старыми словесы* свою повесть, о чем и сообщает в первой же строчке своего творения. Это Боян сочинял по своему *замышлению*, для Автора «Слова» творить так, как Боян, — *не лепо* (не хорошо или просто нелепо!), поэтому он и вознамерился строить свое повествование *по былинамь сего времени*. Получается, что Автор в самом же начале «Слова» заявляет, что противопоставляет свою манеру повествования (христианина) манере старого Бояна (язычника)[124]. Непонимание гениального произведения его толкователями

и приводит к многочисленным кривотолкам и ложным суждениям о «Слове».

И второй «факт» А. М. Ломова оказался несостоятельным, и не только не губительным для ранней датировки «Слова», но и просто нелепым.

«Факт» третий. А. М. Ломов упоминает бытовавшие в Древней Руси произведения: «Девгениево деяние», близкое, по замечанию Вс. Ф. Миллера, к «Слову о полку Игореве», и «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, имеющую, по наблюдениям Е. В. Барсова, В. Н. Перетца и Н. М. Мещерского, параллели со «Словом»[125]. Поскольку не сохранились переводы XII века этих произведений, то А. М. Ломов делает вывод, что Автор «Слова о полку Игореве» пользовался переводами этих произведений, сделанными не ранее XIV века (С. 10). Следовательно, «Слово» не могло быть написано ранее XIV века.

Своих *показательных* доказательств А. М. Ломов, конечно же, не приводит и на сей раз.

Во-первых, отмечу, что в «Слове о полку Игореве» нет прямых цитат ***из переводов*** «Девгениева деяния» и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, то есть *нельзя утверждать о влиянии их* ***переводов*** на «Слово о полку Игореве».

Во-вторых, А. М. Ломов, равно как и названные им Вс. Ф. Миллер, Е. В. Барсов, В. Н. Перетц и Н. М. Мещерский, даже не рассматривали возможность знакомства Автора «Слова о полку Игореве» с греческими текстами этих произведений. А напрасно, поскольку в Киевском Свято-Михайловском Выдубицком монастыре, основанном в 70-е годы XI века для греческих монахов Всеволодом Ярославичем, и в котором, скорее всего, и было написано «Слово о полку Игореве», была библиотека с греческими книгами, а Автор «Слова» использовал книги на греческом языке[126].

Значит, Автор «Слова» был знаком с греческими текстами «Девгениева деяния» и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, этим и объясняется, почему между ними наблюдаются смысловые параллели, но нет прямых цитат.

Аналогичный пример мы наблюдаем в случае с Книгой пророка Иеремии и «Словом о полку Игореве»[127].

И третий «факт» А. М. Ломова удалось оспорить.

«Факт» четвертый снова связан с произвольным толкованием текста «Слова». В пассаже: «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ: Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ», как толкует это место Д. С. Лихачев, под *землей незнаемой* подразумевается Половецкая степь, хотя само понятие «земля незнаема» не имеет точной географической привязки, как свидетельствуют о том древнерусские летописи[128].

Вырванный из контекста Крымский Сурож интерпретируется А. М. Ломовым как уже захваченный в XII столетии половцами и обложенный данью. По его мнению, автор «Слова», если бы он писал в конце XII века, должен был бы об этом знать.

Судя по приведенному выше пассажу, Автор «Слова» как раз об этом знает и пишет. Сурож входит в «землю незнаему» — землю, находящуюся под половецким патронажем, как и приграничные к Руси Поволжье, и Поморье, и Посулие, и принадлежавшая в XI веке черниговским князьям Тмутаракань. Об этом свидетельствует и толкование этого места Д. С. Лихачевым.

Выходит, что и четвертый аргумент А. М. Ломова не может быть оценен в качестве *показательного факта*, свидетельствующего о написании «Слова» позднее XII века.

В итоге получается, что среди четырех так называемых А. М. Ломовым «показательный фактов», на самом деле не оказалось ни одного факта, способного опровергнуть или, хотя бы, подвергнуть сомнению датировку «Слова о полку Игореве» XII веком.

На этом можно было бы поставить точку и не тратить время на дальнейший разбор размышлений А. М. Ломова. Однако уже успела появиться восторженная рецензия В. Б. Смирнова на предыдущее издание книги А. М. Ломова,

в которой рецензент всецело разделяет мнение воронежского лингвиста и повторяет его «аргументацию»[129].

Придется разобрать и эту «аргументацию», точнее, обозначенные А. М. Ломовым более мелкие противоречия (четыре крупных разобраны выше), которые «выявляются в несоответствии наших заключений о тех или иных особенностях памятника, способах их познания и т. д., логически вытекающих из самой сути гипотезы, общенаучным представлениям, сложившимся и уже проверенным на материале, значительно большем, чем материал отдельно взятого произведения. Взятые изолированно, эти противоречия могут показаться малозначительными, и мимо них зачастую проходят, даже не задумываясь. Но если их свести воедино, они в полном соответствии с принципом сверхсуммарности удесятеряют свою доказательную силу и становятся не менее значимыми, чем противоречия первого рода» (С. 10–11).

Таких мелких противоречий, по мнению А. М. Ломова, может быть много, но он остановился всего на *семи*. Не пройдем мимо них и мы и задумаемся о качестве этих противоречий.

1) О *первом* противоречии он пишет: «Все мы помним, что наш памятник, несмотря на трагизм описываемых событий, заканчивается на оптимистической ноте…» (С. 11). И задается вопросом: «Но спросим себя: где истоки этого оптимизма?». Спросив себя, он же и отвечает себе: «Их не было во второй половине XI века, когда обделенные Рюриковичи предприняли передел Ярославова наследия…» (С. 11).

Честно говоря, я не помню, чтобы более чем за 230-летнюю историю изучения «Слова о полку Игореве» кто-то утверждал, что оно написано «во второй половине XI века», за сто с лишним лет до самого похода Игоря Святославича на половцев! Вот уж противоречие, так противоречие!

«Их не было за 10–15 лет до Каяльской битвы, — продолжает А. М. Ломов, — когда с новой силой обострились противоречия между Ольговичами и Мономашичами…» (С. 11). «Их не было на исходе XII века», — констатирует А. М. Ломов (С. 11).

Вот тут-то позволю себе не согласиться с воронежским лингвистом. Именно в конце XII века произошло примирение Мономашичей и Ольговичей, после почти полуторастолетнего противостояния этих двух княжеских родов, о чем свидетельствует дружба в конце 90-х годов XII века великого князя Киевского Рюрика Ростиславича и князя Черниговского Игоря Святославича[130], того самого героя «Слова». Самое подходящее время для написания «Слова о полку Игореве» — и главный герой его еще жив, и долгожданный мир установился на Руси.

Не могу пройти мимо еще одного пассажа, который свидетельствует о превратных представлениях А. М. Ломова о грамотности и культуре Древней Руси: «В стране, приобщившейся к христианской культуре лишь на исходе X столетия, интеллектуальной элиты просто не существовало, так как здесь не было крупных учебных заведений, подобных западноевропейским колледжам и университетам, не было философско-литературных “театров”, группировавшихся вокруг выдающихся деятелей культуры, как это наблюдалось в Византии. Более того, не существовало и той культурной среды, которая могла бы воспринять идеи интеллектуальной элиты: грамотность оставалась уделом очень немногих» (С. 12). А. М. Ломов попутно замечает, «что бытовавшее недавно у нас представление о широком распространении грамотности в Древней Руси всего лишь миф» (С. 12).

Складывается впечатление, что в Воронеже даже не знают о раскопках А. В. Арциховского и В. Л. Янина в Великом Новгороде, где на сравнительно небольшом раскопанном пространстве обнаружено уже более 1000 берестяных грамот и свыше 200 писал (палочек для письма)[131], в том числе и «деревянная книга» — навощенный триптих конца X — начала XI века с церковнославянским текстом Псалтири (из 75 и 76 псалмов)[132]. Открытие «Новгородской Псалтири», а также находки фрагментов 12-ти цер (навощенных дощечек), по мнению специалистов, «не оставляют сомнения в том, что в Древней Руси была известна эта широко употреблявшаяся

в Византии и средневековой Европе форма рукописного кодекса»[133].

По письменным источникам (летописям и надписям писцов) достоверно устанавливаются древнерусские центры книгописания XI–XII вв.: в Переяславле, Суздале, Чернигове, Владимире-Волынском, Киеве, Полоцке, Смоленске, Турове. Только в одном Новгороде, согласно записям самих писцов, книги в XII в. переписывались в соборной церкви монастыря св. Лазаря, церкви св. Апостолов, церкви Иоанна Предтечи, церкви Вознесения Господня, церкви св. Николая, церкви св. Василия[134]. Это ли не свидетельство широкой грамотности на Руси? А функции университетов, как хранилищ знаний, на Руси выполняли монастыри с их книжными сокровищами.

По всей видимости, однако, А. М. Ломов ничего об этом не знал, поэтому и продолжал свои экзерсисы: «Конечно, упомянутое несоответствие "Слова" характеру эпохи, к которой относят создание памятника (конец XII — начало XIII вв.), не ускользнуло от внимания исследователей. И тем не менее они готовы были допустить, что "Слово" представляет собой исключение из общего правила. Однако для такого заключения никаких оснований нет» (С. 12) — заявляет безапелляционно воронежский лингвист А. М. Ломов.

Как же тогда могли появиться и «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.), и «Повесть временных лет», и написанные преп. Нестором жития св. Бориса и Глеба и преп. Феодосия Печерского, и «Поучение» Владимира Мономаха, и «Моление» Даниила Заточника? Разве они не свидетельствуют о высокой книжной культуре Древней Руси?

У А. М. Ломова, как видно, было свое мнение на сей счет.

Когда же Русь, по его мнению, достигла того уровня, чтобы в ней могло возникнуть «Слово о полку Игореве»? Оказывается, в XIV веке, поскольку «в целом XIV век оказался временем больших надежд, временем *возрождения и развития культурных традиций Киевской Руси* (Выделено мной. — *А. У.*). Именно поэтому, — как думалось А. М. Ломо-

ву, — “Слово” кончается на оптимистической ноте вопреки печальному финалу Игорева похода» (С. 12).

Как же так получается: то А. М. Ломов сначала утверждает, что в Древней Руси «не существовало культурной среды» (С. 12), то затем говорит о «*возрождения и развития культурных традиций Киевской Руси*»? Разве можно возродить и развить то, чего, с его точки зрения, не было?

Появились ли на Руси «подобные западноевропейским» колледжи, университеты и философско-литературные «театры» к 90-м годам XIV века, к которым А. М. Ломов относит время написания «Слова о полку Игореве»? Нет. Тогда, исходя из логики самого А. М. Ломова, «Слово» не могло быть написано и в конце XIV века.

Первое *противоречие*, как видим, кроется не в историко-культурной обстановке XII и XIV веков, а в логике самого А. М. Ломова.

2) Задумаемся над вторым *противоречием*, обнаруженным А. М. Ломовым.

Он пишет: «Как уже известно читателям, политико-географический термин *Русская земля* в “Слове” употребляется в широком смысле — для обозначения всех русских владений безотносительно к тому, о каком княжестве шла речь» (С. 12).

Верное суждение, вот только дальше А. М. Ломов утверждает, опираясь на наблюдения Б. А. Рыбакова, «что в XII в. существовало узкое понятие *Русская земля*», и в подтверждение высказанной мысли упоминает грамоту великого князя Мстислава Владимировича и князя Всеволода, данную ими Новгородскому Юрьеву монастырю в 1130 г.

К сожалению, А. М. Ломов не приводит ее текста, или, хотя бы, цитаты из нее, которая бы подтвердила читателям его заявление, что «Русской землей в ней совершенно однозначно названа Киевская часть Руси» (С. 12). А раз так, — констатирует А. М. Ломов, — то «в этих условиях говорить, что в период битвы на Каяле уже господствует идея общерусского единства, никак нельзя, как часто утверждают. По-

ложение дел изменилось, по наблюдениям А. А. Шахматова, только в XIV веке…» (С. 12).

Во-первых, следует уточнить, что наблюдения академика Б. А. Рыбакова над летописными определениями понятия *Русская земля* в XI–XII веках привели его к выводу «о существовании ***трех*** географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря»[135].

А. М. Ломов же для своих выводов ограничился двумя, выделенными Б. А. Рыбаковым, географическими понятиями *Русская земля* и проигнорировал третий географический концентр — «все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря», поскольку такое общерусское понимание концепта *Русская земля* противоречило его рассуждениям.

Б. А. Рыбаков, а за ним и А. М. Ломов, предприняли, если так можно сказать, чисто географическое осмысление концепта *Русская земля*. Однако сами древнерусские писатели вкладывали в выражение *Русская земля* не одно лишь территориальное (географическое) ее понимание. Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее все древнерусские княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей, как это видно из «Слова о погибели Русской земли»[136].

Во-вторых, именно такое общерусское и религиозное понимание концепта *Русская земля* стало формироваться довольно рано, еще в первой половине XI в.[137], и окончательно сложилось в XIII в. Оно присутствует в ранних памятниках XI–XII веков: «Слове о Законе и Благодати» (1038 г.) митрополита Илариона («Не въ худе бо и неведоме земли владычь-

ствоваша, нъ въ Руськe, яже ведома и слышима есть всеми четырьми концы земли»[138]), «Чтении о св. кн. Борисе и Глебе» (80-е годы XI в.) преп. Нестора («Сущю самодрьжьцю *вьсеи Русьскеи земли* Володимиру, сыну Святославлю, вънуку же Игореву, иже и святыимь крьщениемь вьсю просвети сию *землю Русьску*»[139]), и в названии первого общерусского летописного свода, составленного в начале XII века в Киево-Печерском монастыре монахом Нестором: «Се повести временьных лет, откуду есть пошла *Руская земля,* кто въ Киеве нача первее княжити, и откуду *Руская земля* стала есть»[140].

В-третьих, мне уже приходилось специально писать о восприятии древнерусскими книжниками XI–XV вв. концептов *Русь* и *Русская земля*, и хочу отметить, что мировоззрение Автора «Слова о полку Игореве» полностью вписывается в свой исторический контекст XII века. Отсылаю читателя к этим работам[141], которые проигнорировал А. М. Ломов.

3) Рассмотрим третье, по А. М. Ломову, *противоречие.* Оно заключается в историчности «Слова». «Но историзм в строгом смысле слова не был свойственен литературе XII века: в эту пору безраздельно господствует провиденциализм, объясняющий все происходящее исключительно Божьей волей. Что же касается исторического понимания происходящего, оно заявило о себе, как подчеркивают исследователи, лишь в XIV столетии…», — утверждает А. М. Ломов, ссылаясь на безымянных исследователей. И продолжает: «О Божьей воле — ни слова. А это уже взгляд человека XIV столетия, когда в церковно-религиозной философии возобладала мысль об ответственности человека за свои грехи» (С. 13).

Во-первых, провиденциализм присутствует и в «Слове о полку Игореве»: бегство князя Игоря Святославича из половецкого плена объясняется *исключительно Божьей волей*: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу».

Во-вторых, *ответственность человека за свои грехи* появляется на Руси сразу с принятием христианства, т. е., с 988 года. Это основной постулат Православия.

В-третьих, провиденциализм был присущ и произведениям XIV–XV веков, поскольку тоже является аксиомой Православия. Например, «Задонщине»: «И рече князь великий Дмитрей Иванович: “Господи Боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в век, ни да посмеют ми ся враги моя мне”». «И помилова Богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество»[142]. Провиденциализм присущ и «Сказанию о Мамаевом побоище»: «Князь же великий Дмитрей з братомъ своим Владимером възрадовастася радостию великою, яко бо такова милость Божиа…»; «Архиепископъ же… глаголя съ слезами: Господи Владыко человеколюбче, яко съпротивнии наши ветри на тихость прелагаеши!»; «ждуще того дни грознаго, Богом изволенаго»; «Братьа моа, друзи, дръзайте: сила бо Святого Духа помогаеть нам!»[143] и др.

И третье *противоречие* не имеет противоречий.

4) А. М. Ломов пишет: «Очередное несоответствие “Слова” XII веку проявляется в его отношении к литературным канонам этого столетия, определявшим характер изображения героя. Как известно, в это время на вооружении древнерусской литературы был особый стиль, называемый историческим монументализмом. Он требовал от писателя изображения человека *вообще со всеми свойственными ему знаками*» (С. 13).

Как это «*со свойственными ему знаками*»? И знал ли об этом стиле исторического монументализма сам древнерусский автор?

Во-первых, идея существования в XI–XII веках стиля исторического монументализма принадлежит Д. С. Лихачеву. То, что ни Б. В. Сапунов, ни А. С. Демин, на которых ссылается А. М. Ломов, не обнаружили присутствие этого стиля в «Слове о полку Игореве» свидетельствует отнюдь не в пользу написания «Слова» в более позднее время, а всего лишь говорит о несостоятельности самой *теории стилей эпохи* Д. С. Лихачева. Об этом мне приходилось писать многократно[144].

Во-вторых, XI–XII века характеризуются религиозно-символическим мышлением, какое было и у Автора «Слова», XIV–XV векам было присуще уже религиозно-прагматическое сознание, изменившее и художественную специфику произведений того времени[145].

В третьих, «Слово о полку Игореве» не светское произведение, как думает А. М. Ломов, а религиозное, типичное для XI–XII вв. Об этом уже говорилось не только мной[146] и будет еще сказано в этой книге.

5) «Древнерусская литература XII века природу словно не замечает. А между тем в "Слове" упоминаются 25 животных и птиц, которые предстают не как фоновые элементы, а как непосредственные участники происходящего; здесь множество прекрасных зарисовок, свидетельствующих о том, насколько внимателен автор памятника к окружающему. Но такое мировосприятие явно соответствует XIV столетию, когда авторы как бы открыли для себя природу, научились любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весной, слушать птиц и наблюдать зверей», — отмечает А. М. Ломов (С. 14).

Опять голословное утверждение. А. М. Ломов не привел ни одной из «множества прекрасных зарисовок» в «Слове», ни одного примера, где его Автор «любуется закатами и восходами солнца, расцветающей весной, слушает птиц»…

Описание природы Автором «Слова» коренным образом отличается от метода ее восприятия и отражения в памятниках словесности XIV–XV вв. Об этом мне приходилось уже много раз писать[147]. При желании А. М. Ломов мог бы полюбопытствовать. Как раз описание природы в «Слове» и свидетельствует, что оно не могло быть написано в XIV–XV вв.

6) «Следующее несоответствие "Слова" общему характеру XII столетия, — по мнению А. М. Ломова, — дает о себе знать в призыве автора к князьям вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы» (С. 14). Воронежский лингвист задается вопросом: кто бы мог в конце XII века вступиться за Автора

«Слова», выразившего в своем произведении «многоадресный упрек за бездеятельность» древнерусских князей? Ответ для него только один — никто! А раз так, то и вывод соответствующий: «Слово» написано в конце XIV в. и «автор укоряет терпеливых покойников — князей, давно уже покинувших землю и не способных дать волю гневу» (С. 14).

Да, не очень-то высокого мнения был А. М. Ломов о моральных качествах Автора «Слова», раз подозревал его и в трусости, и в разжигании княжеских страстей (гнева). Воронежскому лингвисту должно было быть известно, что по православной традиции о покойниках говорят или хорошо, или вовсе ничего. К тому же, истинно православный человек, каким и был Автор «Слова», боится только Бога, а не правителей. Именно поэтому он и осуждал своих современников-князей в их междоусобицах и крамолах.

7). «Последнее несоответствие, — по мнению А. М. Ломова, — заключается в том, что читатель сталкивается в памятнике с квалификациями, которые совершенно невероятны в устах человека, жившего в одно время с князем Игорем. Конец XII в. на Руси, как мы помним, назван бусовым (серым) временем» (С. 15), которое сменят через полстолетие «черные дни» — татаро-монгольское нашествие. А если Автор об этом знает, значит, писал он «Слово» уже гораздо позднее — в конце XIV в.

Незамысловатая логика.

Непонятно только, почему А. М. Ломов решил, что именно время конца XII в. применительно к Руси названо в «Слове» бусовым (серым)?

Напомню, что о «времени Бусовом» в «Слове» поют готские девы, лелея месть за хана Шарукана, потерпевшего поражение от русских князей в 1106 г. Как комментирует это место Д. С. Лихачев, еще О. Огоновский в конце XIX в. указал, что «Бус — это антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. н. э. готский король Винитар… победил антов (предков восточных славян) и приказал распять на кресте короля антов Боза,

его сыновей и семьдесят знатных антов. Готские девы воспевают это время и лелеют месть за поражение хана Шарукана»[148].

Если А. М. Ломов не согласен с таким толкованием учеными разбираемого места «Слова», то ему следовало бы представить свои контраргументы и обосновать их, а не заявлять, будто это уже стало аксиомой, («как мы помним»), что это «конец XII в. на Руси назван бусовым (серым) временем» (С. 15).

Подводя итог своим умозаключениям и экзерсисам, А. М. Ломов замечает, что «Слово», с опорой на его содержание, «датируют 1185, 1187, 1194–1196, 1198–1199 годами, самым началом и первой третью XIII века, причем ни одна из этих датировок не может быть, — по его мнению, — бесспорной, так как основательных аргументов в пользу ни одной из них нет». И безапелляционно, как приговор, добавляет: «по *причинам*, изложенным выше, таких аргументов не может и быть» (С. 18).

Все изложенные А. М. Ломовым *причины* разобраны мной выше. Все они, как мы убедились, оказались несостоятельными. А. М. Ломов был уверен, что борется с научными фикциями, а получилось, что именно он сам и породил такую фикцию.

§ 3

Так, когда же было написано «Слово о полку Игореве»? Предложу свои размышления по этому вопросу.

Больше всего, на протяжении уже двух столетий, исследователей завораживала провозглашенная почти в самом конце «Слова о полку Игореве» слава трем Ольговичам:

«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»

И еще одна слава — общая — заключает произведение:

«Княземъ слава а дружине аминь».

Как мы уже видели выше в обзоре различных точек зрения на время написания «Слова», в своих предположениях исследователи постоянно опирались как на датирующий

признак на провозглашение славы Ольговичам, полагая, что слава произносится только живым князьям. Впрочем, Л. А. Дмитриев в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» допустил (с весьма существенной оговоркой, практически нивелирующей это допущение), что «здравица-слава в честь князей, возможно, могла (что, правда, весьма сомнительно) называть и тех князей, которые ко времени провозглашения такой славы уже умерли. Но текст “Слова” недвусмысленно свидетельствует, что в нем названы только живые князья. В заключительной здравице “Слова” перечислены лишь участники похода (поэтому в ней отсутствует имя Святослава Киевского).<…> Нет Святослава Рыльского. Безусловно, права Моисеева, объясняя это тем, что ко времени создания “Слова” этого князя не было в живых. И в данном случае не столь важна дата смерти Святослава (в летописях ее нет), сколько то, что он не поименован в перечислении участников похода. Это значит, что “Слово” было создано до мая 1196 — времени смерти Всеволода Святославича»[149].

Если уж принимать точку зрения Г. Н. Моисеевой и соглашаться с ее системой доказательств, то тогда нужно признать, что «Слово» было написано до 1186 г. — предполагаемой смерти в плену Святослава Ольговича[150], но Л. А. Дмитриев этого не делает.

Слава довольно часто фигурирует в «Слове»: вещий Боян свивал «славы оба полы сего времени», разные народы «поютъ славу Святъславлю», «Бориса же Вячеславлича слава на судъ (Страшный суд. — *А. У.*) приведе» и т. д. Да и сами герои ради *земной славы* отправляются в поход: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!». Ее то и пытались добыть русские воины своим князьям: «Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищущи себѣ чти, а князю славы». Самим дружинникам слава не была положена, а только честь[151]. А вот святые — страстотерпцы Борис и Глеб, Михаил Черниговский в Орде и др. — отказываются от славы мира сего. Чего ради? И почему заключает «Слово» общая, всем князьям, слава?

Следует отметить, что княжескую власть на Руси воспринимали как данную Богом: «Яко же рече Исайя пророк: “Тако глаголеть Господь: ‘Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожу я’”», — замечает автор «Повестей о житии Александра Невского». В его представлении и оценке «воистину бо без Божия повеления не бе княжение» Александра Ярославича![152] Но если княжеская власть дана Богом, то, как само собой разумеющееся, и княжеское служение — это мирское служение Богу.

Бог есть Царь славы. Горний Иерусалим освещается Его Славой и Славой праведников, которая дается им от Бога. Князья, изначально, по своему происхождению должны были следовать путем, указанным Спасителем — путем Христовым (им идут все святые), и снискать славу праведников.

Не случайно, до XV в. основную часть русских святых из мирян составляли именно князья и княгини, в значительной своей части принимавшие перед кончиной монашеский постриг. Видимо поэтому, если у причисленного к лику святых *благоверного* князя нет индивидуальной службы, то литургия в день его памяти служится по чину *преподобных*! Тем самым церковная служба приравнивала мирского благоверного князя к монаху! Монахи, как и благоверные князья, не ищут мирской славы, по словам евангельским: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?» (Иоанн. 5,44). Но ищут славу небесную — от Бога. Вот почему в конце «Слова» провозглашена слава *всем князьям*.

Что же касается земной славы трем Ольговичам, то они ее искали и обрели (земная слава бывает разная, не даром их родоначальник Олег Святославич назван в «Слове» *Гориславич*!). А вот, по-видимому, не вернувшийся из плена Святослав Ольгович — нет. Точнее, нам не ведомо. Таким образом, *провозглашение славы в концовке «Слова» не может быть датирующим признаком*[153].

Для определения времени написания «Слова о полку Игореве» воспользуемся уже неоднократно апробирован-

ным и описанным в § 1 приемом: выявим авторские экскурсы за пределы 1185 г. — «внутреннего времени» произведения во «внешнее время» его работы. Эти экскурсы в «свое время», как правило, самые малозаметные, поскольку не должны разрывать «художественное время» сочинения.

Верхняя граница работы Автора над «Словом» устанавливается довольно легко, и о ней уже говорилось выше при рассмотрении гипотезы Н. С. Демковой.

Еще в самом начале «Слова» Автор замечает: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Огоря». Поскольку герой «Слова» Игорь Святославич умер, судя по летописным известиям, вскоре после лунного затмения 22 декабря 1200 года, то, стало быть, произведение написано до его кончины, ибо Игорь назван «нынешним», т. е. еще живым[154].

А далее мы сталкиваемся с целым рядом *художественных отражений* событий, выходящих за рамки 1185 г. — времени похода и возвращения из плена Игоря Святославича.

Что в XII в. имели место *художественные отражения*, свидетельствует современник князя Игоря епископ Кирилл Туровский, который писал: «Яко же ***историци*** и ***ветия***, рекше ***летописьци*** и ***песнотворци***, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять (ся) словесы и възвеличать мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчають…»[155] То есть, сведущий в литературе человек и талантливейший писатель XII века разделял сугубо фактологический подход историка-летописца и художественный подход ветия-песнотворца.

Практически все эти экскурсы автора «Слова» за пределы «художественного времени» произведения известны исследователям, но они никогда не рассматривались в *совокупности*. Если обнаруживается какой-то единичный факт, то его, порой, или игнорируют, или принимают за ошибку. Выше, в обзоре, имеются тому примеры. Если же фактов накапливается много, то их можно уже выстроить в своеобраз-

ную систему, или принять за писательский подход. Попытаемся это сделать.

1. Совершенно правы те исследователи, которые видят в диалоге Гзака и Кончака явный намек на потерю половцами «сокольца и красной девицы», то есть, намек на возвращение из плена Владимира Игоревича и Кончаковны в августе-сентябре 1188 г. (об этом уже говорилось выше).

В связи с этим хочу обратить внимание на один, как мне кажется, существенный аспект. Традиционно ученые исходят из гипотезы, что Владимир Игоревич был «помолвлен» с дочерью хана Кончака еще ранее[156], хотя указаний на это нигде нет. М. Д. Каган пишет: «Скорее всего, эта женитьба (Владимира Игоревича и Кончаковны. — *А. У.*) была задумана еще до похода, во время плена Игорь уже назван сватом Кончака: "Кончак поручился за свата Игоря, зане бяшеть ранен" (Ипат. лет. С. 644)»[157]. Если исходить из хронологии событий, то и «Слово» называет половцев сватами по окончании решающей битвы, то есть, еще до свадьбы: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Однако сватом можно было назвать князя Игоря только в том случае, если женитьба детей состоялась. Когда же речь шла только о сватовстве (помолвке), то в роли свата родитель жениха не выступал, а только посылал сватов. И тогда русских воинов можно было бы *образно* назвать сватами. Но парадокс в том, что сватами автор «Слова» называет половцев! А это возможно лишь в том случае, когда брак уже совершился. Значит, автор знал уже о нем, когда писал «Слово».

2. Во «сне Святослава» как его тонко интерпретировала Н. С. Демкова, чувствуется знание автором «Слова» о смерти Киевского князя 27 июля 1194 г.

Этот пассаж настолько удачен, что есть резон привести его целиком: «Святослав видит во сне, что он лежит на кровати из тиса, его покрывают черным покрывалом ("чръною паполомою"), черпают ему "синее вино съ трудомь смѣшено",

сыпят на его “лоно” крупный жемчуг из пустых половецких колчанов (колчаны пусты потому, по-видимому, что уже все стрелы расстреляны: битва кончилась, войско Игоря перебито…) и “негуютъ” его (т. е. ласкают, убаюкивают?). Все эти элементы сна Святослава — ничто иное, как приметы древнего славянского погребального обряда, приметы смерти, и самая угрожающая из них, содержащая угрозу жизни самого князя, — видение крыши княжеского терема “безъ кнѣса в моемъ теремѣ златоврьсѣмъ”).

В неясных образах плохо сохранившегося далее текста “Слова”, заключающего описание видений Святослава, тема предсказаний смерти продолжается: «Всю нощь … бусови врани възраяху … бѣша дебрь Кисаню (или “бѣша дебрьски сани?” — *Н. Д.*), и “несошася къ синему морю”. В тексте хорошо ощутим мотив “дальней дороги” к “синему морю” (“море” — в устной народной поэзии — символ смерти: “У моря Судьбинушка ходит”), каркающие “бусови врани” (вороны) в общем контексте “мутного сна” выступают не только как вестники несчастья, но и как вестники смерти, даже зооморфная ее персонификация. Согласно сонникам — по материалам В. Н. Перетца (причем некоторые истолкования сонников весьма древние, они совпадают, как отметил В. Н. Перетц, с античной традицией) — “ворона во сне слышать — мертвеца знаменует”. С этим представлением хорошо согласуются тексты народных причитаний: “Чорны вороны ведь участь програяли”, смерть “черным вороном в окошко залетела”, “на пути она летела черным вороном”.

Возможно, — предполагает далее исследовательница, — что эти картины “вещего сна” Святослава — не только изображение предчувствия Святославом гибели Игорева войска, как принято думать, но и иносказательное напоминание автора о недавней смерти самого великого князя…»[158].

Кажутся весьма правдоподобными и дальнейшие суждения Н. С. Демковой: «Если даже не видеть в этих метафорических образах, связанных с мотивом княжеского погребения, иносказания о смерти Святослава, то следует признать,

что подобный способ изображения вряд ли мог быть использован в XII в. применительно к здравствующему князю». Исследовательница обращает внимание и на то, как Святослав Всеволодович изображен в произведении. По ее мнению, «монументальный образ великого Киевского князя оказывается весьма близок изображениям таких давно умерших князей-предков, упоминаемых в "Слове", как Всеслав Полоцкий, Олег "Гориславич", Ярослав Осмомысл, чьи характеристики так же завершены и закончены — в отличие от изображений Игоря, Всеволода. Рюрика и др.»[159].

В этой связи любопытны еще две подмеченные исследовательницей детали: «… Для описания действий Святослава в "Слове" использовано такой редкое время, как плюсквамперфект (зафиксировано два случая его употребления: "бяшеть успилъ" и "бяшеть притрепалъ"). Можно возразить, что плюсквамперфект использован не столько для обозначения давности времени Святослава, сколько потому, что его действия по чисто грамматическим признакам сопоставляются, как предшествующие, со временем неудачного похода Игоря и Всеволода. Тем не менее, и эту специфическую особенность описания Святослава следует иметь в виду при обсуждении характера его изображения в "Слове". Оттенок восприятия времени княжения Святослава как времени давно бывшего, эпического, времени былых побед Руси ощущается и в плаче Ярославны; действия Днепра, извека пробившего каменные горы "сквозѣ землю Половецкую", сопоставляются с тем, что он "лелѣялъ на себе "Святославли носады до плъку Кобякова""»[160]. Никто не опроверг эти наблюдения Н. С. Демковой. ***Следовательно, «Слово» не могло быть написано ранее июля 1194 г.***

3. Об этом же свидетельствуют и авторские слова: «Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ; сего бо *нынѣ сташа* стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы».

Рюрик Ростиславич стал Киевским князем после смерти своего соправителя Святослава Всеволодовича в июле

1194 г., и правил Русской землей вместе со своим братом Давыдом до его кончины 24 апреля 1197 г., а потом уже княжил самостоятельно ***по лето*** 1201 г. Думается, и тут права Н. С. Демкова, когда замечает, что «при жизни Святослава следовало бы говорить о стягах двух других князей-дуумвиров, правивших Русской землею: самого Святослава и Рюрика»[161]. Причем, хочу отметить, в таком тандеме Святослав, как правило, упоминается в летописях первым. Следовательно, ***«Слово» не могло быть написано позднее лета 1201 года.***

4. Выше уже говорилось, что Б. А. Рыбаков проанализировал фразу: «Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти, удалыми сыны Глебовы» как датирующий признак: в ней содержится указание на поход Всеволода Суздальского в 1183 г. на Волгу вместе с Глебовичами, но нет свидетельств о последовавшей ссоре с ними летом 1185 г. Однако, как правомерно заметил Б. И. Яценко, историк не обратил внимания на упоминание в том же пассаже похода на Дон: «Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча отня злата стола поблюсти? *Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!*»

Поход Всеволода Суздальского на Дон состоялся в 1198 г. (Лавр. лет. — 1199 г.), возвратился он 6 июня 1198 г. в субботу (см. выше § 2). ***Следовательно, «Слово» не могло быть написано ранее этого похода.***

5. Странной и неуместной кажется фраза в конце «Слова»:

«Игореви князю Богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу», —

которая не согласуется с завершающим «Слово» сообщением, что «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей». Но это — не отчий престол!

По Ипатьевской летописи Игорь бежит в Путивль, а затем в Новгород-Северский. Но и это — не отчий престол. Попытка А. А. Горского доказать обратное не выглядит удачной (см.

выше § 2). Сам Автор в «Слове» называет град Чернигов отцовским «златым столом»: «и града Чрънигова, отня злата стола».

Автор вполне мог ограничиться сообщением, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую», но указание «къ отню злату столу» существенно нарушает логику повествования: исторически Игорь вернулся в Путивль, а затем — в Новгород-Сверский, потом совершил поездки в Чернигов и Киев. По «Слову» — «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей», т. е. оказывается в Киеве, хотя это не его отца престольный город. А «отни златъ столъ» находится в Чернигове, о котором в конце произведения ни слова! Разве автор не знал, что Игорь Святославич перед поездкой в Киев побывал в Чернигове? Знал, конечно, но умышленно создал такую смысловую концовку. Примечателен и предлог, который он использовал в данном случае: «**къ** отню столу», а не **на**, как «на землю Русскую». Игорь и не сел на отчий престол по возвращении из плена (это произойдет только в 1198 г.), но уже приблизился к нему по воле Божией, ведь княжеская власть — от Бога. Но уже произошло преобразование в Игоре, что способствовало не только получению помощи от Бога при возвращении из плена, но и обрести в будущем отчий престол в Чернигове.

Эта деталь позволяет полагать, что Автор, когда писал «Слово», уже знал о княжении Игоря Святославича в Чернигове. В противном случае, не было бы христианской назидательности в произведении: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И до конца не была бы раскрыта его основная идея. А вот о кончине Игоря в 1201 г. (или даже ранее) Автор, скорее всего, не знал…

Фраза становится понятной, если учесть саму идею произведения — *наказание* Игоря Святославича *за гордыню* и Божие его прощение после покаяния, ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Ап. Павел, 1 посл. гл. 5,5)[162].

После смирения и покаяния Игоря (только с этой целью он мог призвать из Руси священника) Господь посылает ему

Черниговский престол — по смерти Ярослава Всеволодовича в 1198 г.

Стало быть, «Слово» написано уже после этих, важнейших для Игоря, событий и ***во «внутреннем художественном времени» «Слова» отразились «внешние» события вплоть до 1199–1200 гг.***

6. Во втором параграфе уже обращалось внимание на отмеченное Б. И. Яценко отражение в «Слове» в рассказе о Всеславе, «враждебных отношений между полочанами и новгородцами. Осенью 1198 г. они обострились с новой силой. Полочане вместе с литовцами напали на Луки и сожгли хоромы. А зимой новгородский князь Ярослав Владимирович пошел войной на Полоцк. Конфликт закончился миром на озере Касопле. Именно в это время, — по убеждению Б. И. Яценко, — мог прозвучать призыв автора "Слова": "Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени"»[163].

Приветствуя наблюдение Б. И. Яценко, не могу согласиться с его выводом. Авторское междометие «уже» указывает на уже заключенный мир, после которого и целесообразно спрятать мечи в ножны…

Стало быть, ***«Слово» было написано*** не в это же самое время, как полагал Б. И. Яценко, а ***уже после описанных событий 1198 г.***

7. К сказанному следует добавить, что есть серьезные основания полагать, что Автор использовал в своей работе тот самый Киевский летописный свод, который был составлен в Выдубицком монастыре игуменом Моисеем в 1199 г. Из него Автор заимствовал сведения о походе Владимира Мономаха на половцев в 1111 г.[164] Следовательно, ***«Слово о полку Игореве» не могло быть написано ранее 1199 г.***

8. Одним из важнейших уточняющих время написания «Слова» событий является поход Романа Галицкого на половцев.

Во § 2 уже отмечалось, что Роман Мстиславич Галицкий ходил на ятвягов в 1196 г., и не мог ранее 1197 г. (по Н. Ф. Кот-

ляру) или 1200/01 г. (по Н. Г. Бережкову и М. Грушевскому), или 1201 г. по Никите Хониату — ходить на половцев.

По мнению Н. Ф. Котляра, первое столкновение Романа Галицкого с половцами произошло в 1197/98 г.[165]. Однако, как показали новейшие исследования А. В. Майорова, это предположение украинского ученого «не находит опоры ни в русских, ни в византийских источниках и должно быть отвергнуто как ошибочное»[166].

Между тем, установление времени первого похода Романа Галицкого на половцев существенно помогает более точно установить время написания «Слова», поскольку *автор уже знал и писал о нем*: «А ты, буй Романе! <…> Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы латинскими. <…> Литва, Ятвязи, Деремела и *Половци* — сулици своя повръгоша, *а главы своя* подклониша подъ тыи мечи харалужныи. <…> *Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь* <…> *на побѣду*» (С. 23).

Значит, автор знал уже, когда писал «Слово», об удачном походе Романа Мстиславича Галицкого на Дон в Половецкую степь.

Как сообщает византийский историк Никита Хониат, «именно Роман, князь галицкий, быстро приготовившись, собрал храбрую и многочисленную дружину, напал на коман и, безостановочно прошедши их землю, разграбил и опустошил ее»[167]. Как отмечает Г. Г. Литаврин, это «был удар по половцам, нанесенный по просьбе Алексея III Ангела Романом Мстиславичем Галичским» в 1200 г.[168].

Обстоятельно исследовавший этот вопрос А. В. Майоров сделал ряд важных для нас уточнений.

«Новое и еще более разорительное нападение половцев на Византию, когда, по словам Хониата, захватчики подступили бы к самим воротам Константинополя, если бы не стремительный рейд по их тылам Романа Мстиславича, должно было происходить осенью — зимой 1200/01 г. Предлагаемая датировка согласуется с хронологией дальнейших

событий, описываемых Хониатом. Ближайшее к известию об ударе по половецким тылам Романа сообщение, которое может быть точно датировано, — рассказ о мятеже против Алексея III константинопольской знати во главе с Иоанном Комнином Толстым. Этот Иоанн, приходившийся правнуком императору Иоанну II Комнину (1118–1143), воспользовавшись отсутствием в столице Алексея, провозгласил себя новым императором, захватил Большой дворец и венчался на царство в храме Святой Софии. Однако следующей же ночью верные Алексею войска вошли в столицу и разбили мятежников. Иоанн Комнин был убил, а соучастники мятежа арестованы и заключены в тюрмы. Указанные события, благодаря точным сведеним Николая Месарита — скевофилакса (хранителя) реликвий Фаросской церкви Большого императорского дворца, лично спасавших их от разграбления ворвавшейся во дворец толпы, датируются 31 июля — 1 августа 1201 г.»[169].

«Датировка походов вызывает ряд затруднений, связанных с особенностями хронологий известий начала XIII в. Лаврентьевской летописи — главного источника интересующих нас сведений. Запись о первом походе Романа на половцев помещена в самом конце летописной статьи 6710 г. Как устанавливает Н. Г. Бережков, в этой статье летописец придерживается ультрамартовского стиля обозначения года: 6710 ультрамартовский год соответствует 6709 мартовскому году, который в переводе на христианское летосчисление продолжался с 1 марта 1201 по 28 февраля 1202 г.

Особое внимание исследователь обращает на вторую половину статьи, в которой приводятся известия, относящиеся к Южной Руси, в том числе сообщение о походе на половцев Романа Мстиславича. Н. Г. Бережков сопоставляет его с рассмотренным нами рассказом Никиты Хониата о вторжении Галицкого князя в Половецкую землю, прервавшем нападение половцев на Византию. Изучив хронологию предшествующих и последующих сообщений “Истории” Хониата, Бережков приходит к справедливому выводу о том, что опи-

санный византийским историком поход Романа на половцев должен был состояться в первой половине 6709 сентябрьского года (что соответствует второй половине 6708 мартовского года), то есть происходил зимой 1200/01 г. К такому же выводу в свое время пришел и М. С. Грушевский. Рассказ Хониата о походе Романа на половцев, по его мнению, следует датировать зимой 1200/01 г.»[170].

А. В. Майоров делает очень важный вывод: «Как видим, русские летописи и Хониат допускают возможность датировать первый поход Романа в Степь либо концом 1200-го, либо началом 1201 г. При этом нет никакой возможности относить его к более раннему времени»[171].

«Отнесение начала военных действий против половцев, предпринятых Романом Мстиславичем по просьбе правителей Византийской империи, на конец 1200-го или начало 1201 г. согласуется со свидетельством еще одного древнерусского источника. По сообщению новгородского паломника Добрыни Ядрейковича (будущего архиепископа Антония), в мае 1200 г. Константинополь посещало посольство галицко-волынского князя Романа Мстиславича. Описывая одно из наблюдаемых им церковных чудес — вознесение зажженных кадил в храме Святой Софии, новгородский паломник отмечает его точную дату и видевших это чудо вместе с ним лиц:

«Се же чюдо свято и честно явилъ Богъ въ лето 6708-е, при моемъ животу, месяца маия, на память святаго царя Констянтина и матери его Елены, в 21, в день недельный, при царьстве Алексееве и при патриарсе Иванне, на соборъ святыхъ Отецъ 318, а при посольстве Твердятине Остромирица, иже пришелъ посольствомъ отъ великого князя Романа с Неданомъ и съ Домажиромъ и со Дмитриомъ и съ Негваромъ посломъ»[172].

Целью посольства, очевидно, были переговоры о возможности предоставления военной помощи империи в борьбе с половцами. Тогда же, по-видимому, и была достигнута договоренность о браке галицко-волынского князя с византийской царевной, который должен был скрепить новый военно-политический союз. О том, что такой брак был заключен

незамедлительно, вероятно, еще до конца 1200 г., свидетельствует тот факт, что в следующем году у Романа и его новой византийской жены уже родился сын: как видно из сообщения Галицко-Волынской летописи, в год смерти Романа (1205) его старшему сыну Даниилу исполнилось четыре года»[173].

Подводя итог всему выше сказанному, можно заключить, что *«Слово о полку Игореве» было написано не ранее 1199 г. и не позднее лета 1201 года* — изгнания Рюрика Ростиславича из Киева. Новые открывшиеся исторические данные о походе Романа Мстиславича на половцев позволяют более точно указать и на ***время написания «Слова о полку Игореве» — осень-зима 1200 года*** (до мартовского новолетия 1201 г.), после похода Романа Галицкого на половцев и до смерти Игоря Святославича, произошедшей уже после лунного затмения 22 декабря 1200 года, предшествовавшего, как указано в летописях, смерти главного героя «Слова» — Игоря Святославича, но до лета 1201 г., когда Рюрик Ростиславич покинул Киевский престол, о чем автор не знает[174].

В чем же тогда смысл произведения? На него указывают как экскурсы в прошлое 100-летней давности, так и в настоящее (автору) время: история вражды двух могущественнейших княжеских родов Ольговичей (Черниговцев) и Мономаховичей (Переяславцев) от ее начала в 1078 г. и до ее окончания в конце 90-х годов XII в., когда произошло примирение главы Мономаховичей — Рюрика Ростиславича Киевского и главы Ольговичей — Игоря Святославича Черниговского. На это указывает путь Игоря в Киеве к церкви Богородицы Пирогощей — храму Мономаховичей.

Существенную деталь, в этой связи, отметил Д. С. Лихачев. Церковь Богородицы Пирогощей была заложена Мстиславом Владимировичем в 1130 г., а освящена уже князем Ярополком в 1136 г., «приурочившим это событие к своему примирению с Ольговичами»[175].

С призывом к примирению русских князей выступает и «Слово о князьях», написанное в то же время, предположительно, в Киевском Выдубицком монастыре.

ЛЕТОПИСНЫЕ ПОВЕСТИ О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

О походе Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 года повествуют три древнерусских произведения: историческая повесть в Лаврентьевском летописном своде, историческая повесть Киевской летописи Ипатьевского летописного свода и высокохудожественное «Слово о полку Игореве».

Исследователи уже давно обратили внимание на близость летописной повести о походе Игоря Сятославича на половцев в 1185 году из Киевской летописи Ипатьевского летописного свода и «Слова о полку Игореве». По мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, никем до сих пор не опровергнутому, эта повесть написана «несомненно современником и очевидцем: подробность и стройность рассказа, всюду сопровождаемого числовыми показаниями, ясно говорит в пользу такого предположения»[176]. Между тем, при всей своей близости по теме оба произведения серьезно различаются по художественному ее воплощению. Летописный рассказ «так близкий по предмету со “Словом о полку Игореве”, наиболее далек от него по изложению», — замечает К. Н. Бестужев-Рюмин. По его мнению, с которым следует согласиться, здесь видится «разница в изложении одного и того же предмета книжником и поэтом». И еще одно его наблюдение, которое впоследствии поддержат многие исследователи: «ни <летописное> сказание не служило источником Слова, ни наоборот»[177].

Схожее мнение высказывал и проф. Е. В. Петухов: на летописную повесть Ипатьевского свода «имели сильное влияние народные рассказы о несчастном походе, быть может особые песни или былины об этом; однако следов непосредственного влияния нашего памятника (“Слова”. — *А. У.*) на летописный рассказ установить нельзя, как нельзя установить и обратного влияния летописи на “Слова о полку Игореве”»[178].

По мере более глубокого изучения всех трех произведений, меняется и представление об их взаимовлиянии. По замечанию А. С. Орлова, «рассказ Ипатьевской летописи больше соответствует плану “Слова о полку Игореве” и передан более живо»[179].

Резонно напрашивается вопрос: может быть, это план «Слова о полку Игореве» больше соответствует рассказу Ипатьевской летописи, а не наоборот?

Длительное время, по умолчанию, исследователи «Слова» склонны были полагать, что первым, «по горячим следам», было написано «Слово», а уже затем появились две летописные повести о походе. Исходя из этого посыла, и выстраивали зависимость текстов произведений о неудачном предприятии Игоря Святославича: первоначально появившееся высокохудожественное «Слово», как-то повлияло на возникновение летописных повестей. И никого не смущало, что более сложное в художественном плане «Слово о полку Игореве», в котором даже не отражена во всей полноте последовательность тогдашних событий, было написано ранее исторических повестей, в которых и представлена хронология похода Игоря Святославича. По логике вещей, они-то и должны были стать исторической основой для поэтического «Слова».

Справедливости ради следует отметить, что попытки выявить последовательность написания этих трех произведений предпринимались и прежде, но их было не очень много.

Первоначально академик Б. А. Рыбаков полагал, что летописная повесть Ипатьевского свода была написана «в кругах, близких Рюрику Ростиславичу, между 1188–1192 гг.» галичанином, «церковником», *знакомым со «Словом»*. «Повесть была включена в летописный свод Рюрика Ростиславича в процессе его подготовки (до 1192 г.) еще до того, как свод (в 1197 г.) перешел в руки игумена Моисея»[180] — настоятеля Киевского Выдубицкого монастыря.

Позднее Б. А. Рыбаков уточнит свою датировку: «Наиболее вероятной датой составления “Повести” представляются годы 1189–1190»[181].

«Пробуждение интереса к Игорю спустя несколько лет после неудачного похода было продиктовано, очевидно теми новыми политическими союзами, которые были заключены Рюриком со Всеволодом Большое Гнездо и с Игорем Святославичем. С Игорем Рюрик породнился в 1188 г., выдав свою дочь Ярославу за двенадцатилетнего сына Игоря.

Вот в этих условиях, — продолжает Б. А. Рыбаков, — около 1188 г. или после этого времени, в 1189–1190 гг. и могла при дворе Рюрика возникнуть мысль о создании такого нового литературно-исторического сочинения о походе и поражении Игоря, которое хотя бы частично могло реабилитировать нетерпеливого и эгоистичного полководца, о котором говорилось, писалось и пелось много недоброго за то, что он "отворил ворота поганым половцам", за то, что сам "выседе из седла злата а в седло кощиево" и что по его вине "не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани"»[182]. Иными словами, мотивация в написании повести, по разумению историка, была чисто политической и вызвана новыми родственными отношениями князей.

Годом позднее, Б. А. Рыбаков повторил свои выводы, что некий галицкий посол, «который оказался в Киеве в 1189–1190 гг. и вписал в летопись Рюрикова летописца (значит, летописец все же был! — *А. У.*) биографию Владимира Галицкого и славные рыцарские дела его шурина и покровителя Игоря Северского, с которым Рюрик только что породнился осенью 1188 г.» и был тем самым книжником, который в 1190 г. «составил, вероятно по поручению летописца Рюрика, повесть о неудачном походе нового союзника Рюрика — Игоря Святославича — в 1185 г.»[183].

Эти предположения вызывают логические недоумения. Во-первых, как галицкий посол мог «вписывать» в летописный свод игумена Моисея, составлявшийся в Выдубицком монастыре, свои записи? Во-вторых, 1188 год по отношению к 1190 году — это не «только что»: а целых два года, срок немалый для Древней Руси, за это время многое изменилось. В-третьих, зачем игумену Моисею — «летописцу Рюрика» —

нужно было заказывать «галицкому послу» повесть о походе Игоря Святославича? Разве он сам ее не мог написать? И от кого и где узнал подробности похода Игоря Святославича «галицкий посол»? И мог ли он их лучше знать, чем выдубицкий летописец, под рукой которого была переяславская повесть, на чьи обвинения он, собственно, и отвечает, вошедшая в Лаврентьевскую летопись? В-четвертых, «рассказ о походе Игоря в Ипат[ьевской] лет[описи] *не является самостоятельным произведением* (Выделено мной. — А. У.), представляя собой часть статьи 1185 г., целиком посвящ[енной] воен[ным] столкновениям русских и половцев»[184], следовательно принадлежит перу того летописца, который составлял Киевскую летопись в Выдубицком монастыре, т. е. игумену Моисею.

И, наконец, главное: академик Б. А. Рыбаков упустил из виду, что автор повести о неудачном походе Игоря Святославича в 1185 г. был непосредственным участником этого похода, о чем сам и сообщил при описании решающей воскресной битвы русских с половцами (об этом речь еще пойдет ниже). Чтобы приписать «галицкому послу» авторство повести, нужно хотя бы доказать его участие в том походе.

Б. А. Рыбаков попытался выявить и «точки соприкосновения» киевской летописной повести и «Слова о полку Игореве». «Они прослеживаются *только в дополнениях редактора-галичанина* (Выделено Б. А. Рыбаковым. — *А. У.*); ни в отрывках из летописи Святослава, ни в отрывках летописи Рюрика (которые Б. А. Рыбаков вычленяет из текста Киевской летописи, — *А. У.*) их нет. Полнее всего близость ощущается в пространной речи Игоря на поле боя, главном литературном вкладе Галичанина. Близость эта условна; это близость двух соперников — светского поэта и церковного витии, стремящихся каждый своими средствами воспеть одного героя, воздействуя на разные чувства читателей»[185].

По мнению Б. А. Рыбакова, «Галицкий вития хотел показать образцового христианина, покорного воле Божьей и сожалеющего о том, что *возмездие коснулось его в неполной мере,*

оставив его среди живых (Курсив мой. — А. У.)». Очевидно, что Б. А. Рыбаков не в полной мере понимал суть описанного в этом пассаже покаяния Игоря Святославича, ставшего ключевым в дальнейшей судьбе древнерусского князя. И это не редакторская вставка, а кульминационный момент всей повести, ради чего она и писалась. А вот с оценкой академиком художественных достоинств этого летописного отрывка можно согласиться: «поэтическая красота той части речи Игоря, где он перечисляет все, от чего он “обнажихся” — князья-родичи, бояре думающие, мужи храборствующие, оружье многоценное, — не уступает лучшим местам “Слова”»[186].

Б. А. Рыбаков сопоставляет те места, которые, по его мнению, позволяют теснее сблизить летопись и поэму. Их всего три:

«Слово о полку Игореве»	**Летопись** (дополнения редактора)
1. Слово плъку Игореве, *Игоря сына Святъслава внука Ольгова*	1. В то же время *Святославичь Игорь внук Олгов* поеха из Новагорода…
2. Тогда великый Святъслав изрони злато слово съ слезами смешено и рече: «О моя сыновча, Игорю и всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити а себе славы искати…» ………………………… (Обращение к волынским князьям) *Загородите* Полю *ворота*!	2. Святослав же то слышав и вельми вздохнув, *утер слез своих и рече*: «О люба моя братья и сынове и муже земле Руское! Дал ми бяше Бог притомити поганыя. Но не воздержавше уности *отвориша ворота* на Русьскую землю»
3. …И *Жля* поскочи по Руской земли. …На реце на *Каяле* тьма свет покрыла … Уже снесеся хула на хвалу.	3. … В радости место наведе на ны плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*

«Заголовок летописной повести…, — отмечает Б. А. Рыбаков, — является уникальным во всем Киевском своде 1198 г. Нигде ни один летописец не величал живого князя сверх отчества еще и именем деда[187]. Этот необычный по своей торжественности заголовок, совершенно не соответствующий

заслугам Игоря в описываемом походе, получит очень простое и убедительное объяснение, если допустить, что летописец-редактор был уже знаком со “Словом о полку Игореве”»[188]. И оказался под его впечатлением? А если летописец-редактор не был знаком со «Словом», тогда нет и «простого и убедительного объяснения»?!

К тому же, на мой взгляд, гораздо предпочтительнее другое предположение, не рассмотренное Б. А. Рыбаковым, но имеющее серьезные доказательства: это автор «Слова» хорошо знал и держал в уме летописную повесть о походе Игоря и свое повествование строил в соответствии с тем ходом событий, как они описаны в Киевской летописи Ипатьевского свода. Очевидно, чтобы обосновать или опровергнуть оба предположения, необходимо провести датировку обоих произведений (или, хотя бы, одного «Слова»), без которой невозможно точно определить хронологическую последовательность их появления, и, соответственно, их возможного влияния друг на друга.

Подводя итог своим наблюдениям о близости двух произведений, Б. А. Рыбаков констатирует: «Итак, в дополнениях редактора к киевской летописной хронике 1185 г., написанных около 1188 г., мы встречаемся с тремя случаями уникального словоупотребления, *случаями, не знающими аналогий во всех киевских летописях XII в.* (Выделено Б. А. Рыбаковым. — *А. У.*), — “внук Олгов”, “отвориша ворота на Русьскую землю” и “желя на реце Каялы”. И мы не имеем права пройти мимо того, что за три года до этого в великолепной киевской поэме, посвященной именно этому событию, другой автор писал о внуке Ольговом, о необходимости загородить Полю ворота и о том, что тьма свет покрыла на реце на Каяле и “Жля поскочи по Руской земли”»[189].

Верные наблюдения, да только с выводами историка трудно согласиться.

Б. А. Рыбаков выстраивал свои построения исходя из предположения, что «наиболее вероятным временем написания “Слова о полку Игореве” следует считать время пре-

бывания Игоря в Киеве в качестве гостя и просителя». Игорь Святославич приехал в Киев «в самом конце июля или в начале августа 1185 г.», а в середине августа, после праздника Успения Пресвятой Богородицы, уезжает из стольного града. В этот отрезок времени, по мнению Б. А. Рыбакова, и было написано «Слово»[190].

К сожалению, эти предположения Б. А. Рыбакова о времени написания «Слова о полку Игореве», ничем не подкреплены. Как уже неоднократно мне приходилось писать, «Слово» не могло быть создано ранее осени-зимы 1200 г., поскольку автор знает о произошедших тогда событиях[191]. В частности, о победоносном походе Романа Мстиславича Галицкого на половцев осенью 1200 г. Стало быть, это не автор (или редактор) киевской летописной повести ориентировался на «Слово», как полагал Б. А. Рыбаков, но Автор «Слова» хорошо знал киевскую летописную повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

Можно, впрочем, выдвинуть и другое предположение: ***оба произведения написаны одним автором***. И это утверждение, как убедимся ниже, вполне доказуемо!

* * *

Повествование о походе Игоря на половцев в 1185 г. (по Лаврентьевскому списку — в 1186 г.), помещенное в Лаврентьевский летописный свод, входит, по мнению Б. А. Рыбакова в небольшой его раздел, «который ограничен 1184–1192 гг. и связан, очевидно, с епископской кафедрой» во Владимире[192].

Появление этих южнорусских сведений во владимиро-суздальском летописании Б. А. Рыбаков связывает с переездом в 1184 г. из Киева во Владимир на епископскую кафедру Луки, бывшего игумена Спасского монастыря на Берестове. «С этого времени, — отмечает Б. А. Рыбаков, — владимиро-суздальское летописание подробно освещает южнорусские дела, уделяя доброжелательное внимание союзнику Всеволода, великому князю Святославу Киевскому, и родному

племеннику Всеволода Владимиру Глебовичу Переяславскому. По отношению к Игорю Святославичу, воевавшему как со Святославом, так и с Владимиром Переяславским, владимиро-суздальский летописец проявляет недоброжелательность, подчеркивая его самонадеянность и хвастливость»[193]. Причем, «владимирский текст содержит ряд сомнительных по своей достоверности мест»[194].

Выводы Б. А. Рыбакова о происхождении повестей Ипатьевского и Лаврентьевского сводов о походе Игоря поддерживает украинская исследовательница-лингвист В. Ю. Франчук. По ее мнению, рассказ Ипатьевской версии был составлен на основе материалов двух киевских летописцев и доработан редактором (с условным именем Галичанин) в Киеве. Лаврентьевская версия опирается только на материалы летописца Святослава Всеволодовича и составлена была, скорее всего, во Владимире[195].

Выясним, как же эти две исторические повести из Ипатьевского и Лаврентьевского летописных сводов о походе Игоря Святославаича на половцев в 1185 г. соотносятся между собой?

«Давно было замечено различное отношение этих летописных рассказов к событиям 1185 г. и к Ольговичам, — отмечает Н. С. Демкова. — Если киевский летописец (в Ипатьевской летописи), знакомый, возможно, с черниговской летописью, изображает Ольговичей как героев кровопролитного сражения, не без некоторой идеализации повествует о многих обстоятельствах похода, то цель владимиро-суздальского рассказа иная: повествование, дошедшее в Лаврентьевской летописи, стремится принизить, скомпрометировать Ольговичей, обвинить их в авантюризме. Неразумно бросаются они в поход против половцев, “рекуще: ‘мы есмы ци не князи же?..’”; три дня проводят в открытом поле, легкомысленно “веселяся” после победы. Наконец, Игорь, главный виновник всеобщих бедствий, “по малых днехъ ускочи… у Половець”, оставив на произвол судьбы всех русских пленников, положение которых очень ухудшилось после его бегства»[196].

Продолжая свои наблюдения, Н. С. Демкова пишет: «Внимательное сопоставление обоих текстов обнаруживает не только две различные точки зрения на Ольговичей. Оказывается, что рассказ Киевской летописи не просто подробнее: он как будто бы последовательно отвечает на все упреки владимиро-суздальского рассказа. Обстоятельным, информированным повествованием, ведущимся бесстрастным тоном, киевский летописец снимает почти все обвинения с князя Игоря, кроме одного — обвинения в неудержимом юношеском задоре»[197].

И далее Н. С. Демкова делает краткое сопоставление подходов двух летописцев к описываемым событиям: «Если владимирский летописец подчеркивал легкомысленность и беззаботность Ольговичей в организации похода, то киевский подробно и обстоятельно описывал княжеские сборы, выступление, "тихое" движение по Черниговщине Игорева войска, собирающего все новые силы, настойчивое желание Игоря не оставаться на ночь в степи. Если владимирский летописец писал о непродолжительности плена Игоря ("по малых днех"), что, по-видимому, соответствовало исторической действительности, то киевский отмечал, что Игорь собирался долго быть в плену (к нему приехал священник и слуги). Если владимирский летописец напоминал о гибели политического и военного соперника Игоря — Владимира Глебовича, князя Переяславского, то киевский вкладывал в уста Игоря длинную покаянную речь — раскаяние в разорении им города Глебова у Переяславля»[198].

Наблюдения Н. С. Демковой дополняет Л. В. Соколова: «В Лаврентьевской летописи подчеркивается нерешительность Святослава во время похода 1184 г. Летописец отмечает, что русские под руководством Святослава не смели заходить в землю Половецкую и бились с половцами, "зря на Переяславль"[199]. Далее, при описании половецкого нашествия на Русь после поражения Игоря, Святослав изображен как недальновидный стратег, позволивший половцам обмануть себя, не сумевший защитить южные княжества. Киев-

ский летописец совершенно иначе рассказывает о тех же событиях. Проявляя хорошую информированность обо всей большой военно-политической деятельности Святослава, он последовательно опровергает все обвинения владимирского летописца в адрес Святослава Всеволодовича Киевского»[200].

Исследовательница соглашается с выводами Н. С. Демковой, которая отметила «несомненную политическую конфронтацию двух летописных текстов, созданных примерно в одно и то же время»[201].

Добавлю от себя. Автор летописной статьи из Киевской летописи Ипатьевского свода знает гораздо больше, чем автор переяславской повести из Лаврентьевского летописного свода. Если переяславский летописец *представляет* события, то киевский их очень хорошо *знает* и подробно описывает.

Что же касается автора «Слова», то он, по мнению Н. С. Демковой, «не стоял в стороне от этой борьбы, его позиция недвусмысленна: ему известны обвинения Ольговичей в безрассудстве и военном неумении, он знаком с требованиями Всеволода, Рюрика и Давыда, обращенным к его князьям, — навсегда отказаться от притязаний на киевский престол, он хочет оправдать черниговских князей за поражение 1185 г., доказать их военное и моральное право быть руководителями в княжеских союзах, ибо они выступали как мужественные представители Руси против "поганых", они уже "доспели на брань"; не так далеко ушло время успешного правления Киевом одного из Ольговичей — Святослава Всеволодовича, мудрого и заботливого князя»[202]. И так далее. Позиция автора «Слова» исследовательнице совершенно ясна: его творение «было создано в защиту черниговских Ольговичей»[203], чем Н. С. Демкова сильно упростила задачу, которую ставил перед собой автор «Слова», но поддержала мнение Б. А. Рыбакова.

Из сопоставлений Н. С. Демковой логически выходит, что рассказ Киевской летописи Ипатьевского летописно-

го свода написан позднее лаврентьевской повести о походе Игоря, поскольку последовательно отвечает на ее упреки[204].

С этими наблюдениями Н. С. Демковой, что повествование Ипатьевского свода отвечает на обвинения Лаврентьевской повести, согласна и В. Ю. Франчук: «Его обстоятельный информационный рассказ, который ведется беспристрастным тоном, снимает почти все обвинения с князя Игоря, кроме одного — обвинения в неудержимом юношеском порыве»[205].

Соглашается с выводами Н. С. Демковой и Б. И. Яценко: «Многие факты повести Лаврентьевской летописи становятся понятными только в сравнении с повестью Ипатьевской летописи»[206]. При этом Б. И. Яценко (следом за И. П. Хрущевым) приводит примеры сходства и исторической повести из Лаврентьевского летописного свода со «Словом»: упоминание «безводья», «зноя» и «туги». И отмечает: «Только в этой повести и в "Слове" упоминается цель похода северян — Дон, сообщается о сборах половцев против Игоря, о стрелах во время второго боя, о гибели русского воинства от безводья, о печали русских князей и бояр после разгрома северян, об обращении Святослава ко всем князьям, о тяжелом положении русских пленников, о погоне за Игорем»[207].

«Слово», по его мнению, защищая Игоря Святославича, представляет собой полемику с повестью из Лаврентьевской летописи о походе Игоря, составленной в Переяславле. Логично заключить, что автор «Слова» и ее знал хорошо.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» было написано и позднее повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. из Лаврентьевского свода, и позднее повести из Киевской летописи Ипатьевского свод, поскольку знакомство с ними Автора отражено в самом «Слове».

Из приведенного выше обзора исследований можно с большой долей вероятности заключить, что поход Игоря Святославича на половцев весной 1185 года был сначала описан и негативно оценен в Переславльско-Владимирском летописании, и эта позиция отразилась и сохранилась

в повести Лаврентьевского свода[208]. Киевский летописец в Выдубицком летописном своде XII в. (позднее вошедшем в Ипатьевский летописный свод) защищает Игоря Святославича и дает ответы на все обвинения Лаврентьевской повести[209]. Стало быть, он знал эту переяславльскую версию похода князя Игоря. Возникает вопрос: откуда? Здесь следует напомнить о тесной связи Выдубицкого монастыря, основанного Всеволодом Ярославичем, с его вотчиной — Переяславльским княжеством, где после отца правил Владимир Всеволодович Мономах.

Пребывавший на игуменстве в 1088–1105 гг. в Выдубицком монастыре Лазарь станет после этого епископом в Переяславле. Уже при Владимире Мономахе преемник Лазаря игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, составитель второй редакции «Повести временных лет», займет после смерти в 1117 г. Лазаря Переяславльскую епископскую кафедру, на которой и велось в XII веке летописание. Следовательно, из Переяславля Русского, вотчины Всеволодовичей-Мономаховичей, летописная повесть 1185 г., где главным действиующим лицом будет показан Владимир Глебович Мономахович, и попадет в Выдубицкий монастырь Всеволодовичей-Мономаховичей.

Весьма примечательный факт: две летописные версии о походе Игоря Святославича 1185 г. окажутся в одном месте — в Выдубицком монастыре и станут известными Автору «Слова о полку Игореве», поскольку «Слово» демонстрирует знакомство с обеими летописными повестями. Значит, они оказались доступными Автору «Слова» именно в Выдубицком монастыре, ибо Киевская летопись тогда еще не вышла за его пределы, а переяславльская повесть уже оказалась в монастыре. При этом, как отмечают исследователи, Автору «Слова» близка позиция именно киевского летописца: оба произведения дают схожую оценку походу Игоря Святославича, не соглашаясь со взглядами переяславльского летописца.

Следует напомнить, что «Слово» было написано не ранее осени-зимы 1200 года, тогда можно уже с уверенностью

констатировать, что оно появилось позже указанных летописных повестей и в исторической части опирается на них. Но, как увидим, — не всегда, допуская художественные обобщения и создавая художественные образы.

Рассмотрим каждую повесть в отдельности.

«Яко створихом, тако и прияхом...»
(Повесть из Лаврентьевского летописного свода)

Интересующая нас повесть о походе Игоря Святославича на половцев в апреле-мае помещена в Лаврентьевском летописном своде под 1186 годом (по мартовскому стилю, что будет соответствовать 1185 году по сентябрьскому стилю). Ей под 1185 г. предшествует рассказ о походе русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича, великого князя Киевского на половцев летом 1184 г. (по сентябрьскому стилю).

Такое тесное расположение двух рассказов о двух разных по результатам походах в Лаврентьевском летописном своде отнюдь не случайно. Просматривается не только идейная связь (защита Русской земли от половцев), но и богословское осмысление двух похожих, но по сути своей противоположных событий.

Рассказ 1185 (1184) г. начинается с просьбы Всеволода Юрьевича Суздальского к киевскому князю Святославу Всеволодовичу и митрополиту Никифору поставить епископом Ростовским, Владимирским и Суздальским игумена Спасского монастыря на Берестове Луку. Что и произошло 11 марта «Божиим изволением и Святой Богородицы»[210].

«Того же лета», т. е., в том же году, спустя всего месяц, 18 апреля, на день памяти св. Симеона (17.04), случился во Владимире сильнейший пожар, в результате которого «погоре бо мало не весь городъ, и церкви числом Л (30) и К (20)» (Стлб. 392). Автор летописного рассказа пытается понять причину произошедшего бедствия и приводит большой пассаж о Божием промысле: «Се же ся здея грех ради наших. яко умножишася греси наши и неправды. се же наведе

на ны Богъ. веля нам имети покаянье. и въстягнутися от греха. и от зависти. и от прочихъ злых делъ неприязниныхъ. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными. огнемь и водою и ратью. и иными различными казньми. да явятся яко злато искушено в горниле. Хрыстияномъ бо многыми напастьми внити въ царство небесное» (Стлб. 392–393).

Поскольку христиане уклонились от исполнения заповедей Божиих, Господь и наказывает их по Своей милости, чтобы спасти души их. «От Тебе бо о Владыко и Всепречистая Мати всяко даяние благо и дари свыше посылаются» (Стлб. 394).

Это размышление летописца о человеколюбии Божием и уклонении христиан от исполнения заповедей Господних, очень созвучно «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона Киевского, написанного еще в первой половине XI века и пытающегося понять Божий промысл о русском народе[211].

А далее в Лаврентьевском летописном своде приводится рассказ о совместном походе русских князей под предводительством киевского князя Святослава Всеволодовича на половцев, и летописцу важно было указать, от кого исходит инициатива этого похода: «Богъ вложи в сердце княземъ Русскымъ. Ходиша бо князи Русстии вси на Половци» (Стлб. 394). В этом июльском походе 1184 г. приняли участие Святослав Всеволодович, Рюрик Ростиславич, Владимир Глебович, Глеб Святославич, Глеб Юрьевич Туровский, Мстислав Романович, Изяслав Давыдович, Всеволод Мстиславич, была и галичская помощь, и владимирская, и луцкая.

От похода уклонились только черниговские князья, в том числе и Игорь Святославич, князь Новгород-Северска.

Особая роль в описании этого похода отводится Владимиру Глебовичу, князю Переяславскому, внуку Юрия Долгорукого, то есть, Мономаховичу. Он выпросил у Святослава Всеволодовича возможность ездить с переяславцами и берендеями «напереди со сторожей», то есть, в авангарде, выполняя, в том числе, и разведывательную функцию: «Моя

волость пуста от половець. Пусти мя, отче Святославе, напередъ с сторожи». Другие русские князья, согласившись с этим доводом Владимира Глебовича, не стали ему препятствовать.

Половцы, узнав о приходе русских князей, весьма обрадовались, понадеявшись, как отмечает летописец, на свою силу: «Се Богъ вдалъ есть князи русские и полкы ихъ в руце наши». И устремились на бой против Владимира Глебовича, не ведая сказанного в Священном Писании: нет мужества, и нет помысла против воли Бога.

Владимир Глебович, возложив упование на Божию помощь и Пресвятой Богородицы, укрепляясь молитвой деда своего святого[212] и отца, выступил против половцев. Они, увидев «крепко идущих на них» русских воинов, «побегоша, гоними гневом Божьимъ и святое Богородици. Наши же погнаша, секуще я, 7 тысячь руками изъимаша ихъ, князии одинехъ было Половьцьсскых 400 и 17» (Стлб. 395). Далее летописец перечисляет имена некоторых плененных половецких ханов, самым известным среди которых был хан Кобяк.

«И поможе Богъ и святая Богородиця Володимеру месяца июня въ 31 день, в понедельник, на памят святаго Евдокима Новаго[213]. Сдея Господь спасенье велико нашим князем и воемъ ихъ надъ врагы нашими, побежени быша иноплененьници и Кумани, рекше Половци. И рече Володимеръ: "Сь день, иже створи Господь, възрадуемся и възвеселимся в онь, яко Господь избавил ны есть от врагъ наших, и покори врагы наша под нозе наши, и скруши главы змиевыя". И бысть радость велика: дружина ополонишася, и колодникы поведоша, оружья добыша и конь. И возвратишася домовь славяще Бога и святую Богородицю, скорую помощницю роду хрыстьяньску» (Стлб. 396).

На что, прежде всего, следует обратить внимание: во-первых, инициатива похода принадлежит не кому-то из русских князей, а продиктована Божией волей: «Богъ вложи в сердце князем Русскымъ...», отсюда и помощь Бога в одолении половцев, и благоприятный исход похода. Во-вторых, основная заслуга среди древнерусских князей в победе над половцами

приписывается Владимиру Глебовичу Переяславскому, земли которого до этого половцы разорили. Для них наступило справедливое возмездие: многие половецкие князья и воины попали в плен, а русские захватили богатую добычу. В-третьих, помощь русским князьям в этой победе над половцами оказали Господь и Пресвятая Богородица, на которых и уповал Владимир Глебович.

Иными словами, если человек (в данном случае, древнерусский князь) выполняет Божию волю, а не противится ей и не творит свою волю, то Господь помогает ему.

После этого небольшого, но весьма красноречивого рассказа о победоносном походе древнерусских князей в Лаврентьевском летописном своде следует повествование о неудачном походе Игоря Святославича. Как бы само собой напрашивается противопоставление и двух походов 1184 г. и 1185 г., и двух князей: Владимира Глебовича и Игоря Святославича[214].

Рассказ начинается с описания солнечного затмения. И здесь следует сделать небольшой исторический экскурс, чтобы понять религиозное мировоззрение древнерусских книжников.

Древнерусские летописцы всегда обращали внимание на небесные знамения — затмения солнца и луны, «кровавые» звезды и кометы, и природные катаклизмы — землетрясения, засухи, наводнения и прочее, поскольку видели в них некое предупреждение или предсказание возможного хода событий[215].

Известия о них — это не простая констатация факта, но и попытка разобраться в их назначении. Спустя время после случившегося, зная его результаты, уже можно было осмыслить произошедшее и уловить невидимую связь событий.

«В си же времена бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, всъходящи свечера по заходе солнечнемь, и пребысть за 7 дний. Се же проявляше (предвещало) не на добро, посемь бо быша усобице (вражда) многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи (предвещала) крови пролитье», —

замечает «Повесть временных лет» под 1065 г.[216] Стало быть, небесное знамение, посылаемое Богом людям, является *предзнаменованием* какого-то *события*.

«Знаменья бо въ небеси, или звездахъ, или въ солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не на благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають: ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють» (С. 72), — поясняет далее летописец. И когда в январе-феврале 1102 г. было кряду несколько знамений: с 29 по 31 января восстала «пожарная заря от въстока и уга (юга) и запада и севера, и бысть тако светъ всю нощь, акы от луны полны светящься», а 7 февраля «бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дуги, и быша другыя дуги хребты к собе (хребтами одна к другой)», то, наблюдая эти знамения, «благовернии человеци со въздыханьем моляхуся к Богу и со слезами, дабы Богъ обратил знаменья си на добро…» (С. 117).

Но чаще всего отмечаемые летописцами знамения предвещали «злые» события: засуху, голод, мор, нашествие врагов и тому подобное.

«В си же времена (1092 г. — *А. У.*) бысть знаменье въ небеси, яко круг бысть посреде неба превеликъ. В се же лето ведро (засуха) бяше (была), яко изгараше (горела) земля, и мнози борове (леса) възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по местомъ; и рать велика бяше от половець и отвсюду». «В си же времена мнози человеци умираху различными недугы» (С. 91).

В грядущих же во след знамениям событиях летописцы угадывали Провиденье Господне и пытались объяснить его смысл: «Се же бысть за грехы наша, яко умножися греси наши и неправды. Се же наведе на ны (нас) Богъ, веля нам имети покаяние и всътягнутися от греха, и от зависти и от прочих злыхъ делъ неприязнинъ» (С. 91).

Можно выстроить логическую цепь событий, отмечаемых летописью: знамение, предвещающее судьбоносное событие, — само событие, как Божье наказание за «грехи наши» — призыв к покаянию и искуплению грехов.

Особую роль в жизни князей играли затмения солнца. Не случайно князей называли и в фольклоре, и литературе «солнцами». Например, князь Владимир Святославич назван в былинах «Красным солнышком», Игорь и Всеволод Святославичи — двумя солнцами в «Слове о полку Игореве». А солнечное затмение, по всей видимости, предвещало смерть.

Тому подтверждение мы находим в Лаврентьевском летописном своде, в котором имеется значительное количество упоминаний солнечных и лунных затмений рядом с упоминанием смерти князей или их жен, или епископов. Скажем, под 1122 г.: «Быс[ть] знаменье в солнци месяца марта в 10 день. и в луне быс[ть] знаменье того месяца въ 24 день. в сеж лето преставися княгыни Мстиславля месяца генваря въ 18 день. в то же лето преставися епископъ Гюргевьскыи Данило месяца семтября в 9 день. в то же лето … и Амфилофии преставися епископъ Володимерьскыи…» (Стлб. 292).

Прямой связи между затмением и смертью вроде бы и нет, но летописец сделал под 1122 г. запись только о солнечном затмении и смертях и больше ни о чем другом.

Или же спустя два года во второй части короткой записи под 1124 г., после рассказа о большом пожаре в Киеве, засвидетельствовано: «В то же лето быс[ть] знаменье в солнци въ 9 час дне бывшю ему яко месяць малъ и мало не смерчеся по полудни месяца августа въ 11 день. В то же лето преставися Василко Ростиславичь и Святополчая преставися месяца февраля 28 день. В то же лето преставися Володарь князь Ростиславичь» (Стлб. 293).

Убеждение, что знамение — это предупреждение, строилось на Священном Писании — Библии и, в частности, «Апокалипсисе» Иоанна Богослова. В нем семь ангелов, вострубив, предвещают *конец Света*, и на небесах появляются Божьи знамения, а на земле — наказания людям за их неправедную жизнь и грехи: и град, и огонь, и болезни, и потопы, и нахождения саранчи и т. д.

Есть подобные суждения и в особо любимых на Руси Евангелиях. Например, в Евангелии от Луки: «И будут зна-

мения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение» (Лука: 21; 25).

На этих откровениях Священного Писания строятся убеждения уже древнерусских книжников: «Се оуже наказаеть ны Богъ знаменьи, земли трясениемъ его повеленьемь: не глаголеть оусты, но делы наказаеть. Всемъ казнивъ ны, Богъ не отьведеть злаго обычая. Ныне землею трясеть и колеблеть, безаконья грехи многая отрясти хощеть, яко лествие от древа», — замечает Серапион, епископ Владимирский (XIII в.)[217].

Поскольку, по пророчеству, перед концом Света их будет особенно много, летописцы и фиксировали небесные знамения и следующие за ними казни Божьи, как бы задаваясь постоянно терзающим всех вопросом: не настали ли последние времена? Ведь точное время Страшного суда не известно: «Несть вам разумети вре́менных лет, яже Отець Своею властию положи», — говорит Господь[218]. То есть, знать продолжительность *текущего* только ***до*** Страшного суда *времени*. Но знамения и следующие за ними явления — это свидетельства Бога о приближающемся конце. И каждый православный должен в любую минуту быть готовым предстать перед Высшим Судом. Об этом он обязан постоянно помнить, как помнил Владимир Мономах и писал в «Поучении» детям, а забывшим еще раз напоминает епископ Серапион Владимирский: «Слышасте, братье, самого Господа, глаголяща въ Евангелии: "И въ последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и въ звездахъ, и труси по местомъ, и глади". Тогда реченное Господомъ нашимъ ныня збысться — при насъ, при последнихъ людяхъ. Колико видехомъ солнца погибша и луну померькъшю, и звездное пременение!»[219]

Предвещание затмением солнца кончины князя — это малое напоминание о грядущем Страшном суде. Каждый, будь он даже князь, не избежит малого суда — смерти, «отдавъ общий долгъ, егоже несть убежати всякому рожено-му (отдав общий долг, который не дано избежать никому из родившихся)»[220], и предстанет пред всеобщим Страшным

судом в последние времена. И автор «Слова» мыслит в том же духе: «Ни хытру, ни горазду… Суда Божиаго не минути»…

Вернемся, однако, к описанию в Лаврентьевской летописи похода Игоря Святославича, начинающегося с сообщения о солнечном затмении.

«Въ лето 1186. месяця мая. въ 1день. на память святаго пророка Иеремия. В середу на вечерни. Бы(сть) знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети человекомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко месяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше. Страшно бе видети человекомъ знаменье Божье…» (Стлб. 396).

Довольно обстоятельное описание солнечного затмения. Прежние записи были лишены представленных подробностей. Солнечное затмение — как предупреждение, что ожидаются трагические последствия, что не нужно идти в этот сепаратный *завоевательный* поход.

Автор летописного повествования сразу же указывает на отличие этого похода от похода Святослава Всеволодовича, совершенного годом ранее. Прежде всего, отличие кроется в том, кому принадлежит идея этого похода: «Здумаша Олгови внуци на половци, занеже бяху не ходили томь лете (прошлым летом) со всею князьею, но сами поидоша о собе, рекуще: “Мы есмы ци не князи же? [Поидем] такыже собе хвалы добудем”» (Стлб. 397).

Если Мономаховичи выступили против половцев на защиту Русской земли по воле Божией, и Сам Господь внушил им эту мысль и помогал им, то Ольговичи *самостоятельно* решили отправиться в Половецкую степь, горделиво заметив: «Разве мы не князья?». И побудительной причиной стала не защита своих земель от половецких набегов, а желание хвалы, т. е., славы! А гордыня — первейший грех, порождающий и тщеславие. Древнерусские монахи-летописцы предупреждали об этом русских князей: «О взълюблении князи русскии, не прельщаитесь пустошною и прелестною славою света сего, еже хужьши паучины есть и яко стень мимо идет; не принесосте бо на свет сей ничто же, ниже отнести можете»[221].

Такое ощущение, что у древнерусских князей Ольговичей произошло затмение души, и они прельстились славой.

Инициатива похода исходит от Игоря Святославича. Он выступает из Новгород-Северска с двумя сыновьями (по другим источником, только с сыном Владимиром). У Переяславля Игорь встречается со своим братом Всеволодом Святославичем из Трубчевска и племянником Святославом Ольговичем Рыльским и «черниговской помощью» — ковуями.

Все вместе вошли в половецкую землю. Услышав об этом, половцы встревожились: «Братья наша избита и отци наши, а друзии изъимани, а се ноне на нас идут». И послали гонцов по всей своей земле с призывом выступить против русских князей.

Тем временем, русские подступили к вежам половецким. Малочисленные полки половцев не смогли противостоять русским и «побежени бывше». Русские «множество полона взяша жены и дети. И стояша на вежах 3 дни. Веселяся а рекуще: "Братья наша ходили с Святославомъ великимъ князем и билися с ними зря на Переславль, а они сами к ним пришли, а в землю ихъ не смели по них ити. А мы в земли их есмы, и самехъ избили а жены их полонены, и дети у насъ. А ноне поидем по ним за Донъ и до конця избьемъ ихъ. Оже ны будет ту победа, идем по них и луку моря, где же не ходили ни деди наши. А возмем до конца свою славу и честь". А не ведуще Божия строенья», — замечает летописец (Стлб. 397–398).

На что здесь следует обратить внимание.

Во-первых, древнерусские князья, воспользовавшись сложившейся с прошлого года трудной для половцев обстановкой, совершили обыкновенный набег на половецкие вежи, чтобы обогатиться полоном, за который можно было бы потом получить выкуп. Словом, разбогатеть.

Во-вторых, автор отмечает хвастовство князей, которые далеко зашли в половецкие степи и собираются дальше пойти на Дон. Дело в том, что «кодекс чести» древнерусского князя

не приветствовал ведение завоевательных войн. Княжеская власть воспринималась на Руси как Богом данная («княземъ, яко от Бога избраномъ и призваномъ»[222]), а потому княжеское служение выражалось в мирском служении Богу: защите Отечества, православной веры и русского народа. Такими *защитниками* Русской земли, веры и православных предстают и Владимир Мономах, и Александр Невский, и Дмитрий Донской. Все они канонизированы.

Игорь же Святославич с князьями отправляются в *завоевательный* поход! Более того, они собираются попленить всю Половецкую землю и дойти до лукоморья, куда еще никто из древнерусских князей не ходил! Не случайно и Автор «Слова о полку Игореве» подчеркивает этот нечестивый путь в Половецкую степь многократным повторением, что Русская земля осталась далеко позади: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси».

В-третьих, Ольговичи даже хвастаются взять «до конца свою славу и честь». Святые князья-братья Борис и Глеб ни во что не ставили «славу мира сего», проявили кротость и смирение, приняли мученический венец, уподобившись Христу, снискав славу на небесах. Святые — идеальные образы Древней Руси. Противоположность им — осознающие или не осознающие свое поведение грешники. Такими и показывает летописец Игоря Святославича «со товарищи», одержимых гордыней и тщеславием[223].

В-четвертых, как ожидаемый результат от нарушения заповедей, напоминание о «Божием строении» — Господнем промысле о них. И наказание за гордыню вскоре последовало: половцы стали собирать силы со всей своей земли и обступили русских воинов: осыпали их три дня стрелами, не давая возможности подойти к воде. Когда же собрались все половецкие силы во «многом множестве», русские «видевше ихъ, ужасошася и величанья своего отпадоша» (Стлб. 398). Происходит трезвление, а древнерусский летописец напоминает слова пророка: «Несть человеку мудрости. ни есть мужества. ни есть думы противу Господеви» (Стлб. 398).

Приближается развязка — наказание за гордыню и хвастливость.

Изнемогающие от безводья русские воины попытались пробиться к воде, но половцы «бишася с ними крепко». Тогда и конные дружинники спешились, «кони бо бяху под ними изнемогли», «и бысть сеча зла вельми». «И побежени быша наши гневом Божьим. Князи вси изъимани быша. а боляре и велможа и вся дружина избита. а другая изъимана и та язвена. и възвратишася с победою великою Половци. а о наших не бысть кто и весть принеса. за наше согрешенье. где бо бяше в нас радость. ноне же въздыханье и плачь распространися» (Стлб. 398).

Таков печальный итог битвы и *конец* всего похода Игоря Святославича как наказание за его гордыню. Но это и *начало* возможного преображения князя, поэтому и вспомнил летописец слова пророка Исаии: «Господи, в печали помянухом тя». Самое главное для князя — осознать греховность своих действий и покаяться в них. Господь, ведь, пришел не к праведникам, а к грешникам, чтобы спасти их. Князь Игорь Святославич отступил от Бога, от исполнения заповедей Его. Захотел славы — получил бесславие: попал в плен. Для древнерусского книжника все предельно ясно: в жизни человека все происходит или по воле Божией, или попущением Божиим, когда человек творит свою волю. Игорь Святославич творил свою волю, и как результат — гибель всего его войска, а для него самого — бесчестие и ожидание выкупа.

Весть о случившемся и предложение половцев о выкупе пленных русичей принес на Русскую землю некий купец («гость»), проходивший тем путем. Все князья, «слышавше таку погибель о братье своей и до бояръ. возпиша вси. и бысть плачь и стенанье. овемъ бо братья избита и изъимана. а другымъ отци и ближикы» (Стлб. 399).

Не остался в стороне и князь Святослав Всеволодович Киевский. Он послал за сыновьями и всеми князьями, и собрались они с воинами своими в Киеве, и все вместе выступили к Каневу.

Половцы услышали, что вся Русская земля идет на них, убежали за Дон. Узнав о бегстве половцев, Святослав Всеволодович возвратился со всеми князьями в Киев, и князья разошлись по своим владениям.

Уведав об этом, половцы вернулись и тайно направились к Переяславлю, взяв все города по реке Суле. Большое сражение, длившееся весь день, произошло у стен Переяславля. И главным действующим лицом вновь становится Переяславский князь Владимир Глебович. Увидев, что половцы занимают острог, он выехал с малой дружиной против них и «бишася с ними крепко, и обиступиша князя зле». Горожане, видя изнемогающих воинов своих, «выринушася из города и бишася. одва изотяша князя боденого треми копьи. А дружины много избьено. и вбегоша в городъ и затворишася». А половцы «възвратишася со многым полоном в веже» свои (Стлб. 399).

Из летописного рассказа совершенно очевидно, что разорение Переяславского княжества — это последствие безумного поступка Игоря Святославича, после которого уже половцы воспользовались малоприятной для русских ситуацией. Возложена вина на Игоря Святославича и за тяжелые ранения Владимира Глебовича.

Из Русской земли летописец вновь переносится в степь половецкую и сообщает: «По малых днехъ ускочи Игорь князь у Половець. не оставит бо Господь праведного в руку грешничю. очи бо Господни на боящаяся его. а уши его в молитву ихъ. гониша бо по нем и не обретоша его. яко и Саулъ гони Давыда но Богъ избави и. тако и сего Богъ избави из руку поганых» (Стлб. 399–400).

Почему произошла перемена отношения Господа к князю Игорю в Лаврентьевской летописи напрямую не сказано. Но из слов летописца можно догадаться, как Игорь из грешника превратился в праведника: Господь увидел страх князя пред Богом, князь раскаялся за содеянное и обратился к Богу с покаянной молитвой. Красноречиво в этом плане сравнение князя Игоря с царем Давыдом, выстрадавшем свое прощение. Стало быть, и у древнерусского князя появляются «будущность и надежда».

Между тем, оставшиеся в половецком плену русские «держими бяху твердо и стрегоми. и потвержаеми многими железы и казньми» (Стлб. 400).

Для автора описанных последствий безумства князя Игоря было важно разобраться самому и объяснить читателям, почему все так произошло. Его размышлениями по этому поводу и завершается летописная статья 1186 г.: «Се же и здеяся грех ради наших. зане умножишася греси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы свая напастьми различьными. огнемь и водою и ратью. и многыми различными казньми».

Нет человека не без греха, а потому «хрыстьянину бо многыми напастьми внити въ царство небесное. согрешихом казними есмы. яко створихом тако и прияхом».

Расположенные в конце статьи 1186 г. размышления дословно повторяют некоторые моменты из рассуждений начала статьи 1185 г. Это свидетельствует об устойчивости представлений о наказании за грехи еще в этой жизни: «*Се же ся здея грех ради наших. яко умножишася греси наши и неправды.* се же наведе на ны Богъ. веля нам имети покаянье. и въстягнутися от греха. и от зависти. и от прочихъ злых делъ неприязниныхъ. *Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными. огнемь и водою и ратью. и иными различными казньми.* да явятся яко злато искушено в горниле. *хрыстияномъ бо многыми напастьми внити въ царство небесное*» (Стлб. 392–393).

В новой статье летописец только подверг предыдущий текст некоторым сокращениям, сохранив основную мысль: «яко створихом, тако и прияхом», и сконцентрировав свою мысль на самом главном — проявленном Богом милосердии: «но кажет ны добре Господь нашь. но да никтоже может рещи яко ненавидит нас Богъ. не буди то. кого тако любить [Богъ] якоже възлюбилъ е[сть]. [и вознеслъ е] и страсть (страдание) приятъ нас ради. да ны избавить от неприязни» (Стлб. 400). Потому и избавляет Господь древнерусского князя Игоря Святославича из половецкого плена. Удачный побег Игоря Святославича — не его заслуга, а воплощение Божией воли

и проявление Его милосердия. Для летописца-монаха это было безусловным фактом.

Обращу внимание на три важных для нашего исследования обстоятельства. Во-первых, если главным героем повести Лаврентьевской летописи становится Владимир Глебович Переяславльский, и написана она была, как уже было сказано выше, в его стольном граде Переяславле, стало быть, Автор «Слова о полку Игореве» мог воспользоваться ею только у Мономаховичей. Единственным таким местом, куда стекались исторические источники по роду Мономаховичей, был их же Выдубицкий монастырь, в котором его игумен Моисей составлял в конце XII века Киевский летописный свод при правлении великого князя Киевского Рюрика Ростиславича — тоже Мономаховича.

Во-вторых, автор летописной повести о походе Игоря Святославича из Лаврентьевской летописи не просто указывает на солнечное затмение 1 мая (о нем напишет и автор летописной повести о походе Игоря Святославича из Ипатьевской летописи), но и уточняет, что произошло оно в день памяти пророка Иеремии. Автор «Слова о полку Игореве» использует Книгу пророка Иеремии в качестве библейской основы для своего произведения — для ретроспективной исторической аналогии[224]. Не исключено, что именно повесть Лаврентьевской летописи послужила для него такой смысловой подсказкой.

В-третьих, некоторые подробности, которых нет в киевской повести, взяты Автором «Слова» из этой повести Лаврентьевской летописи: упоминание «безводья», «зноя», «туги» и Дона, как конечной цели похода; рассказы «о сборах половцев против Игоря, о стрелах во время второго боя, о гибели русского воинства от безводья, о печали русских князей и бояр после разгрома северян, об обращении Святослава ко всем князьям, о тяжелом положении русских пленников, о погоне за Игорем»[225]. Следовательно, Автор «Слова» хорошо ее знал, а изучить ее досконально мог в Выдубицком монастыре.

«Правы суды Господни»
(Киевская повесть из Ипатьевского летописного свода)

Интересующая нас повесть о походе Игоря Святославича на половцев весной 1185 г. вошла в составленную в самом конце XII в. в Киевском Свято-Михайловском Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем так называемую Киевскую летопись (охватывала события с 1119 г. по 1198 г.)[226]. Позднее эта летопись была объединена вместе с предшествующей ей «Повестью временных лет» третьей редакции (излагала события до 1118 г.) и продолжающей ее Галицко-Волынской летописью (охватывала события с 1205 г. по 1292 г.) в Ипатьевский летописный свод, древнейший список которого был составлен в первой четверти XV века[227].

Если рассказы Лаврентьевского летописного свода весьма лаконичны, то повествование Ипатьевского летописного свода отличается подчас интересными подробностями. Как и в Лаврентьевском своде, статье о походе Игоря Святославича на половцев весной 1185 г. предшествуют несколько погодных статей начала 80-х годов с рассказами о набегах половцев на Русскую землю и ответных походах древнерусских князей. Причем, что немаловажно, значительная роль в этих событиях отводится правящему дуумвирату Ольговичей и Мономаховичей: великому князю Киевскому Святославу Всеволодовичу (Ольговичу) и великому князю Киевской земли Рюрику Ростиславичу (Мономаховичу). Автор летописи всякий раз, когда это возможно, стремится отметить их союзнические отношения и совместную деятельность на благо родной земли.

Этому летописцу также присущ провиденциализм.

Когда в феврале 1183 г., в первую неделю Великого Поста, «приидоша Измалтяне безбожнеи Половци на Русь», то «Божьемь застоуплениемь не бысть пакости от нихъ»[228]. А уже летом Святослав Всеволодович, «сгадавъ со сватом своимъ Рюриком», решил выступить против половцев. Святослав послал своих сыновей с полками под предводительством новгород-северского князя Игоря Святославича, «веля емоу

ехати в себе место». А Рюрик послал Владимира Глебовича Переяславского со своими полками. И здесь киевский летописец отмечает заносчивость и неблагопристойное поведение переяславского князя, о чем Лаврентьевский свод, симпатизировавший, как мы уже видели, Владимиру Глебовичу, тактично умолчал.

Владимир Глебович попросил разрешения у князя Игоря Святославича «ездити на переди полкомъ своимъ», мотивируя это тем, что русским князьям дано право ездить «напереди» в Русской земле. Игорь Святославич этого ему не позволил, и Владимир Глебович «розгневався и возъвратися. и оттоле идя иде на Северьские городы (т. е., в Новгород-Северское княжество. — *А. У.*) и взя в них много добытокъ» (Стлб. 628–629).

Здесь уместно напомнить выше приведенный рассказ Лаврентьевского свода, когда Святослав Всеволодович позволил, в отличие от Игоря Святославича, ездить Владимиру Глебовичу «на переди», поскольку половцы разорили его Переславское княжество, и тогда никто из князей не оспорил этого его права первенства на военную добычу.

«Ездити на переди полкомъ своимъ» — это значит, в случае победы, первыми обогатиться захваченным достатком неприятеля. Игорь Святославич лишил дружинников Владимира Глебовича такой возможности, тогда переяславский князь пошел со своим полком и частью киевлян в Новгород-Северскую волость Игоря Святославича, чтобы компенсировать воинам упущенную добычу. По сути, Владимир Глебович выступил зачинщиком нового вооруженного конфликта Мономаховичей и Ольговичей, разжигателем княжеской розни. Лаврентьевский свод, симпатизирующий Мономаховичам, предпочел об этом поступке Владимира Глебовича ничего не сообщать.

Киевский летописец показал Игоря Святославича как настоящего полководца и воина, который неукоснительно исполняет свой княжеский долг. Во главе оставшихся киевских полков он поставил своего племянника Олега Святос-

лавича, и вместе с другими князьями они стали преследовать убегающих половцев. Всю ночь тогда шел дождь, и разлилась река Хирия (Хория). Часть половцев успела переправиться через реку, часть утонула вместе с лошадьми и скотом, а часть попала в плен к русским.

Больше об этом походе киевский летописец ничего не сообщает, но следующий пассаж из этой же погодной статьи рассказывает о череде смертей епископов, в том числе и епископа Ростовского Леона. На его место был поставлен епископ Николай Гречин, но Всеволод Юрьевич Суздальский не принял его и обратился к киевскому князю Святославу Всеволодовичу и митрополиту Никифору поставить епископом Ростовским, Владимирским и Суздальским игумена Спасского монастыря на Берестове Луку, «смиренного духомъ и кроткого» (Стлб. 629–630). «Митрополитъ же Микифоръ не хотяше поставити его, но неволею великою Всеволода и Святославлею и постави Луку епископомъ в Суждальскую землю» (Стлб. 630). Об этом мы уже узнали из Лаврентьевского свода (под 1185 г.), но без приведенных подробностей о епископах Леоне и Николае Гречине и принуждении митрополита Никифора князьями.

Далее, как и в Лаврентьевском своде, описывается сильный пожар во Владимире 13 апреля, уничтоживший и княжий двор и 32 церкви, в том числе и соборную — Пресвятой Богородицы Златоверхую, украшенную когда-то Андреем Боголюбским. В отличие от Лаврентьевского свода, в рассказе Киевской летописи приводится много подробностей этого бедствия и отсутствует размышление о наказании Божием за грехи.

Наконец, третий пассаж этой статьи под 1183 г. рассказывает о коллективном походе древнерусских князей на половцев. И в нем становится особенно заметным провиденциализм повествователя-летописца: «Того же лета Богъ вложи въ сердце Святославу, князю Киевскому, и великому князю Рюрикови Ростиславичу и поити на Половце…» (Стлб. 630).

Характеризующая автора деталь: он не назвал Святослава Всеволодовича «великим князем», хотя и указал его

первым, но назвал таковым Рюрика Ростиславича, явно симпатизируя ему. Это особое предрасположение киевского летописца к Рюрику Ростиславичу будет чувствоваться до самого конца Киевской летописи.

Собрав «окольних» князей, кроме своих братьев-Ольговичей, отказавшихся от похода, Святослав Всеволодович выступил в поход, «поущаемъ Божиимъ промысломъ» (Стлб. 631). Отыскав половцев на «ратной стороне Днепра», он отрядил «молодших князей» впереди своих полков: Владимира Глебовича Переяславского, и Глеба, и сына своего Мстислава, и Мстислава Романовича, и Глеба Юрьевича, князя Дубровицкого, и Мстислава Владимировича и берендеев с ними.

Лаврентьевский свод упоминал в авангарде одного только Владимира Глебовича Переяславского, отводя ему главную роль в этом сражении. Киевский летописец ограничился лишь единственным сообщением, что «Половци же узревше Володимерь полкъ, крепко идущь на нихъ, и побегоша гонимы гневомъ Божиимъ [и] святеи Богородице» (Стлб. 631).

Русские не долго преследовали половцев и остановились. Хан Кобяк, полагая, что войско русских малочисленно, возвратился и стал обстреливать их через реку. Святослав с Рюриком направили молодым князьям подмогу. «Русь же приимше помощь Божию, и въвертешася в не и начаша е сечи, имати, и тако створи Господь милость христьяном. В тыи же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика за веру ею» (Стлб. 632). Русские князья пленили хана Кобяка с двумя сыновьями и других ханов «без числа».

«Створи же Богъ победу сю месяца июля въ 30 (день) в понеделник, в память святого Ивана Воиника» (Стлб. 632). Киевский летописец, в отличие от автора подобного, но небрежного сообщения в Лаврентьевском своде, приводит абсолютно точную дату.

«Великии же князь Святослав Всеволодович и Рюрикъ Ростиславичь приемше от Бога на поганыя победу и возвратишася во свояси со славою и честью великою» (Стлб. 633–

634). Услышав о таком удачном завершении похода, Игорь Святославич, призвав младшего брата Всеволода, племянника Святослава и сына Владимира, тоже отправился на вежи половецкие и рассеял 400 половецких воинов во главе с князем Обовлы Костуковичем…

Следующий 1184 г. так же отмечен постоянными столкновениями с половцами. Другой половецкий хан Кончак, «оканьныи и безбожныи и треклятыи», пошел со множеством половцев на Русь, «пленити хотя грады Руские и пожещи огнемь», поскольку имел «мужа бесурменина», который мог стрелять из самострелов «живым огнем» (Стлб. 634). Однако, как заметил летописец, «всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и светы (замыслы) ихъ раздруши» (Стлб. 635). Кончак был обращен в бегство, а «бесурменин» со своим «устроением» попал в плен к русским.

«Съдея Господь спасение свое, дасть победу князема Рускыма: Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрикови Ростиславичю месяца марта въ 1 день» начавшегося нового 1185 г. «Святослав же и великыи князь Рюрикъ победу приемша молитвами святою мученику Бориса и Глеба. И поидоша когождо во свояси, славяще Бога во Троице, Отца и Сына и Святого Духа» (Стлб. 635).

Киевский летописец приводит объяснение, почему черниговские князья не приняли участие в этом совместном походе.

Ярослав Черниговский отговорился тем, что уже послал «мужа своего Ольстина Олексича» к половцам на переговоры и вынужден держать нейтралитет. Игорь Святославич готов был отправиться в поход, даже ответил посланнику Святослава Всеволодовича: «Не даи Богъ на поганыя ездя ся отрещи (Отказаться ездить на половцев. — *А. У.*). Поганы есть всимъ намъ обечь ворогъ (Язычники — всем нам общие враги. — *А. У.*)» (Стлб. 637). И стал размышлять и советоваться с дружиной, как поспеть на помощь киевскому князю. Дружина заметила ему, что не может он птицею перелететь это расстояние: посланец Святославов приехал к нему

в четверг, а сам князь выступает из Киева в воскресенье. Как можно вовремя поспеть?

Игорю не любо было сказанное дружиной, и он решил ехать напрямик полем. Но поднялся такой сильный туман, что ничего нельзя было воинам увидеть, ни пути отыскать, и они вынуждены были возвратиться. А посланный князем Святославом Всеволодовичем воевода Роман Нездилович с берендеями «Божиею помочью взяша веже Половецькеи, много полона, и конии, месяца априля въ 21 день, на самыи Великъ День», то есть, на Пасху (Стлб. 637). Сам же киевский князь Святослав Всеволодович, присмирив силой половцев, и обретя, как ему, видимо, казалось, покой, отправился в Вятичи и Корачев по своим делам.

Именно в это же самое время — 23 апреля, во вторник пасхальной седмицы — Игорь Святославич, внук Олегов, выехал из Новгород-Северска, взяв с собой брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска и сына своего Владимира из Путивля[229]. У своего сюзерена Ярослава Черниговского попросил себе в помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с черниговскими ковуями. «И тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою, бяхуть бо и у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ к Донцю рекы в годъ вечернии (Вечернее время. — *А. У.*)…» (Стлб. 638).

Так начинается повествование о злосчастном походе Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 года[230].

Ее автор не лишен писательского таланта и очень искусно ведет свой неспешный рассказ, расцвечивая его художественными образами и обогащая тонкими деталями: войско Игорево идет неспеша, поскольку кони у него тучные, застоялись в стойле, в навечерии…

Помятуя о близости этой повести к «Слову о полку Игореве», следует выделить в ней смысловые узлы и сопоставить их со смысловыми узлами и повествованием самого «Слова».

1. Поход начинается с грозного предзнаменования — солнечного затмения (как и в «Слове»): «Игорь жь возревъ на небо и виде солнце стояще яко месяць. И рече бояромъ

своимъ и дружине своеи: “Видите ли, что есть знамение се?” Они же узревше и видиша вси, и поникоша главами. И рекоша мужи: “Княже се есть не на добро знамение се”. Игорь же рече: “Братья и дружино! Таины Божия никто же не весть. А знамению творець Богъ и всему миру своему. А намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то женамъ видити”[231]. И то рекъ, перебреде Донець» (Стлб. 638).

Сопоставления со «Словом» напрашиваются сами собой. Сравним повесть: «*Игорь жь возревъ на* небо и <u>виде</u> *солнце* стояще яко месяць…» со «Словом»: «Тогда *Игорь възре на* светлое *солнце* и <u>виде</u> отъ него тьмою вся своя воя прикрыты».

Повесть: «*Игорь же рече: “Братья и дружино*!”». Чуть выше Игорь обращался к «бояромъ своимъ и <u>дружине своеи</u>».

«Слово»: «И *рече Игорь* <u>къ дружине своеи</u>: “*Братие и дружино*!”».

Примечательно и отношение Игоря к солнечному затмению, точнее, к результатам похода: «А намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то *женамъ видити*». В конце «Слова» жены, как и Ярославна, будут оплакивать своих не вернувшихся мужей…

В отличие от более богобоязненных бояр, Игорь Святославич даже не пытается истолковать небесное знамение, хотя был обязан. Как заметил митрополит Никифор в послании к князю Владимиру Мономаху, «подобаетъ бо княземъ, яко от Бога избраномъ и призваномъ на правоверную веру, его Христова словеса разумети известо и основание церковное твердое»[232].

Игорь же Святославич просто отмахнулся от этого знамения, за что, в том числе, и был наказан.

Летописная повесть воспроизводит последовательный ход событий и подробно рассказывает о походе Игоря Святославича. Она стремится дать читателю полное представление об этом злополучном предприятии новгород-северского князя.

2. Игорь со своим войском подошел к реке Оскол, где два дня дожидался подхода Всеволода Святославича с дружи-

ной из Курска, шедшего другим путем (в «Слове» Всеволод обращается с призывом к Игорю, упоминая своих «курян»). Оттуда уже вместе братья пошли к реке Сальнице. Тут подоспели и сторожа, которых Игорь Святославич отправил ловить половецкого «языка». Они рассказали, что видели половецких воинов, уже облачившихся в доспехи и готовых к бою. «Поэтому, — посоветовали они, — или нужно ехать быстро (“борзо”), или возвратиться домой, “яко не наше есть веремя”» (Стлб. 639).

Замечательна эта ремарка, «яко не наше есть веремя»! Случившееся в начале похода солнечное затмение, ведь, свидетельствовало о том же! Однако Игорь воспринимал все по-другому. Он обращается к дружине своей: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пуще смерти, но како ны Богъ дасть» (Стлб. 639).

3. И так решив, «ехаша копресъ ночь. Заутра же пятьку наставшу во обеднее веремя, усретоша полкы Половецькие…» (Стлб. 639).

Если в повести просто сказано, что ехали всю ночь, то автор «Слова» еще раз напоминает о солнечном затмении и создает художественный образ неприветливой темной ночи в половецкой степи: «Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою, птичь убуди свистъ, зверинъ въ ста збися, Дивъ кличетъ връху древа…».

4. Повесть продолжает: «…усретоша полкы Половецькие, бяхуть бо до нихъ доспеле веже свое, пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на онои стороне рекы» (Стлб. 639).

«Слово»: «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону Великому. Крычатъ телегы полунощы, рци, лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ…».

5. С одной стороны, киевский летописец начинает повествование о первом столкновении русских с половцами с указания на начало пятничной службы: «*Заутра* же пятъку наставшу, во *обеднее веремя* (т. е., во время обедни — литур-

гии. — *А. У.*), усретоша полкы Половецькие…» (Стлб. 639). Фиксация автором этой кажущейся незначительной детали, может свидетельствовать о его принадлежности к духовному чину во время написания им повести. Для лица духовного отсчет всремени по церковным часам и службе вполне естественен. С другой стороны, автор довольно подробно описывает военное приготовление русских князей к ***первой*** битве, что выдает в нем дружинника.

Стало быть, можно предположить, что во время похода автор повести был дружинником, а во время написания — священником?

Всего у русских было шесть полков. Игорев полк шел посередине, по правую руку от него — полк брата Всеволода, по левую — племянника Святослава, впереди — полк сына Владимира и черниговский полк Ольстина с ковуями. Еще был один полк — стрельцов, собранных из всех полков и выстроенных впереди. Так устроил Игорь Святославич боевой порядок своих дружин.

Изрядив полки, князь Игорь обратился «ко братьи своеи: “Братья, сего есмы искале, а потягнемь”» (Стлб. 639). И пошел против половцев, «положаче (положаше) на Бозе упование свое».

Когда русские подошли к реке Сюурлий, выехали из половецких полков стрелки и пустили по стреле в сторону русских и ускакали. Русские еще не успели перейти реку, как ускакали и остальные половцы, которые стояли далеко от реки. Половцы явно провоцировали русских на погоню.

Святослав Ольгович, Владимир Игоревич и Ольстин с ковуями и стрельцами погнались за ними. Игорь и Всеволод свои полки не распустили, но ехали «помалу» строем.

Передовой полк русских настиг половцев, стремящихся спрятаться в своих вежах. Часть из них побили, а часть пленили. С пленом ночью (опять ночь!) молодые князья возвратились к основным полкам.

В «Слове» это ***первое*** столкновение русских с половцами описано и поэтично, и лаконично: «Съ зарания въ пятъкъ

потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты…». Стрелами сыпали обе стороны, и автор об этом знал, поэтому и создает замечательный художественный образ русских воинов, рассыпавшися по полю стрелами…

К вечеру пятницы русские обнаружили, что против них «собрашася Половци вси» (Стлб. 640). И опять Игорь Святославич обращается к «братома и к мужемь своим»: «Се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша победу, а на нас честь и слава. Се же видихомъ полки Половецьки, оже мнози суть. Ту же ци вся си суть совокупили» (Тут чуть ли не все собрались. — *А. У.*).

Стали обсуждать, как далее поступить. Предложение Игоря было ехать обратно всю ночь, поскольку не все половцы рискнут устремиться русским во след, но только лучшие конники переберутся через реку, а там — как Бог даст. Ему возразил племянник Святослав Ольгович: дескать, далеко гнался за половцами, и кони его устали, если сейчас пуститься в обратный путь, то не смогут они долго идти, и он отстанет в дороге. Его поддержал Всеволод, тоже пожелавший остаться в поле. И ответил им на это Игорь: «Да не дивно есть разуметь, братья, (что можно) умереть». И расположились на ночлег в степи.

«Слово»: «Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо — далече залетело!»

6. Основные события стали разворачиваться с рассветом по утру в субботу: «Светающи же суботе, начаша выступати полци Половецкии акъ борове (Как лес. — *А. У.*). Изумешася князи Рускии, кому ихъ которому поехати. Быс(ть) бо ихъ бещисленое множество» (Стлб. 641).

«Слово» описывает этот момент поэтично: «Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии».

И снова обращается Игорь к своим воинам: «Се ведаюче собрахомъ на ся землю всю: Кончака и Козу Бурновича, и Ток-

собича Колобича, и Етебича, и Терьтробича» (Стлб. 641). И решили все сойти с коней, и попытаться с боем пройти к реке Донец. Князья сказали, что если сами поскачут и убегут, а "черных людей" оставят, то от Бога будет им грех, за то, что простых воинов покинули. И решили пробиваться все вместе: или умрут, или живы останутся, то все заодно. И так решив, все сошли с коней, и пошли, сражаясь, к Донцу.

«И тако Божиимъ попущением уязвиша Игоря в руку, и умртвиша шюицю его (Левую руку. — *А. У.*). И быс(ть) печаль велика в полку его. И воеводу имяхуть (Захватили. — *А. У.*), тот напереди язвенъ быс(ть) (Тот раньше был ранен. — *А. У.*). И тако бишась крепко ту днину до вечера. И мнозии ранении (и) мертви быша в полкохъ Руских. Наставши же нощи суботнии и поидоша бьючися» (Стлб. 641).

Так прошел первый день ***второго*** сражения. Его описание не просто наполнено деталями, мимо которых прошел летописец Лаврентьевского свода. Киевский автор создает *художественное* повествование: не в субботу утром, а "светающи же суботе"; половецкие полки — "акъ борове", и их не просто "бещисленое множество", но впечатление усиливается еще и гиперболой — собралась вся Половецкая земля! Игорь Святославич не просто ранен в левую руку, но ее "умртвиша" — обездвижили, умертвили.

Все описано в движении. Достигается это использованием в обилии соответствующей лексики, чаще всего, глаголов и причастий, но не только: *облегоша, начаша выступати, изумешася, соседоша с конеи, бьющеся, уязвиша, умртвиша, имяхуть, язвенъ* и т. д.

Киевский летописец пытается передать и психологическое состояние русских — их изумление ("изумешася князи Рускии"), когда неожиданно для себя они увидели огромное количество половцев. Князья-то полагали, что половцы полностью разбиты Святославом Киевским несколькими месяцами ранее и не смогут быстро собрать большое войско для противостояния русским. Отсюда и растерянность князей от увиденной многочисленности врага: никто не знал,

против кого кому выступать. И реакция на это Игоря: «Это, *ведаю*, собрали мы против себя всю землю половецкую…». Но не потеряли они княжеского достоинства: сошли с коней и в пешем строю сражались вместе с простыми людьми. Отмечена печаль воинов, когда Игорь был ранен в левую руку.

В сравнительно небольшом тексте автор сумел предать и динамику боя, и чувства людей, их смятение, и Божий промысел о них. Это описание боя свидетельствует о высоком литературном мастерстве его киевского автора.

Сравним с воспроизведением субботнего сражения в «Слове»: «Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша». И далее: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ поле незнаеме среди земли Половецкыи».

7. Кульминация битвы приходится на воскресенье: «Быс(ть) же светающе неделе. Возмятошася Ковуеве в полку (и) побегоша. Игорь же бяшеть в то время на коне, зане раненъ бяше, поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ…» (Стлб. 641–642).

Какое точное слово использовал автор для передачи смятения ковуев — *возмятошася*! Дрогнули и побежали. Автор передает драматизм ситуации. Раненый Игорь пытается остановить бегущих ковуев, поскакал за ними на лошади, но они его не узнали, поскольку далеко был от них. «Уразумев же, яко далече шелъ есть от людии, и сонмя (сняв) шоломъ погънаше опять к полкомъ, того деля, что быша познали князя и возворотилися быша. И тако не возворотися никто же, но токмо Михалко Гюрговичь, познавъ князя возворотися» (Стлб. 642).

Такое ощущение, что автор сам был участником этих событий и описал их с подробностями и личными переживаниями. Он обращает внимание, что не многие воины побежали с ковуями, «но мало от простыхъ, или кто от отрокъ боярскихъ, добри бо вси бьяхуть, идуще пеши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа» (Стлб. 642).

Не часто в древнерусских летописях встречаются столь подробные, наполненные драматизмом описания. На ум приходит «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского» из «Повести временных лет» под 1097 г., да описание похода Владимира Мономаха на половцев в 1111 г.[233]

Игорь, возвращаясь, уже приближался к полкам своим, будучи на расстоянии всего одного полета стрелы («единъ перестрелъ»), как к нему наперерез бросились половцы («переехаша поперекъ») и схватили его. «Держим же Игорь, виде брата своего Всеволода крепко борющася, и проси души своеи смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего» (Стлб. 642).

«Слово» об этом говорит более лаконично, перемежая сообщения религиозно-нравственными рассуждениями (которые здесь опущены) и создавая художественные образы: «Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода…». И далее: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую…». И, наконец, «ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче».

8. С князя Игоря Святославича автор повести переключается на его брата Всеволода Святославича: «Всеволодъ же толма (так) бившеся, яко и оружья в руку его не доста. И бьяху бо ся идуще в кругъ при езере» (Стлб. 642).

Довольно лаконично, всего одной фразой, но красочно изобразил автор битву Всеволода с половцами: древнерусский князь так сражался с врагами, что не доставало ему оружия, оно просто тупилось.

А вот в «Слове» Всеволоду Святославичу уделено больше внимания, и автор оказался более красноречив: «Яръ Туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями кале-

ными шеломы оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая рана, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глебовны,свычая и обычая!»

9. В воскресенье, на малую Пасху, приближается развязка трехдневного сражения. Половцы обступили со всех сторон горстку безумно уставших, но продолжающих сражение русских воинов.

«И тако во день святого воскресения наведе на ***ня*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642–643).

Обращает внимание на себя тот факт, что *автор повествования причисляет себя к сражающимся*, на которых обрушился гнев Божий. Он дважды употребил местоимение *ня*/*ны* — т. е., нас! Думается, это не случайно. В авторе не просто чувствуется участник тех событий, но в разбираемом нами пассаже он умышленно проговаривается об этом. А еще более удивительно то, что и автор «Слова» столь же откровенно говорит об этом, причем в том же самом месте описания битвы: «Что *ми шумить*, что *ми звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой *Каялы*. Ту кровавего вина не доста».

Нельзя назвать случайным такое совпадение, на которое прежде никто, насколько мне известно, не обращал внимания: ***и автор летописной повести, и автор «Слова о полку Игореве» не просто были участниками описываемого похода, но описывают свое участие в нем в одном и том же эпизоде битвы, и при этом они упоминают еще и реку Каялу***.

На присутсвие названия реки Каялы в обоих текстах внимание обратили уже давно. Автор повести сообщает, что Господь навел вместо веселья «*желю* на реце *Каялы*».

Река Каяла (местонахождение которой до сих пор точно не установлено) шесть раз упоминается и в «Слове»: «Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы

половецкыя, на реце на *Каяле*, у Дону Великаго». «Съ тоя же *Каялы* Святоплъкь полелея отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву». И «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой *Каялы*». «Погрузи жиръ во дне *Каялы*, рекы половецкия, рускаго злата насыпаша». «На реце на *Каяле* тьма светъ покрыла» и др. Использование названия реки Каялы обоими памятниками свидетельствует об особой близости «Слова о полку Игореве» и летописной повести Ипатьевского свода[234].

То же самое можно сказать и о слове *желя/жля*, обозначающем, видимо, скорбь[235], и использованном только двумя разбираемыми нами произведениями. Повесть: «Господь <…> в радости место наведе на ны (нас) плачь и во веселье место *желю*». «Слово»: «За нимъ кликну карна, и *жля* поскочи по Руской земли».

Прежде такое совпадение исследователи объясняли знакомством летописца со «Словом», написанном, по убеждению подавляющего большинства ученых XX века, не позднее 1187 года. Нас же такое объяснение не устраивает, поскольку «Слово», как я уже неоднократно отмечал в своих работах[236] (и о чем речь уже шла выше), было написано не ранее зимы 1200 года. Тогда получается, что это автор «Слова» был хорошо знаком с повестью о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. из Киевской летописи, а не наоборот.

А это в корне меняет представления о времени и последовательности появления цикла произведений о походе 1185 г. Игоря Святославича.

10. В самый кульминационный момент развития событий автор повести возвращается к главному действующему лицу — князю Игорю Святославичу, стремясь передать его внутреннее состояние: «Рече бо деи Игорь: "Помянухъ азъ грехы своя пред Господомъ Богомъ моимъ, яко много убииство кровопролитие створихъ в земле крестьяньстеи, яко же бо азъ не пощадехъ христьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глебовъ у Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии христьани: отлучаеми отець от рожении своих, братъ

от брата, другъ от друга своего, и жены от подружии своихъ, и дщери от материи своихъ, и подруга от подругы своея. И все смятено пленомъ и скорбью тогда бывшюю. Живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи, огнемь от жизни сея искушение приемши. Старце поревахоуться, оуноты же лютыя и немилостиввыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и расекаеми бывають, жены же оскверняеми. И та вся створивъ азъ, — рече Игорь, — не достоино ми бяшеть жити! И се ныне вижю отместье от Господа Бога моего. Где ныне возлюбленыи мои братъ? Где ныне брата моего сынъ? Где чадо рожения моего? Где бояре думающеи? Где мужи храборьствующеи? Где рядъ полъчныи (полченыи)? Где кони и оружья многоценьная? Не отто всего ли того обнажихся (избавился. — *А. У.*)? И связаня преда мя в рукы безаконьнымъ темь. Се возда ми Господь по безаконию моему (Пс. 102: 10) и по злобе моеи (Пс. 7: 9–10) на мя снидоша днесь греси мои на главу мою (Пс. 7:17). Истиненъ Господь и прави суди его зело (Пс. 118: 137). Азъ же убо не имамъ со живыми части. Се ныне вижю другая мучения веньца приемлюще. Почто азъ единъ повиньныи не прияхъ страсти за вся си? Но владыко Господи Боже мои, не отригни мене до конца (Пс. 26: 9; 50: 13), но яко воля твоя Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ", — и тогда кончавошюся"» (Стлб. 643–644).

Этот удивительный исповедальный монолог Игоря Святославича приведен здесь полностью. Киевский автор, как мы уже неоднократно убеждались, любит вкладывать в уста своих героев пламенные речи, но монолог Игоря — особенный, как по содержанию, так и по художественной выразительности. Он напоминает Покаянный канон Андрея Критского: «Покаяния время: прихожду ти создателю моему, возми бремя от мене тяжкое греховное, и яко благоутробенъ, даждь ми слезы умиления»[237].

В этом исповедальном монологе Игоря Святославича — трагедия оступившегося человека. Через осмысление постигшего его Божьего наказания произошло осознание

своего греха. Для христианина — это наиважнейший момент в жизни. И для князя Игоря Святославича.

Осмысление своей греховности приводит к покаянию. Покаяние — к прощению. Прощение — к освобождению от плена греха. У человека появляется будущность и надежда. Проявляется милосердие Господа о человеке. А в человеке происходит духовное преображение. Оно возможно только через страдание, и древнерусские летописцы постоянно напоминают об этом.

Набег Игоря на Переяславскую вотчину Мономаховичей принес ей опустошение: «все *смятено* пленомъ и скорбью тогда бывшюю». Примечательно, что автор не сообщает о том, что тот поход князя Игоря был местью переславскому князю Владимиру Глебовичу за его разорение Новгород-Северских земель Игоря, о чем сообщалось выше. Князь Игорь не ищет себе ветхозаветного оправдания «око за око, и зуб за зуб». Он, пусть и запоздало, оценивает свои поступки с позиции христианина и являет искреннее раскаяние в содеянном.

«Се возда ми Господь *по безаконию моему* и *по злобе моеи* на мя снидоша днесь *греси мои* на главу мою». Поэтому и наказание от Бога справедливо: «Истиненъ Господь и прави суди его зело».

И следует собственный суд князя над собой: «Азъ же убо не имамъ со живыми части. Се ныне вижю другая мучения веньца приемлюще. Почто азъ единъ повиньныи не прияхъ страсти за вся си?» Князь отвечает пред Богом за людей своих, потому и готов был понести наказание за свои поступки и пострадать сам, но оказался виновником страданий других, которые уже приемлют венцы мученические на небесах.

Слова Игоря перекликаются с Покаянным каноном Андрея Критского: «Согрешихъ паче всехъ человекъ, единъ согрешихъ тебе, но ущедри яко Богъ, Спасе, творение твое»[238].

Нет человека не без греха, но нет и греха, который бы превосходил милосердие Бога. А потому искренен порыв князя Игоря: «…Владыко Господи Боже мои, не отригни мене до конца, но яко воля твоя Господи, тако и милость намъ ра-

бомъ твоимъ». И здесь он следует Канону Андрея Критского: «Согрешихъ тебе единъ азъ, согрешихъ паче всехъ, Христе Спасе, да не презриши мене. Ты еси пастырь добрый, взыщи мене агнца, и заблуждшаго да не презриши мене»[239]. «Пощади, пощади, Господи, создание твое: согрешихъ, ослаби ми»[240].

Это не случайное духовное прозрение Игоря. Это *первое* осмысление произошедшего было осознанным, и князь становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Для него, хотя и оступившегося, но православного князя, было очевидным, что без покаяния невозможен обратный путь домой. Засвидетельствовать покаяние пред Богом мог только священник, которого он, оказавшись в плену, и вызовет из Руси.

Киевский автор проявляет незаурядное для Древней Руси писательское мастерство. Он строит смысловую оппозицию *ранее/теперь*: беды, *ранее* причиненные Игорем христианам, влекут наказание, которое он *теперь* испытывает за них сам. *Ранее* отцы по его произволу были лишены детей («отлучаеми отець от рожении своих»), *теперь* и он оказался отлученным от сына своего («Где чадо рожения моего?»). *Ранее* он отлучал «братъ от брата, другъ от друга своего», *теперь* и сам он оказался отлученным от брата Всеволода, бояр и дружины своей («Где ныне возлюбленыи мои братъ?» «Где бояре думающеи? Где мужи храборьствующеи?»).

Многократно задающийся риторический вопрос, «где ныне…?» (прием анафоры) не только подчеркивает величину нынешних утрат Игоря, но и усиливает глубину невосполнимых потерь: где брат? где сын брата? где его собственный сын? где бояре? где дружина? где полки? где кони? и где драгоценное оружие?

Вопросы идут один за другим, как бы нанизываются друг на друга, выстраиваясь в неразрывную, длинную цепь.

Удивительное чувство слова у этого автора. Он мог, конечно, отметить, что всего этого князь Игорь *лишился*, но автор использует другой глагол — князь от всего того *обнажился*! И здесь сразу же на память приходят слова из Свя-

щенного Писания: человек нагим приходит в этот мир и нагим его покидает. Игорь шел в этот поход за честью и славой, но в одночасье лишился всего своего былого достояния, будто перед смертью (а она ему реально угрожала) *обнажился*…

Здесь можно увидеть и аллюзию к евангельской притче о блудном сыне, расточившем отцовское богатство на чужбине. Она же присутствует и в «Слове о полку Игореве»[241], о чем речь будет идти позднее.

Умело точно подбирает автор и характерные эпитеты: *христиане — безвинные, раны — лютые и немилостивые, мужи — пре**сек**аемые и рас**сек**аемые* (секутся мечами на сече), *бояре — думающие, воины — храбрствующие, оружие — многоценное* и т. д.

Еще один отсыл к Священному Писанию: «Живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся», но автор добавляет к этому известному изречению злободневное для той ситуации объяснение непонятной радости мертвых: они, «аки мученици святеи, огнемь от жизни сея искушение приемши». Огонь пожарищ, в котором они погибли как святые мученики, освободил их от грехов и жизни…

В «Слове» об этом покаянии князя Игоря ничего не сказано[242], но автор помещает в свое творение одну важную фразу, которую некоторые исследователи даже считали позднейшей вставкой: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу».

Почему это вдруг Господь стал помагать князю Игорю Святославичу не только вернуться на землю Русскую, но даже и на Черниговский княжеский золотой стол? Не свидетельство ли это прощения Господом князя Игоря после его покаяния?

Воскресение князя Игоря — «воскресе из мертвыхъ» — начинается в воскресенье! Пополудни. В русских храмах завершилась служба, а «в поле незнаемомъ» — битва. После осмысления им своего греха и покаяния.

Ученые уже давно обратили внимание на эту покаянную речь князя Игоря. М. Д. Приселков, на основании этого и не-

котырых других фрагментов, утверждал о близком знакомстве автора этого рассказа с самим князем: «Не могу не отметить весьма близкого личного знакомства составителя этого летописца[243] с князем Игорем, засвидетельствованного передачею личных переживаний Игоря по этому … поводу. Кто может усомниться в этом, читая теперь рассказ о походе 1185 г. в изложении нашего составителя, сохраненный нам Ипатьевскою летописью, где автор смело вкладывает в уста князя Игоря покаянный счет княжеских его преступлений и где, при описании бегства Игоря, даются такие житейские и психологические детели, которые могли быть известны только самому князю»[244].

Близких взглядов придерживался и Д. С. Лихачев: «В описании похода Игоря Святославича 1185 г. летописец вкладывает в уста Игоря Свяятославича покаянную речь, поражающую пространным перечислением княжеских преступлений и необычайной смелостью…»[245]. И, развивая тему покаяния Игоря Святославича (второе осмысление князем своих преступлений было уже в плену у Кончака), Д. С. Лихачев констатирует, что «и летописец Игоря, и автор “Слова о полку Игореве” в одинаковой мере могли пользоваться рассказами своего князя Игоря Святославича и отразить в своем изложении и личные переживания Игоря, и детали его пребывания в плену»[246]. То есть, ***оба автора не только участинки этого похода, но и близкие князю люди***. Однако не каждому такое о себе расскажешь. Обычно такие откровения и покаяние в грехах выслушивает священник.

Есть все основания предположить, что авторов было не два, а один. Ниже тому будут приведены доказательства.

По мнению И. П. Еремина, в этом рассказе Игорь Святославич «предстает перед нами в образе “идеального” героя, умилительно сокрушающегося о грехах своих». Существенное замечание, поскольку характеризует автора как человека духовного. Более того, как отмечает исследователь, «монолог Игоря построен по всем правилам агиографической риторики, в данном случае рассчитанной на полную реабилитацию

этого князя, столь опрометчиво отворившего ворота половцам “на Русьскую землю”; одна риторическая фигура сменяет другую, ритмично чередуются предложения одной и той же синтаксической конструкции»[247]. То есть, автор был хорошо знаком, как с принципами построения житий, так и основной их идеей — «подвиге христианского смирения и кротости»[248].

Более основательно изучившая этот вопрос В. Ю. Франчук, отмечает: «Между тем, прекрасная поэтическая форма молитвы дает основание предполагать, что ее мог моздать лишь выдающийся мастер риторического искусства древнерусского периода»[249], прекрасно образованный, использовавший цитаты из Псалтыри, искусно вплетенные им в текст покаянной речи Игоря Святославича[250].

Исследовательница обращает внимание на ритмическое построение этого текста: «В его основе — чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений. Интересны чередования с анафоричным повтором первого слова. Повтор такого типа был особенно распространен в торжественном красноречии Киевской Руси. В молитве встречаются анафорические повторы союзов *яко* и *и*: “яко много убииство кровопролитие створихъ в земле крестьяньстеи, яко же бо азъ не пощадехъ христьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глебовъ у Переяславля”; “отлучаеми отець от рожении своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружии своихъ, и дщери от материи своихъ, и подруга от подругы своея”. В последнем примере выделяются однотипные повторы, где при одном сказуемом чередуются лишь подлежащие. Особенной эмоциональностью пронкнуты строки, начинающиеся наречием *где*, которые создают ряд риторических вопросов: “Где ныне возлюбленыи мои братъ? Где ныне брата моего сынъ? Где чадо рожения моего? Где бояре думающеи?”»[251].

В. Ю. Франчук поднимает вопрос об авторе этого моления Игоря, вступая в полемику с Б. А. Рыбаковым, который полагал, что автором этой *вставки* был некий Галичанин[252].

Хотя до этого историк рассматривал работу редактора и составителя Киевского летописного свода игумена Моисея. Однако принадлежность ему текста моления Игоря он отрицал на основании всего лишь одного аргумента — использования слова *победа* с особым смыслом.

Историк обращает внимание на две «речи» князя Игоря: «одна из них находится в первой части и якобы была произнесена в ночь с пятницы на субботу, после победы над половцами, а другая "речь" открывает собою третью часть, рассказ о пребывании в плену»[253]:

1. «Се Бог силою своею *возложил на врагы наша победу*, а на нас — честь и слава».

2. «Игорь же Святославичь тот год бяшеть в Половцех и глаголаше: — Аз по достоянью моему *восприях победу от повеления Твоего*, Владыко, Господи, а не поганьская дерзость обломи силу раб твоих…»

Б. А. Рыбаков отмечает, что слово *победа* «в смысле поражения не встречается в Киевском своде нигде, кроме этих двух мест»[254]. А вот в некорологе Мстислава Ростиславича, который Б. А. Рыбаков считает одним из лучших произведений игумена Моисея, слово *победа* применяется в привычном для нас смысле: «И ополонишася челядью и скотом и возъвратишася восвояси, *приимше от Бога на поганыя победу*, славою и честью великою» (Стлб. 608).

Дословно эта же формулировка встречается и в описании игуменом Моисеем событий 1181 г., когда полки Рюрика Ростиславича одержали побежду над Святославом: «…и возвратишася восвояси и приемше *от Бога на поганыя победу* и приехаша к Рюрикови с *победою*. Рюрик же, аче *победу возма*, но ничто же горда учини, но возлюби мира паче рати» (Стлб. 623).

«По этой причине, — полагает Б. А. Рыбаков, — и нельзя считать Моисея редактором повествования о 1185 г.»[255].

Соглашаясь с наблюдением Б. А. Рыбакова об использовании игуменом Моисеем слова *победа* в обычном смысле, В. Ю. Франчук обращает внимание, «что ни в молитве,

ни в окружающем ее тексте слова *победа* нет»[256], а поэтому ***ее автором все же мог быть игумен Моисей***.

Я же хочу вернуться к формулировкам киевского летописца и рассуждениям Б. А. Рыбакова, с которыми согласиться никак не могу. С ним не соглашается и современный украинский академик П. П. Толочко[257].

В безусловно (по Б. А. Рыбакову) принадлежащих игумену Моисею выражениях «*приимше от Бога* ***на поганыя победу***» используется та же грамматическая форма, что и в первой «речи» князя Игоря — «*возложил* ***на врагы … победу***». Всего-то нужно вместо предлога ***на*** поставить предлог ***над***, и получится, что и в одном, и в другом случаях указывается ***победа*** русских ***над*** погаными, или ***над*** врагами. То есть в обоих случаях слово *победа* используется в привычном для нас смысле.

В привычном для нас смысле это слово употреблено и в словах князя Игоря: «Аз по достоянью моему *восприях победу* (***над*** собой. — *А. У.*) *от повеления Твоего*, Владыко…». Игорь Святославич осмысливает победу половцев ***над*** ним, как Божий промысел, а не силу врагов.

В смысловой связке с *победой* всегда идет или подразумевается *поражение*, и полисемия древнерусской лексики отражает это.

Кстати сказать, и упомянутое Б. А. Рыбаковым поражение русских на реке Калке следует понимать точно так же: «Бысть *победа* на вси князи Рускыя…» — «Была *победа* ***над*** всеми князьями русскими…».

Поэтому нет никаких оснований считать в приведенных Б. А. Рыбаковым примерах использование лексемы *победа* в непривычном для нас смысле и отказывать игумену Моисею в авторстве этого текста.

Более того, В. Ю. Франчук заметила, «что при введении в рассказ молитвы Игоря ее автор использовал литературный прием внутренней речи». Например, чтобы понять пассаж «Держим же Игорь, виде брата своего Всеволода крепко борющася, и *проси души свей смерти*, яко да бы не видил падения брата своего», следует читать «*проси в души*». По наблюдени-

ям исследовательницы, «в киевском летописании внутренняя речь используется лишь в некрологах, созданных Моисеем»[258].

Впервые на использование такого литературного приема обратил внимание еще М. И. Сухомлинов: «…Безмолвная беседа с самим собою передается летописцем в виде действительной беседы: слова размышляющего как бы обращаются к слушателю, и в начале их употребляется замечательное "рек в себе" или однозначащее с ним "помысли в себе"»[259].

По наблюдениям И. П. Еремина, внутренний монолог как форма прямой речи был распространен в греческой агиографии, а первым на Руси этот прием использовал автор «Сказания о Борисе и Глебе»[260]. Следует тогда напомнить, что «Сказания о Борисе и Глебе» было создано в Выдубицком монастыре после 1115 г., скорее всего, его игуменом Сильвестром[261]. Стало быть, этот прием (как и византийская агиография) был хорошо знаком авторам Выдубицкой литературной традиции, в том числе и игумену Моисею.

И. П. Еремин обратил внимание и на особенность работы киевского летописца, который нередко приводил «ходячую точку зрения» на описываемое им событие («инии тако молвяхуть…»; «инии же молвяхуть друг ко другу» и др.), а так же указывал на знамения: «И рекоша игумени блажении: "Се Бог проявил есть, показая нам силу свою за грехи наша, да быхом остали от злаго пути своего"; инии же молвяхуть друг ко другу: "Сии знамении не на добро бывають…"»[262].

Расширив эти наблюдения, В. Ю. Франчук приходит к выводу, что «интерес к знамениям и манера их толковать, ссылаясь на чужие высказывания, сближают последний пример… с легендами, которые Моисей ввел в текст Речи о построении стены Выдубицкого монастыря (Торжественного "Слова на обновление церкви св. Архангела Михаила". — *А. У.*): "Овыи бо глаголоху, яко златом власом поверзена есть церкви от небес, и тем же утвержена, а овии, яко поступаеть церкви в монастырь, инако же мнози"»[263].

Отметив еще несколько стилевых особенностей автора молитвы Игоря, В. Ю. Франчук посчитала "возможным во-

преки устоявшимся мнениям приписать авторство молитвы князя Игоря игумену Выдубицкого монастыря Моисею”[264].

На мнение В. Ю. Франчук ссылается и А. А. Пауткин, который также склонен признать автором этого покаянного слова князя Игоря Святославича игумена Моисея: «Если действительно этот и иные предшествующие материалы оказались в руках Моисея, то знаток и ценитель витийства, по крайней мере, должен был заинтересоваться значительной по форме и смыслу речью новгород-северского неудачника, проявившего покорность Божественной воле и смирившего свою гордыню. Составителю Киевского свода была важна конкретная форма проявления теории казней Божьих, ведь в словах покаяния отразились общественные настроения эпохи. Заметим при этом, что прямых стилистических сближений анализируемого текста с торжественным словом самого Моисея, на наш взгляд, не обнаруживается, хотя соблазн связать составление покаянной речи с деятельностью игумена Выдубицкого монастыря достаточно велик»[265].

По мнению А. А. Пауткина: «…Речь Игоря Святославича — уникальное по форме и по содержанию риторико-дидактическое сочинение, инкорпорированное в южнорусскую повесть 1185 г., как можно предположить, в стенах Выдубицкого монастыря <…> Покаянное слово появилось, когда уже были известны подробности Игорева похода, результаты поражения и детали побега новгород-северского князя из плена <…>. Это своего рода заключительный штрих в осмыслении события, потрясшего современников»[266].

Подчеркивая исключительность покаянной речи Игоря Святославича, А. А. Пауткин дает исчерпывающую оценку таланту ее создателя, по сути дела, Выдубицкого игумена Моисея: «Речь создана человеком высокой книжной культуры, владевшим навыками церковного красноречия. Он “заставил” князя-воина каяться с использованием риторических восклицаний и вопросов, антитезы, уподобления, плеоназма, гиперболы, анафоры и синтаксического параллелизма.

Подобное аккумулирование в небольшом летописном фрагменте разнообразных средств и приемов витийства не покажется нарочитым и необъяснимым, если вспомнить, что именно в эту эпоху древнерусское ораторское искусство достигло своих вершин»[267] — замечает исследователь.

В покаянной речи Игоря Святославича присутствуют неполногласные формы *предъ*, *створихъ*, *преда*, *глава*, что сближает ее с торжественным словом игумена Моисея, в котором он «вообщее отказывается от полногласных форм»[268]. И это сходство стиля позволяет опять говорить об одном авторе.

«В формировании текста рассказа о походе князя Игоря Ипатьевской летописи, — на взгляд В. Ю. Франчук, — принимали участие четыре лица: два летописца, составитель рассказа, объединивший фрагменты летописей Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича, и редактор Киевского летописного свода Моисей Выдубицкий»[269], под пером которого эта повесть и обрела окончательный вид, ставший известным Автору «Слова о полку Игореве».

Возвратимся, однако, к летописной статье о походе Игоря Святославича, к которой, как мы теперь выяснили, игумен Моисей Выдубицкий руку приложил.

Любопытна еще одна ремарка автора повести, которая пусть и не прямо, но косвенно может свидетельствовать не только об его участии в походе, но и об избежании плена. Описывая финал сражения, автор замечает: «От толикихъ же людии мало ихъ избысть, некакомъ полоучениемь, не бяшеть бо лзе ни бегаючимъ оутечи, зане яко стенами силнами огорожени бяхоу полкы Половецькими, но *наших роуси съ 15 мужь оутекши*, а Ковоуемь мнее, а прочии в море истопоша»[270].

Автор, испытавший на себе все ужасы этой злосчастной битвы, замечает, что невозможно было убежать от половцев, огородивших русские полки, как стенами крепкими, и, тем не менее, *наших руси* 15 человек убежало. Обращает на себя внимание использование автором местоимения *наших*, к которым он, со всей очевидностью, причисляет и себя, и точ-

ная цифра убежавших русских воинов — 15. И автор, по всей видимости, был среди них, отсюда точная численность убежавших. А вот о ковуях у него таких точных сведений нет — разными путями бежали. И о пленниках точных сведений нет — сам он не побывал в плену.

11. Разведены были русские пленные князья половцами по вежам, кто кого пленил. Игоря взял в плен воин хана Тарголая Чилбук, его брата Всеволода захватил Роман Кзич, племянника Святослава Ольговича — Елдечюк, а сына Владимира — Копти. Тогда же на поле брани хан Кончак «поручися по *свата* Игоря, зане бяшеть раненъ» (Стлб. 644).

Коль автор назвал князя Игоря *сватом* хана Кончака, то он уже знает, что сын Игоря Владимир женился в плену на дочери Кончака. Стало быть, эта повесть была написана после 1187 г., когда Владимир Игоревич вернулся на Русь вместе со своей молодой женой и ребенком.

Кстати, об этом знает и сообщает «Слово»: «Ту пиръ докончаша храбрии русичи: *сваты* попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Немногим воинам Игоря удалось избежать плена, поскольку русские «яко стенами силнами огорожени бяху полкы Половецкими». Все же пятнадцать дружинников убежали, а ковуев и того меньше, остальные же утонули в море.

«Слово»: «А Игорева храбраго плъку не кресити (не воскресить)!»

12. Автор повести переносит свои взоры на Русь. В то время великий князь киевский Святослав Всеволодович пошел в Карачев собирать воинов для нового летнего похода на половцев к Дону. Он уже возвращался и был у города Новгород-Северского, где и узнал об утаенном от него походе своих двоюродных братьев Игоря и Всеволода Святославичей, «и не любо бысть ему», — замечает летописец.

На ладьях князь Святослав спустился к Чернигову, и в «ту же годину» прибежал туда участник трагического Игорева похода Беловод Просович, который и поведал о случившемся в Половецкой степи.

«Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, *утеръ слезъ своих и рече*: “О люба моя братья и сынове, и муже земле Руское! *Дал ми Богъ притомити поганыя*, но не воздержавше уности, *отвориша ворота на Русьскую землю*. Воля Господня да будеть о всемь. Да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако ныне жалую болми по Игоре, брате моемь”».

«Слово» вторит повести: «Тогда великий Святъславъ *изрони злато слово, слезами смешено, и рече*: “О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати! Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте! <…> Се ли створисте моей сребреней седине!”».

Он обращается к князьям Мстиславичам: «*Загородите Полю ворота* своими острыми стрелами, *за землю Русскую*, за раны Игоревы, буего Святъславлича».

И в другом месте, об прежних успехах киевского князя Святослава, *притомившего поганых* сообщает «Слово»: «… Святъславь грозный великый Киевскый … бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на *землю Половецкую, притопта хлъми и яругы*, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ, яко вихръ, выторже. И падеся Кобякъ въ граде Киеве, въ гриднице Святъславли».

Конечно, автору «Слова» в образности не откажешь!

13. А в Посемье «бысть скорбь и туга люта, якоже николи же не бывала во всемь Посемьи и в Новегороде Северьскомъ, и по всей волости Черниговьскои. Князи изымани, и дружина изымана, избита и мятяхуться акы в мутви, городи воставахуть. И не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозе тогда отрекахуся душь своих, жалующе по князихъ своихъ» (Стлб. 645–646).

Сходную обстановку на Руси, после разгрома русского войска и пленения русских князей, воссоздает и «Слово»: «Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче». «Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть,

трупиа себе деляче». «А погании съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую». «А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А <…> погании сами, победами нарищуще на Рускую землю…» и т. д.

14. Святослав Киевский стал срочно собирать князей для защиты Русской земли. Он обратился к Давыду Смоленскому: «Ныне же Половци се победиле Игоря и брата его (с) сыномъ, а поеди, брате, постерези земле Рускоие» (Стлб. 646).

Откликнулся Давыд Смоленский, пришел по Днепру и стал у Треполя. Черниговский князь Ярослав собрал своих воинов. Стали князья на защиту Русской земли.

И автор «Слова о полку Игореве» вкладывает в уста Святослава Всеволодовича Киевского обращение к русским князьям поблюсти землю Русскую: Ярославу Всеволодовичу Черниговскому, суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо, Рюрику Ростиславичу, Давыду Ростиславичу Смоленскому, Ярославу Владимировичу Галицкому, Роману Мстиславичу Волынскому и еще шести молодым волынским князьям, Изяславу Васильковичу и другим мало или вовсе не известным по летописям князьям.

Приведу всего несколько примеров таких обращений-воззваний князя Святослава: «Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти». Или: «Ты, буй Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславлича!» и т. д.

То есть, и здесь «Слово» перекликается с летописной повестью.

15. Призыв киевского князя Святослава Всеволодовича был не случайным. Автор повести отмечает: «Поганыи же Половци победивъше Игоря с братьею и взяша гордость

велику и съвокупиша в(е)сь языкъ свои на Рускую землю. И быс(ть) у нихъ котора, молвяшеть бо Кончак: "Поидемъ на Киевьскую сторону, где суть избита братья наша и великыи князь нашь Бонякъ". А Кза молвяшеть: "Поидем на Семь, где ся остале жены и дети, готов намъ полонъ собранъ, емлем же городы без опаса". И тако разделишася на двое» (Стлб. 646).

Разногласие между половецкими ханами Кончаком и Гзаком (в летописи — хан Кза/Кзак) возникло не случайно. Хан Кончак, как будущий сват князя Игоря Святославича, предлагал пойти на Киевские земли Мономаховичей — противников Ольговича Игоря Святославича. Рациональный Гзак предлагает пойти на Посемье, на Новгород-Северское княжество Игоря Святославича, поскольку защищать его некому. Кончаку явно не хотелось разорять обескровленное княжество своего свата, поэтому он не поддержал Гзака и пошел на Переяславльское княжество.

«Кончакъ поиде к Переяславлю, и оступи городъ, и *бишася ту в(е)сь день. Володимеръ же Глебовичь*, бяше князь в Переяславле, бяше же дерзъ и крепокъ к рати, *выеха из города и почте к нимъ*. И по немь *мало* дерьзнувъ *дружине*. И *бися с ними крепко, и обьступиша* многии Половце. Тогда прочии *видивше* князя своего крепко бьющеся, *выринушася из города* и тако *отяша князя* своего *язьвена сущи треми копьи*. Сии же добрыи Володимеръ язвенъ труденъ *въеха во городъ* свои, и утре мужественаго поту своего за отчину свою» (Стлб. 646–647).

Сравним с рассказом из Лаврентьевской летописи. Половцы «у Переяславля *бишася весь день*. <…> *Володимеръ же Глебовичь … выеха из города* к ним в *мале дружине и потче к ним* и *бишася с ними крепко, и обиступиша* князя зле. И *видевше* горожане изнемагающе своих и *выринушася из города* и бишася. одва *изотяша князя боденого треми копьи*. А дружины много избьено. и *вбегоша в городъ* и затворишася». А половцы «възвратишася со многым полоном в веже» свои (Стлб. 399).

Очевидная близость двух текстов на уровне дословных совпадений свидетельствует, что автор Киевской летописи Ипатьевского свода не только знал, но и использовал текст переяславской повести из Лаврентьевского свода[271].

Причем, автор летописной повести из Ипатьевского свода солидарен в оценке мужества переяславского князя Владимира Глебовича с автором летописной статьи Лаврентьевского свода, что свидетельствует об объективности изложения им событий. В описании воинской доблести Владимира Глебовича Переяславского проявился бывший дружинник[272], но и нынешний монах — игумен Моисей — проявился в отсутствии упрека Владимиру Глебовичу за нераскаянный грех: Господь и так его наказал тяжелыми ранами.

Владимир Глебович обратился к Святославу Всеволодовичу, Рюрику и Давыду Ростиславичам за помощью против половцев. Смоленские полки Давыда устроили вече по этому поводу: они дошли до Киева, и если бы была рать с половцами, то они бы сражались, а иной рати искать не хотят, поскольку изнемогли.

Святослав и Рюрик откликнулись на просьбу Владимира Глебовича и выступили с подмогой в поход. К ним все же направился и Давыд со смолянами. Услышав об этом, половцы повернули от Переяславля к Римову. Горожане затворились в городе и столпились на забороле — крепостной стене. «И тако Божиим судомъ летеста две городницы с людьми к ратнымъ, и на прочая гражаны наиде страх» (Стлб. 647–648). И те горожане, которые вышли из города и бились с половцами, смогли уйти по Римскому болоту, оставшиеся в городе не избежали плена.

Автор «Слова» об этом сообщил устами князя Святослава Киевского кратко, но красочно: «Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми, а Володимиръ подъ ранами: туга и тоска сыну Глебову!»

Владимир Глебович снова послал к Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе, чтобы помогли защититься от половцев. Они же ожидали присоеди-

нения Давыда Ростиславича со смолянами, поэтому и не поспели вовремя с помощью, и уже не застали степняков.

Половцы хана Кончака захватили город Римов, взяли полон и пошли восвояси.

Пришлось и русским князьям возвращаться ни с чем домой. Были они опечалены и смертельными ранами Владимира Глебовича, и тем, что многие христиане попали в плен к язычникам.

Киевский летописец снова объясняет события провиденциализмом: «И се Богъ казня ны грехъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своих делъ. И симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли смиривошеся воспомянемься от злаго пути» (Стлб. 648).

Нет ли здесь прямого намека, что Владимир Глебович Переяславский так и не покаялся за свой набег на Новгород-Северское княжество, а потому Господь и послал на его земли напасти? А вот новгород-северский князь Игорь Святославич, попав в половецкий плен, задумался о своем набеге на переяславский город Глебов, и уже раскаялся в содеянном.

Поскольку автор упоминает в этом пассаже о «*смертных* язвах» Владимира Глебовича, то, стало быть, уже знает о его смерти, случившейся два года спустя[273] — 18 апреля 1187 г. Об этом киевский летописец сообщит сам под 1187 г. (Стлб. 653–654). Тогда эта осведомленность летописца служит еще одним доказательством, что его летописная повесть о походе князя Игоря на половцев была написана после 1187 г.

Другой половецкий хан Гзак (Кза/Кзак) направился к Путивлю «у силахъ тяжькихъ и повоевавши волости, и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля, и возвратишася во свояси» (Стлб. 649).

16. С Русской земли автор повести опять переносит свой взор к князю Игорю Святославичу, на время оставленному в половецком плену: «Игорь же С(вя)тославличь тотъ

годъ (В то время. — *А. У.*) бяшеть в Половцехъ и глаголаше: "Азъ по достоянью моему восприяхъ победу от повеления твоего, владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихже есмь приялъ азъ"» (Стлб. 649).

Здесь киевский летописец приводит еще один пример раскаяния князя Игоря и понимания им того, за что он наказан и страдает. В этом существенное отличие новгород-северского князя от Владимира Глебовича, и симпатия автора явно на стороне Игоря Святославича.

«Половци же аки стыдящеся воеводства его» особенно не ограничивали волю князя Игоря. Они приставили к нему пятнадцать стражей из своих сыновей, и из господских детей у него было пять слуг, т. е., всего было двадцать человек прислуги. И дали свободу ему, где угодно ездить и заниматься ястребиной охотой, но его постоянно сопровождали пять или шесть слуг. Стража же слушалась его и уважала, и если он кого куда посылал, то тот безоговорочно исполнял повеление, — отмечает летописец.

Засвидетельствовать покаяние может только священник, поэтому князь Игорь «и попа же бяшеть привелъ из Руси к собе со святою службою. Не ведяшеть бо Божия промысла, но творяшеться (намереваясь. — *А. У.*) тамо и долъго быти. Но избави и (его) Господь за молитву христьянску, им же мнозе печаловахуться и *проливахуть же слезы своя* за него» (Стлб. 649).

Вспомним «Слово»: «Ярославна рано *плачетъ* въ Путивле на забрале, аркучи…» Плач Ярославны, как это еще увидим, — ее молитва к Богу о спасении супруга.

Когда князь был у половцев, отыскался один половчанин именем Лавр (Лавор), который решил бежать вместе с князем на Русь. Первоначально Игорь не имел к нему доверия, но мысль о побеге на Русь со всеми своими мужами держал в уме. Уговаривающим его бежать одному он отвечал: «Я славы ради не бежал тогда с поля боя от дружины своей, и ныне не славным путем не собираюсь идти».

Игорь Святославич ожидал выкуп (по средневековым обычаям — честь) за себя и за мужей своих, а потому и не собирался бежать. По мнению В. Н. Татищева, сумма выкупа за князя Игоря составляла 2000 гривен — огромные по тем временам деньги. «Она равнялась почти 400 кг серебра, равнялась доходу епископа за 8 лет, почти равнялась доходу, собираемому за год с такого большого и богатого княжества, как Смоленское»[274].

Однако киевский князь Святослав Всеволодович готов был выкупить Игоря у половцев, но они его не отдавали прежде выкупа всех остальных русских. За других князей требовали по 1000 гривен, а за воевод — по 200–100 гривен[275].

Вместе с ним в плену находились сын тысяцкого и его конюший, которые принуждали и уговаривали Игоря пойти (не бежать!) в землю Русскую, если Господь захочет избавить его от плена. Но не находилось подходящего времени для побега.

И вот, когда Кончак с половцами возвращались из Переяславской земли, сказали Игорю его советчики, что не угодную Богу мысль он носит в уме, что не хочет взять мужа Лавра и бежать вместе с ним. Почему он не подумает, что вернутся сейчас половцы и изобьют всех пленных русских князей и воинов, как о том разузнали. Тогда не будет князю Игорю ни славы, ни жизни.

«Князь же Игорь приимъ во сердце съветъ ихъ» (Стлб. 650) и, обеспокоенный возвращением половцев, решился таки на побег. Но невозможно было ему бежать ни днем, ни ночью, поскольку стража постоянно сторожила его, и он дожидался подходящего времени.

Как-то на закате солнца послал Игорь к Лавру конюшего своего сказать, чтобы Лавр переехал на другую сторону реки Тор с конем в поводьях для Игоря. О совместном бегстве на Русь у них уже было ранее договорено.

Половцы напились кумыса и расположились на вечерний отдых.

Посланный князем Игорем конюший вернулся и сообщил, что уже ждет его Лавр с лошадьми на другом берегу реки.

«Слово»: «Погасоша вечеру зори. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля меритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою, велить князю разумети: князю Игорю не быть!».

Очень эмоционально описывает киевский летописец состояние Игоря перед побегом, ведь, по сути, решается его дальнейшая судьба.

Игорь «же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонился образу Божию и кресту честному, глаголя: ‹Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостоинаго?!› И возмя на ся крестъ и икону, и подоима стену, и лезе вонъ» (Стлб. 651). Сторожа его в это время играли и веселились, полагая, что князь Игорь спит.

Игорь Святославич «же пришедъ ко реце и перебредъ, и вседе на конь, и тако поидоста сквозе вежа. Се же избавление створи Господь в пятокъ в вечере» (Стлб. 651).

«Слово»: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую».

Летописец продолжает: «И иде пешь 11 денъ до города Донця, и оттоле иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярослав же обрадовася ему и помощь ему да(ть) обеща. Игорь же оттоле еха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бис(ть) ему Святославъ, такъ же и Рюрикъ сватъ его» (Стлб. 651).

Обратимся снова к «Слову». Его автор не указывает столь подробно географию пути Игоря домой, он не упоминает ни Новгород-Северска, ни Чернигова, но ему важно было почему-то указать, что Игорь отправился в Киев: «Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели». Почему? Об этом мы еще поговорим в другом месте.

Любопытные параллели и совпадения приводит киевский летописец в начале и в конце своей повести.

Вечером князь Игорь переправился через пограничную реку Донец и вступил на Половецкую землю. Начался его

бесславный поход. *Вечером* князь Игорь переправился через половецкую реку Тор. Начался его бесславный путь домой.

Первая битва с половцами произошла в *пятницу*. Это — начало его испытаний. Бегство Игоря из половецкого плена произошло в *пятницу*. Это — завершение его страданий.

Для древнерусского летописца-христианина случайных совпадений не бывает. Во всем видится провиденциализм: с чего начинался путь Игоря и чем завершается. За внешними совпадениями кроется глубокий религиозный смысл. Игорь шел за победой и земной славой, а по Божьей воле получил поражение и унизительный для князя плен. В плену он проявил смирение и покаялся (начало избавления), и обрел по Божьей воле не только внешнюю, но и внутреннюю свободу. Произошло его духовное преображение. Намечается его возвращение не только, как блудного сына, домой, но и к простившему его Отцу Небесному. В этом и кроется смысл всех испытаний и страданий, которые были посланы ему Богом.

Эта аллюзия с евангельской притчей весьма заметна в летописной повести. Княжескую власть, само княжество, честь (достаток) Игорь Святославич получил от Бога, но все потерял и погубил по гордыне своей, отправившись, по своему желанию, в поле Половецкое за славой, пренебрегая заповедями Господними. Претерпев испытания (моральные — угрызение совести, и физические — ранение и плен) и осознав свой проступок, он в молитве обращается, то есть, возвращается к своему Отцу Небесному: «Владыко Господи Боже мои, не отригни мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ» (Стлб. 644). И как отец простил и принял своего блудного сына, так и Господь простил и принял Своего блудного сына — князя Игоря и *избавил* (именно такой глагол использует автор повести) его от плена и помог возвратиться домой: «Но *избави* и (его) Господь за молитву христьяньску…» (Стлб. 649) и «Се же *избавление* створи Господь…» (Стлб. 651). Автором подразумевается не только физическое возвращение князя домой в свое родное Отечество — Новгород-Северское княжество,

но и духовное возвращение в Отечество Небесное. И как земной отец наградил возратившегося сына своего более дорогими одеждами, так и Отец Небесный наградил возратившегося к нему через покаяние новгород-северского князя Игоря большим престолом — Черниговским княжеством!

Еще более заметна аллюзия с евангельской притчей о блудном сыне в «Слове»[276], но об этом поговорим в другом месте.

Здесь мы провели смысловые параллели между летописной повестью и «Словом о полку Игореве». На часть из них обратили внимание уже давно[277]. Были замечены схожие и даже одинаковые выражения двух произведений[278]. В единую таблицу их свела В. Ю. Франчук[279]. Приведем ее полностью, для удобства поменяв местами примеры из летописной повести и «Слова»[280].

	Летописная повесть	**«Слово о полку Игореве»**
1.	Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода мѣсяца априля въ 23 день (Ст. 637)	Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова
2.	Игорь жь возрѣвъ [Хлеб. възрѣ] на небо и видѣ солнце (638)	Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ
3.	И рече бояромъ своимъ и дружинѣ своеи (638)	и рече Игорь къ дружинѣ своеи
4.	Братья [Хлеб. братіе] и дружино! (638)	Братіе и дружино!
5.	а то же намъ видити (638)	да позримъ синего Дону
6.	не на добро знамение се (638)	жалость ему знаменіе заступи
7.	жда два дни брата своего Всеволода (638)	Игорь ждетъ мила брата Всеволода
8.	тотъ бя(ше) шелъ инемь путем ис Курьска (638)	мои (комони) ти готови, осѣдлани у Курьска
9.	ѣхаша чересъ ночь (639)	нощь, стонущи ему грозою
10.	Заутра же пятку наставшу, во обѣднее веремя, усрѣтоша полкы половѣцькиѣ (639)	Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы половецкыя

11.	возложилъ [Богъ]… на нас честь и слава (640)	ищущи себѣ чти, а князю славы
12.	и рече Святославъ Олговичь…: «Далече есмь гонилъ по половцехъ»… И облегоша ту (640–641)	Дремлетъ в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло.
13.	Игорь же… поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ (642)	Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода
14.	И тако бишася крѣпко ту днину до вечера… Наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися (641)	Бишася день, бишася другыи
15.	Игорь… проси души своеи смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего (642)	падоша стязи Игоревы
16.	Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста (642)	кроваваго вина не доста
17.	Кончакъ поручися по свата Игоря (644)	ту пиръ докончаша храбріи русичи: сваты попоиша
18.	И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свои, в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялы (642–643)	кликну Карна, и Жля поскочи… Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы
19.	и бысть скорбь и туга люта… по всеи волости Черниговьскои: князи изымани и дружина изымана, избита (645)	Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати… А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми
20.	Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече (645)	Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече
21.	О, люба моя братья, и сыновѣ (645)	О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
22.	и рече Игорь: «Да не дивно есть, разумѣюще, братья, умрети (640–641)	А чи диво ся, братіе, стару помолодити?

23.	отвориша ворота на Русьскую землю (645)	Загородите полю ворота
24.	Половци же, earемше городъ Римовъ (648)	Се у Римъ кричать подъ саблями половецкыми
25.	со… Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть ранъ [Хлеб. раненъ] велми (648)	а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!
26.	Кончакъ… оступи городъ (646)	рускыя плъкы оступиша
27.	нынѣ же половци се побѣдилѣ Игоря и брата его (с) сыномъ, а поеди, брате [Давиде], постерези землѣ Рускоиѣ (646)	Вступита, господина (Рюриче и Давиде), въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы
28.	пришедъ ко рѣцѣ, и перебредъ, и всѣде на конь, и тако (Игорь и Лавор) поидоста сквозѣ вежа… И иде пѣшь (651)	вежи ся половецкіи подвизашася. А Игорь князь поскочи… на воду; въвръжеся на бръзъ комонь… (Игорь и Влур) претръгоста… своя бръзая комоня
29.	молвяшеть бо Кончакъ… Кза молвяшеть: «Поидем на Семь» (646)	Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить»… Рече Кончакъ ко Гзѣ…
30.	и отолѣ иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову… Ярослав же обрадовася ему… Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву… и радъ бысть ему Святославъ (651)	Игорь князь въ Рускои земли… Страны ради, гради весели

В свое время историк А. А. Зимин, исследовавший эти параллели между Ипатьевской летописью и «Словом о полку Игореве»[281], подтвердил важное наблюдение А. С. Орлова: «… в “Слове о полку Игореве” *совпадает* с Ипатьевской летописью не только вся фактическая основа рассказа о походе

Игоря 1185 г., но и его *композиция* (с неожиданными переходами от Игоря к Святославу Киевскому, затем в Переяславль и, наконец, снова к Игорю) (Выделено мной. — *А.У.*)». И мнение позднего Б. А. Рыбакова: «Явно обнаруживаются и элементы чисто текстологической близости рассказов. Все это совершенно исключает независимое друг от друга происхождение источников»[282].

Подведем *предварительные итоги* наблюдений.

Совершенно очевидно, что летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. была очень хорошо знакома игумену Моисею, поскольку, во-первых, он сам к ней руку приложил, а, во-вторых, она вошла в составленный им Киевский летописный свод. То есть, не знать он ее в принципе не мог. Летописная повесть была хорошо известна и автору «Слова о полку Игореве». Приведенные выше *тридцать* (!) параллелей между повестью и «Словом» не только красноречиво свидетельствуют об этом, но и указывают на очень крепкую связь этих двух произведений. Чем же ее можно объяснить?

Наиболее простой ответ — Автор «Слова» хорошо знал летописную повесть и следовал за ней. Однако характер письма «Слова» свидетельствует, что это было не простое подражание или копирование композиции повести, но осознанное ее переосмысление, создание нового произведения на основе старого. Причем, *авторское* переосмысление.

А где автор «Слова» мог познакомиться с рукописью выдубицкого летописного свода игумена Моисея сразу же после его составления? Напрашивается вывод, что только в самом Выдубицком монастыре. Однако и «Слово», судя по другим его источникам, близким Мономаховичам и находившимся в их ктиторской обители, писалось тоже в Выдубицком монастыре.

Тогда ***возникает предположение об одном (едином) авторе этих двух произведений — летописной повести из Киевского летописного свода о походе Игоря Святосла-***

вича на половцев в 1185 г. и «Слова о полку Игореве». На это указывает одно очень важное обстоятельство: в обоих произведениях автор выступает участником событий и сообщает об этом.

Автор летописной статьи рассказывает, как в воскресенье, на малую Пасху, приближалась развязка трехдневной битвы. Половцы обступили со всех сторон горстку безумно уставших, но продолжающих сражение русских воинов: «И тако во день святого воскресения наведе на ***ня*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642–643).

Обращает внимание на себя тот факт, что автор повествования причисляет себя к сражающимся, на которых обрушился гнев Божий. Он дважды употребил местоимение *ня/ны* — т. е., нас! Думается, это не случайно. В авторе чувствуется участник тех событий, и в разбираемом нами пассаже он проговаривается об этом. Но еще более удивительно то, что и автор «Слова» еще более откровенно говорит об этом, причем *в том же самом месте описания битвы*: «Что ***ми*** *шумить*, что ***ми*** *звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста».

Прежде никто, насколько я знаю, не обращал внимания на такое совпадение. Его нельзя назвать случайным. Получается, что ***и автор летописной повести, и автор «Слова о полку Игореве» не просто были участниками похода Игоря Святославича, но и указывают об этом в описании одного и того же эпизода битвы, и оба, и только они, упоминают реку Каялу*** при описании одной и той же ситуации. Трудно предположить, что это *три случайных совпадения*. На основании этих трех умышленных авторских совпадений можно сделать только один вывод: ***оба произведения написаны одним автором***. И описывает он, и снова переживает очень важный момент его собственной жизни.

«СЕРДЦЕ СОКРУШЕННО ГОСПОДЬ НЕ УНИЧИЖИТ...»
(«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Можно ли пересказать сюжет «Слова о полку Игореве»? Очень сложно. Мы видим совершенно иную, нежели в летописях, организацию текста.

Если в летописных повестях события следуют одно за другим, то в «Слове» нет их такой тесной взаимосвязи. Ход событий в «Слове» *нам представляется* по летописным рассказам. Не будь их, то сложно было бы выстроить хронологическую цепочку. Складывается впечатление, что Автор «Слова» и не ставил перед собой такой задачи. По большому счету, он преследовал совершенно иные цели. Их то мы и должны выявить и описать.

В «Слове о Законе и Благодати», хорошо известном игумену Моисею, поскольку он его цитировал[283], митрополит Иларион заметил: «Еже бо въ инехъ книгах писано и вами ведомо ти сде положити, то деръзости образъ есть и славохотию» («Ибо если в других книгах написано и вам ведомо, то здесь излагать — есть пример дерзости и желание славы»)[284].

До автора «Слова» о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. написали уже две летописные повести, надо напомнить, хорошо ему известные[285]. Высказаны два субъективных и разнящихся взгляда на события, и дана противоположная оценка поступка князя Игоря. Что особенного по этому поводу и каким образом способен сказать Автор «Слова»?

Он может взглянуть на поход и осмыслить случившееся с Игорем Святославичем с помощью Священного Писания как поэт и художник, оставив историкам возможность скрещивать копья, сопоставлять факты и выяснять отношения. Автор как религиозный мыслитель может подняться над суетою мира сего и взглянуть с высоты на произошедшие события, никого не осуждая и не обличая, но стремясь пробудить христианскую советь. Иначе, зачем творить?

В Древней Руси уже в XI–XII вв. имели место два подхода в изложении событий: исторический и художественно-поэтический. Об этом свидетельствует современник князя Игоря епископ Кирилл Туровский: «Яко же ***историци*** и ***ветия***, рекше ***летописьци*** и ***песнотворци***, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять (ся) словесы и възвеличать мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчають…»[286]

То есть, сведущий в духовной литературе человек и талантливейший писатель XII века епископ Кирилл Туровский разделял сугубо фактологический подход историка-летописца и художественный подход витии-песнотворца.

Тогда и нам следует именно с этой точки — художественного подхода витии-песнотворца — посмотреть на «Слово о полку Игореве». Не случайно, ведь, автор в самом же начале сам указывает на жанр своего творения: его «*песне*» подобает начаться «по былинам сего времени…»[287].

Можно сходу отметить ряд «исторических несоответствий», точнее, «художественного» переосмысления событий для создания определенных литературно-художественных образов.

Так, например, киевский князь Святослав Всеволодович назван в «Слове» *отцом* Игорю и Всеволоду Святославичам, хотя, на самом деле, приходился им двоюродным *братом*. Но, во-первых, он был главой Черниговских князей Ольговичей, к которым относились и Игорь, и Всеволод. Для автора «Слова» был важен образ киевского князя как отца всем другим князьям. Тогда закономерным выглядит обращение Святослава Всеволодовича к древнерусским князьям «затворить полю ворота» на землю Русскую. Кстати, вот еще и поэтический образ-троп: историк сказал бы «затворить половцам ворота». Для автора «Слова» половцы ассоциируются с половецким полем, где они живут. Он и использовал прием метонимии. А, во-вторых, автор выстраивал аллюзию

к Евангельской притче о блудном сыне, который расточил отцовское имение. И князь Игорь, уподобившись блудному сыну, утопил на дне Каялы достояние русских при «отцовстве» Святослава Всеволодовича[288]. Об этом речь еще пойдет ниже.

По Ипатьевской летописи Святослав Всеволодович узнал о сепаратном походе Игоря и Всеволода в Черниговской земле, у Новгород-Северска, а о поражении Игорева войска — в Чернигове[289]: «…Святославъ… бысть у Новагорода Северьского и слыша о братьи своеи, оже шли суть на Половци, утаившеся его… И яко приде к Чернигову, и во ть нодъ прибеже Беловолодъ Просовичь, и поведа Святославу бывшее о Половцехъ»[290].

У автора «Слова» князю обо всем рассказывают бояре в Киеве: «А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ… И ркоша бояре князю: “Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны”».

Создается совершенно иное впечатление о случившемся. О трагедии киевский князь узнает не в походе, не мимоходом, а в своем княжем дворце, при исполнении своих великокняжеских обязанностей. Таким образом, выстраивается и иерархия власти, и усиливается значение поражения Игоря в масштабах всей Руси.

В своем «золотом слове» Святослав Всеволодович замечает: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! *Рано* еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати!». Слово *рано* как-то не вяжется с реальным возрастом князей: Игорю Святославичу уже исполнилось 35 лет, Всеволод Святославич — только чуть моложе.

По Ипатьевской летописи первая битва Игоря с половцами произошла в пятницу. Затем был ночной переход, во время которого половцы настигли русских. Новая битва началась рано утром в субботу и завершилась к полудню

в воскресенье. Конечно, можно свести обе битвы в одну, тогда она будет длиться подряд три дня. Автор «Слова», как будто, и стремится создать такое впечатление: «Бишася день, бишася другый, *трьетьяго дни* къ полуднию падоша стязи Игоревы».

Дело, однако, в том, что Автор ранее уже описал первую битву в пятницу, а потом — отдельно — и субботнюю с воскресной, но не в соответствии с летописью указал, что длилась она три дня. Зачем? Чтобы вызвать у читателей ассоциацию этой битвы Игоря Святославича с трехдневной битвой Владимира Мономаха с половцами в 1111 г. Об этой смысловой параллели в «Слове» мы еще будем говорить отдельно.

По Ипатьевской летописи Игорь Святославич бежит из плена на вечерней зорьке (на «заходе солнца», «при вечере»), в «Слове» побег представлен в полночь (в «полуночи»). Для автора «Слова» важно было подчеркнуть, что путь в свет начинается из полуночи, т. е. из самой тьмы, по словам св. Андрея Критского, из «ночи греха»: «Въ нощи житие мое преидохъ присно: тма бо бысть и глубока мне мгла нощь греха, но яко дне сына, Спасе, покажи мя»[291]. Автор «Слова» развернет этот художественный образ долго длящейся ночи — похода и пребывания во тьме, чтобы потом показать радость спасения при свете дня.

По Ипатьевской летописи Игорь Святославич возвращается из плена в Новгород-Северский, затем едет в Чернигов, а потом — в Киев. Автор «Слова» описывает князя Игоря сразу прямо в Киеве, где он «едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей». ‹Эта фактическая неточность позволяет включить въезд Игоря в Киев в мотивную структуру: данное событие представлено как непосредственное завершение побега»[292].

Конечной целью Игоря в «Слове» указана церковь Пресвятой Богородицы Пирогощей — семейный храм Мономаховичей. И в этом тоже есть свой смысл: Игорь приехал с примирением к Мономаховичам, после покаяния, описанного в повести из Киевской летописи, без которого невоз-

можно было избавление из плена, и с благодарностью Богородице, которой он молился, за спасение.

Можно множить подобные примеры «исторического несоответствия» в «Слове». И это при всем при том, что его Автор очень хорошо знал летописную повесть (даже обе) о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. из Киевского летописного свода игумена Моисея, т. е. был в курсе всех исторических подробностей. Следовательно, он сознательно отступал от них, создавая свое *художественное произведение*.

Автор «Слова» нарочито отходит от соответствия реалиям (думаю, он знал, что его легко можно проверить по летописям), тем самым подчеркивает, что он — не хронист, не летописец, хотя и пишет по «былинам» своего времени (т. е. в соответствии с действительностью), но он — ***песнотворец, вития,*** который опоэтизировал эту действительность, создав свою песнь о походе Игоря Святославича.

Об этом свидетельствует самое заметное «нарушение» хода событий — солнечное затмение.

Можно ли алгеброй проверить гармонию?

Отсчет сторонников перестановки в самом начале ‹Слова о полку Игореве› абзаца о солнечном затмении следует начать с О. Партыцкого, предложившего в целях восстановления «хронологической последовательности», отраженной в летописях, поместить описание затмения после сцены встречи Игоря и Всеволода Святославичей[293].

Двумя годами позднее, 15 февраля 1886 г., в «Историческом Обществе Нестора–летописца», с подобным предложением устно выступил и А. И. Соболевский, тогда еще молодой лингвист, а вот письменно будущий академик обосновал свое предложение только спустя двадцать лет, в 1916 г.: «В дошедшем до нас тексте, после слов: “наведе своя храбрыа полкы на землю Половецкую за землю Русьскую”, находятся слова: “Тогда Игорь возре на светлое солнце…”; … затем далее следует: “О Бояне, соловию старого времени, а бы ты сия полкы ущекоталъ…”, до “Тогда вступи Игорь…”

…Смысл в этой части “Слова” требует перестановки слов “О Бояне” до “Тогда вступи Игорь” и помещения их перед словами: “Тогда Игорь возре…”. Перестановка дает, можно сказать, блестящий результат. Получается, кроме удовлетворения требования смысла, также последовательность в изложении: после “наведе своя храбрыя полкы…” следует: “а бы ты сия полкы ущекоталъ”.

Таким образом я предлагаю читать:

…наведе своя храбрыя *полкы* на землю Половецкую за землю Русьскую.

О Бояне, соловию старого времени, а бы ты *сия полкы* ущекотал … луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачють аки серии волци въ поли, ищюче себе чти, а князю славы.

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде *отъ него тьмою* вся своя воя прикриты — а любо испити шеломомь Дону.

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремень и поеха по чистому полю. *Солнце ему тьмою* путь заступаше (Курсив А. И. Соболевского. — *А. У.*)»[294].

Исследователь полагал, что ошибка произошла из-за невнимательности переписчика: «Когда … оригинал от употребления пострадал, расшился и растрепался, один листок был положен перед двумя листками, за ним первоначально следовавшими. Переписчик не заметил перемещения листков и переписал их в том порядке, как они лежали перед ним…»[295]

Первым в изданиях «Слова» эту перестановку в тексте осуществил В. А. Яковлев в 1891 г., заметив в предисловии: «Рассказ о солнечном затмении мы считаем более удобным поместить после речи Всеволода; посредством такой перестановки восстанавливается, по нашему мнению, последовательность изложения и единство вступления»[296].

Перестановку А. И. Соболевского, своего учителя, поддержал и академик В. Н. Перец в ставшей знаменитой книге о «Слове о полку Игореве»[297], а немногим ранее и П. Л. Маштаков[298].

Окончательный приговор «Слову» вынес в середине минувшего столетия уже ученик В. Н. Перетца академик АН УССР Н. К. Гудзий в двух своих работах[299].

В статье 1950 г. он писал: «В результате перестановки Яковлева–Соболевского–Перетца получается действительно логически последовательное и связное чтение (Как будто до этого не было связного чтения. — *А. У.*), нарушенное путаницей листов. Вслед за словами "Почнемь же, братие, повѣсть сiю отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже… наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую" идут слова: "О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталъ…" (Разрядка Н. К. Гудзия. — *А. У.*). После того автор высказывает предположение, как мог бы Боян воспеть Игоревы полки, речь идет о встрече Игоря с Всеволодом, при которой Всеволод предлагает брату седлать своих коней и характеризует свою дружину, а затем говорится о затмении солнца».

Прерву эту длинную цитату, чтобы сделать по ходу ряд замечаний.

Разве можно назвать «действительно логически последовательным чтение», которое изначально нарушает саму идею произведения?

Автор ставит в центр повествования «Слова о полку Игореве» «нынѣшняго Игоря, иже… наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую», которому совершенно однозначно приписывается инициатива похода.

Если же принять отстаиваемую Соболевским–Перетцем–Гудзием перестановку в начале «Слова», то *тогда получится, что идея похода принадлежит не Игорю, а его брату Всеволоду,* который и «предлагает брату седлать своих коней».

Но именно на этом, по сути дела, и настаивает Н. К. Гудзий: «Как бы <u>в ответ на предложение Всеволода Игорю седлать коней, Игорь обращается к своей дружине со словами: "А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони…"</u> (подчеркнуто мной. — *А. У.*) Такая последовательность действий — сначала предложение Игорю седлать коней,

а затем уже распоряжение Игоря, обращенное к дружине, — сесть на коней для похода на половцев, естественно, единственно возможная (Для кого? Почему? — *А. У.*), в противоположность чтению мусин-пушкинского текста, где сначала Игорь велит дружине сесть на коней, а затем Всеволод предлагает Игорю седлать коней. После того как Игорь отдал распоряжение дружине сесть на коней, логически должен следовать рассказ о том, что Игорь вступил в стремя и двинулся в поход, как и получается в результате перестановки текста».

Но тогда остается совершенно непонятным, почему и зачем «Игорь ждет мила брата Всеволода»: только для того, чтобы тот пригласил его в поход на половцев? И где он его ждет: в Новгороде-Северском или в пути?

Такое расположение абзацев как раз и приводит к разрушению логики повествования, к которой стремятся сторонники перестановки, поскольку, если Игорь ждет приглашения в поход от брата в Новгород-Северском, то инициатива похода с очевидностью исходит от Всеволода, а это не так. Если же в пути — то к чему тогда уже этот призыв, ведь Игорь уже и так выступил со своей дружиной?

Текст первого издания абсолютно точно передал *логическую хронологию событий*: Игорь выступил в поход по собственной инициативе (об этом мы еще будем говорить ниже), *небесное знамение было ему указанием*, а брата уже поджидал два дня у Оскола, остановившись на привал, поэтому подошедший Всеволод и призывает Игоря вновь седлать коней, чтобы продолжить путь…

«Однако, — продолжает свои рассуждения Н. К. Гудзий, — эта перестановка, оправданная палеографическими соображениями, диктуется не только тем, что при помощи ее получается логическая последовательность событий, но и тем весьма существенным обстоятельством, что при ее применении время солнечного затмения в “Слове”” и в летописных рассказах о походе Игоря совпадает, на что не обратили внимания те, кто предложил перестановку.

В самом деле, по летописи затмение застает Игорево войско тогда, когда Игорь уже углубился в степь. Киевская летопись, датирующая начало похода 23 апреля, не упоминает, какого числа произошло затмение, но указывает, что оно случилось тогда, когда Игорь подошел уже к Донцу, летопись же Суздальская точно датирует время затмения — 1 мая. В мусин-пушкинском тексте солнечное затмение предшествует походу Игоря; при перестановке же, о которой идет речь, оно становится на свое место и, *в согласии с летописью* (Выделено мной. — *А. У.*), застает Игоря уже в пути. … Достаточно подчеркнуть, что, *устраняя противоречия между «"Словом" и летописью* (Выделено мной. — *А. У.*) в определении того, где и когда застало Игорево войско солнечное затмение, мы используем еще один очень веский аргумент в пользу перестановки в начальной части текста "Слова о полку Игореве"».

Итак, художественную гармонию «Слова» академик Н. К. Гудзий решил проверить алгеброй летописи. И тут же была обнаружена еще одна «несуразность»: «…если придерживаться последовательности мусин-пушкинского текста в начальных абзацах "Слова", то получится, что либо затмение непрерывно продолжалось несколько дней подряд, что противоестественно, либо оно на протяжении недели с небольшим повторилось дважды, на что мы не имеем указаний в летописи, да и не могли бы их иметь, так как это не согласовалось бы ни с какими астрономическими законами. В самом деле, если мы сохраним в неприкосновенности мусин-пушкинский текст, то окажется, что Игорь, готовясь к походу, видит солнечное затмение, затем проходит около девяти дней, когда он двигается навстречу половцам, и его вновь настигает затмение: "Солнце ему тьмою путь заступаше", как и в самом начале похода»[300].

«Думается после сказанного, — завершает свои размышления Н. К. Гудзий, — что есть все основания закрепить эту перестановку в последующих научных и популярных изданиях "Слова о полку Игореве"»[301]. Авторитет его в науке был столь велик (ведь по его учебнику учились практически все

советские медиевисты), что большинство изданий текста «Слова о полку Игореве» в XX веке выходили с уже «узаконенной» авторитетом ученого перестановкой[302].

Так нужна ли перестановка в начале «Слова»?

Ответить на этот вопрос, значит приоткрыть тайну авторского замысла, то есть пролить свет на авторскую художественную концепцию произведения.

Если мы будем относиться к «Слову», как относимся к летописям, т. е. *историческому источнику* (такой подход как раз и продемонстрировал академик Н. К. Гудзий), то неизбежно впадем в серьезное заблуждение, проигнорировав свидетельство епископа и писателя XII века Кирилла Туровский, который обратил внимание, что в литературе спокойно сосуществуют «***историци*** и ***ветия***, рекше ***летописьци*** и ***песнотворци***», которые «прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения» и украшают словесами и возвеличивают мужествовавших крепко и защищавших своих цесарей, и не показавших в брани спины своим врагам, «и тех славяще похвалами венчають…»[303].

Стало быть, в конце XII в., лет за десят-пятнадцать до похода Игоря Святославича на половцев, сведущий в литературе человек (а, надо полагать, он был не один, ибо, будучи епископом, обращался с проповедями к людям книжно образованным, безусловно, рассчитывая на понимание) прекрасно разбирался в задачах, которые стояли пред историком (летописцем) и витией (поэтом). И не отождествлял их задачи, хотя и отметил в их творчестве общие черты.

Думается, не хуже епископа Кирилла Туровского в этих проблемах (и литературных тонкостях) разбирался и автор «Слова», который провел еще одну достаточно четкую грань между сочинением язычника — «вещего Бояна» и собственным творением, в основе которого лежали уже христианские ценности (но об этом — позднее).

Ни у кого не возникает подозрения, что это автор, досконально знающий все подробности похода Игоря Святославича на половцев, ошибся в подсчете времени сол-

нечного затмения. Поэтому большинство исследователей эту «ошибку» приписывают не ему, а переписчику, «напутавшему» с рукописными листами (А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий, Б. А. Рыбаков, Л. П. Жуковская и др.).

А что, если никакой «ошибки переписчика» не было, и *сам автор «Слова» умышленно, **по художественной концепции произведения**, поместил солнечное затмение в начало своего творения?*

В свете затмения

«...Всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и светы (планы, замыслы) ихъ раздруши...»
(«Ипатьевская летопись» под 1184 г.)

Солнечное затмение в Древней Руси было слишком знаковым знамением[304], чтобы его могли «не заметить», или хронологически передвинуть. Отношение к нему сложилось под влиянием книг Священного Писания. В Евангелии от Матфея говорится: «Абие же по скорби днии техъ, *солнце померкнетъ* и луна не дастъ света своего, и звезды спаднутъ с небесе, и силы небесныя подвигнуться. И тогда *явится знамение* Сына Человеческаго на небеси» (Матф. 24, 29–30). Похожее предвозвещение есть и у евангелиста Луки: «И *будутъ знамения въ солнци* и луне, и звездахъ, и на земли туга языкомъ... издыхающемъ человекомъ от страха» (Лука 21, 25). О том же предупреждает и Апокалипсис: «... и бысть трусъ велми и *солнце мрачно бысть* яко вретище власяно и месяць бысть яко кравь...»[305].

Поэтому все наблюдаемые солнечные затмения, как посланные людям знамения, фиксировались в древнерусских летописях. Летописцы пытались разгадать или понять их смысл: «Знаменья бо въ небеси, или звездахъ, или въ солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не на благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають: ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють», — отмечает «Повесть временных

лет» под 1065 г.[306] А под 1113 г. летописец объясняет ограниченный характер знамения одной местностью («землей»), где оно наблюдалось: «Се же бывають знаменья не на добро: бывають знаменья въ солнци и в луне или звездами не по всей земле, но в которой любо земле аще знаменье, то та земля и видить, а ина земля не видить…»[307].

Довольно часто с затмением солнца или луны связывали именно смерть князя, или его жены, или правящего владыки, как под тем же 1113 г.: «Якожь бысть знаменье въ солнце, проявляше Святополчю смерть»[308].

Аналогичное сообщение имеется и под 1115 г.: «В се же лето бысть знамение: погибе солнце и бысть яко месяць <…> В се же лето преставися Олегъ Святославличь, месяца августа въ 1 день»[309]. Или: «…явися знамение в луне месяца декабря въ 29 день — и на утрии преставися княгини Ярославляя»; «В лето 6712 преставися князь велики Чрьниговский Олегъ сынъ Святославль. Знамении: Того же лета быша знамениа на небеси въ солнце и въ луне»[310].

В судьбах черниговских князей «солнечного рода» Ольговичей, родственников Олега Святославича, затмение играло особую роль[311]. Во всяком случае, ***четыре*** солнечные затмения, произошедшие в XII веке в 1113, 1115, 1146, 1162 годах и зафиксированные русскими летописями, *предшествовали* смерти или гибели князей Ольговичей. Еще ***два*** солнечные затмения в 1124 и 1147 годах *произошли позже* смерти князей[312]. Но и они в сознании древнерусских людей связывались со смертью князя, поскольку оба знаковых события произошли в один год.

Несомненно, об этой связи затмения-знамения со смертью Ольговичей знали и помнили участники похода Игоря Святославича на половцев, о чем свидетельствует реакция бояр и дружины на солнечное затмение, произошедшее на восьмой день похода 1 мая 1185 г. и подробно описанное в Ипатьевской летописи: «… Игорь жь возревъ на небо и виде солнце стояще яко месяць. И рече бояромъ своимъ и дружине своеи: "Видите ли? Что есть знамение се?" Они же узревше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи:

“Княже! Се есть не на добро знамение се”. Игорь же рече: “Братья и дружино! Таины Божия никто же не весть, а знамению творець Богъ и всему миру своему! А намъ что створить Богъ, или на добро или на наше зло, а то женамъ видити”»[313].

Более лапидарно то же затмение описано в Лаврентьевской летописи: «Месяця мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в середу на вечерни, бы знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети, человекомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко месяць, из рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бе видети человекомъ знаменье Божье…»[314].

Если в Лаврентьевской летописи говорится только о страхе перед Божиим знамением (интересно отметить, что именно сообщением о нем начинается годовая статья 1186 г., хотя затмение произошло почти что в середине года!), то в Ипатьевской летописи дружинники Игоря Святославича однозначно воспринимают затмение как неприятное предзнаменование. И слова Игоря свидетельствуют о его смятении («Таины Божия никто же не весть!»), а не как ободрение себя и других. Впрочем, думается, кто-кто, но Игорь Святославич из рода Ольговичей, хорошо знал свою родословную и связь затмения со смертью своих предков. Знали о том и летописцы, продолжатели летописных сводов. Густинская летопись замечает по этому поводу: «И в то время бысть затмене солнца, *а се знамение не на добро бываеть. Игор же единаче поиде, не ради о том*»[315].

Итак, Игорь продолжает поход, невзирая на предупреждение свыше — солнечное затмение. О том говорит и автор «Слова»: «Спалъ князю умь похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго»[316].

Когда писалось «Слово», его автор уже знал о результатах похода и мог не только засвидетельствовать, но и истолковать Промысел Божий. И этот смысловой узел завязывается как раз на солнечном затмении: «Тогда Игрь възре на свѣтлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече

Игорь къ дружине своей: “Братие и дружино![317] Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону”» (С. 10).

Для князя-воина гибель предпочтительнее плена. Когда-то Святослав Игоревич воскликнул перед битвой с греками: «Да не посрамимъ земле Руски, но ляжемъ костьми [ту] мертвы ибо срама не имамъ»[318]. Русские князья никогда прежде не попадали в плен к половцам в их земле[319]. Но прежде не было и подобных походов.

Переяславльский, а потом и киевский князь Владимир Мономах неоднократно бил половцев с другими князьями: в 1103, 1107, 1111, 1113 гг., в том числе и у того же «синего Дона», но на границе Киевского государства и Половецкой степи, не стремясь ни пройти ее, ни покорить.

Святое Писание, по которому должны жить православные князья (и по которому жил Владимир Мономах), запрещало завоевательные походы. Князь обязан защищать пределы своей земли, но не завоевывать чужие. Образец такого сосуществования был положен сыновьями праведного Ноя после потопа. И об этом можно было узнать из «Повести временных лет», в которую был помещен рассказ о них: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю… Симъ же Хамъ и Афетъ, разделивше землю, жребьи метавше, *не преступати никомуже въ жребий братень, и живяху кождо въ своей части*»[320].

Для истинного православного человека, князя или воина, это была аксиома. Бог дает князьям власть (т. е. землю, княжество), и потому никто из людей не должен покушаться на нее: «Богъ даеть власть, ему же хощеть; поставляеть бо цесаря и князя Вышний, ему же хощеть, дасть. Аще бо кая земля управится пред Богомъ, поставляеть ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властителя устраяеть, и судью, правящаго судъ. Аще бо князи правьдиви бывають в земли, то многа отдаются согрешенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводить Богъ на землю, понеже *то глава есть земли*»[321].

В представлении автора «Повестей о житии Александра Невского» «воистину бо без Божия повеления не бе княжение» Александра Ярославича![322] В своем мирском служении Богу он должен защищать вверенное ему Господом княжество и свой народ. Именно руководствуясь этой аксиомой Александр Ярославич и принимает судьбоносное решение выступить против шведских рыцарей: «Боже хвальный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, основывавый небо и землю и *положивы пределы языком, повеле жити не преступающе в чюжую часть* (Выделено мной. — *А.У.*)… Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мне»[323]. Александр Ярославич выступил на защиту *«своей части»* — своего княжества, Богом ему данной власти.

Отправляясь в поход против половцев в апреле-мае 1185 г. Новгород-Северский князь Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: «Хочу бо, — рече, — копие приломити *конець поля Половецкаго*, … а любо *испити шеломомь Дону*»[324]. Или же, как говорят бояре великому князю киевскому Святославу: «Се бо два сокола (Игорь и Всеволод Святославичи. — *А. У.*) слетеста съ отня стола злата *поискати града Тьмутороканя*, а любо *испити шеломомь Дону*» (С. 19).

И в одном, и в другом случаях речь идет об одном и том же: Игорь Святославич предпринял поход не на оборону своего княжества, как прежние князья, а ***завоевательный*** — далеко за его пределы — в степь половецкую! Вот почему с особым смыслом звучит в «Слове о полку Игореве» рефрен: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» (С. 13)

Почти двести лет, со времени принятия христианства, Русь не знала завоевательных походов. Поход Игоря — исключение, а потому и вызвал целых три произведения: «Слово о полку Игореве», и две самостоятельные летописные повести. Только еще одно событие, спустя еще двести лет, так же вызовет к себе интерес и три литературные произведения. Это — Куликовская битва. О ней напишут летописную повесть, «Сказание о Мамаевом побоище», и «Задонщину». Примечательно,

что последняя будет ориентироваться на художественную систему «Слова», но будет строиться как противоположность ему, в том числе и по основной теме — оборонительном походе московского князя Дмитрия Ивановича…

Этот неблагочестивый поход Игоря Святославича вылился из княжеских межусобиц: «…Рекоста бо братъ брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” млъвити, а сами на себе крамолу ковати» (С. 17).

Что поход Игоря и Всеволода Святославичей не честен свидетельствует в «Слове» и киевский князь Святослав, обращаясь к князьям: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте» (С. 20).

Раньше исследователи не обращали особого внимания на слова великого князя, что «кровь поганую» можно и нечестно пролить! Одно дело, защищая свои земли, свое Отечество от набегов половцев, — тогда это будет честная битва; другое дело — уподобляясь им, делая такой же набег…

Святослав указывает и на причину, побудившую князей выступить в этот поход: «Ваю храбрая сердца (этого у них не отнимешь. — *А. У.*) въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена» (С. 20). Сам автор неоднократно величает Игоря как «буего Святъславича», а Всеволода называет «буй туром».

Прежде, воспринимая поход Игоря как защиту Русской земли от Половецкого поля и обращая внимание на храбрость русских воинов, толкование слова «буесть» ограничивалось понятиями «отвага, горячность, запальчивость». Прежде всего, конечно, — «отвага». Но в Древней Руси это слово с таким положительным оттенком употреблялось крайне редко. Гораздо чаще — в негативном значении «заносчивость, дерзость, необузданность». Например, в Лаврентьевской летописи под 1096 г.: «О, Владычице Богородице, отыми от убогого сердца моего *гордость* и *буесть*, да не възношюся суетою мира сего».

Обращает на себя внимание, что «буесть» в этой просьбе следует за «гордостью» — гордынею, первейшим и наисильнейшим грехом.

Именно гордыня и стремление к славе и повела Игоря Святославича в этот завоевательный поход: «Нъ рекосте: “Мужаимеся сами: *преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ*!”» (С. 21).

По гордыне своей захотели молодые князья похитить «преднюю славу» русских князей, двумя годами ранее разбивших половцев, и «испити шеломомь Дону», как когда-то Владимир Мономах, но он-то ходил к Дону на границе Руси и Половецкой степи, а не вглубь ее!

Предваряя рассказ об этом походе, один из составителей Ипатьевской летописи заметил под 1184 г.: «Всемилостивый Господь Богъ гордымъ противиться и светы (планы, замыслы. — *А. У.*) ихъ разруши (Разрушает. — *А. У.*)». Его убеждение основывается на словах апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 посл.; 5,5).

Итак, *причиной похода была **гордыня**, а наказание Божие за нее — плен!*

Господь предупреждал Игоря затмением солнца, но князь, по гордыне своей, пренебрег и знамением…

Гордыня — затмение души. А в природе — затмение солнца. Автор тонко уловил эту символическую параллель и развивает ее в своем творении. В этом ему, как и автору летописной статьи о походе Игоря, помогает Покаянный канон Андрея Критскаго. В нем присутствует образ греховной ночи и спасительного света дня: «Въ нощи житие мое преидохъ присно: тма бо бысть и глубока мне мгла нощь греха: но яко дне сына, Спасе, покажи мя»[325].

Автор «Слова о полку Игореве» строит великолепный художественный метафорический образ, развернутый на все повествование: весь поход Игоря, после его перехода через пограничную реку Донец, когда, собственно, и случилось затмение солнца, происходит … во тьме[326], а обратный путь Игоря пролегает из ночи в свет дня.

§ 1

«Новую заповедь пишу вам, ... что тьма проходит и истинный свет уже светит»
(1 Иоанна: 2,8)

Затмение в «Слове» описано иносказательно, а не прямо: взглянул князь Игорь «на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты» (С. 10). Получается весьма редкий в древнерусской литературе оксюморон: светлое солнце тьмою воинов покрывает! Сведущему читателю понятно было, что не светило тьмою войско покрыло, а Господь Промыслом своим[327]... И не суждено им уже обратно вернуться на землю Русскую, покроет земля тела их. «Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла» (С. 17) — напишет автор «Слова» в конце описания битвы русских с половцами...

Да и «летописный» Игорь понимал, что этому «знамению творець Богъ», и мог догадываться (по аналогии с предками своими) о его значении, чего не скажешь об Игоре «Слова», у которого желание «искусити Дону великаго», т. е. восхитить славу Владимира Мономаха, знамение заступило. Не внемлет предупреждению новгород-северский князь: «... въступи ... въ златъ стремень и поеха по чистому полю» (С. 12). Тогда *вторично* (!) «солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ зверинъ въста, збися дивъ — кличетъ връху древа ...» (С. 12).

Такое ощущение, будто князь Игорь из светлого пространства шагнул в темное[328] — против чьей-то воли, потому-то солнце ему тьмою путь заступало, как бы — удерживало[329].

В реальном затмении день потемнел, и ночь настала, а в художественном описании затмение превратилось в развернутую поэтическую метафору. Автор воспользовался подсказанным самой природой (и Промыслом) образом ночи и стал его усиленно развивать: «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому: крычать телеги полунощы, рци, лебеди роспущени» (С. 12). Грозен в ночи волчий вой по оврагам, да орлиный клекот, зовущий зверей на ко-

сти («влъци грозу [в грозу все темнеет. — *А. У.*] въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звери зовутъ…») (С. 12).

«Длъго ночь мрькнетъ. Заря светъ запала, мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе» (С. 13). Ночь днем, погасший свет зари, спустившийся на поле мрак, стихшие голоса птиц, — нагнетают тревогу.

А «русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы» (С. 13).

Природа пердчувствует, точнее, уже знает исход битвы (ибо орлы на кости позвали зверей), и замерла в тревожном ожидании полной гибели света! Замерли, в ожидании, и воины.

Действие как бы приостановилось.

«Длъго ночь мрькнетъ» — природа как бы оттягивает развязку, будто бы еще можно что-то изменить в судьбе русских воинов, но для этого необходимо князю принять волевое решение — повернуть назад.

Но Игорь, стрелой летящей, устремлен к достижению своей цели. И, вроде бы, достигает ее. Утром, в пятницу, взрыв событий. Чрезмерная активность — достижение желанной цели: «Съ зарания въ пятокъ (т. е. — с зарей, но не в светлый день! — *А. У.*) потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассупясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя (Откуда они взялись на поле брани? Явно половцы не ожидали этого вторжения русских и нападение было на их селения. — *А. У.*), а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты (Совершенно очевидно, что половецкие воины, если бы выступили против русских, женские драгоценности с собою не брали бы … — *А. У.*)» (С. 13).

И опять — затишье. Но это затишье — перед бурей, определяющей судьбу Игоря и его воинов в битве: «Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!»

Изначально — да! Адам сотворен был для рая. Но совершил проступок. Повредилась божественная природа в человеке. Из-за ослушания Адам изгнан из рая. Из-за ослушания (на-

рушает ряд заповедей и не внемлет предупреждающему о том знамению) терпит поражение Игорь. И происходит это в воскресенье, на малую Пасху! Он, как и Адам, уже обречен, но пока об этом еще не знает. Но о том знает другое Божие творение — природа, которая символизирует своего Творца[330].

«Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ (кровавые, т. е. темные, зори свет предвещают, но света дня — нет! — *А.У.*); чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому» (С. 14).

Назревает кульминация. В природе — это гроза; в походе — битва.

«Се ветри, Стрибожи внуци, веютъ съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рекы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ» (С. 14).

Обилием глаголов передана динамика действия и мгновенная реакция природы на происходящее.

«Съ зараниа до вечера (А дня вроде бы и нет! — *А. У.*), съ вечера до света (А день как бы и не наступал! — *А. У.*) летятъ стрелы каленыя… Третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы… Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось» (С. 16).

Битва проиграна князем Игорем в полдень, т. е. в самое светлое время дня, но автор создает тот же *образ тьмы*, как и в начале описания похода: «Темно бо бе въ 3 день: два солнца померкоста (Игорь и Всеволод Святославичи. — *А. У.*), оба багряная стлъпа погасоста, и съ нима молодая месяца… тьмою ся поволокоста… На реце на Каяле тьма светъ покрыла…» (С. 19–20). Так и не ощущенный во всей полноте свет дня битвы сменяется для Игоря тьмою плена.

Почувствовав беду, «Ярославна рано плачетъ въ Путивле на забрале».

Княгиня трижды обращается к силам природы — ветру, реке, солнцу — за помощью своему мужу. Трижды употребляет автор слово «рано», и трижды описана природа ясным днем.

Русская земля ассоциируется у автора с солнцем, светом. Половецкое поле, как земля чужая, неприветливая — ночью, тьмою. Граница между ними — Донец, как река (или огненная река) отделяет рай от ада («О всей твари», «Хождение апостола Павла по мукам») или земли («Хождение Зосимы к Рахманам», духовные стихи)[331].

Ярославна описана средь бела дня, а Игорь — во тьме. К нему, в ночь, возвращается автор.

«Прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами… Погасоша вечеру зори. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля меритъ от великаго Дону до малого Донца» (С. 27–28).

С вечера погасли зори, природа как бы успокаивается. Но в полночь ожило («прысну») море, поднялись смерчи. Начинается то ли новое действие, то ли наступает развязка.

Поход Игоря, за пределами Русской земли, начинался с Донца. Вожделенным итогом его был Дон великий. Теперь от Дона великого мыслью мерит князь путь к малому Донцу — границе Русской земли. И, не случайно, этот обратный путь начинается не только географически от Дона, но и символически — во времени — в полночь: «Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рекою; велить князю разумети: князю Игорю не быть (В плену. — *А. У.*)» (С. 28).

Из тьмы — полночи и Половецкой земли — стремится князь Игрь к свету — на Русскую землю. И «соловии веселыми песньми светъ поведаютъ» (С. 30) ему.

Побег из ночи во свет удался: «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли» (С. 30).

И что удивительно, до побега Игоря в «Слове» ни разу не был упомянут Бог (что, собственно, и дало повод исследователям видеть в «Слове» языческую поэму, поскольку языческие божества в ней обильно присутствуют), а тут сразу: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу»[332]. Почему это стало возможным? Ведь Господь вначале противился этому походу (завоевательному походу!), а теперь помогает Игорю вернуться из плена?

§ 2

«Жертва Богу духъ сокрушенъ:
сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ».
(Пс. 50)

Автор «Слова» не указывает на причины метаморфозы с Игорем, но они приводятся в рассказе Ипатьевской летописи, которая сочувственно относится к Игорю. Именно этот рассказ передал настороженность Игоря во время солнечного затмения.

Поражение православного князя воспринимается рассказчиком как наказание Господне за грехи его (а не помощь поганым!). Грех этот необходимо осознать, чтобы искупить его. И к Игорю приходит духовное прозрение вместе с поражением: «И тако, во день святаго Воскресения, наведе на ня Господь гневъ свой: в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы. рече бо деи Игорь: «Помянухъ азъ грехы своя пред Господемь Богомъ моимъ, яко много убиство, кровопролитие створихъ в земле крестьяньстей, яко же бо язъ не пощадехъ христьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глебовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии христьани, отлучаеми отець от рожении своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружии своихъ, и дщери от материи своихъ, и подгура от подругы своея, и все смятено пленомъ и скорбью тогда бывшюю, живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнемь от жизни сея искушение приемши…

И та вся створивъ азъ, — рече Игорь, — не достоино ми бяшеть жити. И се ныне вижю отместье от Господа Бога моего… Се возда ми Господь по безаконию моему, и по злобе моеи на мя, и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его зело. Азъ же убо не имамъ со живыми части…

Но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ»[333].

В Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться **не** как результат помощи Бога. Вот слова Господа из Святого Писания: «И воззавете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщите Меня и найдете, если взыщете Меня всем сердцем вашим…, и возвращу вас из плена» (Иеремия: 29; 11–14).

В плен князь Игорь попадает Промыслом Божиим, так же Промыслом Божиим избавляется он от плена.

Решение Игоря бежать было отнюдь не случайным. Выше уже указывались две пиковые точки падения Игоря: полночь и великий Дон, от которых начинается возвращение князя домой. Но существует и еще одна — религиозно-нравственная, от которой начинается духовное возрождение Игоря Святославича.

Игорь шел за славой, но обрел бесславие — плен. Но нижней, пиковой точкой бесславия был побег (потому-то он долго на него не соглашался). А поэтому «чашу бесславия» князь должен был испить до дна, и вернуться домой «неславным путем» — бегством из плена. То есть, проявить *смирение*. В этом смысл произведения.

Это — не случайное духовное прозрение Игоря. Князь осмысленно становится на путь возвращения к Богу, Отцу небесному. Надо полагать, это *первое* осмысление произошедшего было не случайным.

Из летописей известно, что он, находясь в половецком плену, призвал из Руси священника. Для него, хотя и оступившегося (кто без греха?), но все же православного князя, было совершенно очевидным, что без покаяния невозможен обратный путь домой. Засвидетельствовать это покаяние пред Богом мог только православный священник.

Поход Игоря Святославича начинается на Светлой Пасхальной неделе. Это — святотатство! Не помогло и упование его на своего небесного покровителя — Св. Георгия Победоносца (крестильное имя Игоря — Георгий), в день памяти которого, 23 апреля 1185 г., т. е. на свои именины (!), он выступил в поход. Поход был не Богоугоден, направлен

не на защиту своего княжества или Отечества, а славы ради. Желанием, вызванным гордынею. А потому бесславно и завершился.

Второе, отмеченное древнерусскими произведениями, осознание случившегося Игорем и его покаяние в содеянном происходит уже в плену. Летопись замечает: «Игорь же Святославличь тотъ годъ бяшеть в Половцехъ, и глаголаше: "Азъ по достоянью моему восприяхъ победу (поражение. — А. У.) от повеления Твоего Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ Твоихъ. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихже есмь прялъ азъ"»[334].

Третье обращение к Богу происходит уже непосредственно перед бегством из плена: «Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: "Господи сердцевидче! Аще спасеши мя Владыко Ты недостоинаго!" И возмя на ся крестъ, икону и подоима стену и лезе вонъ…»[335]

Обращаю особое внимание, что, решаясь на побег («несславный путь»), Игорь берет с собой крест и икону, т. е. возлагает надежду на помощь Божию! Тогда становится понятным, почему автор «Слова» указывает, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую»: он прощен Богом, после раскаяния князя в содеянном. Более того, смирение князя приводит его и «къ отню злату столу», т. е. на Черниговское княжение в 1198 г.!

Автор «Слова» хорошо знал рассказ о походе Игоря из Ипатьевской летописи, поскольку сам его написал (на худой конец — редактировал). Тогда новое произведение становится его своеобразным художественно-поэтическим осмыслением злополучного похода, как он сам говорит — песнью. И если в летописной статье произошедшие в Игоре нравственные изменения объяснены, то в «Слове» помощь Божия в возвращении его на землю Русскую кажется несколько неожиданной. Правда, непосредственно ей предшествует «плач Ярославны» — обращение его жены к трем природным стихиям — ветру, реке, солнцу.

Венчанные муж и жена являют собой одно целое: «… Ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа, въ Господе. Ибо какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ чрезъ жену; все же — отъ Бога» (1 посл. Коринф. 11; 11–12).

Даже молитва об усопшем способствует отпущению ему грехов. Молитва о плененном выводит из плена (просьба об этом имеется в утренних молитвах), тем более, если это молитва жены о муже — одной составной о другой, ради целого.

Но как тогда понимать обращение Ярославны к трем природным стихиям: ветру, а не Стрибогу, реке, а не Даждьбогу, солнцу, а не Хорсу?[336]

Весьма правдоподобное, как мне кажется, их толкование предложено в «Беседе трех святителей», весьма популярной в Древней Руси: «Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? — Иоанн рече: Отец, Сын и Святой Дух»[337]. Очевидно, что в «плаче Ярославны» отсутствуют и языческие, и пантеические мотивы.

Солнце олицетворяет собой «высоту небесную», гуляющий по всей земле ветер — «широту земную», река — «глубину морскую».

Небо — престол Отца; Сын сошел на землю и оставил на ней свой престол — христианскую церковь; Святой Дух нисходит при крещении в воде. То есть, получается, что Ярославна обращается к трем природным стихиям, которые аллегорически олицетворяют три ипостаси Святой Троицы!

Ее молитва явилась решающей (или переломной) в Промысле об Игоре.

Подвластная своему Творцу природа, т. е. выполняя Его волю, способствовала возвращению раскаявшегося (по летописи) князя домой…

«От старого Владимира до нынешнего Игоря»

Рассмотрим еще одно свидетельство, что автор «Слова» творчески переосмысливал в своем творении почерпнутые из летописей факты.

Уже в самом начале своего повествования, выражая желание изложить «повесть сию отъ *стараго Владимера до нынешняго Игоря*, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужествомъ; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую»[338], — автор «Слова» ставит перед нынешним читателем сложную проблему — разгадать, кого он имел ввиду, называя «старым Владимиром»: Владимира Святославича, крестителя Руси, или Владимира Всеволодовича Мономаха, неоднократно бившего половцев?

Медиевисты до сих пор не пришли к единому мнению по этому поводу. Первые издатели отдали предпочтение Владимиру Святославичу. Позднее этой точки зрения придерживались Д. Н. Дубенский, А. В. Соловьев, Д. С. Лихачев, В. И. Стеллецкий, Л. А. Дмитриев, Н. А. Мещерский, О. В. Творогов, В. В. Кусков.

Первым признал в «старом Владимире» Владимира Мономаха Н. Головин. Его мнение разделили С. М. Соловьев, В. Ф. Ржига, С. К. Шамбинаго, Б. Д. Греков, Н. К. Гудзий, А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков[339].

Но так ли это важно, какого именно князя подразумевал автор «Слова»?[340] Несомненно, поскольку, как увидим ниже, это не просто указание на временные границы повествования, а ретроспективное сопоставление (точнее даже противопоставление) деяний двух древнерусских князей!

Загадкой начал «Слово», ею же и закончил: «Солнце светится на небесе — Игорь князь въ Руской земли… Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели» (С. 30–31).

Почему это вдруг князь оказался не в стольном граде своего княжества — Новгород-Северске, и даже не в отчем граде Чернигове, а в Киеве, и направляется не куда-нибудь, а в Богородичную церковь Мономаховичей — родовых врагов?! И почему «страны и гради» веселятся по этому поводу?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нам придется воспользоваться приемом ретроспективной истори-

ческой аналогии и рассмотреть два временных пласта — XI и XII вв. — в «Слове о полку Игореве».

Сосредоточим наше внимание пока на двух центральных темах «Слова»: княжеских междоусобицах и набегах половцев на Русскую землю.

Начинаются они почти одновременно и оказываются тесно взаимосвязанными на протяжении XI–XII вв.

Впервые половцы совершают набег на Русскую землю в 1061 году: «В лѣто 6569. Придоша Половци первое на Русьскую землю воевать. Всеволодъ же изиде противу имъ…И бившимъся имъ. побѣдиша Всеволода. и воевавше отидоша. се бысть первое зло от поганых и безбожныхъ врагъ»[341].

Хочу обратить внимание, что первым от половцев пострадал Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, князь Переяславльский и его княжество.

Первым приводит «поганых на Руськую землю» Олег *Святославич* (с Борисом Тмутороканским) против Всеволода Ярославича и одерживает над ним победу 25 августа 1078 г.

Вторым — в 1079 г. Роман *Святославич* из Тмуторокани — и опять против Всеволода Ярославича.

В третий раз — опять Олег *Святославич* в июле 1094 г. против сына Всеволода Ярославича — Владимира Мономаха, и отбирает у него Чернигов.

Обращает на себя внимание тот факт, что половцы выступают союзниками черниговских князей — Святославичей (впоследствии — Ольговичей), а Всеволод Ярославич и Мономаховичи воюют постоянно против половцев, и часто — с Ольговичами.

Академик Д. С. Лихачев даже назвал Олега Святославича — «Гориславича» «Слова о полку Игореве» — «заклятым врагом» Владимира Мономаха[342].

Но это — далеко не так. Точнее — совершенно не так.

При жизни Святослава Ярославича, отца Олега, князя Черниговского, а затем и Киевского (с 1073 по1076 гг.) двоюродные братья Олег и Владимир были очень дружны. Они

ходили в совместный поход против Чехов (как союзники поляков). По возвращении из похода Владимир узнает о рождении своего первенца — Мстислава (Гарольда), крестным отцом которого становится Олег.

Однако после смерти Святослава Ярославича в Киев возвращается, изгнанный им и Всеволодом, старший Ярославич — Изяслав. Всеволод Ярославич перебирается из Переяславля южного в Чернигов. При этом он ограничивает свободу его истинного хозяина — Олега и отдает свою вотчину — Переяславль — сыну Владимиру Мономаху.

Олег же оказывается без княжеского удела в Русской земле и в последующие годы силой пытается установить справедливость, становясь на защиту интересов всех Святославичей, оказавшись после гибели в 1078 г. Глеба Святославича старшим среди них.

Прежде, однако, он подводит Владимира Мономаха, поручившегося за него перед отцом на Пасхальной неделе, 8 апреля 1078 г., когда Владимир посетил отца и пригласил на праздничный обед своего кума. Олег Святославич через день бежит из Чернигова в Тмуторокань, а в августе возвращается с половцами… Выиграв первую битву 25 августа, во второй, на «Нежатиной ниве», терпит поражение. В ней погибает и князь киевский Изяслав Ярославич. В этой битве уже единым фронтом с отцом выступает и Владимир Мономах — против двоюродного брата и кума.

Олег опять бежит в Тмуторокань, откуда его выкрали греки (хазары) и заточили на острове Родос[343]. Вернулся он только спустя четыре года, в 1083 г., сидит в Тмутаракани, а в 1094 г. появляется с половцами под Черниговом…[344]

За время его отсутствия полноправным правителем в Русской земле становится Всеволод Ярославич. Как заметил В. В. Кусков, при странных обстоятельствах в 1078 г. убивают старшего Святославича — Глеба, и в том же году, на «Нежатиной ниве», союзника Святославичей и двоюродного брата Бориса Вячеславича. Смертельный удар в спину копьем получает стоявший вдалеке от сражения киевский

князь Изяслав Ярославич. В 1079 г. погибает и другой Святославич — Роман Тмутороканский.

Похоже, Всеволод Ярославич расчистил себе путь на Киевский престол, а сыну — Владимиру Мономаху — на Черниговский[345].

Однако Владимир Всеволодович, являя собой пример благоверного князя, за что и стал почитаем как святой[346], не пошел по стопам отца, но ***смирением*** своим достиг Киевского престола.

После смерти отца в 1093 г. он уступает Киев Святополку Изяславичу, хотя, если бы захотел, мог бы отстоять его силой. В 1094 г. уступает Чернигов Олегу Святославичу, не желая кровопролития. Более того, прощает куму и двоюродному брату убийство своего второго сына Изяслава под Муромом (Изяслав не по праву занял вотчину Олега Святославича). Любечский съезд 1097 г. закрепляет мир между князьями (кстати, произошел он в Черниговском княжестве). Более того, Олег Святославич принимает участие практически во всех походах русских князей против половцев, начиная с 1101 г. (1103, 1107, 1111, 1113 гг.).

После смерти князя Святополка Изяславича в 1113 г. по праву старшинства, заповеданного Ярославом Мудрым, в Киеве должен был сесть Олег Святославич, но на престоле оказывается … Владимир Мономах! Мало того, что Олег Святославич уступил Владимиру Киевское княжение, он еще и выступил, чтобы защитить столицу Руси, против половцев, прознавших о смерти киевского князя. Незадолго до смерти Олег Святославич вместе с Владимиром Всеволодовичем организовывают совместное торжество по перенесению 2 мая 1115 г. мощей святых Бориса и Глеба, как символ «братней любви».

Какое имеет отношение к «Слову о полку Игореве» история взаимоотношений двух княжеских родов — Мономаховичей (Всеволодовичей) и Ольговичей (Святославичей)? Как оказалось, самое непосредственное!

Во-первых, во времена Игоря Святославича соправителями в Киеве были Ольгович Святослав Всеволодович (власть в Киеве) и Мономахович Рюрик Ростиславич (власть

в Киевской земле). Причем, именно Рюрик Ростиславич пригласил в соправителе Святослава Всеволодовича.

Походу 1185 г. предшествовал февральско-мартовский поход объединенных русских войск 1183 г., под предводительством Ольговича Игоря Святославича против пришедших под Чернигов половцев. Игорь отказал Мономаховичу Владимиру Глебовичу, князю Переяславльскому (вотчина Всеволодовичей–Мономаховичей) в просьбе «ездити напереди полков». Тогда Владимир Глебович в отместку пустился разорять Игоревы земли. Ответ Игоря не заставил себя долго ждать. Незадолго до апрельского похода 1185 г. на половцев Игорь Святославич «берет на щит» город Глебов у Переяславля — княжестве Владимира Глебовича.

Налицо новый конфликт Мономаховичей и Ольговичей, в который втягиваются и половцы: во время плена Игоря Святославича его сват Кончак разоряет земли Мономаховичей под Переяславлем.

Здесь, однако, возникает еще одно ретроспективно-смысловое сопоставление: Владимира Мономаха — «старого главу Мономаховичей» и Игоря Святославича — «нынешнего главу Ольговичей»[347].

Во-вторых, вспомним о высказанной самим Игорем Святославичем цели похода в 1185 г.: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» (С. 10–11).

Стало быть, цель Игоря — Дон.

Но здесь сразу же возникает ретроспективная историческая аналогия с Владимиром Мономахом: «Тогда Володимерь и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ (половцев — *А. У.*) всю и загнавшю оканьныя агаряны» во главе с половецким князем Отроком за «Железные врата»[348].

После смерти Владимира Мономаха Сырчан посылает к Отроку гудца, чтобы тот убедил Отрока вернуться в Половецкую землю. Вдохнув запах степей — траву евшан — Отрок

возвращается в родные места. Именно от него родился Кончак, сват Игоря, и, естественно, недруг Мономаховичей. Вот почему он мстит переяславльскому князю Владимиру Глебовичу Мономаховичу.

Но это не единственная и не основная ретроспективная параллель между Владимиром Мономахом и Игорем Святославичем. Есть куда более значимая по смыслу. Я имею в виду поход к Дону весной 1111 г. ряда русских князей, предпринятый по инициативе Владимира Мономаха.

Так же, как и в начале похода Игоря, ему предшествует небесное знамение: «В то же лето бы знаменье в Печерьскомь манастыри февраля въ 11 день. Явися столпъ огненъ от земля до небесе, а молнья освитиша всю землю. И на небеси погреме в часъ 1 нощи. Весь миръ виде…» (Стлб. 260–261).

Интересно отметить, что и солнечное затмение во время похода Игоря Святославича произошло так же в 1 час ночи[349]. Но солнечное затмение в роду Святославичей, как мы уже говорили об этом выше, зачастую предвещало гибель или смерть князя. Именно поэтому столь удручающе подействовало затмение солнца на бояр, сопровождавших Игоря: «Они же узревше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: “Княже! Се есть не на добро знамение се» (Стлб. 638).

А огненный столб — явление ангела!

«Се бо анѣглъ вложи въ срѣдце Володимеру Манамаху пооустити братью свою на иноплеменникы Русьскии князи. Се бо якоже рекохомъ видинье видиша в Печерьскомъ манастыри, еже стояше столпъ огненъ на тряпезнице, таже преступив на црѣквь … Ту бо бяше Володимеръ… И тогда се анѣглъ вложи Володимеру въ срѣдце нача понужати, якоже рекохомъ» (Стлб. 268).

Чем, таким образом, отличаются между собой оба похода? Да тем, что Владимир Мономах выступает по воле Божией, а Игорь Святославич по своему желанию славы, т. е. по гордыне своей!

Да и в разное время они предпринимают походы. Сравним хронологию обоих походов:

Владимир Мономах	**Игорь Святославич**
11 февраля 1110 г. в 1–й час ночи знаменье.	21 апреля 1185 г. — Пасха.
12 февраля — Прощеное воскресенье.	23 апреля 1185 г. на Светлой седмице, на день памяти Св. Георгия Победоносца, т. е. на свои именины Игорь, выступил в поход. Это — святотатство!
13 февраля — начало Великого Поста.	1 мая в 1–й час ночи — солнечное затмение.
26 февраля во второе воскресенье Великого Поста выступили в поход.	
24 марта — *пятница* — 1–я битва и победа.	10 мая — *пятница* — 1–я битва и победа.
27 марта — *понедельник* Страстной недели, перед Пасхой — победа.	11 мая — суббота — начало битвы. «Третьего дни к полудню падоша стязе Игоревы». Т.е. поражение произошло тоже в *понедельник*?! Но по летописным источникам — в воскресенье!
2 апреля — Пасха.	Июнь 1185 г. бегство Игоря из плена.

Совершенно очевидно, что поход, начатый на Пасхальной Светлой седмице не мог *изначально* иметь успех, о чем и предупреждало Игоря Святославича солнечное затмение.

Можно и далее провести параллели между этими двумя походами.

1) Оба князя ведут своих воинов к Дону Великому, но в разные места. Владимир Мономах дает решающую битву *на границе* Руси и Половецкой степи, у города Шаруканя, у начала Дона, когда он течет еще по Русской земле. Игорь Святославич направляет свои войска в середину Половецкой земли и далее — к устью Дона![350] Поход Владимира Мономаха преследует оборонительные цели; поход же Игоря Святославича получается *завоевательным!*

2) Владимир Мономах встречается перед началом похода со Святополком на Долобске: «Рече Святополкъ: “се азъ бра-

те готовъ есмь с тобою ...” И въста Володимеръ и Святополкъ и целовастася и поидоста на Половце» (Стлб. 265).

И Игорь Святославич встречается со своим братом Всеволодом. «И рече ему буй туръ Всеволодъ: “...Седлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови...”» (С. 11–12).

3) Владимир Мономах идет в поход 1111 г. с сыновьями и племянниками: «и поидоша возложивше надежю на Бога и на Пречистую Матерь Его. и на святыя ангелы Его и поидоша въ 2-ю неделю поста, а въ пятокъ быша на Суле..., а в неделю поидоша в нюже хрестъ целують... И възложиша всю свою надежю на хрестъ со многими слезами. И оттуде приидоша многи реки... и поидоша к Донови въ вторникъ. и оболичишася во броне и полки изрядиша и поидоша... и князь Володимеръ престави полкы своя едучи предъ полкомъ пети тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ Святой Богородици...» (Стлб. 266).

И Игорь Святославич идет в поход 1185 г. с сыном и племянником: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!» (С. 21).

Владимир как благоверный князь возлагает надежду на помощь Божию, Игорь рассчитывает только на свои силы. Различаются цели похода, различаются и подходы в их осуществлении.

4) В обоих походах первая битва приходится на *пятницу.*

Поход 1111 г.: «В *пятницю* завътра месяца марта въ 24 день собрашася Половци изрядиша Половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши възложише надежю свою на Бога и рекоша: “оубо смерть намъ зде. да станемъ крепко.” И целовашася другъ друга. възведше очи свои на небо. призываху Бога Вышняго. и бывшю же соступу и брани крепце. Богъ Вышний возре на иноплеменникы со гневомъ. падаху предъ хрестьяны. и тако побежени быша иноплеменьници. и падоша мнози врази наши супостати предъ Рускыми князи и вои... И поможе Богъ Рускымъ княземъ. и въздаша хвалу Богу въ тъ день» (Стлб. 266–267).

Поход 1185 г.: «И рече Игорь къ дружине своей: “Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти...”

А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому… Игорь къ Дону вои ведетъ! .. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы. Съ зарания въ *пятокъ* потопташа поганыя плъкы половецкыя, и рассушась стрелами по полю, помчаша девкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты…» (С. 10, 12, 13). Где тут вспомнить о Боге и воздать хвалу Ему за победу, если душа богатством ослеплена!

5) В походе Владимира Мономаха 1111 г. решающая битва приходится на 27 марта — *понедельник* Страстной седмицы: «…Наставшю же *понедельнику* Страстныя недели, паки иноплеменници собраша полки своя многое множество. и выступиша яко борове велиции и тмами тмы и оступиша полкы Рускыи и посла Господь Богъ ангела в помощь Русьскымъ княземъ. и поидоша Половецьстии и полъце Русьстеи и зразишася первое с полкомъ и тресну акы громъ. сразившима и брань бысть люта межи ими и падаху обои» (Стлб. 267).

«… И падаху Половци предъ полкомъ Володимеровомъ. невидимо бьеми ангеломъ. яко се видяху. мнози чловеци. и главы летяху невидимо стинаевы на землю» (Стлб. 267–268).

«… И побиха я в *понеделникъ* страстныи месяца марта въ 27 день. избьени быша иноплеменнице многое множество на реце Салнице и спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ и Давидъ прославиша Бога давшего имъ победу на поганыя» (Стлб. 268).

Теперь рассмотрим последовательность событий в походе Игоря Святославича 1185 г.

При внимательном чтении «Слова» возникает простой вопрос: почему автор «ошибся» при счете до трех?

Вопрос без иронии, и возникает на основании того, что он сам пишет о двух битвах. В ходе первой русские князья «съ зарания въ пятокъ (т. е. пятницу) потопташа поганыя плъкы половецкыя…» (С. 13). Вторая битва разворачивается уже на следующий день: «Другаго дни велми рано кровавыя зори светъ поведаютъ; чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии.

Быти грому великому! Итти дождю стрелами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго! ...Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ Руския плъкы оступиша» (С. 14).

Это — образное воспроизведение состояния природы и войск накануне битвы следующего («другаго») дня, т. е. субботы. Обращает на себя внимание, что автор «Слова» использовал то же выражение «Руския плъкы оступиша», что и автор летописной статьи! Думается, что это не простое совпадение, а *заимствование* Автором «Слова» редкого, но емкого глагола *оступиша*. Стало быть, он знал и использовал летописный рассказ о походе Владимира Мономаха на половцев в 1111 году.

Далее следует «реальное» описание трагических событий: «Съ зараниа до вечера, съ вечера до света летятъ стрелы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ поле незнаеме, среди земли Половецкыи» (С. 16).

Исходя из этого сообщения следует заключить, что битва длилась с ранней зори до вечера субботы, и с вечера субботы до рассвета воскресенья и в воскресенье завершилась. То есть, продолжалась она сутки с небольшим, как о том свидетельствует и Ипатьевская летопись. А что пишет по этому поводу автор «Слова»?

«Бишася день, бишася другый; *третьяго дни* къ полудню падоша стязи Игоревы...» (С. 16). Тогда получается, по автору «Слова», что решающая битва завершилась не на второй день, в воскресенье, а в *понедельник*![351]

Неужто столь осведомленный в деталях похода автор «Слова» мог так грубо ошибиться? А если нет, если он умышленно хотел обратить внимание читателя, знающего (по летописи или по рассказам) историю похода Игоря, на какую-то смысловую параллель? Тогда какую?

Здесь напрашивается только одна параллель — с битвой Владимира Мономаха, которая именно закончилась в понедельник. Но он-то выиграл эту битву с Божье помощью,

а Игорь Святославич, из-за гордыни своей, проиграл: «Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (С. 19).

Автору видится особый смысл в пленении князя Игоря, который заложен изначально уже в самой идее похода. Об этом мы будем говорить подробнее ниже, здесь же я хотел бы обратить внимание на побудительные причины обоих походов.

6) Причины двух походов 1111 г. и 1185 г. существенно различаются. Поскольку на Руси, согласно Святому Писанию[352], княжеская власть воспринималась как Богом данная («Тако глаголеть Господь: “Князя азъ учиняю, священни бо суть, и Азъ вожу я”»[353]), то одной из важнейших задач княжеского служения становится защита рубежей Богом ему вверенной земли (княжества).

Как уже выше указывалось, мысль о походе Владимиру Мономаху вложил Бог, а он привлек уже и других князей на Богоугодное дело — защиту рубежей Отечества. Поэтому идут русские князья благословясь, постом, с молитвой и пением тропарей, а потому «с Божию помощью молитвами святыя Богородица и святыхъ ангелъ възъвратишася Русьстии князи въ свояси съ славою великою къ своимъ людемъ. и ко всимъ странамъ рекуще къ Грекомъ. и Оугромъ. и Ляхомъ. и Чехомъ. дондеже и до Рима преиде на славу Богу всегда и ныня и присно во веки аминь…» (Стлб. 273).

Но, как замечает автор «Слова», «то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» (С. 16).

Игорь Святославич преследует совершенно иные цели: «Мужаимеся сами: преднюю *славу* сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!» (С. 21).

Когда-то, полутора веками ранее, в 1015 г., святые страстотерпцы Борис и Глеб жизнь свою положили, отказавшись от славы мира сего. Ныне же, в 1185 г., Игорь Святославич, движимый тщеславием и гордыней, отправляется в поход ради славы земной. И, как результат Божиего наказания за гордыню, — бесславие, плен: «Ту немци и венедици, ту гре-

ци и морава … кають князя Игоря… Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево» (С. 18–19)[354]. А для русского войска — гибель: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую… Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла» (С. 17).

Совершенно очевидно, что праведному походу под предводительством Владимира Мономаха на защиту Русской земли автор «Слова» противопоставляет неправедный поход (славы ради) Игоря Святославича.

Но, к сожалению, Игорь Святославич в своих стремлениях не одинок в русской истории. Не случайно автор вспоминает в «Слове» три смерти, никак не связанные с сюжетом, но *по смыслу* примыкающие к финалу Игорева похода.

1) «Бориса же Вячеславича ***слава*** на судъ (На Божий суд — т. е. на смерть. — *А. У.*) приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя…» (С. 15). По гордыне своей Борис Вячеславич похвалялся выступить один против четырех князей и в результате погиб на «Нежатиной ниве»!

2) «…Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскыя, притрепа ***славу*** деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ литовскыми мечи» (С. 24).

3) «Не тако … река Стугна; худу струю имея, … уношу князю Ростиславу затвори…» (С. 29). Юный князь Ростислав Всеволодович утонул на глазах родного брата Владимира Мономаха, когда они бежали от половцев, потерпев поражение под Триполем. Его трагическая гибель была расценена «Киево-Печерским патериком» как наказание за его тщеславие, гордыню и преступление: по его приказу был утоплен старец монастыря блаженный Григорий именно за то, что предсказал князю его смерть.

Князь Ростивлав не счел нужным получить благословение на поход в Киево-Печерском монастыре (Владимир

Мономах его получил, а потому и не утонул в Стугне!) и покаяться в содеянном. Игорь осознает свой грех и приносит покаяние (об этом речь уже шла выше), отмеченное в летописи. Но произошедшее покаяние — это обретение Бога. И Господь выводит его из плена: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (С. 27–28).

Проявленное князем раскаяние и смирение привело его и к примирению с Мономаховичами. Именно поэтому Игорь и направляется в Киев, в их Богородичную церковь…

И здесь проявляется еще одна весьма значимая ретроспективная историческая аналогия:

а) смирение и примирение с Олегом Святославичем привело Владимира Мономаха на киевский великокняжеский престол;

б) смирение и примирение с Мономаховичами (Рюриком Ростиславичем и Владимиром Глебовичем) привело Игоря Святославича на княжеский Черниговский престол! Мир настал в Русской земле. Потому-то и «страни ради, гради весели»!

Слово, песня или повесть?

Автор «Слова» создает самобытное по жанру произведение[355]. Оно отличается от летописной повести, и от слова-проповеди, соединяя в себе черты того и другого. Верно подметил итальянский ученый Риккардо Пиккио, что «сосуществование в пределах одного текста рассказа-*повести* с проповедью-*словом* характеризует и семантико-композиционную структуру “Слова о полку Игореве”. И в этом спорном литературном документе Древней Руси мы с самого начала находим прямое риторическое определение рассматриваемого предмета. И здесь, в явном противоречии с освященным традицией названием, повествователь объявляет, что это *повесть*. И здесь *повесть* разворачивается на историко-литературном уровне, в то время как духовный уровень переносного значения проявляется в господствующем замысле *слова*-проповеди»[356].

Что же это за духовный уровень «Слова»?

Практически все произведения древнерусской словесности содержат цитаты из Священного Писания. Изучавший этот вопрос профессор Риккардо Пиккио задался целью понять «контекстуальную функцию библейских цитат или отсылок к Писанию» (С. 509). И пришел к выводу, что библейские цитаты выступают в качестве «семантических указателей» произведения и назвал их «библейскими тематическими ключами».

«Тематические ключи, встречающиеся в различных текстах средневековой христианской литературы восточных и южных славян, представляют собой цитаты или комбинации цитат (т. е. текстуальных отсылок, более или менее точных, но при этом достаточно хорошо выделяемых) из Ветхого или Нового Заветов, а также, хотя это встречается реже, из других священных текстов — из святоотеческой литературы. Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в "духовный", т. е. высший, смысл текста, в котором без этого "восхождения" нам открылся бы только "исторический", т. е. буквальный и "низший", смысл. На практике, поскольку эти отсылки к боговдохновенному слову Писания помогают читателю понимать человеческие дела в свете вечной истины, тематические ключи служат своеобразным мостом между произвольными знаками человеческих текстов и абсолютными знаками божественного Писания» (С. 509–510).

Тематический ключ обретает свои специфические функции, которые отличаются от другого типа цитат или отсылок из библейских книг, благодаря своему композиционному расположению. Тематический ключ располагается в начале экспозиции: или уже в первых строках повествования (как в «Сказании о Борисе и Глебе»), или сразу после введения или вводного абзаца, как это можно наблюдать в «Слове».

«После введения, открывающегося словами "Не лепо ли ны бяшетъ братие, начяти…", где уточняется намерение "на-

чати сию повесть”, следуя образцу исторических сочинений (“по былинам”) и не подражая Бояну, автор останавливается на описании поэтической техники “ветхого” поэта. После этого автор дает читателю ясное указание (“почнемъ же, братие, повесть сию”), что в данном месте начинается *narratio*. Именно здесь и находится тематический ключ» (С. 510).

По мнению Р. Пиккио, он скрывается в словах о «нынешнем Игоре», который «…иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую».

Игорь Святославич предстает «здесь как человек, не обнаруживающий в осуществляемом им военном предприятии (речь о котором начинается) достаточного владения своим “умом” и “сердцем” <…>. Смысл этого сообщения откроется со всей полнотой, во всей своей значительности, если мы сопоставим его с библейским текстом. Во Второзаконии 2: 30 читаем: …Сигон, царь Есевонский, не согласился позволить пойти нам через свою землю, потому что Господь, Бог твой, *ожесточил дух его и сердце его сделал упорным*, чтобы предать его в руку твою…(Курсив Р. Пиккио. — *А. У.*)» (С. 508).

Чтобы лучше постичь смысл древнерусских слов, итальянский ученый сравнивает их с греческой версией стиха из Второзакония по Септуагинте: «…ἐσκλήρυνε…τό πνεῦμα αὐτοῦ, καί κατίσχυσε τήν καρδίαν αὐτοῦ…».

«Хотя греческое πνεῦμα (“дух”) не совпадает прямо с русским “ум” (На самом-то деле, совпадает с древнерусским пониманием ума[357]. — *А. У.*), нет сомнения, — замечает Риккардо Пиккио, — что функциональное отношение πνεῦμα — καρδία (связанное с взаимодействием интеллектуально-духовной и сентиментально-импульсивной деятельности) соответствует отношению “ум — сердце”. Что касается глаголов, мне представляется, что выражение “истягну… крепости” хорошо передает идею греческого ἐσκλήρυνε — “ожесточить, усилить крепость”. Так же можно оценить

и словосочетание “поостри сердца своего мужествомъ”: в греческом κατίσχυσε заключена идея “побуждать к силе/насилию” (ἰσχύς), понимаемому как воинская отвага (мужество)» (С. 509).

Поскольку Игорь «не владеет ни своим “умом”, ни своим “сердцем”», то «в свете библейской отсылки, составляющей тематический ключ, это сближает его с “Сигоном, царем Есевонским”. Подобно символическому персонажу Второзакония 2:30, Игорь Святославич обречен судьбой потерпеть поражение и стать пленником из-за своей гордыни и воинственного пыла (в чем читатель, который понимает смысл тематического ключа, не сомневался с самого начала)». (С. 510).

«Сообщение, несомое тематическим ключом, — продолжает далее Риккардо Пиккио, — касается не “внешней истории”, не осязаемых исторических событий, но “истории внутренней”, т. е. “духовной” истории героя-грешника. Победить (гордыню. — *А. У.*) можно лишь смирением: “ратный дух”, “упорное сердце” и “мужество” являются не добродетелями, но признаками духовной патологии, происходящей от гордости и используемой Господом как наказание» (С. 510). И с этим, абсолютно верным, утверждением Риккардо Пиккио нельзя не согласиться.

«Здесь, — замечает итальянский ученый, — перед нами прямая отсылка к Сигону, царю Есевонскому, но Сигон в свою очередь принадлежит к определенному типу “безумных героев”, которые в Ветхом Завете символизируют грех гордыни. Состояния души, имеющие своими признаками “упорное сердце” и/или “жестокий дух”, всегда приводят к гибели (ср., например: “...Господь ожесточил сердце фараона, и он не отпустил сынов Израилевых” — Исх. 10: 20). Сила тематического ключа будет все более проясняться по мере того, как другие библейские отсылки и другие “экзегетические подсказки” будут углублять первоначальное сообщение и помогать читателю воспринимать рассказываемое в свете главного принципа, изначально провозглашенного» (С. 511).

В «Слове о полку Игореве», по мнению итальянского исследователя, развитие заявленного экзегетического мотива прослеживается довольно просто. Обозначив главную тему повествования («ожесточенное сердце») в библейском ключе, Автор (как, впрочем, и летописцы) начинает изложение своей «повести» с описания солнечного затмения: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи: "Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти!А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону". Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. "Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго съ вами, русици. Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

«В этой сцене все эмблематично, — замечает Риккардо Пиккио. — Затмение солнца отчетливо являет собой божественный знак. Пренебрегать им безумие. Читатель-христианин, достаточно ориентированный в Писании, который уже отметил для себя аллюзию к "жестокости духа" и "упорству сердца" Сигона Есевонского, не может не сообразоваться и здесь с основным принципом Библии: если Бог и посылает знамение людям, то понять его могут лишь чистые духом. В самом представительном библейском повествовании, которое описывает освобождение избранного народа от египетского плена, Бог говорит Моисею: "Но Я ожесточу сердце фараоново и явлю множество знамений Моих и чудес Моих в земле Египетской. Фараон не послушает вас, и Я наложу руку Мою на Египет…» (Исх. 7: 3–4) (С. 511).

Риккардо Пиккио не сомневается, «что воинственное безумие Игоря укладывается в систему семантических отсылок к Библии. Если "воинственная страсть" (похоти) воспламенила его "умь", то "жалость… искусити Дону Великаго" помешала ему понять божественные знамения. И тотчас же автор подчеркивает желание князя достигнуть великой реки — "испити шеломомь Дону"» (С. 511–512).

С помощью этих отсылок к библейским смыслам Автор заявляет о своем подходе в изложении истории похода Игоря Святославича. Как представляется Риккардо Пиккио, Автор выстраивает «назидательную историю»: «Протагонист “Слова” охарактеризован как отрицательный герой, и дальнейшие события должны быть изложены в виде назидания, которое будет преподано читателю. Таким образом нарративная схема “Слова” будет следовать концептуальной схеме дидактического сообщения. Это линейная структура, и ее существенные элементы сохраняются как в “Слове”, так и в вариантах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей» (С. 512).

Из всех трех нарративных текстов исследователь вычленяет общую фабулу с четырьмя сегментами: 1) не взирая на неблагоприятное предзнаменование Игорь Святославич, побуждаемый воинским пылом, вместе с братом Всеволодом и другими князьями выступает в поход против половцев; 2) войско под предводительством Игоря «достигает первого, иллюзорного, успеха»; 3) слишком углубившееся в половецкую степь русское войско терпит поражение, а князь Игорь попадает в плен к язычникам; 4) у Игоря Святославича появляется возможность бежать из плена и вернуться в родной христианский мир.

«Сопоставление трех текстов позволяет увидеть в них, наряду с единой схемой изложения, общий экзегетический мотив. “Высший смысл” действия (рассказанного как παραδειγμα, или “поучительный пример”) разъяснен назидательным опытом воина-грешника, который наказан за свое высокомерное поведение, но в конце спасен божественной милостью в результате покаяния и/или молитвами других» (С. 512).

Интертекстуальный анализ трех произведений дает возможность рассмотреть поход Игоря Святославича в одном тематическом ключе[358] и в подробностях, что позволяет отметить некоторые смысловые нюансы.

После солнечного затмения происходит встреча двух братьев — Игоря и Всеволода: «Игорь ждетъ мила брата Все-

волода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: “Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни — свѣдоми къмети…».

И если в двух летописях этой встрече не уделяется особого внимания, и описана она вскользь, то в «Слове» этот эпизод обретает определенный смысл, на который, опять же, указывает Священное Писание.

«Если “тематический ключ” отсылает нас к Второзаконию, то здесь все проясняется в свете 22-й главы 3-й Книги Царств, содержащей повествование об Ахаве и Иосафате. Трудно представить себе параллель более красноречивую, — замечает Риккардо Пиккио. — Подобно Игорю и Всеволоду, два ветхозаветных героя Ахав и Иосафат создали крепкий союз, чтобы опрометчиво начать военные действия, полагаясь на мощь своих воинов и коней. Ахав и Иосафат так же не поверили божественному предостережению, полученному через уста праведного пророка Михея, предсказавшего им поражение и смерть» (С. 514–515).

Достаточно сопоставить вышеприведенные слова Всеволода Игорю со словами Иосафата и Ахава из 3-й Книги Царств, чтобы убедиться в этом: «И сказал он Иосафату: пойдешь ли ты со мною на войну против Рамофа Галаадского? И сказал Иосафат царю Израильскому: как ты, так и я; как твой народ, так и мой народ; как твои кони, так и мои кони» (3 Цар. 22: 4).

Риккардо Пиккио отмечает «устойчивость тематического и риторико-изобразительного мотива, восходящего к Библии. После того как тематический ключ дал нам общий ориентир, эта ветхозаветная реминисценция вновь подтверждает необходимость прочтения текста в дидактическо-религиозном ключе» (С. 515).

Солнечное затмение стало зловещим предзнаменованием того, что судьба целеустремленного Игоря и его войска уже предрешена. Тьма покрывает свет, создается мрачная атмосфера похода.

В словах «Солнце ему тьмою путь заступаше» Риккардо Пиккио видит отсылку к Книге Иова (19: 8): «Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму».

«В то время как "Игорь къ Дону вои ведетъ", мрак солнечного затмения открывает взгляду чудовищ, принадлежащих миру адской ночи», — замечает Риккардо Пиккио: «… влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ…», проводя параллель с Псалтырью (103: 20): «Ты простираешь тьму, и бывает ночь: во время ее бродят вси лесные звери» (С. 515).

«И после первого успеха в битве небесные знаки усугубляют атмосферу мрачных предчувствий: "…кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ… Быти грому великому…" (Хотя здесь, — делает оговорку исследователь, — трудно определить точно текстуальные реминисценции, ясно ощущается атмосфера великих и необыкновенных библейских событий, таких как в повествовании Книги Иоиля 2: 30–32: "И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь…" или как в пророческом плаче Книги Софонии 1: 15: "…день опустошения и разорения, день тьмы и мрака…")» (С. 516).

Оба летописных текста отмечают воинственный задор Игоря и его войска после первой победы (Лаврентьевская летопись: «Идем по них к луку моря, где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь…»; Ипатьевская летопись: «Братья, сего есмы искале а потягнемъ»), и провиденциальное предупреждение: «…а не ведуще Божыя строенья…».

На религиозность обеих летописных повестей уже указывалось выше.

Столь же религиозным предстает и «Слово», вопреки тому, что о нем писалось более двух столетий как о произведении светской литературы. Риккардо Пиккио полагает даже, что «Слово» от летописных статей отличается еще «большей укорененностью в христианском законе, содержа

прямые отсылки к Священному Писанию» (С. 516). Согласимся, что если не в большей степени, то, во всяком случае, не в меньшей оно предстает произведением сугубо христианским, и не выбивается из контекста своей эпохи.

Рассматривая третий сегмент фабулы (поражение и плен Игоря), Риккардо Пиккио отмечает, что «войско Игорево сражается героически, и о его поражении, уже предрешенном, рассказывается в тонах скорее эпических, чем дидактических» (С. 517). А вот «рассказ о поражении Игоря и Всеволода завершается в библейской интонации. Повествователь "Слова" говорит: "Ужо бо, братие, не веселая година въстала"». Этим словам вторит Лаврентьевская летопись («Где бо бяше в нас радость, ноне же въздыханье и плачь распространися. Исаия бо пророкъ глаголеть: Господи, в печали помянухом Тя, и прочая») и Ипатьевская («наведе на ня Господь гневъ свои, в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю на реце Каялы»). Все это можно воспринять как хоральные вариации на мотив Иова 30: 16: «…дни скорби объяли меня») (С. 517).

Из последовательности в расстановке цитат из трех произведений о походе Игоря Святославича видим, что Риккардо Пиккио следует уже устоявшейся традиции в выстраивании хронологии создания трех повестей, ставя на первое место «Слово о полку Игореве», которому «вторят» летописи. На самом же деле, это «Слово» было создано в религиозном духе летописных повествований и «вторит» им. Другое дело, что ранее это исследователями особо не замечалось и не отмечалось.

Итальянский профессор обращает внимание, как в Ипатьевской летописи Игорь Святославич превращается из «чистого символа» в «человека во плоти», который потрясен случившимся поражением и пленом, размышляет над своими нравственными преступлениями и приносит искреннее раскаяние.

«Начиная с этого момента его поведение в изображении Ипатьевской летописи меняется: это уже не Игорь, одержи-

мый страстью к завоеванию, который в соответствии с тематическим ключом "Слова" представляет собой аналог библейскому Сигону, царю Есевонскому. Теперь мы начинаем различать в этом Игоре истинного главного героя, который в последней части повествования из воина, обуянного сознанием своего величия, превращается в смиренного раскаявшегося грешника, готового вернуться в христианскую семью» (С. 518).

Для Риккардо Пиккио важно подчеркнуть «полную подчиненность истории, рассказанной в "Слове" и в летописях, дидактически-религиозной схеме, единой для всего цикла» — вывод, сделанный им на основе интертекстуального анализа (С. 518).

И, наконец, четвертый сегмент повествования — бегство Игоря из плена и возвращение на Русь, «к свету свободы и веры»: «Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли... Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели».

Для читателя причины благополучного исхода авантюры Игоря в «Слове» не вполне ясны. По абсолютно верному замечанию Риккардо Пиккио, «в символическо-аллегорическом плане духовное спасение Игоря Святославича может быть оправдано только выходом его из греховного состояния (греха гордыни), которое привело его к гибели» (С. 518–519).

А вот летописи пытаются понять и правильно истолковать освобождение Игоря Святославича из плена.

Лаврентьевская летопись объясняет спасение Игоря милосердием Бога, который никогда не оставляет грешников: «По малых днехъ ускочи Игорь князь у Половець. *Не оставит бо Господь праведного в руку грешничю.* Очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в *молитву* ихъ... И сего Богъ избави из руку поганых» (Стлб. 399–400).

Здесь следует отметить и молитву Игоря, т. е. его раскаяние и духовное прозрение, ведь не случайно он выписал к себе из Русской земли священника, который только и мог засвидетельствовать покаяние князя.

Именно на этом аспекте акцентирует внимание Ипатьевская летопись, приводя глубокие слова раскаяния Игоря в момент его пленения. Этот большой пассаж уже приводился выше: «Се возда ми Господь по безаконию моему и по злобе моеи на мя снидоша днесь греси мои на главу мою. Истиненъ Господь и прави суди его зело…» и т. д. (См. стлб. 643–644).

Это — начало пути к спасению князя: не только к будущему физическому избавлению от плена, но и уже начавшемуся духовному освобождению, его μετάνοια — перемена ума, сознания.

Наметившийся духовный процесс был не быстрым. Когда Лавр предложил князю бежать, то тот категорически отказался. Бегство для гордого князя было ниже его достоинства и воинской чести, ибо «дерьжаше мысль высоку своея уности». Прежде он даже раненый не бежал с поля боя, а теперь и подавно не оставит своих дружинников в плену. Советники князя призывали его к благоразумию: «И рекоша Игореви думци его: “мысль высоку и не угодну Господеви имеешь в собе”». По сути, они дают оценку духовному состоянию князя на тот момент.

«Это духовный диагноз, который полностью подтверждает то, что нам сообщил тематический ключ “Слова”, — замечает Риккардо Пиккио. — Выражение “мысль высока” эквивалентно μεγαλοψυχία, т. е. такой тип воинственного высокомерия, который, если мы принимаем во внимание экзегетический мотив, введенный в “Слово” тематическим ключом, объясняет все злоключения героя. Игорь в этом месте приносит покаяние и преображается. Решившийся бежать из плена, он уже не дерзкий воин, но дрожащий грешник» (С. 519): Игорь «же *вставъ ужасенъ и трепетенъ*, и поклонился образу Божию и кресту честному, глаголя: “Господи сердцевидче! Аще спасеши мя, владыко, ты недостоинаго?!” И возмя на ся крестъ и икону, и подоима стену, и лезе вонъ» (Стлб. 651).

«На первый взгляд может показаться парадоксальным, — делает верное наблюдение Риккардо Пиккио, — что,

в то время как тематический ключ "Слова" помогает нам проникнуть в религиозный смысл ипатьевской повести, историческое повествование "Слова" само по себе недостаточно, чтобы понять, каким образом произошло спасение князя Игоря в соответствии с нарративной логикой самого "Слова". <…> Повествование "Слова" не сообщает, покаялся Игорь или не покаялся. Однако оно указывает, что бегство князя из плена соответствовало Божию изволению. Этот момент божественного вмешательства (его, отметим мимоходом, в принципе достаточно для того, чтобы понять высший религиозный смысл аллегорического сообщения) риторически выделен, представлен в библейском стиле при описании ночных необыкновенных событий[359]: "Прысну море полунощи. Идутъ сморци мьглами. Игореви князю *Богъ путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» (С. 520).

Появление Бога в повествовательной части «Слова о полку Игореве», который «Игореви князю… путь кажетъ», следует непосредственно за так называемым «плачем Ярославны». «Этот "плач", — пишет Риккардо Пиккио, — можно понять как "молитву". Тот факт, что эта молитва с церковной точки зрения "неправильная", если не "языческая", функционально не имеет принципиального значения[360], не говоря о том, что "светлое и тресветлое солнце" может быть понято как выражение древнего представления о едином и троичном Боге[361]. Что Бог христианской Руси внял причудливой молитве простой женщины, какой является жена Игоря, приемлемо как с теологической, так и с поэтической точки зрения. Если все обстоит таким образом, то общая схема ***фабулы*** оказывается выдержанной, и герой "Слова" возвращается в мир спасения, искупив в плену свой грех, — и в этом он не слишком отличается от героя Лаврентьевской летописи» (С. 520–521).

Вышеприведенный анализ религиозного смысла «Слова о полку Игореве», сделанный Риккардо Пиккио, касался только повествовательной части произведения, по его терминологии, опирающейся на авторское замечание в начале

произведения, — *повести*. Однако в «Слове» имеются авторские отступления и, прежде всего, «большое отступление», начинающееся с авторской оценки последствий поражения Игоря («уже бо, братие, не веселая година въстала») до «плача» Ярославы. В отличие от историческо-нарративного характера повествовательной части (*повести*), большому авторскому отступлению (*слову*), по мнению Риккардо Пиккио, присущ ораторский характер.

«Приведшая к катастрофе военная авантюра Игоря здесь не описывается, но вспоминается и комментируется как знак глубокого зла, которое подтачивает корни самого христианского общества Руси. Как мы уже отметили, не исключено, что это "большое отступление", которое в целом звучит только как политико-религиозное ***слово***, в результате развития истории текста, нам неизвестной, образовало название всего произведения, принятое в настоящее время. Однако для комплексной интерпретации всего сочинения нам важнее увидеть, до какой степени "ораторская" часть, которую мы отделили от исторической части, может подтвердить или опровергнуть впечатление, сложившееся на основании интертекстуального анализа ""**Повести**" о полку Игореве"» (С. 521).

По мнению исследователя, «интонация "большого отступления" заметно отличается от интонации историко-нарративной части. Однако достаточно очевидно, — замечает он, — что между ними нет существенных противоречий, так сказать, идеологического характера. Возвещенный семантическим "ключом" мотив греха гордыни пронизывает и эту ораторскую часть. Осуждение необдуманной воинственности Игоря и Всеволода в "златом слове великого Святослава" также сурово и определенно: …О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати! Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте! Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена» (С. 521–522).

«Для того, — продолжает Риккардо Пиккио, — кто читает этот форменный обвинительный акт великого князя в све-

те основных тем, уже обозначенных тематическим ключом, не может быть сомнения, что здесь идет речь о варьировании одного и того же мотива. Как для “повествователя” (по крайней мере в пределах его фиктивной функции вне зависимости от его отождествления с “автором”), так и для Святослава — как главного “оратора” в “большом отступлении” — Игорь и Всеволод виновны: а) в эгоистическом искании воинской славы (“*себе* славы искати”) и б) в нарушении воинского кодекса чести (“*нечестно* одолѣсте, *нечестно* бо кровь поганую пролиясте”). Это постыдное поведение, которое принесло Руси столько бедствий, рождается из греховного ожесточения сердца (“храбрая *сердца* въ *жестоцемъ* харалузѣ скована”) и из буйства дерзостного ума (“въ *буести* закалена”). Таким образом, Святослав руководствуется ведущим мотивом гордыни, имеющим причину в ὕβρις, подтверждая тем самым правильность целостного прочтения “Слова о полку Игореве” в свете Библии, в частности Второзакония 2: 30» (С. 522).

Л. В. Соколова попыталась возразить Риккардо Пиккио в толковании слова «буесть», расценивая его как «показатель рыцарской доблести братьев»[362] Святославичей. По ее мнению, «их храбрые сердца скованы из крепкого харалуга <…> и закалены “буестью”, т. е. отвагой, удалью. Здесь вновь образ из дружинной поэзии: сравнение воспитания в рыцарском духе с закалкой оружия». И далее исследовательница заключает: «Подход с позиций христианской морали, христианского смирения к произведению, в котором отразилась рыцарская эпоха с ее представлениями о воинской чести и славе, доблести, мужестве, “ратном духе”, представляется мне ошибочным. В системе ценностей рыцарского кодекса “ратный дух”, доблесть являются именно достоинствами, а не “признаками духовной патологии”»[363].

Тут уж мне придется возразить самой Л. В. Соколовой.

Чтобы заявлять подобное, нужно, во-первых, доказать, что в Древней Руси XII века существовал рыцарский кодекс, да и сами рыцари. Л. В. Соколова явно ошиблась, приписав Древней Руси рыцарские обычаи Западной Европы. Если бы

«Слово» написал западноевропейский рыцарь, то, возможно, такая оценка в его сочинении и присутствовала бы. Однако «Слово» написал православный человек с другой системой ценностей. Поэтому Святослав Киевский упрекает братьев Святославичей, что они *не честно* кровь половецкую пролили, совершив грабительский набег (это было характерно как раз для европейских рыцарей, и только в этом одном древнерусские князья могли оказаться похожими на них) на Половецкую землю.

Во-вторых, в сознании древнерусских книжных людей «буесть» соседствует с гордыней (как пытался показать Риккардо Пиккио, это присуще и «Слову»): «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего *гордость* и *буесть*, да не възношюся суетою мира сего в пустошнемь семь житии»[364]. Это, между прочим, написал князь Владимир Мономах, доблестный воин и защитник Руси, но не рыцарь!

В-третьих, и земная слава, к которой стремились Святославичи, в православном сознании греховна (в отличие от европейского ее понимания), поскольку, опять же, вызвана гордыней: «Мы есмы ци не князи же? [Поидем] такыже собѣ хвалы добудем»[365] — заявляли Святославичи перед походом. А вот святые страстотерпцы Борис и Глеб жили не «славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходить и хуже паучины»[366], потому и страсти претерпели, и смирение явили, и венец небесный приняли[367].

В-четвертых, здесь возникает проблема Автора: кто он, и с каких позиций описывает поход и поступки князя Игоря. Не следует нам наделять его нашим современным миропониманием. В XII веке оно было иным. И с мировоззренческих позиций XII в. нужно, а не нельзя, как утверждает Л. В. Соколова, рассматривать «Слово о полку Игореве» «как религиозную назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это воине»[368].

Впрочем, и сама Л. В. Соколова приводит пример «присутствия в “Слове” библейского мотива указания Богом пути из плена-рабства облачным столпом (Исх. 13: 21)»[369].

Из приведенной выше констатации Риккардо Пиккио следует еще один важный вывод исследователя о языческом подтексте «Слова»: «Если библейский лейтмотив действительно лежит в основе всего “Слова о полку Игореве”, то нетрудно будет поместить немногие риторические “языческие” (или, можно сказать, “нехристианские”) элементы, которые действительно присутствуют в “большом отступлении”, в ораторский контекст примечания к ***повести***, не меняя при этом нашего прочтения самой повести в религиозном ключе в соответствии с жанровыми схемами *exemplumia*, общими для всех средневековых христианских литератур» (С. 522).

Проще, думаю, видеть в этих «нехристианских» элементах авторскую стилизацию под язычника Бояна, о котором автор «Слова» упомянул уже в самом начале своего труда, несущую важную смысловую (религиозную) нагрузку: «Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы…». В отличие от Бояна свое повествование он строит на исторических фактах, с христианских позиций, а чтобы поэтически оттенить их, использует стилизацию под «вещего» Бояна, которая выполняет по авторскому замыслу определенную информационную функцию[370]. Следует отметить, что в «Слове о полку Игореве», хотя и упоминаются имена языческих богов: Даждьбога, Хорса, Стрибога, Велеса (кроме главного — Перуна), но нет ни одного обращения к ним за помощью[371], что выдает христианскую позицию автора.

Как отметил Г. Д. Певцов, «ни один из главных среди вышеназванных богов не действует в “Слове” как субъект. В качестве субъектов действуют лишь младшие божества: Див, Карна и Желя (Жля). Имена старших, главных богов становятся нарицательными и имеют в художественном тексте лишь метафорическое значение. Они играют роль тропа, выступая исключительно в качестве метафор-клише: “Даждьбожий внук” — русский народ, “Стрибожьи внуки” — ветра, “Велесов внук” — Боян»[372].

Для Киевского Выдубицкого монастыря тема язычества была особо близка, поскольку по преданию, сохранившемуся в «Повести временных лет», он был основан на месте «выдыбания» на сушу деревянного идола Перуна — главного языческого божества из славянского пантеона. Отсюда и «языческий набор» в «Слове», но нет, что характерно, самого Перуна. Монах Выдубицкого монастыря не стал упоминать заветное для язычников-славян имя их главного божества, покровительстовавшего им до крещения. И в конце XII века находились его приверженцы. Не случайно Автор называет русских «Даждьбожьими внуками», но, что существенно, не сыновьями. Он указывает на *языческое прошлое* славян («внуков»), от которого уже отдалилось нынешнее поколение русских — сыновей Божиих — христиан, тем самым подразумевается *христианское настоящее*.

Прием стилизации под язычника Бояна помогает православному Автору выстроить религиозную оппозицию: противопоставить старое и новое, ветхое и благодатное, языческое и христианское[373].

На эту религиозную оппозицию *старого* (язычества) и *нового* (христианства) в «Слове» обратил особое внимание И. А. Есаулов, сравнивая ее с подобным противопоставлением в «Слове о Законе и Благодати», тем самым, способствуя возвращению «Слова о полку Игореве» в его мировоззренческий и литературный контекст[374]. Для «Задонщины», произведения XIV века, эта оппозиция уже утратила былую актуальность[375].

Свое «расследование» предмета И. А. Есаулов начинает с одного из «темных мест» «Слова» — авторского противопоставления своей «песни» «замышлению Бояню».

А я бы начал рассмотрение этого вопроса даже раньше, уже с самых первых, по сути, программных слов автора: «*Не лѣпо* ли ны бяшетъ, братие, *начяти* ***старыми*** *словесы* трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича».

Автор изначально утверждает, что не хорошо и даже нелепо начинать свое произведение *старыми словами*, как это сделал бы язычник Боян.

В XI–XII вв. существовала устойчивая оппозиция *старый (язычник) / новый (христианин)*. Она присутствует в «Слове о Законе и Благодати», поучениях и посланиях киевских митрополитов и игуменов. Не обходит стороной эту, остающуюся актуальной и для конца XII в., тему и «Слово о полку Игореве».

Еще Р. О. Якобсон обратил внимание на разность подходов Бояна и автора «Слова» в изображении человека, которые свидетельствуют об их различном восприятии мира. Он сравнил песнотворчество Бояна (игры–скока–щекота) с ликованием («скачуще играюще») библейского царя Давида во Второй Книге Царств[376]. Это сравнение усилил Гаспаров Б. М., приведя, по его словам, «еще более развернутые связи с другим местом Библии, также относящимся к пению царя Давида, — 107-м Псалмом»[377].

«Песнь Псалма Давидова 107. Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славѣ моей. Востани слава моя, востани псалтирю и гусли, востану рано. Исповѣмся Тебѣ в людехъ, Господи, пою Тебѣ во языцѣхъ. Яко велия верху небесъ милость Твоя и до облакъ истина Твоя. Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя, яко да избавятся возлюбленнии Твои…» (Пс. 107: 1–7)[378].

В «Слове о полку Игореве», действительно, чувствуются слабые аллюзии к 107 Псалму: «растекание» Бояна «до облаков», «рокотание» струн, «закалка» сердца, наступление света и т. д. Может быть, эти, отмеченные ученым, текстуальные совпадения не сильно заметны. Это объясняется Б. М. Гаспаровым тем, что «греческий текст псалма обнаруживает значительно более близкие текстуальные параллели со "Словом", чем его церковнославянский перевод»[379].

Это наблюдение Б. М. Гаспарова для нас очень важно, поскольку, ***мы находим еще одно подтверждение тому, что автор «Слова» пользовался Библией на греческом языке.***

Однако для Б. М. Гаспарова описание пения Бояна во вступлении «Слова» служит «ярким примером слияния христианских и языческих мотивов в единый образ»[380],

а в финале «“поющий” голос самого автора “Слова” полностью сливается с голосом Бояна». Такое нивелирование позиций автора и Бояна вызвало закономерную критику со стороны И. А. Есаулова: «Представители подобного подхода, по-видимому, исходят из априорного убеждения, что при общности *слога* и *стиля* (Здесь и ниже выделено И. А. Есауловым. — *А. У.*), проявляющихся в структуре текста, нет и не может быть порой принципиально различных этических и эстетических установок»[381].

Между тем, сближение Бояна с царем Давидом дает возможность увидеть в вещем Бояне «ветхозаветного» поэта. «Мы вправе предполагать, — замечает И. А. Есаулов, — ветхозаветную установку Бояна, проявившуюся и в особенностях его *слога*. Поэтому определение последнего как “соловья *старого* времени”, ориентирующегося на некий обычай (“замышление”), имеет более глубинную перспективу, чем это может вначале показаться. Два последних — важнейших — определения ориентации Бояна подчеркнуто дистанцируют его от автора “Слова”. Они указывают на генеалогию “замышления” Бояна: тропа Троянова, по которой “рища” древнерусский аналог Давида и, одновременно, “Велесовъ внуче”». Троян и Велес — языческие божества. Причем последний «считался богом “всей Руси”»[382]. Так автор «Слова» намечает двумя штрихами *доевангельскую* проекцию, являющуюся своего рода выбором кода и регистра последующего описания похода князя Игоря: *языческую*, которой наследует Боян, и *христианскую*, которой наследует сам автор “‘‘Слова’’”»[383].

Соглашаясь в целом с таким религиозным разделением установок на описание похода Игоря Святославича автором и Бояном, вынужден, однако, сделать небольшое уточнение. Под Трояном в «Слове» все же следует понимать, как мне кажется, не языческое божество, а императора Траяна (98–117 гг.), гонителя христиан[384]. Он сослал в Херсонес (Корсунь) святого Климента епископа Римского, широко почитаемого всеми христианами, в том числе и на Руси.

Главу св. Климента Римского перенес в Киев Владимир Святославич после своего крещения в Херсонесе (Корсуни) в 988 г. Какое-то время она пребывала в построенной князем Успенской (Десятинной) церкви — первом каменном храме Киевской Руси. «Слово на обновление Десятинной церкви» (XI в.), в котором содержались сведения об императоре Траяне, было хорошо известно игумену Моисею, поскольку он цитировал его в своем торжественном слове, произнесенном 24 сентября 1199 г. Следовательно, в Выдубицком монастыре, где было написано «Слово», знали о язычнике-императоре Траяне. Стало быть, знал о нем и автор «Слова».

Сказанное отнюдь не влияет на выводы И. А. Есаулова, скорее даже наоборот, усиливает их, поскольку Траян как раз и олицетворят собой «ветхозаветного» человека, осознанно не принявшего христианство. «Рищущий тропой Трояновой», т. е. идущий его путем, и сам Боян воспринимается как «ветхозаветный» песнотворец-язычник. «Поэтому ветхозаветная ориентация Бояна как естественного продолжателя былой славянской языческой установки (“внука Велеса”, идущего по “тропе Трояна”) сразу же отвергается автором “Слова” именно как *установка* и *точка зрения*. В то же время автор использует *стилевые* особенности “соловья старого времени”, переводя их в христианскую систему этических координат»[385].

В сознании древнерусских книжников XI–XII веков понятие «старый» отождествлялось с язычеством, «новый» — с христианством. Поскольку сам Автор уже в самом начале «Слова о полку Игореве» заявлял о нелепости повествования «старыми словами» о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.: «*Не лѣпо* ли ны бяшетъ, братие, начяти *старыми словесы* трудныхъ повѣстийо пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича», — следовательно, он был приверженцем «новых словес» и использует их в виде аллюзий к Новому Завету.

Одна из них — своеобразная интерпретация притчи о Блудном сыне (Лука, 15). Первым на ее отражение в «Слове» обратил внимание Б. М. Гаспаров. Обнаруживается она исследователем в следующем пассаже: «Тии бо два храбрая

Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста которою; ту бяше успилъ **отецъ ихъ** Святъславь грозный великый Киевскый <…> Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже **погрузи жиръ** во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, **рускаго злата насыпаша**. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, **а въ сѣдло кощиево**» (Здесь и ниже выделено Б. М. Гаспаровым. — *А. У.*).

Очевидно, что в «Слове» нет прямых заимствований из притчи. Их близость определяется на смысловом уровне. Б. М. Гаспаров выделяет несколько мотивов, которые роднят «Слово» с Евангельской притчей.

«Поражение князя Игоря описывается как расточение “имения” Русской земли в далекой стране, куда герой “отлетел с отцовского золотого стола”. Поскольку мотив расточения сопоставлен с описанием подвигов Святослава, то данный контекст осмысляется как расточение **отцовского имения** (Святослав назван “отцом” Игоря и Всеволода). И, наконец, еще одна существенная деталь — рабство князя Игоря, непосредственно связанное с описанием расточенного по его вине богатства. Все эти компоненты представлены, в таком же компактном сочетании, в Евангельском рассказе»[386].

Приведу его, для восстановления в памяти: «И рече юнѣишии ею отцу: отче, даждь ми достоиную часть имѣния. И раздѣли, има имѣние, и не по мнозѣхъ днехъ собравъ все мнии сынъ отиде на страну далече и ту расточи имѣние свое, живыи блудно… И шедъ прилѣпися единому от житель тоя страны, и посла его на села пасти свиния» (Лука 15: 12–15).

Возвращение князя Игоря домой в Русскую землю осмысляется Б. М. Гаспаровым как его Воскресение, сопровождаемое всеобщим «веселием» в конце «Слова»: «Донецъ рече: “Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!”» И: «Страны ради, гради весели».

Б. М. Гаспаров обращает внимание на такую же комбинацию мотивов возвращения и «веселья» в притче о Блудном

сыне: «…яко сынъ мои сеи мертвъ бе и оживе: и изгиблъ бе, и обретеся. И начаша веселитися» (Лука 15: 24).

Еще один притчевый мотив — ревность брата, спор с отцом из-за имения. Его аллюзию в «Слове» Б. М. Гаспаров видит в описании бедствий, который обрушились на Русскую землю после поражения князя Игоря: «Усобица княземъ на поганыя погыбе. Рекоста бо братъ брату: “Се мое, а то мое же”. И начяша князи про малое “се великое” млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую».

«Однако нельзя не обратить внимание на различие в сюжетной *последовательности* этого мотива по отношению к возвращению героя в евангельском рассказе и “Слове…” — замечает по этому поводу И. А. Есаулов. — В притче старший брат завидует обласканному отцом младшему уже *после* возвращения последнего из рабства, то есть после его духовного прозрения. В древнерусском же произведении княжеские усобицы, составляющие параллель к “ревности брата”, описываются как следствие самовольного исхода Игоря *до* его возвращения. Важно отметить, что после возвращения нет ни одного упрека князю Игорю в погибели дружины: торжествует *весь* христианский православный мир. “Страны ради, гради весели”»[387].

Единственное, на взгляд И. А. Есаулова, «адекватное объяснение такого вселенского веселия — христианская точка зрения самого автора “Слова…”, для которого следование героя путем, угодным Богу (и, тем самым, спасение души князем Игорем; отказ от богоборческой позиции невнимания к “знамению”), иерархически важнее земной военной неудачи и в высшей степени достойно итогового прославления. Христианская установка автора объясняет финальное веселие после завершения погибельного похода: душа одного человека “перевешивает” все остальное»[388].

Источником выражения «се мое, а то мое же» Б. М. Гаспаров видит не только слова из притчи: «Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя есть» (Лука 15: 31), но и молитву

Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна: «И моя вся твоя суть, и твоя моя» (Иоанн 17: 10). Только в «Слове» выражение «се мое, а то мое же» выступает антитезой к обоим Евангельским выражениям.

В молитве Иисуса Христа условием спасения новообращенных в христианство выступает единство («…да будутъ едино, <…> и никтоже от нихъ погибе») (Иоанн 17: 11–12). В «Слове» же говорится о погибели в результате раздоров («Усобица князем на … погыбе»).

Очевидно, что русские князья, в том числе и князь Игорь, нарушили христианские заповеди и устои, за что и несут наказание.

В «Слове о полку Игореве», по мнению ряда исследователей, улавливаются и эсхатологические мотивы, что еще раз свидетельствует о христианских воззрениях его автора.

Й. Клейн расширил наблюдения Р. Якобсона[389] об образе девы Обиды — Антибогородицы. Он был заимствован из Откровения Мефодия Патарского. Девица по имени ἀδικια (В. М. Истрин перевел его как «Несправедливость»), а по прозванию ἀπώλεια («Гибель») перешла в «Слово» под именем «Обида», которое более точно соответствует греческому ἀδικια.

По ходу замечу, поскольку это очень важно для установления автора «Слова», что и ***игумен Моисей в своей торжественной проповеди 1199 г. ссылается на Мефодия Патарского***.

По мнению Р. Якобсона и Й. Клейна, которое разделяют Б. М. Гаспаров и И. А. Есаулов, образ девы Обиды соответствует образу Антибогородицы, встречающемуся и у Ефрема Сирина, и в «одной фольклорной интерполяции Откровения Мефодия, и в одной южнославянской легенде об Антихристе. Для автора “Слова” дева Обида — женское олицетворение того зла, от которого страдают христиане»[390], причем, как заметил Р. Якобсон, опираясь на Откровение Мефодия Патарского и Житие Андрея Юродивого, эта жена-погибель восстает от Понта (Понтийского моря), как и древнерусская дева Обида «въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону»[391].

«Таким образом, — подводит итог своим наблюдениям Б. М. Гаспаров, — картина княжеских усобиц, поднявшейся девы Обиды и гибели Русской земли имеет сложный подтекст, в котором контаминируются несколько различных, хотя и связанных между собой источников: Откровение и эсхатологическая литература, притча о Блудном сыне, молитва о сохранении единства и спасении тех, кто только что воспринял учение Христа (Евангелие от Иоанна). При этом все данные подтексты выступают в негативной функции: текст "Слова" строится как антитеза и инверсия выражений Священного Писания, к которым он отсылает читателей»[392].

«Заздравное» начало об источниках (по сути, тех самых «новых словесах», которые подразумевал автор в начале «Слова») приводит к несколько обескураживающему заключению ученого, поскольку отнюдь не «текст "Слова" строится как антитеза и инверсия выражений Священного Писания», а *сами* описываемые *события* и поступки князей выступают противоречием к регламентациям Священного Писания.

К тому же, как справедливо отметил И. А. Есаулов, Б. М. Гаспаров склонен растворить «христианский подтекст» в общей схеме *мифа*, для которого характерен «симбиоз языческих и христианских образов-символов, сплавление их в единую, исключительную по насыщенности структуру художественного мифа» (С. 322). Если бы православному автору «Слова» в свое время сказали, что он творец «художественного мифа», то он, думаю, очень сильно бы удивился.

Основным стержнем повествования «Слова», по мнению Б. М. Гаспарова, приверженца мифологической концепции, выступает «циклически замкнутая последовательность гибели и спасения (воскресения) главного героя» (С. 305), дополненная рядом «мотивных соответствий между двумя противоположными полюсами повествования» (С. 310). Поникшему веселью и унынию в городах в начале повествования соответствует, по мнению Б. М. Гаспарова, «возвращение веселья в финале»: «уныша бо **градомъ** забралы, а **веселие** пониче» vs. «страны ради, **гради весели**».

«Такое циклическое построение действия придает “Слову о полку Игореве”, — по его мнению, — родство с мифологическими текстами и ритуалами, воссоздающими картину творения, гибели и возрождения мира» (С. 310).

И. А. Есаулов справедливо отметил, что «при подобном подходе к объекту анализа практически в любом тексте (даже и в текстах Нового Завета) можно обнаружить “сплавление”, либо “симбиоз” языческих и христианских образов, связанных земледельческим циклом»[393].

Мне же видится в «Слове» досконально продуманная и скрупулезно спланированная композиционная организация текста. Имеет она кольцевое строение: начинается произведение с похода Игоря Святославича к Дону Великому, завершается бегством от Дона Великого. Начинается со света, погруженного во тьму, а завершается выходом из тьмы на свет — на залитую солнцем Русскую землю. А внутри кольца — антитезы: было/стало, начало/конец.

Перечислю самые заметные из них:

- В начале похода — *солнечное затмение* как недоброе предвестие поражения и плена, метафора ночи, в которой проходит поход, бегство в полуночи и *свет солнца* на Русской земле, когда возвращается Игорь.
- В начале «Слова» солнце тьмой воинов прикрыло, в середине — «Игоревого храброго полка не воскресить», а на «Немиге кровавые берега… засеяны костьми русских воинов».
- В начале повествования, отправляясь в поход, торжественно «въступи Игорь князь въ *златъ стремень*». В середине повествования, попав в плен, пересаживается в седло раба: «ту Игорь князь выседе изъ седла злата а въ *седло кощиево*». Перед финалом бежит на коне половецкого слуги Лавра (Овлура), и в финале — снова *на княжеском коне* въезжает в Киев, но уже без торжества, ибо человек преобразился[394].
- Призыв к Бояну пропеть *песнь* Игоревым полкам в начале «Слова» и общая радостная *песнь девиц* о возвращении Игоря в конце повествования.

- *Уныние* в городах после поражения Игоря, и радость и *веселие* в Русской земле по его возвращению.
- *Желание славы* у князей перед походом, и *прославление* их и дружины в конце «Слова».

Наличие этих смысловых пар-антитез *было/стало* свидетельствует о продуманной композиции «Слова», а не о мифологических пристрастиях его автора.

Этот вывод подтверждает гораздо более точная и тонкая нежели у М. Б. Гаспарова интерпретация притчи о Блудном сыне украинского ученого Александра Александрова, верно заметившего, что М. Б. Гаспаров «не различает мифопоэтическую и символическую образность как стадиально различные явления культуры»[395].

Один из ключевых мифопоэтических образов «Слова» в концепции М. Б. Гаспарова выступает художественное пространство, поскольку оно складывается из двух частей — посюстороннего мира (Русская земля) и потустороннего мира (Половецкая земля), а граница между ними — река[396]. Эта граница представляется как рубеж между жизнью и смертью, и в то же время как символ гибели и воскресения. При этом образ реки обретает в толковании Б. М. Гаспарова дополнительный метафорический смысл: это место разлучения на живых и мертвых. «Каяла и Стугна наделены всеми атрибутами "мертвой реки" — Стикса (вторая из них даже этимологически родственна названию Стикса), — замечает М. Б. Гаспаров. — Именно Каялу князь Игорь пересекает в качестве пленника (умершего), "разлучаясь" на ее берегу с братом Всеволодом, остающимся в стране живых» (С. 231–232).

Здесь, однако, чувствуется сильная натяжка в умозаключениях исследователя. Как бы ему ни хотелось разделить братьев-князей на «живых и мертвых», но по факту оба оказываются в плену, то есть в «пространстве мертвых».

Поэтому позволю себе не согласиться и с окончательным выводом М. Б. Гаспарова о «глубоких и органичных связях между структурой художественного пространства "Слова"

и мифологической пространственной системой, отраженной в славянской фольклорной традиции» (С. 233).

Сомневается и А. Александров в том, что синкретизм географического и символического значений в художественном пространстве «Слова» является важнейшим свидетельством его мифологичности. Скорее даже наоборот. «Типологическое сравнение “Слова о полку Игореве” и “Сказания о Борисе и Глебе” позволяет увидеть в нем то, чего Б. Гаспаров не заметил или чему не придал особого значения — тенденцию к разграничению художественного пространства на символическое и географическое, чего нет в чисто мифопоэтических текстах. Особое место в этой связи занимает символико-реалистический образ пространства, который соотносится с Евангельскою притчей о блудном сыне»[397].

Элементы рассказа Евангелиста Луки о блудном сыне являются, по мнению А. Александрова, составляющими христианской символики «Слова», которая и семантически и функционально отличается от мифопоэтической образности. Символика притчи вторична по отношению к дохристианскому ритуалу изменения статуса-инициации героя[398]. Ее нельзя сводить к мифопоэтике волшебной сказки. Она, рассказывая об изменении социального положения человека, не акцентирует внимания на особенностях и различии его внешнего положения и внутреннего состояния. Реалистичное и символическое пребывают в ней в синкретичном единстве, а пространство и время, будучи основными категориями образа мира, находятся в единой плоскости.

Еще Д. С. Лихачев обратил внимание на условность сказочного времени и его замкнутость. Оно не выходит за пределы сказки и тесно связано с сюжетом, замкнуто в нем. Оно движется в одном направлении, и не возвращается назад, не чувствуется в начале повествования и не ощущается по его завершению. Время сказки не определено в общем потоке исторического времени[399].

Своеобразно и пространство сказки: оно «необычайно велико, оно безгранично, бесконечно, но одновременно тес-

но связано с действием, не самостоятельно, но и не имеет отношения к реальному пространству»[400].

Отмеченные Д. С. Лихачевым мифопоэтические черты времени и пространства отличаются от художественного времени и пространства «Слова». Его Автор, повествуя о настоящем, делает частые экскурсы в прошлое, чем противоречит однонаправленному движению времени сказки. Время «Слова» не замкнуто в сюжете и выходит за его пределы, сопрягаясь со временем самого автора.

В противоположность сказке (и мифу), художественное пространство «Слова» ограничено: есть Русская земля с ее городами и Половецкая степь, с ее холмами и реками; есть Великий Дон, к нему движется герой и от него возвращается домой. Нет необъятного пространства, наоборот, указаны определенные его границы, а действия и поступки героя привязаны к конкретным историческим реалиям. Все это противоречит тому образному мифопоэтическому миру «Слова», который пытался представить Б. М. Гаспаров. Он допустил не допустимое: приписал образной системе христианского литературного произведения свойства фольклорного произведения — дохристианского языческого мифа.

В «Слове» совершенно другое — христианское — восприятие мира и его художественное отражение. Именно поэтому Автор «Слова» использовал с художественной целью не образную систему волшебной сказки, а христианскую притчу о блудном сыне.

«Притча символически, а не мифопоэтически (как волшебная сказка) интерпретирует архаический ритуал инициации, — отмечает А. Александров. — Отличия географического и духовного пространства в новозаветном тексте ощутимы в силу того, что тот самый элемент образной системы — путь героя — имеет как географическую, так и духовную семантику. Движение в пространстве — отправление в иной мир и возвращение домой — сопровождается внутренней эволюцией персонажа. Она складывается из трех этапов: разрыв

патриархальных связей, уход и падение, а потом покаяние и духовное воскресение»[401].

В Евангельской притче о блудном сыне перемещение героя в географическом пространстве (дом — чужбина — дом) выступает внешним, сопутствующим, выражением его духовного состояния. Внутренний же смысл того, что происходит, задается символистической соотнесенностью притчи и истории грехопадения первого человека и изгнания Адама из земного Рая, оставление им Эдема. А возвращение блудного сына в отчий дом следует рассматривать как символическое возвращение человека к Богу.

«Пространство, через которое пролегает путь блудного сына, складывается из двух частей — маленького идеалистического мира семьи и большого мира греха. Именно здесь, в большом мире и происходит падение героя. Однако между пространством и персонажем нет мистических связей, которые существуют в мифологической образной системе. Именно в этом чужом и враждебном мире произошло покаяние, которое привело к исправлению человека. Отсутствие мистических связей между человеком и землей выступает обязательным условием дифференциации духовного и природного, а значит, символической и фактографической образности. Существенное значение для символического восприятия библейской истории блудного сына имеет то, что читатель уже в самом начале повествования начинает искать сокровенный смысл того, что происходит, поскольку исчезновение младшего сына с частью отцовского наследства не мотивировано никакими внешними обстоятельствами» (С. 418–419).

По мнению А. Александрова, и символический, и реальный смыслы возвращения блудного сына (возвращение и к Отцу Небесному, и к отцу земному) генетически все же связаны с мифологической образно-смысловой антитезой смерть/воскресение, которая обретает в новозаветной притче специфическую христианскую интерпретацию, сопровождаемую разобщением символического и реального смыслов архаического ритуала инициации.

«Когда блудный сын возвратился домой, отец дважды повторил слова о том, что этот сын (брат) был мертвым и ожил, пропал и нашелся. Оформление символического и реального смыслов возвращения блудного сына требовало различных образных способов» (С. 419):

[Отец] «… приведше телец упитанный заколите, и ядше веселимся: яко сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе: изгиблъ бѣ, и обрѣтеся. И начаша веселитися <…> Онъ же рече ему: чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть: возвеселитижеся и возрадовати подобаше, яко братъ твой сеи мертвъ бѣ, и оживе: и изгиблъ бѣ, и обрѣтеся» (Лк. 15: 23–24; 31–32).

«"Был мертвым и ожил" — это слова-символы, которые отражают духовную эволюцию персонажа. Слова "пропал и нашелся" передают реальный смысл того, что происходит, связаны с исчезновением и возвращением домой, то есть с движением в географическом пространстве», — отмечает А. Александров (С. 419).

Следует еще раз подчеркнуть, что символическая и географическая разновидности пространства в образной системе притчи органично связаны между собой и не существуют одна без другой. Однако между ними все же имеется и дистанция, которая позволяет отделить символистическую образность от реалистической (фактологической) и перенести в образную систему другого произведения. Таким произведением, в которое интерполирована символистическая образность, и выступает «Слово о полку Игореве». По ходу рассуждений нужно напомнить о религиозно-символическом мышлении того времени (XI–XII вв.). Поэтому использование в религиозно-символической образной системе «Слова» еще и символики христианской притчи о блудном сыне выглядит весьма естественным.

Ее введение в художественную систему «Слова», по мнению А. Александрова, «сопровождается установлением новых отношений между элементами образной системы. Символическое пространство притчи синтезируется здесь не с географическим пространством "Святой земли", а с Русской

землею и Половецкой степью. На этом основании и возникает тенденция к преобразованию одноплановой мифопоэтической образной системы в двухплановую. Способом разъединения в данном случае выступает христианская символика притчи о блудном сыне. В этом, видимо, и состоит функция этого "библейского подтекста" в "Слове о полку Игореве"» (С. 420). Иными словами, не смотря на присутствие религиозного символизма в «Слове», в нем весьма ощутима реалистическая привязанность к конкретному географическому пространству, и к конкретному историческому событию, что в корне отличает это литературно-художественное произведение от мифологического. Об этом же свидетельствует и «художественное время» «Слова».

Время в «Слове» линейно, в отличие от циклического мифологического времени, и охватывает почти два столетия. Хотя в центре повествования находятся события весны–осени 1185 г., автор делает многочисленные экскурсы в *прошлое* и *настоящее*, как он сам говорит, «свивая славы оба полы сего времени».

Для Автора «Слова», как и для всех людей того времени, прошлое — это «передние» события, «задние» события — это настоящее. Об этом свидетельствует составитель «Галицко-Волынской летописи» (XIII в.): «Хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати в *передняя*, овогда же воступати в *задняя*. Чьтыи мудрыи разумееть. Число же летомъ зде не писахомъ в *задняя* впишемь»[402]. Тогда еще прошедшее время не отделилось от настоящего и не сформировалось представление о земном будущем. «Будущий век, жизнь нетленная» — это, согласно «Слову о Законе и Благодати», вечность после Страшного суда.

Такое же представление о «двух полах времени» мы наблюдаем и в «Слове о полку Игореве». Его Автор дает представление о летах минувших, как некой обобщенной картины прошлого — времени былой славы и могущества, героизма и подвигов древнерусских князей. Былому противопоставлено настоящее, с его междоусобицами и раздо-

рами, тщеславными и эгоистичными князьями. Но и в прошлом, и в настоящем подразумеваются не символические, а реальные события. И пусть между ними все же угадывается некая символистическая соотнесенность, однако коренное различие между ними и линейность времени свидетельствует о разрушении в «Слове» цикличного мифопоэтического времени, о котором писал Б. М. Гаспаров.

Цикличное мифопоэтическое время смысловой антитезы гибель/воскресение, которая, по мнению Б. М. Гаспарова, составляет основу образной системы «Слова», как видим, разрывается настоящим с его линейной протяженностью. Настоящее складывается из отдельных отрезков времени, что присоединяются один к другому, образуя единый временной поток из прошлого в настоящее. Если циклическое время по сути своей — повторяющееся, то линейное — оригинальное, неповторимое. «Если миф — это, прежде всего, форма памяти рода, в частности, княжеского, то время Игоря скорее биографичное, нежели родовое. Чтобы понять причины своего поражения, новгород-северский князь обратился не к памяти рода, а к фактам своей жизни. То, что произошло с ним, понимается как наказание за разграбление незадолго до похода 1185 г. города Глебова»[403].

Поэтому с мнением Б. М. Гаспарова о мифопоэтическом времени как основе образной системы «Слова» весьма трудно согласиться, как, впрочем, и с тотальной мифологизацией, характерной для воззрений ученого на этот памятник древнерусской христианской словесности[404].

«В целом же, — как подвел итог своим наблюдениям А. Александров, — следует отметить, что “Слово о полку Игореве” <…> создано автором, чье мышление характеризуется редкостной даже для домонгольской литературы архаичностью» с «коллективными мифологическими представлениями о взаимоотношениях человека и природы» (С. 422). Однако «Слово», как и Евангельская притча, разрывает одноплановую мифопоэтическую образность. В нем отчетливо проступают два плана: присущий XII веку символизм и ре-

альный фактографизм. Поэтому рядом с ним исследователь осмелился поместить только «Сказание о Борисе и Глебе», которое, напомню, было написано в Выдубицком монастыре, где создано и само «Слово о полку Игореве».

Думаю, вполне возможно поставить вопрос о сложившейся в XII веке самобытной литературной школе Свято-Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве. Начала она своею деятельность в начале XII века с создания второго жития святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба («Сказанием о Борисе и Глебе») и второй редакции «Повести временных лет», а завершила XII век тремя замечательными произведениями — «Киевской летописью» и «Словом на обновление церкви св. Михаила», а также выдающимся «Словом о полку Игореве».

Библеизмы в «Слово о полку Игореве»

Первые замечания о влиянии книг Священного Писания на «Слово о полку Игореве» появились еще в XIX веке, но не нашли поддержки в ученой среде. Это и понятно: на «Слово» смотрели как на памятник светской литературы, а библейские элементы в «Слове» разрушали общие представления. Поэтому отдельные высказывания Н. Ф. Грамматина[405] и Д. Н. Дубенского[406] постарались не заметить. Как, впрочем, и уже более обстоятельно обоснованное мнение П. П. Вяземского о том, что в «Слове» «весьма заметно влияние библейского слога на выражения и обороты, в особенности же пророков, псалмов и деяний апостольских»[407]. То есть тех книг, которые часто используются в церковной практике. Значит, можно предположить, что автор «Слова» регулярно имел дело с этими книгами, и уже на основе постоянного чтения и употребления церковной лексики на службе создает свое творение, с использованием ставших привычными для него библейских выражений и лексики.

Параллелям к Священному Писанию в «Слове» уделил внимание и Е. В. Барсов, попытавшийся составить лексикологический словарь «Слова», но успел довести свою работу

только по букву «М» включительно[408]. Правда, работа эта носила бессистемный характер.

Наиболее же обстоятельно за изучение проблемы влияния книг Священного Писания на «Слово» взялся академик В. Н. Перетц. Прежде всего, он отобрал переводы и редакции книг Ветхого и Нового Заветов (Псалтирь, Пророков, Евангелия, Деяния и Послания апостолов, Апокалипсис, Паремейник) по рукописям XI–XII веков, бытовавшим на территории южной Руси, «ибо нельзя допустить, что при наличности таковых автор “Слова” и его современники стали пользоваться текстами, средактированными напр. в XIII, XIV вв. или еще позже. Сомнительно также, чтобы автор “Слова” мог быть под непосредственным влиянием древне-болгарских текстов XI в., при наличии большого количества русских, когда христианство, а с ним и книжное дело пустили прочные корни на Руси»[409].

Приведем несколько примеров, указанных В. Н. Перетцем: «истягну умь крѣпостію своею» — «истяжи мя и разумеи пути моя» (Псалт.); «луци… напряжени» — «лук напряжен», «напрягоша лукъ» в Библии; «сабли изъострени» — «стрелы сильнаго изострены» (Псалт.); «взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота» — «ты разверже источникы и потокы, ты исуши рекы Афамля» (Псалт.); «въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже» — «удовлил есть пустыню въ жажю зноя», «въ безводнѣа», «заблудиша в пустыни безводне» (Псалт.); «поостри сердца своего мужествомъ» — «поострить же гнѣвъ свои въ оружии» (Кн. Исайи), «поостриша язык свой» (Псалт.); «уныша бо градомъ забралы» –– «прѣмудрость… на краихъ же стѣнъ забралныхъ проповѣдаеться» (Пр. Сол.); «усобица княземъ на поганыя погыбе» –– «погыбе упование наше», «и рать на нечъстывыхъ погыбель» (Прит. Сол.); «затворивъ Дунаю ворота» — «заградихъ же море враты» (Кн. Иова); сравнение с орлом или с птицей встречается в книгах малых пророков; «въ полѣ безводнѣ» — «преходить сквозѣ безводьная места» (Евангелие от Матф.); «туга и тоска сыну

Глѣбову» — «скорбь и туга на всяку душю» (Апостол); «суда Божіа не минути» — «а како ты, избежиши ли суда Божия» (Апостол); «о вѣтре … насильно вѣеши» — «възвеявъшю же ветру угу» (Апостол) и т. д.[410]

В общей сложности в этой своей работе академик В. Н. Перетц привел библейские параллели к 107 словам и выражениям «Слова»[411] и сделал ряд важных для нас выводов. По его мнению, автор «Слова» не избежал влияния библейских книг. Оно проявилось в двух отношениях.

Во-первых, «приведенные параллели сближают «Слово» в отношении языка — с языком библейских книг XI–XII в., в которых довольно устойчиво вращались те же слова и те же обороты речи. Это и естественно было на заре литературного творчества. Библейские книги, как можно уже было предположить заранее, содействовали выработке стиля и словаря светской поэзии…»[412].

Наиболее близки «Слову» оказались, по наблюдению В. Н. Перетца, Псалтирь, Паремейник и Апокалипсис, с которыми у древнерусского памятника обнаружились заметные точки соприкосновения. «Это и понятно, — объясняет ученый, — книги поэтического содержания со своим всем складом речи более врезывались в память читавших и слушавших, особенно когда их изречения были изложены образно»[413].

Во-вторых, другая область, где наблюдается им «соприкосновение между «Словом» и библейскими книгами — это область общих воззрений и верований, предопределивших и использование определенных композиционных элементов в «Слове». Таковы черные тучи, идущие на полки Игоря, предтечи которых в библейской литературе нами отмечены в связи с верою в грозное зловещее значение молний и громов. Такова картина затмения — зловещей приметы, пророчащей «гнев Божий» и, стало быть, неудачу. Такова вера в сны, продиктовавшая автору «Слова» великолепное вступление…»[414].

Последовал очень важный вывод академика В. Н. Перетца: «В заключение позволим себе усумниться в том, что

в «Слове» и в летописи можно на основании изложенного искать отголосков *языческих* верований в значение затмений солнца, грозы, снов: такие популярные памятники *христианской* литературы, как пророческие книги, Евангелие и Апокалипсис, ясно указывают на источники этих верований у образованных людей на Руси (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*)»[415].

Если в своей работе «К изучению «Слова о полку Игореве»» академик В. Н. Перетц был далек «от мысли утверждать, что автор «Слова» писал свою поэму, *подражая* библейским книгам»[416] (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*), то уже спустя два года, в следующей статье на эту тему — «“Слово о полку Игореве” и исторические библейские книги» — стала заметной эволюция его взглядов. Он уже отмечает: «Этот автор (“Слова”. — *А. У.*) в своем творчестве, как и летописец, шел в колее стилистических приемов, данных библейскими книгами, используя не только детали, но и крупные композиционные единицы, встречавшиеся в богатой и разнообразной библейской письменности»[417]. Например, сравнение с быстро летающим под облаками орлом; в качестве приема повествования о победе — перечисление трофеев; воспроизведение картины боя, начинающегося на заре с плохой приметы; изображение Ярослава Осмомысла, испытавшее, по-видимому, влияние изображения сильного царя Саула, и др.

Еще через два года, в статье «“Слово о полку Игореве” и древнеславянский перевод библейских книг» (1930 г.), на основании своих новых исследований, В. Н. Перетц напишет: «Пересматривая теперь новые данные, извлеченные из пророческих книг с толкованиями, дошедших до нас в древнейшем славянском переводе, известном во многих списках, — я позволю себе еще несколько расширить мои выводы. Теперь для меня ясно, что кроме библейской лексики, кроме отдельных, случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и верований, — в «Слове» нашли себе место и другие библейские мотивы, которые

по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора «Слова». Ряд словесных формул, употребленных в «Слове» на подобие библейских, например, зачин с «лѣпо», «лѣпо ли», «луци напряжени», «Божий суд», «желѣзные путы», «главу подклонити», «затворити ворота» и пр., а равным образом ряд сравнений, общих библейским книгам и «Слову — сравнение с волком, с орлом, с птицей, охраняющей гнездо, покрывая крыльями птенцов, и т. п. — не оставляют места сомнению в том, что автор «Слова» творил в пределах стиля, данного определенной литературной традицией, коренящейся в библейской письменности. К этому же заключению приводит и наличность в «Слове» таких образов-символов, которые также были известны русскому читателю уже с XI в. из библейских книг, например, образ битвы — жатвы, облака — грядущей печали, разъясненный толкованием на пророка; образ склонившегося в знак печали дерева, образ плачущих в унынии забрал, поникнувшего веселья, падающих от печали с деревьев листьев. Не только смысл отдельных слов, употребленных в «Слове» может быть правильно истолкован на основании изучения семантики библейского языка (напр., «жалость» = рвение, ревность, «жиръ» = богатство, «жизнь» = имущество, достояние), но и ряд поэтических выражений получает свое истинное значение — лишь при освещении их параллелями из библейского текста и толкований на него, также известных на Руси с XI в., а может быть и ранее; так объясняется «ветер», — знаменующий нашествие врагов; значение «пустыни» — языческого народа; «жели» — плача и скорби; «кровавых зорь» — вестников поражения; угрожающего «шума травы» — тревожного знака; «унылого голоса труб», — как вестника угрожающего нападения врагов; «угасания света» для кн. Игоря. Также, наконец, повторяют в значительной мере библейские мотивы и такие, казалось бы бытовые, детали «Слова», как изображение смелых воинов, приглашение сесть на коней, обращение к дружине, перечень богатой добычи, описание опустевшей земли — без делателей — ра-

таев; хищные птицы, поедающие трупы павших; изображение плачущих жен, торжествующего победу пения «красных дев»; смена хвалы на хулу»[418].

Кроме перечисленных «стилистических и, главным образом, словарных совпадений, есть и еще одна сторона, заслуживающая, — по мнению академика, — внимания: в Паремейнике древне-русский читатель находил неоднократно указания на пророческое *значение* помрачения солнца и луны. В извлечениях из прор. Исаии он читал: «Плачитеся: близь бо день Господень и скрушенье от Бога придеть, сего ради всяка плоть раслабляеть и вьсяка душа человечьска убоится. И поскорбять другъ къ другу и ужаснутся, и лица ихъ аки пламы пременятся. Се бо день Господень <грядетъ> положити вселеную всю пусту и грешники <потребити> с нею. *Звезды* бо небесныя и кружилья и вся тварь небесная *света не просияють*. И *помертнеть солнце* всходя, и месяць не дастъ света своего» (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*)»[419].

Исследователю важно было показать духовно-религиозный смысл знамения — затмения солнца — как предвестника гибели всего по повелению Господа. В подтверждение он приводит еще одну параллель из того же пророка Исаии: «Се бо день Господенъ грядетъ неицеленъ, яростенъ и гневенъ положити вселенуя въся пусту и грешникы въся погубити от нея. *Звезды* бо небесныя и ориони и въся лепота небесная *света своего не дадятъ и мъркнетъ сълнцу сияющу и луна не дастъ света своего*» (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*)»[420].

Соответствующие места он обнаруживает и в извлечениях из пророка Иоиля: «И да сберуться вси живущии на земли, яко *предъстоить день Господень*, яко близъ день тмы и буря и день облака и мьглы. Смятеть бо ся земля и потрясе<ть>-ся небо и *слънце померкнеть*, звезды угасять светъ свой»… «И *слънце обратит ся во тму…*» (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*)»[421].

Еще более близкое к «Слову о полку Игореве» в духовном плане он находит у пророка Амоса (VIII, 9–11): «И будет въ тъ день, глаголеть Господь, зайдет солнце пладьне

и помрькнет в день светъ. И превращу праздникы вашя *въ желю* (Эта лексема встречается и в «Слове о полку Игореве». — *А. У.*) и вся песни вашя въ плачь, и възложу на вся хребьтъ и яригъ и на всю главу плешь и положу и акы *желю* любимааго и сущия съ нимъ акы день болезньи». Приняв все это во внимание, — замечает В. Н. Перетц, — ясно, что чувствовал и Игорь, и автор «Слова», говоря «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде отъ него тьмою вся своя воя прикрыты»; ясно и то, почему презрение к этому «знамению» автор «Слова» подчеркивает, как особое геройство и неустрашимость Игоря (Выделено В. Н. Перетцем. — *А. У.*)»[422].

Я бы еще выделил «*зайдет солнце <…> и помрькнет в день светъ*» не просто как возможный источник аллюзии в «Слове», но и как образ, художественно развитый в древнерусском произведении[423]. Речь об этом уже шла выше в этой книге. Сам же В. Н. Перетц указывает еще на одну существенную смысловую параллель: «И будуть *знаменья* въ *сълнци* и луне и *на земли туга* языкомъ»[424].

Мне кажется существенно важным, что две обнаруженные им лексемы из библейских книг *желя* и *туга* присутствуют в «Слове», причем в том же самом смысловом контексте: при описании последствий пренебрежения Игорем Святославичем небесными знамениями — постигшего Русскую землю и *языка* (русского народа) сурового наказания.

Подводя итог своим находкам небесных предсказаний, В. Н. Перетц отмечает: «В ряду этих страшных знамений — страшного гнева Божия, которого, конечно, боялся древне-русский (Так. — *А. У.*) человек — стоит затмение, помрачение солнца. Оно — и в жизни играло немаловажную роль, а в литературном памятнике имело значение композиционного приема не только мотивировавшего все последующее, но и поднимавшее эмоциональную сторону изложения»[425].

Существенное смысловое значение в «Слове» имеют параллели с библейскими книгами. «Темою “Слова”, — отмечает В. Н. Перетц, — является поход русского Северского князя Игоря на врагов (половцев), кончившийся поражением

его войска и бегством остатков дружины; павшие достались в пищу птицам и зверям. В соответствие этому в древнем переводе кн. Иезекииля читаем: "И придеши от места своего, от конець северьска, тыи страны тобою, конница на конних вся, съборъ великъ и сила многа, и взидеши на люди моа Израиля, аки облаком покрыти землю, въ последняя дни будеть" (Иезек. XXXVIII, 15–16 <…>). А далее, в следующей главе пророчество называет Гога — князем северским: "Се азъ на тя, Гогъ, князя росьска, … и съберу и наставлю тя и възведу тя от концця северьска… И възведу тя на горы израилевы и истрясну ражаникъ твой от руки твоея левыя и стрелы твоа от руки твоея десъныя и поражу тя на горах израилевах, и падеши ты и вси иже у тебе, и многы страны с тобою отдадятся в множство птичьско, всему парящему и всем зверем польскым и[м] жде тя отдах на изедение; на лици полю падеши, яко азъ глаголахъ, глаголеть Аданай Господь" (Иезек. XXXIX, 1–5…). Такая же судьба, — отмечает академик, — постигла Игорево войско, о чем вспоминает и автор "Слова"»[426].

Обнаруженное В. Н. Перетцем «совпадение плана первой части «Слова» с эпизодом у пророка Иезекииля о русском северском князе, погубившем войско и давшем его на съедение птицам и зверям», наводит его на мысль о не случайном «воздействии библейского повествования» на автора «Слова», и роль этого библейского влияния для В. Н. Перетца — неоспорима[427].

Вывод для советского времени просто вызывающий! Поэтому он и остался «не замеченным», точнее сказать, не востребованным. А, может, просто не нашлось ученого такого же уровня и компетенции, как академик В. Н. Перетц.

Более того, академик В. Н. Перетц вынес и еще один ошеломляющий приговор: «…Вышеприведенные сравнения позволяют нам заключить, что мнение многих исследователей об обилии «народно-поэтических» образов, заключающихся в «Слове» — *значительно преувеличено* (Курсив мой. — *А. У.*): кое-что из явлений этого рода (битва–жатва, сравнения

с волком, орлом и др.) находят себе объяснение в древнем переводе библейских книг, т. е. имеет книжное происхождение»[428]. Приверженцы одностороннего подхода к «Слову» и его "фольклоризации", нашли в исследователе серьезного оппонента. «Автор «Слова о полку Игореве» выделяется тем мастерством, с каким он объединил традиции книжную и устную, слив их в своем неповторимом стиле, подчиненном общей идейно-художественной цели», —продолжила наблюдения своего мужа В. П. Адрианова-Перетц[429].

Следует, однако, отметить, что академик В. Н. Перетц ограничил свое исследование тем, что искал параллели к «Слову» только среди переведенных на церковнославянский язык книг Священного Писания, имевшихся в церковно-служебном обиходе XI–XII вв. И почему-то выпустил из виду, что весьма образованный автор «Слова» мог знать греческий язык и пользоваться полной Библией на греческом языке.

К сожалению, намеченное академиком В. Н. Перетцом направление в исследовании «Слова» не было в советское время продолжено. Возобладало мнение, что «Слово о полку Игореве» — это *первое* ***светское*** *поэтическое произведение* Древней Руси. Оно крепко удерживается и сейчас. Это, однако, далеко не так.

* * *

Еще одно художественно-религиозное достоинство «Слова о полку Игореве» способно указать на профессиональную деятельность Автора.

По мнению исследовательницы-музыковеда Н. С. Серегиной, специализирующейся, прежде всего, на изучении памятников ранней древнерусской гимнографии и древнерусских певческих нотаций, текст «Слова о полку Игореве» матрично родственен «с лексическим и структурно-поэтическим миром памятников переводной и отечественной гимнографии»[430].

Ее работа продолжает наметившуюся еще в XX веке традицию изучения «Слова» в его обширном гимнографическом

контексте славянской гимнографии[431]. Значение исследований В. Бирчака[432], М. Ф. Мурьянова[433], А. И. Золотухина[434], да и самой Н. С. Серегиной не ограничивается только тем, что они провели сопоставление «Слова» с произведениями гимнографии на лексическом уровне и рассмотрели структуру «Слова» «в связи с жанро- и формообразованием в гимнографии» (С. 30), и даже выявили их родственную связь, но и представили доказательства, *способствующие возвращению «Слова о полку Игореве» в привычную,* как оказывается, *для него среду церковного песнопения.* А это обстоятельство позволяет поставить вопрос и об Авторе «Слова»: мог ли светский автор боярин или просто дружинник так хорошо знать лексику и архитектонику славянской гимнографии, чтобы уподобить ей свое творение? Вопрос об авторе-язычнике в этом случае и вовсе отпадает.

Получается, что близость «Слова» к древнерусской гимнографии позволяет заключить, что его Автор был не просто книжно образованным человеком и знал церковную службу как прихожанин. Скорее всего, он имел постоянную практику богослужения, связанного с регулярным церковным песнопением, и многое знал наизусть, отсюда и схожая гимнографии лексика, и композиционное строение его творения.

По благоприятному стечению обстоятельств, гимнография Древней Руси «дошла до нас в рукописях, современных «Слову о полку Игореве» и является одним из главных составляющих его исторического художественного контекста» (С. 29). В проведенном исследовании Н. С. Серегина опиралась на Минеи служебные, Стихирари, Кондакари, Триоди XII в. Ею обнаружена не только лексическая близость, но и «структурно-композиционная общность» «Слова» с памятниками древнерусской гимнографии. «Рассмотрение композиции «Слова» в свете формообразования древнерусской и византийской певческой службы» позволило ей «выявить существенные черты сходства с гимнографическим певческим циклом» (С. 30).

Н. С. Серегина предприняла попытку реконструкции гимнографической структуры «Слова». Не вдаваясь сейчас в оценку самих результатов этой реконструкции (к реконструкциям у меня критическое отношение)[435], отмечу выявленные исследовательницей признаки гимнографического строения «Слова».

По мнению Н. С. Серегиной, «Слово о полку Игореве» «состоит из стиховых строф, сходных по типу строения с гимнографическим жанром тропарей канона, объединяющихся в «пѣснь». Канон состоит из 9 песней с пропущенной второй песнью, не пропускаемой лишь в покаянном каноне. Между тропарями одной песни канона обычно прослеживается структурное и мелодическое сходство, которое можно наблюдать с очевидностью в тех случаях, когда канон нотирован и мелодия напева выражена знаками нотации. Когда канон не нотирован, сходство тропарей определяется указанным в подзаголовке ирмосом, по образцу которого сложены тропари одной песни канона. Ирмосы, служащие образцом для тропарей песни канона, различны по протяженности и количеству строк, по напеву. Поэтому внутри песни тропари схожи по типу строения, а песни различны. Так же различны и песни (из трех или четырех стихов) в «Слове о полку Игореве», как основанные на разных интонационно-ритмических моделях. Именно поэтому не удается его отмерить “без остатка” какой-либо одной меркой», — замечает Н. С. Серегина (С. 31).

Для понимания структуры «Слова» существенно следующее обстоятельство: «Для некоторых служб были созданы по два канона, расположенных либо последовательно, либо по принципу проникающего чередования, когда после 1 песни одного канона следует 1 песнь второго, затем таким же образом чередуются следующие песни обоих канонов» (С. 31).

Проведенное Н. С. Серегиной «сравнение стихового строения «Слова о полку Игореве» с гимнографическим каноном певческой службы» позволило ей «выявить признаки двойного канона и выделить **двадцать** таких песней, каждая

из которых состоит из трех либо четырех стихов, имеющих между собой структурное сходство, как если бы они имели в своей основе один формообразующий прототип» (С. 31).

Гимнографическое строение «Слова о полку Игореве» исследовательница видит в следующей его структуре: «Первые три песни составляют Зачин, следующие три (4, 5, 6) — повествование о походе Игоря; 7 песнь посвящена "переключению" действия с современной битвы к сражениям прошлых времен и историческому анализу современных событий. Следующие три песни (8, 9, 10) возвращают к событиям Игорева похода.

Песнь 11 (Сон Святослава) определяет начало второй половины формы, песни 12, 13, 14 содержат "Злато слово" Святослава, обращенное к князьям. <…> "Злато слово", являясь центральным (в точке золотого сечения), уравновешивает всю композицию "Слова о полку Игореве"» (С. 31).

«Песни 15 и 16 посвящены историческим реминисценциям о двух полоцких князьях Изяславе и Всеславе. Каждая из них заключается особыми стихами, которые по функции в сюжете сравнимы с *кондаком*, где излагается основная сентенция произведения: после песни об Изяславе следует стих «Ярославли вси внуце и Всеславли!…» <…>, призывающий русских князей к прекращению междоусобиц. Песнь о Всеславе завершается стихом «О, стонати Русской земле…», обращенным к истокам событий, о которых повествует «Слово». Они являются резюмирующими по отношению ко всему предшествующему содержанию, после них следует драматургический перелом: плач Ярославны (17 песнь). Последние три песни составляют заключительный раздел: побег Игоря (18 песнь из 3-х стихов), диалоги Игоря и Донца, Гзы и Кончака (19 песнь из 3-х стихов), заключительное славление-эпилог (20 песнь)» (С. 32).

«В драматургии «Слова», — продолжает исследовательница, — действуют принципы симметрии и асимметрии, принцип архитектонического противовеса, принцип контраста. Например, песнь 7 (об усобицах XI в.) и песнь 17 (Плач

Ярославны) выделяются в композиции «Слова» как переключающие действие во времени, но с противоположными знаками: 7 песнь-воспоминание намеренно (а не вследствие дефектов рукописи) “вставлена” в середину Игорева похода, раздвигая настоящее время взглядом в прошлое; 17 “останавливает” время древним исцеляющим плачем» (С. 32).

Мне уже приходилось писать о ритмическом строении «Слова» и заметном делении его текста на чередующиеся длинные и короткие отрезки, как логические, так и тонические. Причем, длинная строка «Слова» содержит 15–16 слогов, а короткая — 8–11, они соотносятся друг к другу как 4:3, при этом “строфа” заканчивается безударным слогом[436].

Исследования Н. С. Серегиной значительно дополняют наши представления о песенном характере «Слова».

По ее мнению, «строение «Слова о полку Игореве» идеально равновесно во всей звуковой ткани, в созвучиях, ассонансах, композиционных арках звуков, смыслов и образов. 1 песнь из 4-х стихов (до слова “рокотаху”) можно уподобить начальным стихирам службы. 20 песнь (заключительное славление из 3 стихов) созвучна заключительному разделу службы (стихирам “на хвалитех”). Славильный финал после скорбных событий вызывает у многих исследователей сомнения в его сюжетной целесообразности. Выявление же его подобия группе из трех хвалитных стихир, замыкающих церковный певческий цикл, раскрывает эстетическую оправданность “хвалитного” финала. Тогда остальные 18 песней уподобляются **двойному покаянному канону** (по 9 песней). При такой трактовке композиции «Слова о полку Игореве» раскрывается еще один, покаянный, слой его содержания, поддерживающийся и другими контекстами, в том числе летописной статьей 1185 г. из Ипатьевской летописи, содержащей покаяние Игоря» (С. 32).

Как видим, наблюдения Н. С. Серегиной о покаянном слое в содержании «Слова» и летописной статье 1185 г. из Ипатьевской летописи согласуются и с нашими наблюдениями, высказанными выше. Важен и ее вывод об уподо-

блении структуры «Слова» **двойному покаянному канону**. В этой связи хочу обратить внимание на близость и летописной статьи, и «Слова» **покаянному канону** Андрея Критского, хотя в этих произведениях и нет прямого цитирования, одни аллюзии, но задана общая тема покаяния.

Н. С. Серегина приходит к выводу, что «музыкальные гимнографические жанры и их формообразующие композиционные стереотипы, претворяющиеся в древнерусской поэме, позволяют осмыслить ее жанровые истоки и композиционные закономерности» (С. 32). «“Слово о полку Игореве” — произведение, созданное для произнесения, и в своей словесной ткани основанное на общих законах музыкальной формы» (С. 33).

В этом и кроется ответ на вопрос: почему игумен Моисей пишет второе произведение на ту же тему о походе Игоря Святославича.

Летописная статья 1185 г. о походе князя Игоря на половцев вошла в составленную им Киевскую летопись, а затем и в Ипатьевский летописный свод, и предназначалась она для *чтения*, как и сама летопись. При ее написании игумен Моисей выступил в роли историка-летописца.

«Слово о полку Игореве» предназначалось для *произнесения*, и, создавая его, игумен Моисей выступал уже в роли витии-песнотворца. Но поскольку это не церковное песнопение, сопутствующее службе, то оно и не обрело широкую известность.

Рецепция Книги пророка Иеремии «Словом о полку Игореве»
(Эпифаническая связь реальностей в их духовном воплощении)

Ты верно видишь;
ибо Я бодрствую над словом Моим,
чтоб оно скоро исполнилось.
(Иеремия:1; 12)

Для сознания древнерусских книжников, как уже отмечалось, было характерным толковать исторические события и поступки князей посредством сопоставления с написан-

ным в Священном Писании, поскольку все происходит Божественным Промыслом, а княжеская власть воспринималась как Богом данная. «Яко же рече Исайя пророк: "Тако глаголеть Господь: "Князя азъ учиняю, священни бо суть, и азъ вожу я (их)"»[437]. Но если княжеская власть дана Богом, то, как само собой разумеющееся, и княжеское служение — это мирское служение Богу. Сводилось оно к защите Отечества (княжества), Православной веры и своего народа. Практически так поступали правоверные князья в домонгольский период, почему именно из их среды было наибольшее число святых Древней Руси. Так ли поступал Новгород-Северский князь Игорь Святославич, отправляясь в апреле-мае 1185 года в поход в Половецкую степь?

Отрадно, что Риккардо Пиккио кардинально изменил свое мнение по поводу интерпретации авторской идеи «Слова о полку Игореве». Когда он впервые издал в 1959 г. свою «Историю древнерусской литературы», а спустя девять лет переиздал ее в переработанном виде[438], то разделял традиционные взгляды на «Слово» как светское произведение. Новое представление о «Слове» сформировалось у него уже к концу 90-х годов ушедшего века, и во всей полноте представлено в статье «"Слово о полку Игореве" как памятник религиозной литературы Древней Руси»[439]. В ней он только слегка, на уровне единственной цитаты, указал на сходство одного места из Книги пророка Иеремии («И ныне для чего тебе путь в Египет, *чтобы пить воду из Нила*? и для чего тебе путь в Асирию, *чтобы пить воду из реки ее*?» (Иер. 2: 18)) и «Слова»[440], может быть потому, что тремя годами ранее мне уже приходилось писать об этой параллели и влиянии Книги пророка Иеремии на «Слово» в целом[441]. Приходится только сожалеть, что известный славист не обратил внимание на использование «Словом» значительного количества экзегез из пророка Иеремии, гораздо большего, чем приведенные им цитаты из библейских книг. Тогда бы, возможно, у него изменилось бы мнение о главном «тематическом ключе» «Слова». Даже не «ключе», а авторской ориентации на Книгу проро-

ка Иеремии в поэтическом изложении злоключений Игоря Святославича.

Выше мы уже убедились, что Автор «Слова» не случайно поместил описание затмения в самое начало своего творения, создав развернутый художественный образ. Но только ли в этом удивительном образе «дневной тьмы», поразившей природу, отразился авторский замысел? То есть, касался ли он только художественной формы, или все же ***идеи*** произведения, которая для древнерусского книжника всегда была наиважнейшей?

Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г. в «первом часу ночи», что соответствует нынешним 17 часам (затмение было в 16 ч. 48 мин. по астрономическому времени). Это время начала вечерней службы в храме, а за ней и «утрени». Службой в «первый час» начинались новые сутки. Получается, что в то время, когда в храме начиналась служба, Игорь Святославич форсирует *пограничную* реку Донец и отправляется в нечестивый поход за пределы Русской земли[442]. «О Руская земле, уже за шеломянем еси!» — сокрушенно восклицает автор «Слова».

Здесь следует напомнить, что русские князья являлись охранителями «русской идеи», сформулированной еще Иларионом Киевским в знаменитом «Слове о Законе и Благодати»: русский народ избран Богом для сохранения Благодати (Православия) до Страшного суда, как в свое время иудейский народ был избран для хранения Закона (10 заповедей) до Рождества Христова. Именно поэтому русские князья и должны были защищать *православную* Русскую землю, *православную* веру и *православный* народ!

А что делает Игорь Святославич? Он, по гордыне своей, не исполняет заповеди Божии (т. е. забывает Бога), губит православный народ и открывает «врата на Землю русскую" ее врагам. То есть, игнорирует Богом данное ему княжеское предназначение. Воистину, помрачение ума!

Судьба князя Игоря напоминает судьбу израильского царя Седекия, описанную в Книге пророка Иеремии, кото-

рый в 586 г. до Рождества Христова отправился в завоевательный поход в Египет и попал, как и Игорь Святославич, в плен. Вот здесь и следует напомнить, как это сделала Лаврентьевская летопись, что 1 мая — это день памяти пророка Иеремии, второго из так называемых *больших пророков*.

В христианском мировосприятии не бывает случайных совпадений, но во всем кроется глубокий духовно-религиозный смысл. Его и попытался выявить гениальный автор: через экзегезы (скрытые цитаты) из книги пророка Иеремии, входящей в Библию, он прослеживает реальную и духовную связь разновременных событий.

Совершенно прав Р. Пиккио, заметивший в одной из последних своих статей по «Слову о полку Игореве»: «Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в «духовный», т. е. высший, смысл текста, в котором без этого «восхождения» нам открылся бы только «исторический», т. е. буквальный и «низший», смысл»[443].

В каждом новом историческом действии видится образ первообраза — библейского со-бытия. Важно было увидеть и установить эту эпифаническую и духовную связь реальностей. Прежде всего, они присутствуют в Божественной литургии, когда здесь (в храме) и сейчас (служба ведется только в настоящем времени) происходит со-переживание событий прежде бывших в земной жизни Спасителя и Богородицы и ныне во время службы повторяющихся.

На этом же уровне эпифанического взаимодействия расценивались и исторические события. Между ними так же можно провести ретроспективную историческую аналогию[444]. В Книге пророка Иеремии говорится о целом народе и его предводителе царе Седекие, а в «Слове о полку Игореве» только об одном древнерусском князе, тем не менее, в созании Автора «Слова» их действия сопоставимы по значимости. Для него важна оценка поведения Богом поставленного князя, проведенная с помощью аналогии действительности с историей, описанной в Священном

Писании, которое есть единственный критерий оценок поступков человека[445].

Горько плачет пророк Иеремия о судьбе Израиля, отпавшего от Бога Истинного и поклонившегося языческим идолам, устремившегося к земным ценностям. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим. Но они сказали: “не пойдем”» (Иеремия: 6; 16)[446]. Тогда возвещает пророк волю Божию и предупреждает о пленении Израиля Вавилоном. Но не внемлет возгордившаяся Иудея словам пророка и сбывается прореченное о ней.

Забывает и Игорь Святославич Бога Истинного, т. е. становится по сути дела, как и его предки, язычником, а потому и выступает праправнуком языческого Даждьбога, ибо дед Игоря, Олег Святославич [Гориславич] дважды назван в «Слове» «Даждьбожьим внуком», идет за земными ценностями — славой, не внемлет предупреждению — солнечному затмению, и в результате попадает в половецкий плен. Это будто бы о нем пишет пророк Иеремия: «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся» (10; 2).

В ветхозаветных и новозаветных событиях древнерусский книжник — Автор «Слова» — увидел эпифаническую связь и провел параллель в развитии разновременных событий, а потому и попытался через скрытые экзегезы из книги пророка Иеремии прояснить их духовный смысл[447].

«Разве Израиль раб? или он домочадец? почему он сделался добычею? — Задается вопросом пророк Иеремия и констатирует: — Зарыкали на него молодые львы, подали голос свой и сделали землю его пустынею; города его сожжены, без жителей…» (2; 14–15)

Да и потомки Олега Святославича — «Ольгово хороброе гнездо» — хоть и далеко залетело в степь половецкую, но «не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный воронъ, поганый половчине!» (С. 14). А в результате

неблагочестивого похода Игоря Святославича Русская земля превращается в пустынное место: «Тогда бо по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче…» (С. 16). «Тоска разлияся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи…» (С. 18). «Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче» (С. 19). «А погани съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую» (С. 17). «А погани сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора» (С. 18).

В чем причина разорения Израиля египетским царем Навуходоносором, пленения и переселения иудейского царя Седекия в Вавилон в 586 г. до Р. Х.?

«Не причинил ли ты себе это тем, что оставил Господа Бога твоего в то время когда Он путеводил тебя? — объясняет Израилю пророк Иеремия. — И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Асирию, чтобы пить воду из реки ее?»[448] (2; 17–18).

Нил такой же символ Египта, как Великий Дон символ Половецкой степи. К нему направляет свои полки Игорь Святославич, поскольку «спалъ князю умь" и не разглядел он Божественное знамение; т. е. «очи духовные» затмило тщеславное желание князя «искусити Дону великаго». «Хочу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами, русици, … а любо испити шеломомь Дону» (С. 11).

Самовластие человека проявляется в том, что он сам, не оглядываясь на Бога, направляется свои стопы и, в результате, творит грех.

«Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» — констатирует Иеремия (10; 23). А Автор «Слова» поступками князя Игоря как бы «опровергает» слова пророка, на самом же деле, приводит примеры самовластия Игоря: «…А всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону» (С. 10). «Игорь къ Дону вои ведетъ!» (С. 12). Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!» (С. 21).

От самовластия до гордыни всего один шаг: «Накажет тебя *нечестие* твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего…» — предупреждает Иеремия (2; 19). Но не внемлет пророку Израиль, не задумывается о своем поведении и Игорь.

А вот великий киевский князь Святослав «мутен сон» видел в своем тереме, предвещавшем плач горький по воинам, и когда бояре сообщили ему весть о пленении Игоря и Всеволода Святославичей, обронил «злато слово», в котором дал схожую с Иеремией оценку поступков русских князей: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ *нечестно* одолесте, *нечестно* бо кровь поганую пролиясте» (С. 20). Оказывается, и вражескую кровь пролить можно *честно* и *нечестно*! Честно, — это когда защищаешь свой народ и Отечество, а не когда устраиваешь набег на поселения недругов, воюя с детьми и женами…

А, ведь, как все вначале благополучно складывалось! Столько уверенности было в своих силах, столько энергии, столько прыти, когда выступали русские князья в поход!

«Седлайте коней и садитесь, всадники, и становитесь в шлемах; точите копья, облекайтесь в брони» — очень похоже на «Слово», но это из Книги пророка Иеремии (46; 4). Впрочем, призыв Всеволода к своему брату Игорю в «Слове» очень близок библейскому: «Седлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни сведоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелеяни, конець копия въскръмлени, …луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени» (С. 11–12).

Русские войска переправляются во враждебную степь. Отысканы половцы. Динамика повествования нарастает: «…Выстраивайтесь в боевой порядок … все, натягивающие лук, стреляйте в него, не жалейте стрел…» — это пророк Иеремия (50; 14). Не отстает и «Слово»: «Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы…» (С. 22–23).

Еще когда Русская земля не скрылась за холмами, можно было все изменить — одуматься, возвратиться, но русские князья побоялись *человеческого бесславия*. И совершили тяжкий грех, а потому *наказание* им теперь будет уже *от Бога*: «И пошлю на них четыре рода казней, говорит Господь: меч, чтобы убивать, и псов, чтобы терзать, и птиц небесных и зверей полевых, чтобы пожирать и истреблять» (Иеремия: 15; 2–3). Природа — творение Бога — тонко чувствует *волю* своего *Создателя*: «Уже бо беды его пасетъ птиць по дубию; влъци грозу въсторожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звери зовутъ; лисици брешутъ на чръленыя щиты» («Слово», с. 13).

Однако князь Игорь не внемлет посылаемым ему предупреждениям: ни затмению, ни предостерегающему поведению животных, и ведет свои полки вглубь половецкого поля. Тогда вновь проявляется Божественная воля: Господь посылает против него более сильных противников, чтобы наказать его, но не истребить! Для Господа важно осознание грешником своего проступка и раскаяние в нем — это путь ко спасению души.

Здесь опять появляются аналогии между Книгой пророка Иеремией и «Словом». «Так говорит Господь: вот… народ великий поднимается от краев земли; держат в руках лук и копье; они жестоки и немилосердны, голос их шумит, как море, и несутся на конях, выстроены, как один человек, чтобы сразиться с тобою…» (Иеремия: 6; 22–24).

На Игоря Святославича со всех сторон идут половцы, и негде ему укрыться в чужой степи, окружили его дружинников и зажали кольцо: «…Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ Рускыя плъкы оступиша…» («Слово», с. 14). Нечто подобное уже было с Израилем: «…Ибо так говорит Господь: вот Я выброшу жителей сей земли на сей раз и загоню их в тесное место, чтобы схватили их» (Иеремия: 10; 18). Такое ощущение, что русские князья в точности повторяют и переживают библейские события.

Не о духовной ли близорукости предупреждал Израиль пророк Иеремия, которую позднее продемонстрирует и древ-

нерусский князь? «…Объявите народам, … что идут из дальней страны осаждающие и криками своими оглашают города … Как сторожа полей, они обступают его кругом, ибо он возмутился против Меня, говорит Господь. Пути твои и деяния твои причинили тебе это; от твоего нечестия тебе так горько, что доходит до сердца твоего. Утроба моя! утроба моя! скорблю во глубине сердца моего, волнуется во мне сердце мое, не могу молчать; ибо ты слышишь, душа моя, звук трубы, тревогу брани. Беда за бедою: вся земля опустошается, внезапно разорены шатры мои, мгновенно — палатки мои. Долго ли мне видеть знамя, слушать звук трубы? Это оттого, что народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют» (4; 16–22).

«Что ми шумить, что ми звенить — далече рано предъ зорями? — восклицает автор «Слова». — Игорь плъкы заворочаетъ: жаль ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы» (С. 16).

Сообразно Божией воли каждого из участников ожидает свой жребий: «…Так говорит Господь: кто обречен на смерть, иди на смерть; кто под меч — под меч; и кто на голод, — на голод; и кто в плен, — в плен» (Иеремия: 15; 3). Ему вторит «Слово»: «Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла» (С. 17). «А Игорева храбраго полку не кресити! (воскресить)» (С. 18). Вспоминается опять Иеремия: «И будут трупы народа сего пищею птицам небесным и зверям земным, и некому будет отгонять их» (7, 33). Особый жребий у русского князя, как и у иудейского царя: «Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градом забралы, а веселие пониче» (С. 19).

И дальнейшее развитие древнерусских событий предсказано пророком: «Не плачте об умершем и не жалейте о нем; но горько плачте об отходящем в плен, ибо он уже не возвратится и не увидит родной страны своей» (12; 10). Вот тут-то и вспоминается знаменитый плач Ярославны — жены князя Игоря: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале…»

Трижды автор повторяет эти слова и превращаются они в долгий плач.

На плаче жен сосредоточил свое внимание и пророк Иеремия: «Итак слушайте, женщины, слово Господа, и да внимает ухо ваше слову уст Его; и учите дочерей ваших плачу, и одна другую — плачевным песням. Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей. Скажи: так говорит Господь: и будут повержены трупы людей, как навоз на поле и как снопы позади жнеца, и некому будет собрать их» (9; 20–22).

«Жены руськыя въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати…» (С. 17).

Поражение Игоря печалью и слезами протекло по Русской земле: «А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. …А погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора» (С. 18).

Получается, как когда-то пострадал Израиль от непродуманных действий царя Седекия, так теперь из-за проступка двух князей страдает вся Русская земля. А причина всему — тщеславное желание человеческой славы: «Нъ рекосте: «Мужаимеся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами поделимъ!»…Нъ се зло…» — отмечает автор «Слова» (С. 21) и пресекает его Господь пленением русских князей. «И се Богъ, казня ны грехъ ради нашихъ, наведе на ны поганя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхом ся востягнули от злыхъ своих делъ» — замечает древнерусский летописец[449].

Смысл пленения раскрывается в книге пророка Иеремии: «И если вы скажете: «за что Господь, Бог наш, делает нам все это?», то отвечай: *так как вы оставили Меня и служили чужим богам в земле своей, то будете служить чужим в земле не вашей*» (5; 19). Но, прежде всего, это удар по гордыне.

«Я — на тебя, гордыня, говорит Господь Бог Саваоф; ибо пришел день твой, время посещения твоего. И споткнется

гордыня, и упадет, и никто не поднимет его…», — свидетельствует Иеремия (50; 31–32).

Только покаянием можно вернуть расположение Господа, о чем свидетельствует Священное Писание.

«Голос слышен на высотах, жалобный плач сынов Израиля о том, что они извратили путь свой, забыли Господа Бога своего. Возвращайтесь, мятежные дети: Я исцелю вашу непокорность. — Вот, мы идем к Тебе, ибо Ты — Господь Бог наш. Поистине, напрасно надеялись мы на холмы и на множество гор; поистине, в Господе нашем спасение Израилево!» (3; 21–23).

Прочувственно кается в своих грехах и Игорь Святославич, пребывая в плену, о чем уже говорилось выше: «Се възда ми Господь по безаконию моему, … и снидоша днесь греси мои на главу мою. Истиненъ Господь и правы суди его зело. … Но Владыко Господи Боже мой, не отрини мене до конца, но яко воля Твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ»[450].

Любовь Бога к человеку превышает многие его грехи, а потому Господь и проявляет Свое милосердие к оступившемуся: «Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду. И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщете Меня, и найдете, если взыщете Меня всем сердцем Вашим. И буду Я найден вами, говорит Господь, и *возвращу вас из плена*…» (Иеремия: 29; 11–14).

Два обстоятельства сыграли существенную роль в судьбе Игоря. Первое — молитвы за него жены и русских людей, ибо «тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы, — Руской земли безъ Игоря» (С. 30). Потому-то «…Избави и (его) Господь за молитву христианску, им же мнозе печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него»[451].

Второе — чистым, раскаявшимся сердцем взыскал Игорь Святославич Бога Истинного по словам Священного Писания: «Так говорит Господь … Бог…: исправьте пути ваши

и деяния ваши, и Я оставлю вас жить…» (Иеремия: 7; 3). Господь и вывел Игоря Святославича из половецкого плена, о чем свидетельствует «Слово»: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую…» (С. 28).

Автор Лаврентьевской повести о походе Игоря Святославича на половцев приводит еще одну библейскую ретроспективную аналогию: «…Яко и Саоулъ гони Давыда, но Богъ избави ***и*** (его. — *А. У.*), тако и сего (Игоря. — *А. У.*) Богъ избави из руку поганыхъ»[452].

Игорь достиг Дона, как и хотел, только не славным, а бесславным путем. Его путь домой лежит от Дона — реки, как символа крещения, к храму на горе в Киеве, как символу спасения.

Этим и отличается судьба Русского князя от судьбы иудейского царя: как раскаявшийся блудный сын он возвращается к своему Отцу Небесному. И смысл тогда «Слова о полку Игореве» раскрывается в евангельских словах: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лука: 15; 7). Можно вспомнить и известное на Руси выражение: виноват да повинен, Богу не противен!

ВЫДУБИЦКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Киевская летопись (или Киевский летописный свод) была составлена в самом конце XII века в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре, расположившемся на Днепровских кручах невдалеке от знаменитой Киево-Печерской лавры в урочище Выдубичи. Название «Выдубичи» происходит, по свидетельству «Повести временных лет», от места «выдыбания» на сушу деревянного идола Перуна, сброшенного в Днепр после крещения киевлян в 988 г. со Старокиевской горы, где было языческое капище.

Эта обитель была основана киевским князем Всеволодом Ярославичем, сыном Ярослава Мудрого, и строилась в 70–80-е годы XII века как семейный монастырь рядом с его княжим Красным двором, выстроенным князем Всеволодом в 1070–1077 годах и ставшим летней резиденцией киевских князей Всеволодовичей-Мономаховичей.

В 1070–1088 гг. на территории Выдубицкого монастыря был сооружен каменный Михайловский собор — церковь св. Архангела Михаила. В 1096 г. и княжий дворец, и Выдубицкий монастырь подверглись, по сообщению «Повести временных лет», половецкому разорению. Впоследствии были восстановлены.

В этой княжеской резиденции продолжали проживать потомки Всеволода Ярославича: в начале XII в. — Владимир Мономах, в середине века — Юрий Долгорукий, в конце XII в. — Рюрик Ростиславич, по заказу которого древнерусский архитектор Милонег, в крещении Петр, соорудил систему опорных стен под Михайловским собором[453]. По этому поводу игумен монастыря Моисей написал и произнес 24 сентября 1199 г. знаменитое «Слово на обновление (освящение) церкви св. Михаила», которое завершает Киевскую летопись (Киевский летописный свод)[454].

Следует отметить, что на протяжении всего XII века в Выдубицком монастыре складывалась целая литературная

школа. Для этого сложились весьма существенные предпосылки.

Выдубицкий монастырь строился Всеволодом Ярославичем в том числе (а, может быть, прежде всего!) и для монахов-греков, которые прибыли вместе с его греческой невестой Анной, дочерью византийского императора, ставшей матерью Владимира Мономаха. Поэтому Владимир Всеволодович с такой любовью и уважением относился к этому монастырю.

Естественно, что греческие монахи привезли с собой не только богослужебные книги на греческом языке, но и Библию, и святоотеческую литературу. Значит, в Выдубицком монастыре хорошо знали греческий язык, и там была библиотека, в том числе и из греческих книг.

Выдубицкий монастырь под покровительством Всеволода Ярославича, его сына Владимира и последующих Мономаховичей становится значимым культурным центром, соперничавшим с Киево-Печерским монастырем, в котором поддерживалась своя письменная традиция.

Именно в свой семейный монастырь переносит Владимир Всеволодович Мономах, ставший в 1113 г. киевским князем, из Киево-Печерской обители русское летописание, и игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр создает около 1116/1117 г. вторую редакцию «Повести временных лет», с явно выраженной симпатией к Владимиру Мономаху и антипатией к его предшественнику Святополку Изяславичу.

В частности, в летопись помещена «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского», который гостил в Выдубицком монастыре, свидетельствующая о причастности к этому преступлению князя Святополка.

С другой стороны, в летопись включено и «Поучение» Владимира Мономаха, проникнутое смирением и братолюбием. Владимир Всеволодович не мстит, а прощает черниговского князя и своего двоюродного брата Олега Святославича — убийцу своего сына. Таким же смиренным показан в Киевской летописи игумена Моисея и великий князь Рю-

рик Ростиславич — потомок Владимира Мономаха, который уступил место на Киевском престоле Святославу Всеволодовичу — потомку Олега Святославича. Налицо — явная преемственность в отношении летописцев к Мономаховичам.

Сильвестр работал над «Повестью временных лет» до своего поставления в 1118 г. епископом в город Переяславль — отчину Владимира Мономаха.

В Выдубицком монастыре между 1115–1117 годами было создано и новое житие святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба — «Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба» и составлена служба им на перенесение мощей 2 мая 1115 г.[455]

Владимир Всеволодович Мономах принимал самое активное участие в этих торжествах, и, видимо, по его поручению и были написаны и новое житие, и служба, если не самим игуменом монастыря Сильвестром, тоже участником этих событий, то, несомненно, под его непосредственным руководством[456].

«Сказание» в своей оценке деятельности Владимира Мономаха и его предшественника Святополка Изяславича сходится с «Повестью временных лет» новой редакции. Помещенный в «Сказание» рассказ «о сухорукой жене» был записан со слов игумена Лазаря, которого сменил на игуменстве в Выдубицком монастыре, а потом и на переяславской епископской кафедре в 1118 г. Сильвестр.

На эту преемственность выдубицких игуменов и на их связь с епископской кафедрой в Переяславле следует обратить особое внимание, поскольку, как мы уже видели, киевский летописец игумен Моисей был хорошо знаком с переяславской версией похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

По всей видимости, игумены Выдубицкого монастыря были людьми весьма образованными, часто — из бояр, близких Мономаховичам. Возможно, именно поэтому они становились епископами в Переяславле — родовой вотчине Мономаховичей. Например, уже упомянутый игумен Лазарь, позднее стал епископом в Переяславле. На игуменстве

в Выдубичах его сменил Сильвестр, а потом он же сменил умершего в 1117 г. епископа Лазаря и в Переяславле на епископской кафедре.

Игумен Выдубицкого монастыря Андриан поставлен Мономаховичем Рюриком Ростиславичем в 1189 г. (по Ипатьевской летописи — в 1190 г.) епископом Белгородским и Юрьевским. Важно отметить, что игумен Андриан был и духовником князя. На игуменстве в Выдубичах Андриана сменил игумен Моисей. Он-то и продолжил летописные и литературные традиции в Выдубицком монастыре. И хотя о его судьбе после 1200 г. мы ничего не знаем, своим писательским трудом он оставил о себе память у потомков.

По мнению Д. И. Иловайского, поддержанного затем практически всеми исследователями, именно игумен Моисей и был составитель всего Киевского летописного свода[457]. Время его составления академик А. А. Шахматов относил к 1198–1199 г.[458], академик Б. А. Рыбаков — к 1198 г. или около того[459], М. Д. Приселков — к 1200 г.[460]

Хочу обратить внимание на выводы М. Д. Приселкова по поводу писательской деятельности игумена Моисея: «Трудно сомневаться в том, что автором этой летописной работы 1200 г., первого киевского великокняжеского свода, был тот игумен Выдубицкого монастыря Моисей, приветственная речь которого князю Рюрику приведена под 6708 (1200) годом. В этом смысле высказывались многие историки и историки древне-русской литературы. К слову заметим, что наличие этой летописной работы, как и приветственной речи Моисея князю под 6708 г. — *дает право Моисею на известное место среди писателей XII в. в обзоре древне-русской литературы* (Выделено мной. — *А. У.*)»[461].

Самое обстоятельное изучение Киевской летописи (Киевского или Выдубицкого летописного свода) конца XII века принадлежит академику Б. А. Рыбакову. Его взгляды подробно изложены в трех монографиях, посвященных «Слову о полку Игореве», его литературному окружению и автору[462]. Исследования Б. А. Рыбакова с лингвистической точки зрения

существенно дополнены В. Ю. Франчук, резонно заметившей в своей специально этому вопросу посвященной монографии «Киевская летопись»: «Выводы историков становятся убедительными, если они подкрепляются данными языка»[463]. А данные языка, на основании исследований В. Ю. Франчук, свидетельствуют, что в конце XII века в Выдубицком монастыре работал *один летописец* — автор и составитель Киевского летописного свода и им был игумен этого монастыря Моисей[464].

Сосредоточимся на характеристике этого древнерусского писателя и составителя Киевского летописного свода и некоторых наблюдениях Б. А. Рыбакова над специфическими чертами текста самой летописи, чтобы точнее установить время работы над летописью и другими произведениями игумена Выдубицкого монастыря Моисея.

Характерные черты стиля составителя Киевского летописного свода, по мнению Б. А. Рыбакова, отчетливо стали проявляться с 1187 г. «Начиная с 1187 г., — пишет историк, — почти ежегодно все события, происходившие в Южной Руси, обозначались *по сезонам* (Здесь и далее выделено Б. А. Рыбаковым. — *А. У.*)[465]:

1187 г. «Тое же зимы…»
«Тое же осени…»
1188 г. «Тое же зимы…»
1190 г. «Тое же осени…»
1191 г. «Тое же зимы…»
«Тое же зимы…»
1192 г. «Тое же осени…»
«Тое же зимы…»
и т. д., вплоть до
1197 г. «Того же лета на зиму…»

«Все *киевские* дела 1187–1197 гг. обозначены по сезонам таким образом, что словами «того же лета» отмечались *летние* события. <…> В летописях предшествующих лет киевские авторы не отмечали сезонов. Мы получаем, таким образом, еще одно доказательство какого-то перелома в южнорусском летописании, произошедшем около 1185–1187 гг.» (С. 24).

Исследователь также отмечает, что «наиболее монолитны и однородны тексты предпоследней части свода 1187–1196 гг.» (С. 25), причем с 1187 г. выдубицкий автор «вытеснил Святославова летописца и обо всех действиях князей-соправителей (Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича. — *А. У.*), совместных и раздельных, он пишет уже один» (С. 34). Этот летописец придерживался простого мартовского стиля (С. 33).

Иными словами, ***с 1187 г. в Выдубицком монастыре стала вестись летопись***, ставшая нам известной как Киевская.

Б. А. Рыбаков первоначально допускал даже работу двух редакторов-летописцев при дуумвирате Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича (С. 34–35), но в конечном итоге, по мнению исследователя, остался один. Этот «летописец интересовался семейными делами Рюрика и церковными вопросами. Давно уже было высказано мнение, что это — сам игумен Моисей. Ему же принадлежит и заключительная речь в честь Рюрика 24 сентября 1198 г.» (С. 35).

«Важно отметить, — замечает историк, — что три последние годовые статьи Киевского свода (6705, 6706, 6707 гг. соответствуют 1197 и 1198 гг.), включая сюда и речь игумена, совершенно одинаковы как по стилю, так и по кругу интересов их автора. Рассмотрев статьи и речь, мы можем определить признаки литературного стиля и направление политических симпатий игумена Моисея, а на основании этих признаков вычленить из состава Ипатьевской летописи в других местах те статьи и редакционные вставки, которые можно считать принадлежащими перу такого интересного историка XII в., как Моисей Выдубицкий» (С. 60).

Следом за М. Д. Приселковым академик Б. А. Рыбаков выделяет «два таких признака: во-первых, приверженность автора к князьям Ростиславичам, а, во-вторых, наличие определенного штампа в некрологических записях — «приложися ко отцем своим и дедом своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому»[466] (С. 60). Б. А. Рыбаков

отмечает еще и третью авторскую особенность: летописец использует «вставные речи от лица героя. Речи-молитвы обращены непосредственно к самому Господу Богу» (С. 61). Сразу же замечу, что именно такая речь-молитва к Богу вложена в уста Игоря Святославича в повести о его походе на половцев в 1185 г., вошедшей как раз в Киевскую летопись. То есть, можно ставить вопрос или даже говорить о руке одного автора-летописца.

Разбирая заключающую Киевский свод торжественную проповедь игумена Моисея (Б. А. Рыбаков назвал ее «Песнь» Моисея), историк отмечает, что это — «незаурядное литературное произведение, интересное как по форме, так и по содержанию…» (С. 62).

Подводя итог своим наблюдениям, академик дает развернутую характеристику игумена Моисея как летописца.

«Игумен Моисей смотрит на события глазами церковника (А как он, монах, игумен, мог бы глядеть иначе? — *А. У.*), интересуется всеми церковными делами во всех деталях, не забывая даже званых обедов для духовенства; он убежденный провиденциалист, видящий во всем волю милующего и карающего Бога (Это есть и в повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. — *А. У.*). Его текст изобилует цитатами из разнообразной христианской литературы. Он, судя по его речи, уделяет внимание философским вопросам в средневековом богословском духе. *Он не чужд поэзии и* иногда *возвышается до настоящих поэтических образов* (Выделено мной. — *А. У.*), хотя чаще преобладает несколько тяжеловесная риторика. Особенностью его стиля являются вложенные в уста описываемых героев речи, обращенные к Богу. Он пользуется двумя некрологическими штампами: 1) умерший князь «злата и сребра не собирал, но давал дружине»; 2) (подмеченный Приселковым) «приложися ко отцем своим и дедом своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» (С. 64).

Только увлеченность академика Б. А. Рыбакова своей гипотезой о боярине Петре Бориславиче как летописце

и возможном авторе «Слова», не дала ему возможность пристальнее присмотреться к игумену Моисею, не только как составителю Киевского летописного свода и торжественной проповеди с похвалой князю Рюрику Ростиславичу, но, хотя бы, как возможному автору летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

Ведь, как мы уже увидели при разборе летописной повести, ее автор и «убежденный провиденциалист, видящий во всем волю милующего и карающего Бога», и в его сочинении присутствуют цитаты из Священного Писания и святоотеческой литературы, он и философ в «средневековом богословском духе», и его творение не лишено «настоящих поэтических образов», и он приводит покаянную речь-молитву Игоря Святославича, и т. д. То есть, ***неизвестный автор летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. полностью соответствует той характеристике, которую Б. А. Рыбаков дал игумену Моисею***. Почему же нельзя было уже тогда сделать соответствующие выводы или, хотя бы, предположения, что *автор летописной повести о походе князя Игоря и автор-составитель Киевской летописи игумен Моисей — это один человек*?[467] Думается, помешали этому в значительной мере убежденность историка в том, что автором «Слова» и летописной статьи мог быть только светский человек. Возможно, свою роль сыграла и советская идеология, не "допускавшая" монашеское авторство «Слова».

Игумена Моисея Б. А. Рыбаков называет просто «придворным летописцем Рюрика Ростиславича в самом прямом смысле слова», который «ограничил свой кругозор личными делами своего князя, его семейного круга и празднествами его двора в Киеве и Белгороде» (С. 64).

С этим явно ангажированным и прямолинейным выводом историка трудно согласиться. Киевская летопись второй половины 80-х и 90-х годов отражает постоянное противостояние русских князей с половцами, описывает княжеские походы и сражения, рассказывает о жизни князей не только Киевского, но и соседних княжеств, и даже сообщает о за-

хвате крестоносцами Иерусалима! Какой уж тут «семейный круг»! Да и сам Б. А. Рыбаков отмечает, что «сообщение о рождении сына Ивана у Всеволода Большое Гнездо и сообщение о смерти давнего недруга Рюрика — Ярослава Всеволодовича Черниговского, на место которого «седе на столе его *благоверный* князь Игорь Святославличь», «выходят за пределы этого узкого круга» (С. 65)[468].

Вся «беда» игумена Моисея видится в том, что он — «церковник», а академик Б. А. Рыбаков искал талантливого и не ограниченного никакими религиозными или политическими рамками автора среди светских бояр. Поэтому не только не уделил должного внимания игумену Моисею, но и постарался приуменьшить заслуги игумена Моисея и его талант. А напрасно: историк прошел мимо значительного открытия — талантливейшего, если даже не гениального писателя.

Апологет большинства идей Б. А. Рыбакова (в том числе и о «летописце» «Мстиславова племени» и возможном авторе «Слова» боярине Петре Бориславиче) украинский лингвист В. Ю. Франчук специально исследовала лексику, образные средства, «приемы организации текстового материала» Киевской летописи и считает Выдубицкого игумена Моисея как составителем всего летописного свода, так и автором заключительных летописных статей, похвалы князю Рюрику Ростиславичу и торжественного слова о завершении строительства опорной церковной стены. «Тексты Моисея Выдубицкого характеризуют его *как выдающегося художника слова*, создателя образцовых произведений древнерусского красноречия и автора религиозно-философских дополнений и вставок в чужие записи. Лингвистический анализ *подтверждает* предположение об *авторстве одного лица* (Выделено мной. — *А. У.*). Знаток церковной литературы, выдубицкий игумен и собственный рассказ строит в книжной манере, заметно отличающейся от летописного повествования»[469].

Ретроспективный характер некоторых записей 80–90-х годов Киевской летописи позволяет уточнить время их на-

писания. Мы уже обращали внимание, что летописная повесть о походе Игоря Святославича в 1185 г. на половцев, была написана не ранее возвращения Владимира Игоревича из половецкого плена в 1188 г., поскольку называет половцев сватами. Под 1188 годом рассказывается о женитьбе шестнадцатилетнего сына Рюрика Ростиславича на восьмилетней дочери Всеволода Большое Гнездо, которых венчал епископ Белгородский Максим, названный «блаженным». По мнению Б. А. Рыбакова, «это указывает на запись *после смерти* епископа. Максим умер в 1189 г.; следовательно, и запись сделана когда-то после этого года» (С. 70). То есть, уточним, уже в 90-е годы.

«Далее вплоть до 1196 г. мы не можем обнаружить следов летописных или редакционных помет Моисея, ставшего около 1189 г. игуменом Выдубицкого Михайловского монастыря», — замечает Б. А. Рыбаков (С. 70). Следовательно, ***весь текст Киевской летописи за вторую половину 80-х годов и все 90-е годы представляет единое целое, и составлен в Выдубицком монастыре в игуменство Моисея.*** Возникает вопрос: кем? Надо полагать, самим игуменом, который в это время занимался летописанием. Он не оставил «редакционных помет», поскольку сам писал эту летопись.

«Последний период литературной работы Моисея охватывает три заключительных года Киевского летописного свода — 1196–1198», представляющие собой, по мнению Б. А. Рыбакова, «летописное повествование о семейных делах Рюрика Ростиславича, написанное *целиком* одной рукой, рукой игумена Моисея» (С. 70).

Если ученым обозначен «последний период литературной работы Моисея», то, надо полагать, был и предыдущий. Поэтому с некоторыми выводами академика Б. А. Рыбакова сложно согласиться.

Он изначально предполагал, что Киевская летопись до 1196 г., с которого явственно прослеживается одна рука игумена Моисея, писалась светским лицом, а игумен лишь подверг текст предшественника редактуре и сделал религи-

озные вставки, особенно в некрологах. Это, подчеркиваю, отражение увлеченности историка поиском светского автора. На самом деле весь текст Киевской летописи второй половины 80-х годов и все 90-е годы представляется единым и написанным человеком церковным.

«При внимательном прочтении летописи Рюрика Ростиславича (Той части Киевской летописи, что составлена в Выдубицком монастыре. — *А. У.*) не находит подтверждения и тезис Б. А. Рыбакова о светском характере ее автора»[470], — замечает украинский академик П. П. Толочко.

Да и трудно себе представить, чтобы в небольшом ктиторском Выдубицком монастыре, где на протяжении всего XII века *монахами* велась литературная деятельность, длительное время *параллельно* над летописью трудился какой-то *светский* человек (а на каком основании?), причем тогда, когда в монастыре пребывал на игуменском посту талантливейший писатель, составлявший именно в это же самое время великокняжеский летописный свод Рюрика Ростиславича. То есть, два человека занимались одним и тем же трудом?! В это сложно поверить, а еще труднее — объяснить, тем более что текст Киевской летописи за вторую половину 80-х годов и все 90-е годы представляет единое целое, как полагал и сам Б. А. Рыбаков. Да и самого игумена Моисея он назвал летописцем династии Ростиславичей, уделившего внимание и самому Ростиславу, и его сыновьям Святославу, Роману, Мстиславу и Давыду[471], а это хронологически — десятилетия.

Следовательно, нет оснований вести речь о двух летописцах. Был один автор-составитель Выдубицкой (Киевской) летописи, и им был игумен Моисей. Другое дело, что он использовал в своей работе при составлении *свода* труды своих предшественников[472]. О единственном летописце свидетельствует и язык этой части Киевской летописи, как уже говорилось выше[473].

Ко всему прочему, что для нас очень важно, игумен Моисей не забывал помянуть в своей летописи добрым словом

и черниговских Святославичей — Игоря и Всеволода, героев «Слова о полку Игореве».

И еще два существенных замечания Б. А. Рыбакова об игумене Моисее. «Будучи церковником, Моисей нигде не заслоняет церковью светской власти. На видном месте у него — бояре, лепшие мужи, с которыми князья должны советоваться, думать с ними думу», в его редакторских ретроспективных вставках (а, на самом деле, всего его летописного труда) «лежит отпечаток исторической обстановки конца столетия» (С. 72).

Для нас весьма примечательным кажется отмеченное Б. А. Рыбаковым особое расположение игумена Моисея к боярам, старшей дружине, «думцам» (советникам) князя. Думается, это не случайно. Скорее всего, игумен Моисей сам когда-то принадлежал к этой среде, и мы к этому факту еще вернемся.

«Литературное наследие Моисея-летописца невелико по объему, — продолжает Б. А. Рыбаков, — но *автору нельзя отказать в яркости и талантливости. Моисей* в большей мере, чем кто-либо из современных ему летописцев, *может быть назван последователем Кирилла Туровского* (Выделено мной. — *А. У.*), риторика которого оказала влияние на летописные статьи и особенно на благодарственную кантату Моисея («Днесь отъяшася от многъ сердець помышления суетьня…»); легче всего на примере летописи Моисея можно понять примененное Кириллом Туровским сближение историков с витиями, летописцев с песнотворцами» (С. 72).

Соглашусь с оценкой творчества игумена Моисея как яркого и талантливого, и добавлю несколько своих наблюдений по этому поводу.

В поле зрения летописца за 90-е годы дважды попадает и сам игумен Моисей. Так, под 1197 г. о нем сообщается в третьем лице («Тогда же князь … созва духовный тый пиръ: епископа …, и архимандрита…, *Моисея игумена святаго Михаила Выдобычьского* и прочии игумени, и черноризьсци, и прозвутеры»), и этот факт, кажется, может свидетельствовать против его авторства, поскольку получается, что автор

говорит о себе в третьем лице. На самом деле, это как раз и является лучшим свидетельством в пользу авторства игумена Моисея, поскольку именно такая традиция повествования автора о себе в третьем лице бытовала в Древней Руси.

Мне уже приходилось писать об этом при атрибуции митрополиту Кириллу первой редакции «Летописца Даниила Галицкого» и «Повести о житии Александра Невского»[474].

В тексте «Летописца» митрополит Кирилл говорит о себе в третьем лице. В «Повести о житии Александра Невского» — и в первом, и в третьем.

Древнерусские книжники-«споведатели» (которых мы называем писателями) в своей литературной деятельности опирались на образцы и примеры Священного Писания. Так вот, ветхозаветный пророк Исаия в своей книге, хорошо известной на Руси, пишет о себе и в первом, и в третьем лицах: «И глагола *ми*: довълно ти Исаие уведе плътьскъ сынъ. ни око виде ни ухо слыша ни на сердце человеку не възиде елико уготова Богъ любящимъ и (его). И рече *ми*: възврати ся въ одежю свою, донъдеже время деянии твоихъ испълънить ся, и тъгда придеши ми семо. Си видехъ *Исаия рече* стоящимъ окрестъ его и слышавъше си предивьная, прославиша и въспеша Бога»[475].

И еще один важный пример из Книги пророка Аггея, писавшем о себе в третьем лице, поскольку его книгу цитирует в своей проповеди сам игумен Моисей: «Во второй год царя Дария… было слово Господне через Аггея пророка к Зоровавелю… (1: 1). И было слово Господне через Аггея пророка… (1: 3; 2: 20)» и др.

В новозаветный период в этой же манере написано, к примеру, Евангелие от Иоанна: «Петръ, виде *ученика*, егоже любляше Іисусъ, во следъ идуща, иже и возлеже на вечери на перси Его, и рече: Господи, кто есть предаяи тя? <…> *Сеи есть ученикъ свидетельствуяи о сихъ, иже и написа сия*: и вемъ, яко истинно есть свидетельство его» (Иоанн, 21:20; 21:24).

По всей видимости, эта манера повествования была воспринята и в Древней Руси. Заканчивая свою работу над

«Повестью временных лет» во второй половине 10-х годов XII века игумен того же Выдубицкого монастыря Сильвестр отметил: «*Игуменъ Силивестръ* святаго Михаила *написах книгы си*, Летописець, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере княжащю ему Киеве, а *мне в то время игуменящю* у святаго Михаила… а иже чьтеть кънигы сия, тъ буди *ми* въ молитвахъ»[476].

Если в завершающей надписи возможно грамматическое сочетание третьего и первого лица, то почему оно не возможно в самом тексте? А, главное, как мы видим, эта манера повествования была освоена в Выдубицком монастыре еще в начале XII века.

Примеры такого рода мы находим в исторических памятниках даже начала XVII в., написанных монахами. Скажем, в «Повести о видении мниху Варлааму в Великом Новгороде», написанной самим монахом Варлаамом. В тексте рядом присутствуют обе формы — третьего и первого лица: «Въ Великомъ Новеграде живый *некто мнихъ*, зовомыйименемъ Варлаамъ… Во единъ же день *седящу ему единому* въ келии своей въ молчании, и прииде къ нему помыслъ о погибели православныя земли Русския… И егда *помышляющу ми*, и *забыхся* въ тонце сне; и *воздремавшу ми*, и *видехъ* светъ велий неизреченъ…»[477].

Или в «Сказании» Авраамия Палицына «Сказание, что содеяшеся в дому пресвятыа и живоначалныя Троица… *того же келаря инока* Аврамца Палицына. *Предисловие… Нужда ми бысть* писати, еже содеяся во обители чюдотворца молитвами его…»[478]. «…Пришли в Троицкой Сергиев монастырь сходницы троицкие каменосечцы… з грамотами от келаря старца Авраамиа Палицына. А *пишет* в грамотах архимандриту Иасафу з братьею …»[479] и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют, что практика использования древнерусскими писателями-монахами в рассказах о себе в своих сочинениях первого и третьего лица бытовала на Руси на протяжении XII–XVII вв. и наличие ее в творении игумена Моисея, человека очень начитанного, хо-

рошо знавшего, как увидим ниже, книги Священного Писания, свидетельствует о его приверженности этой традиции[480].

Приведу теперь полностью пассаж, помещенный в Киевской летописи под 1197 г., в котором упоминается игумен Моисей: «Тогда же князь съ единомысленою княгиней и со богонабдимыми детми, и созва духовный тый пиръ: епископа Андреяна Юрьевского, епископа (В Хлеб. и Пог. списках слово "епископа" опущено. — *А. У.*) и архимандрита Василья Печерьского игумена, *Моиисея игумена святаго Михаила Выдобычьского* и прочии игумени и черноризьсци и прозвутеры и весь священицкий чинъ и учреди я, не малы дары и великими почти вся, от велихъ даже и до малыхъ, и яко ни единому же облишену быти от требующихъ» (Стлб. 706–707).

Если игумен Моисей автор этого текста, то важно отметить, что себя он, как и подобает христианину, упоминает последним, а первым — епископа Андриана, бывшего игумена Выдубицкого монастыря, и, по всей видимости, своего предшественника на этом поприще.

Другой случай упоминания игумена Моисея, теперь уже и в третьем лице, и в первом лице множественного числа, наличествует в летописи под 1199 г.: «В лето 6708. Сверши стену месяца сентября в 24 день… Въ тожъ день приеха въ манастырь великыи князь Рюрикъ кюръ Василии со христолюбивою княгинею и со сыномъ Ростиславомъ и Володимеромъ, и съ дочерью своею Передъславою… И постави кутью у святого Михаила, и молитву принесе о приятьи труда потщания своего… И створи пиръ не малъ и трапезу со приготовлениемь, и накорми игумены, и со калугеры (монахами) всими, и всякого чина церковьнаго, и подари вся яже от первыхъ даже и до последнихъ, не токмо ту сущая… И возвеселися духовно о пришедши в дело таково цесарьскои мысли его. И *игумен же Моисеи* и вся братья яже о Христе велегласно похвалиша Бога, и святого Михаила, и великого князя сдоровье, яко единими усты гляголяще…» (Стлб. 711–712).

Прерву цитирование, чтобы поделиться по ходу несколькими наблюдениями.

Во-первых, сразу же бросается в глаза близость двух отрывков с упоминанием игумена Моисея: в обоих случаях говорится о торжествах, на которых присутствовал князь Рюрик Ростиславич со своей женой и детьми. Во-вторых, князь учиняет «пир духовный» всем присутствующим: черноризцам и «всякому чину церковному». В-третьих, князь одаривает всех «от велихъ даже и до малыхъ» («от первыхъ даже и до последнихъ») подарками. Однако здесь не наблюдается буквальное копирование предыдущего текста, а творческая его переделка с сохранением общего смысла.

А дальше в летописи представлено знаменитое «Слово на обновление церкви св. Михаила» игумена Моисея, написанное от первого лица, которое и завершает Киевский летописный свод. Его мы рассмотрим отдельно немного ниже.

О чем же повествует этот Выдубицкий летописный свод, составленный (или написанный, для нас *сейчас* это не суть важно) игуменом Моисеем?

* * *

Киевский (Выдубицкий) летописный свод отразил, что естественно, историю Выдубицкого монастыря от его основания до конца XII века.

В 6578 (1070) г. была заложена церковь св. Архангела Михаила «в монастыре Всеволожем на Выдубиче».

В 6580 (1072) г. состоялось перенесение мощей святых Бориса и Глеба в воскресенье 20 мая, в котором принимал участие уже и игумен Выдубицкого монастыря Софроний.

В 6596 (1088) г. была освящена церковь св. Архангела Михаила Выдубицкого монастыря митрополитом-греком Иоанном, епископом Лукой Белгородским, епископом Исайей Ростовским. Игуменом в монастыре тогда был Лазарь. Завершение строительства храма и его освящение приходится на 100-летие крещения Руси.

По мнению украинского исследователя Леонида Маховца освящение церкви состоялось 8 ноября, в день памяти архистратига Михаила[481]. Скорее же, освящение состоялось

накануне праздника, то есть 7 ноября, а 8 ноября была уже праздничная служба. Так, в соответствии с Типиконом, поступили в случае с освящением церкви Успения Пресвятой Богородицы накануне этого праздника в Киево-Печерском монастыре в 1089 г., и церкви святых Бориса и Глеба в 1115 г. Обе церкви освящались накануне своих престольных праздников, чтобы уже на сам праздник можно было отслужить праздничную литургию. Церковный Устав не допускал две литургии — на освящение и на праздник — в один день.

6601 (1093) г. Начало княжения князя Святополка Изяславича в Киеве. Когда половцы потребовали у него дани и стали угрожать Руси, князь Святополк Изяславич послал за Владимиром Мономахом. Встреча князей состоялась после приезда Владимира в Киев в Выдубицком монастыре. Он был родным для Мономаха.

6604 (1096) г. Половцы под предводительством хана Боняка 20 июня, после разграбления Киево-Печерского монастыря, зажгли «двор Красный», то есть княжескую резиденцию, которую построил еще Всеволод Ярославич на холме над урочищем Выдубичи.

6605 (1097) г. Василько Теребовльский, союзник Владимира Мономаха, останавливался 4 ноября 1097 г. в Выдубицком монастыре, ужинал здесь, и сюда к нему прислал послов Святополк, приглашая к себе в гости. В гостях у Святополка произошло варварское ослепление Василька Теребовльского. Повесть об этом страшном преступлении, скорее всего, была написана в Выдубицком монастыре (или его выходцем) и вошла во вторую редакцию «Повести временных лет», составленную здесь около 1116 г. игуменом Сильвестром[482].

Под 6618 (1110) г. сообщается о явлении огненного столпа в Печерском монастыре 11 февраля в «первый час нощи» (около 17-ти часов), в котором увидели явление ангела, как когда-то он явился пророку Моисею в виде огненного столпа и предводил народ иудейский.

Завершается «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи припиской игумена Выдубицкого монастыря

Сильвестра: «Игуменъ Силивестръ святаго Михаила написах книгы си Летописець, надеяся от Бога милость прияти при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 1116 лето, а иже чтеть книгы сия, то буди ми въ молитвахъ» (Стлб. 286).

Далее повествование о Выдубицком монастыре ведется в Киевской летописи, составленной в Выдубицком монастыре (логичнее было бы назвать ее тогда Выдубицким летописным сводом) и вошедшей в Ипатьевский летописный свод.

6623 (1115) г. 2 мая 1115 г. состоялось перенесение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба. В этих торжествах принимал участие и игумен св. Архангела Михаила Выдубицкого монастыря Сильвестр.

6625 (1117) г. 8 сентября умер епископ Переяславльский Лазарь, и на его место поставлен 1 января 1118 г. игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр, редактор (составитель) «Повести временных лет» в этом монастыре, которая по Ипатьевскому списку завершается 1117 г.

6654 (1146) г. Начало княжения Изяслава Мстиславича, засадившего 13 августа 1146 г. в Выдубицкий монастырь Игоря Ольговича. Потом князь был перевезен в Переяславль в монастырь св. Иоанна. Летопись повествует об очередном противостоянии Мономаховичей и Ольговичей. Спустя год, 19 сентября 1147 г. киевляне устроят самосуд Игорю Ольговичу. Тело князя Игоря отвезут в киевский монастырь св. Симеона, который был основан еще его дедом Святославом Ярославичем, и считался ктиторским монастырем Ольговичей.

6666 (1158) г. В ночь с 15 на 16 мая 1157 г. умер Юрий Владимирович Долгорукий, великий князь Киевский. И положили тело его в монастыре св. Спаса на Берестове. А уже 16 мая киевляне разграбили «Красный двор» — княжескую резиденцию Мономаховичей, и другой княжий двор, который Юрий Долгорукий называл «Раем», и перебили суздальцев.

Летопись сообщает обо всех княживших в Киеве князьях, с краткой характеристикой результатов их деяний:

Изяслава Давыдовича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Владимира Мстиславича, Романа Ростиславича, Ярослава Изяславича и т. д., в основном из рода Мономаховичей.

Чем ближе ко времени работы летописца описываются события, тем больше приводится им подробностей.

Под 6683 (1175) г. подробно рассказывает об убийстве в ночь с 28 на 29 июня 1174 г. Андрея Боголюбского, сына Юрия Долгорукого, внука Владимира Мономаха.

Летом 6689 (1181) г. состоялось важное событие: в Киеве воссел Ольгович — князь Святослав Всеволодович, один из героев «Слова о полку Игореве». В этой же статье, в противостоянии с Мономаховичами, упоминается и ***Игорь Святославич***, в союзе с половцами, ***которого летописец уже теперь не выпустит из своего поля зрения до конца Киевской летописи.*** Это, как мне кажется, весьма примечательный факт, характеризующий летописца как человека весьма неравнодушного к судьбе Новгород-Северского князя Игоря Святославича.

В упомянутой летописной статье рассказывается о бегстве Игоря Святославича вдвоем с ханом Кончаком в одной лодке в Чернигов от воинов, посланных Рюриком Ростиславичем.

Хотя его воины и одержали победу, Рюрик Ростиславич ни мало не возгордился, ибо возлюбил мир паче рати, и пожелал жить с другими князьями в братолюбии, чтобы не проливать христианскую кровь и не давать возможности половцам совершать набеги на Русь.

Поэтому, обдумав и посоветовавшись со своими мужами, Рюрик Ростиславич (Мономахович) решил уступить старшинство и Киев Святославу Всеволодовичу (Ольговичу), который был старше его летами, а за собой оставил Русскую землю. Так установился дуумвират в управлении Русской землей и Киевом — Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича: «и утвердившеся крестомъ честнымъ, и тако живяста у любви и сватьствомь обоуемшеся»[483].

Упоминание здесь же о сватовстве, которое произойдет тремя годами позднее (хотя сообщается о нем под 6690/1182 г.), свидетельствует о том, что эти статьи писались гораздо позже описываемых событий, восстанавливая их.

Под 6691–6693 (1183–1185) годами рассказывается о войнах русских князей с половцами. В том числе и о походе Игоря Святославича в Половецкую степь в апреле-мае 1185 г.

Любопытно, что киевский летописец называет Святослава Всеволодовича просто князем, хотя тот и княжит в столице, а вот Рюрика Ростиславича — великим князем (Стлб. 630, 636). Это может свидетельствовать о его особом расположении к князю Рюрику Ростиславичу, владевшему Русской землею.

Составитель Киевской летописи сообщает и о смерти близких к Рюрику Ростиславичу князей, и их погребении уже в другом Киевском монастыре — Михайловском Златоверхом.

Так под 6698 (1190) г. говорится о смерти 19 апреля шурина Рюрика Ростиславича — князя Святополка Юрьевича, который был положен в церкви св. Михаила Златоверхого. И здесь же сообщается, что создал ее Святополк Изяславич, прадед Святополка Юрьевича. Эта статья заметно компилятивна. Она составлена из различных известий, касающихся также международных дел: венгерских, немецких, польских и даже уделяет внимание крестовому походу «немецкого цесаря» к Гробу Господню. И в очередной раз повествует о новых столкновениях русских князей с половцами.

В том же 1190 году Рюрик Ростиславич ставит епископом в Белгород, после смерти епископа Максима, своего духовного отца Андриана — игумена св. Архангела Михаила Выдубицкого монастыря. Его место на игуменстве займет Моисей, составитель Киевской летописи. Однако не похоже, что эта компилятивная статья принадлежит ему. Или она подверглась позднее весьма серьезной редактуре.

Рюрик Ростиславич был князем белгородским несколько раз, как и киевским, пока окончательно не занял этот великокняжеский престол после смерти 1 августа 1194 г. Святослава Всеволодовича. А вот, что правил он до лета 1201 г.

летописец не знает. Как не знает и о насильственном пострижении в 1204 г. Рюрика Ростиславича в монахи в Выдубицкий монастырь. Значит, *Киевский летописный свод был составлен* до этих событий, то есть *до 1201 года*.

Половцы постоянно беспокоили Русскую землю в 1191–1193 годах, вынуждая русских князей выступать против них.

В 6699 (1191) г. Игорь Святославич дважды ходил на половцев, и первый раз «ополонишася скотом и коньми». А вот в зимнем походе с братом Всеволодом они дошли до р. Оскола, но не дали боя многочисленным половцам и ночью поворотили обратно. Видимо, плен чему-то научил братьев Святославичей. Половцы попытались их догнать, но безуспешно.

Знаменателен сам по себе факт интереса выдубицкого летописца-игумена Моисея к походам удельного Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев.

В 6700 (1192) г. Киевский князь Святослав со сватом своим Рюриком, «совокупившеся и с братьею, стояша у Канева все лето, стерегучи земли Руские, и тако сблюдше землю свою от поганыхъ» (Стлб. 673).

А вот в 6701 (1193) г. уже появились разногласия между сватами, как стеречь землю Русскую, поскольку каждый из них преследовал свои цели, о чем и сообщает летописец.

Зачастую киевский летописец не просто сообщает о смерти князя, но и непременно указывает о его пострижении в монахи перед кончиной.

Под 6702 (1194) г. Киевский летописный свод подробно свидетельствует о последних днях разболевшегося («бе бо нечто извергълося ему на нозе») Святослава Всеволодовича Киевского, героя «Слова». Накануне праздника святых Бориса и Глеба он заехал в пятницу 22 июля в Вышгород, чтобы поклониться их святым мощам. А вот отцовской гробнице поклониться не смог, поскольку священник куда-то ушел с ключом от церкви, и больной Святослав его не дождался. И поехал князь в Киев, «не любоваше во уме своемь, яко не поклонися отню гробу». В субботу, 23 июля, в канун праздника первых русских страстотерпцев поехал в церковь

святых князей Бориса и Глеба, «яко последнюю свою службу принося», поскольку на сам праздник 24 июля у него уже не было сил выехать из нового княжеского двора, где он и отпраздновал день памяти святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

25 июля князь Святослав Всеволодович не смог встретиться со сватами своей внучки Ефимьи Глебовны и послал к ним киевских мужей. И стали покидать его силы, и «отемняющи языкъ». Он спросил у княгини своей, когда будет праздник святых семи мучеников Маккавеев (1/14 августа), поскольку отец его Всеволод Ольгович отошел к Господу на этот праздник 1.08.1146 г. Узнав, сказал княгине, что не доживет до него. И велел постричь себя в монахи (26 июля), послал посла к свату Рюрику, а на следующий день, 27 июля, преставился. И положили его в отчем св. Кирилла монастыре.

Нужно отметить, что повествователь весьма сочувственно относится к им описываемым предсмертным чувствам и поступкам Святослава Всеволодовича. Он равновелико сопереживает обоим князьям — Святославу и Рюрику, ибо хорошо их знает.

1 августа 1194 г. князь Рюрик Ростиславич торжественно въезжает в Киев, где его встречали митрополит Никифор, все игумены, и все киевляне «от мала до велика, с радостью великою». И сел Рюрик Ростиславич «на столе деда своего, и отца своего, славою и съ честью великою, и обрадовася вся Руская земля о княженьи Рюрикове. Кыяне и крестяни, и погани, зане всихъ примаше с любовью и крестьяныя, и поганыя, и не отгоняше никогоже» (Стлб. 681).

Спустя месяц наступил новый 6703 (1195) год. Рюрик Ростиславич посылает к брату своему Давыду Смоленскому посла со словами: «Се, брате, се ве осталася стареиши всехъ в Руськои земле, а поеди ко мне Кыеву что будеть на Рускои земли думы и о братьи своеи о *Володимере племени…*» (Стлб. 681). И начались пиры в Русской земле. И Давыд «с братомъ своимъ Рюрикомъ ряды вся укончя о Рускои

земле и о братьи своеи о *Володимере племени*» (Стлб. 682) и вернулся в Смоленск.

Примечательны дважды сказанные слова киевского летописца о *Владимировом племени*. Помнится, и Автор «Слова» начинал повесть свою «от старого *Владимира*, до нынешнего Игоря». Думается, что в обоих случаях подразумевалось племя Владимира Мономаха, к которому принадлежали оба князя — Рюрик и Давыд. Мономаховичи, как казалось им, прочно утвердились на Киевском престоле и в Русской земле.

В том же 6703 (1195) году «преставиля князь Всеволодъ сынъ Мьстиславль приемь мнискыи образъ» (Стлб. 682–683).

1195 год был весьма важным в судьбе Русской земли, поскольку образовывались новые княжеские связи и устанавливались новые княжеские союзы. Выстраивались и взаимоотношения Мономаховичей и Ольговичей.

Рюрик Ростиславич заставил Ярослава Всеволодовича Черниговского, Всеволода Юрьевича Суздальского и своего брата Давыда Ростиславича Смоленского крест целовать, чтобы не водили рать друг на друга. Но тою же зимою князь Ярослав Черниговский нарушил крестное целование и отправил своих воинов воевать Смоленские земли. И великому князю Рюрику Ростиславичу снова нужно было примирять князей.

«Тою же зимою», 7 марта 1195 г., преставился Глеб Юрьевич Туровский, шурин Рюрика Ростиславича. Встречали тело его в Киеве митрополит Никифор с игуменами, и князь великий Рюрик Ростиславич, и погребли тело его в церкви Св. Михаила Златоверхого (Стлб. 694).

Летом 6704 (1196) г. пришлось Рюрику Ростиславичу воевать с половцами и снова выяснять отношения с Ярославом Всеволодовичем Черниговским. И в том же году, 17 мая, умер Всеволод Святославич — «Буй-Тур» «Слова о полку Игореве». *Киевский летописец особо отмечает, что Всеволод — брат Игоря Святославича*. Следует напомнить, что, по мнению Б. А. Рыбакова, эта статья *точно принадлежит перу игумена Моисея*. Стало быть, это у Выдубицкого игумена прослежи-

вается особое отношение к героям «Слова». Вот и о Всеволоде Святославиче он пишет: не было «во Ольговичах всех удалее рожаемь и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою, и можьственою доблестью, и любовь имеяше ко всимъ. <…> И положиша его во церкви Святое Богородицы в Чернигове, *и приложиша ко отцемь своимъ, и дедомъ, давъ общии долгъ ему же нес(ть) убежати всякому роженому*» (Стлб. 696). Выделенные слова, как отметили М. Д. Приселков и Б. А. Рыбаков, ***точно*** принадлежат перу игумена Моисея.

Следовательно, это ***именно игумен Моисей демонстрирует в Киевской летописи свое особое отношение к Игорю Святославичу и героям «Слова».***

В 6704 (1196) г. Всеволод Юрьевич заставляет Ярослава Черниговского и всех Ольговичей крест целовать, и «Кыева подъ Рюриком не искати, а подъ Давыдомъ Смоленьска». А Ярослав Всеволодович, в свою очередь, заставил Всеволода и Давыда крест целовать о мире. И так «утвердишася крестомъ честнымъ» мир в Русской земле к огорчению половцев, которые «се готови и устремилися на кровопролитье» и были рады «сваде в Рускыхъ князехъ». «Избави Богъ крестянъ от рукъ нечестивыхъ и оканьныхъ Агарянъ» (Стлб. 700).

Можно сказать, что в события 1196 года вовлечены почти все князья Русской земли. Происходит их долгожданное примирение. А до этого описывались их разрозненные походы на половцев и междоусобицы.

В этой статье игумен Моисей упоминает и князя Романа Мстиславича, еще одного героя «Слова», который зимой 1196/1197 гг. ходил на ятвягов, опустошивших его волость. О том, что ятвяги приклонили свои головы под «мечи харалужные» Романа Мстиславича, говорит и «Слово о полку Игореве». Думается, что и это совпадение не случайное.

Под 6705 (1197) г. летописец (игумен Моисей) сообщает о смерти 24 апреля брата Рюрика — смоленского князя Давыда Ростиславича, также упоминаемого в «Слове», который тоже перед смертью «приимъ мнискыи чинъ, егоже желаше» (Стлб. 702). Положили тело его в монастыре св. Бориса

и Глеба, который построил его отец Ростислав Мстиславич на р. Смядыне.

«Се же благоверный князь Давыдъ возрастомъ бе средънии, образомъ лепъ, всею добродетелью украшенъ, благонравенъ, христолюбивъ, любовь имея ко всимъ <…> Манастыря набдя, и черньци утешивая, и вси игумены с любовь приимая, и взимая у нихъ благословение <…> Бе бо крепокъ на рати всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не сбираеть, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, какоже подобаеть цесаремь творити…» (Стлб. 703).

Всем преставившимся князьям выдубицкий летописец дает очень хорошие характеристики. Это типичная манера писания монаха. Примечательно, что о преставившемся князе Давыде игумен Моисей[484] пишет не в прошедшем времени, а в настоящем! Как поведал Евангелист Лука, «у Бога все живы» (Лк. 20: 38). Так же, в настоящем времени он пишет и о ранее преставившемся князе Буй-Тур Всеволоде: «…понеже бо во Ольговичехъ всихъ оудалее рожаемь и воспитаемь и возрастомъ и всею добротою и можьственою доблестью и любовь имеяше ко всимъ» (Стлб. 696).

Важное обстоятельство: и в «Слове о полку Игореве» Автор повествует об усопших князьях как о живых, в том числе и о Буй-Тур Всеволоде.

Совпадает не только интерес игумена Моисея и Автора «Слова» к одним и тем же князьям, но и манера повествования о них: о покойниках говорится в настоящем времени. Думается, что и это совпадение не случайное. Мне кажется, оно может свидетельствовать о писательской манере одного автора, написавшего и летопись, и «Слово».

Такое ощущение, что выдубицкому летописцу Моисею было важно указать о постригах князей, упомянутых в «Слове». И он это постоянно делает. Весьма вероятно, что и сам Игорь Святославич принял постриг под именем Феодосий, как о том можно судить по Любечскому синодику[485]. Тот же Любечский синодик упоминает под именем Бориса еще од-

ного участника похода 1185 г. — князя Рыльского Святослава Ольговича, племянника Игоря Святославича. Скорее всего, Борис — это его крестильное имя, но и нельзя исключать, что монашеское, полученное при постриге.

Складывается впечатление, что игумен Моисей знал всех этих князей Ольговичей еще до своего монашества, которое произошло раньше, чем у них. Он не то, чтобы оправдывался за смену своего жизненного пути с дружинника на монаха, нет, такое на Руси встречалось не редко, но не преминул воспользоваться возможностью показать, что и князья, участники злополучного похода 1185 г. Игоря Святославича на половцев, в конечном итоге, тоже постриглись в монахи. Может, конечно, это простое совпадение, но для монаха нет простых совпадений, во всем он видит Божественный Промысел.

6705 (1197) г. Рюрик Ростиславич завершил 6 декабря 1197 г. строительство каменной епископской церкви Святых Апостолов в Белгороде, где прежде княжил. Освящал ее митрополит Никифор и епископ Юрьевский Андриан, бывший игумен Выдубицкого монастыря. И созвал князь Рюрик с княгиней Анной и богонабдимыми детьми «пир духовный»: с епископом Андрианом Юрьевским, Киево-Печерским архимандритом Василием и игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем, и прочими игуменами и черноризцами.

А уже 1 января Рюрик Ростиславич завершил строительство на Новом княжеском дворе в Киеве церкви св. Василия, имя которого носил в крещении. Освятили ее митрополит Никифор и епископ Юрьевский и Белгородский Андриан.

В 6706 (1198) г., по сообщению игумена Моисея, «преставися Черниговьскыи князь Ярославъ Всеволодовичь», еще один персонаж «Слова». Черниговский епископ Порфирий с игуменами положили тело его в церкви Святого Спаса — кафедрального епископского собора. И «седе на столе его *благоверный* князь Игорь Святославичь» (Стлб. 707–708) — главный герой «Слова о полку Игореве». Это тот самый «отний златъ престолъ», к которому Бог путь указывал Иго-

рю Святославичу из половецкого плена за тринадцать лет до этого! Значит, Автор уже знал об этом вокняжении Игоря, когда творил свое «Слово».

Любопытно, что только игумен Моисей и только в своей Киевской летописи называет Игоря Святославича *благоверным* князем. Такой характеристики Новгород-Северский князь более нигде не удосужился. А вот о его смерти, последовавшей за лунным затмением, случившимся 22 декабря 1200 г., Киевская летопись не сообщает, по всей видимости, не знает. Как не знает о ней и «Слово о полку Игореве».

В тот же год великий князь Киевский Рюрик Ростиславич 10 июля заложил, а уже 24 сентября 6707 (1199) г. возвел каменную опорную стену под церковью св. Архангела Михаила в Выдубицком монастыре над Днепром. Автор обращает внимание, что церковь была построена и освящена еще боголюбивым князем Всеволодом Ярославичем пять поколений назад и дает краткую родословную Всеволодовичей-Мономаховичей: «Всеволодъ бо роди Володимера. Володимеръ же роди Мьстислава. Мьстислав же роди Ростислава. Ростислав же роди Рюрика и братью его». Для Рюрика автором находится библейская параллель: «Сеи же богомудрыи князь Рюрикъ пятыи быс(ть) от того, якоже пишеть о праведнемь Иеве от Аврама» (Иов 17: 17) (Стлб. 709).

В конечном итоге получается, что игумен Моисей воспроизводит пять колен родословной Рюриковичей от Всеволода Ярославича, основателя Выдубицкого монастыря до Рюрика Ростиславича — его нового устроителя. В рассказах о событиях начала XII века выдубицкий автор сообщает об игуменах монастыря, и завершается Киевская летопись торжественным словом самого игумена Моисея.

Этот выдубицкий летописец, которым был игумен Моисей, очень хорошо осведомлен о событиях в Киевской Руси второй половины 80-х и 90-х годов. Особенно подробно описаны им 90-е годы, до этого повествование носило эпизодический характер. Как и подобает игумену, он продемон-

стрировал независимую позицию ко всем древнерусским князьям, равно проявляя при этом свои симпатии и к Мономаховичам, и к Святославичам.

Самое же главное — игумен Моисей проследил в своей летописи судьбы всех основных князей, упоминаемых и «Словом о полку Игореве». Случайное совпадение? Не думаю. Киевскую летопись и «Слово о полку Игореве» связывает не только общее место их возникновения — Выдубицкий монастырь, но и, смею предположить, один автор.

Что об этом свидетельствует?

Во-первых, создатель «Слова о полку Игореве» — профессиональный писатель, а не автор единственного, к тому же, гениального, произведения. Игумен Моисей автор, составитель и редактор летописных статей, автор (или соавтор) летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., создатель торжественного «Слова» на праздник освящения храма, то есть профессиональный писатель, создавший талантливые произведения в различных жанрах.

Во-вторых, о Выдубицком игумене Моисее как очень талантливом и профессиональном писателе говорят все без исключения исследователи. Его основным трудом, над которым он стал работать с 1187 г. в Выдубицком монастыре, была Киевская летопись. Следует отметить, что весь текст Киевской летописи за вторую половину 80-х годов и все 90-е годы представляет единое целое, и составлен в Выдубицком монастыре в игуменство Моисея, надо полагать, им самим[486]. Кроме ее составления (и написания многих статей) ему, безусловно, принадлежат заключительные летописные статьи за 1196–1199 годы, похвала князю Рюрику Ростиславичу и торжественное «Слово» о завершении строительства опорной церковной стены Выдубицкого монастыря.

В-третьих, автор летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. полностью соответствует той характеристике, которую Б. А. Рыбаков дал игумену Моисею. Учитывая поразительную близость, которую мы

наблюдаем при сопоставлении летописной статьи 1185 г. Киевской летописи со «Словом о полку Игореве», и использование «Словом» и повестью ряда уникальных, присущих только им, деталей, можно ставить вопрос о едином их авторе — игумене Моисее. Его «авторским знаком» было использование «внутреннего монолога» героя. Такой покаянный монолог Игоря Святославича как раз и присутствует в летописной повести, а в «Слове о полку Игореве» — это авторские обращения к древнерусским князьям.

В-четвертых, начиная с 1181 и до конца Киевской летописи, игумен Моисей проявляет заметный интерес и свое особое расположение к Новгород-Северскому князю Игорю Святославичу, назвав его при восхождении в 1198 г. на Черниговский отчий престол *благоверным* князем. Такой эпитет по отношению к князю Игорю более нигде не встречается.

В-пятых, именно игумен Моисей демонстрирует в Киевской летописи, особенно в 1196–1199 гг., свое особое отношение к героям «Слова», прослеживая до конца их жизненный путь, обращая внимание на монашеский постриг многих из них. Создается впечатление, что игумен Моисей знал этих князей еще *до своего монашества*, и показывает их общий с ним путь в монахи.

В-шестых, примечательны дважды сказанные слова киевского летописца игумена Моисея о *Владимировом племени*. Напомню, что и Автор «Слова» начинал повесть свою «от старого Владимира, до нынешнего Игоря». Думается, что в обоих случаях подразумевалось племя Владимира Мономаха. К тому же, Автор «Слова» обращается с призывом именно к одиннадцати князьям *Владимирова племени*.

В-седьмых, и в Киевской летописи (летописной повести о походе Игоря Святославича), и в «Слове о полку Игореве» половцы названы “сватами”.

В-восьмых, игумен Моисей, как и Автор «Слова о полку Игореве», при описании деяний уже умерших древнерусских князей использует настоящее время. Следовательно, повествование о князьях Святославе Всеволодовиче, Буй-Туре

Всеволоде, Владимире Глебовиче и др. в настоящем времени в «Слове» не может служить датирующим признаком «Слова».

В-девятых, и игумена Моисея, и автора летописной повести о походе Игоря Святославича, и Автора «Слова» роднит общий подход в изложении событий — они выступают как их участники, о чем сами и сообщают в своих произведениях. Скорее же всего, на самом деле, это был один человек, который в трех своих творениях — летописной повести о походе князя Игоря Святославича, Киевской летописи (торжественном «Слове») и «Слове о полку Игореве» — говорит о себе как участнике описываемых событий, и этот один человек — игумен Моисей.

Далее еще будет возможность продолжить перечисление общих и объединяющих «Слово о полку Игореве» и творения игумена Моисея мест и совпадений.

* * *

В завершающей части Киевской летописи помещена торжественная проповедь игумена Моисея, которую с большим основанием можно отнести к лучшим произведениям древнерусской словесности — «Слово на обновление церкви св. Архангела Михаила»[487]. Она относится к жанру торжественных «слов» на обновление (т. е., освящение) церквей, и может рассматриваться в ряду родственных ей — знаменитых «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Слова на обновление Десятинной церкви». К тому же, игумен Моисей знал эти произведения и цитировал их[488].

Произнесена она была 24 сентября 1199 г. в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре после освящения храма св. Архангела Михаила и опорной стены под ним. По этому случаю игумен Моисей и выступил с торжественной проповедью, в которой провел параллель между происходящим в Киеве торжеством и происходившим когда-то в Иерусалиме при возведении второго храма Господня.

Любопытно, что в Книге пророка Аггея, рассказывающей о строительстве храма в Иерусалиме, дважды упоми-

нается 24 число месяца: «В двадцать четвертый день… месяца … было слово Господне…» (Агг. 2: 10). «И было слово Господне к Аггею вторично в двадцать четвертый день месяца…» (Агг. 2: 20). На Руси такие вещи не воспринимались как случайные.

Начинается торжественное слово игумена Моисея с поэтического вступления — гиперболизации происходящего: «Дивна днесь видиста очи наши, мнози бо, преже насъ бывшеи, желаше видити, яже мы видихомъ — и не ведеша и слышати не сподобишася, яже Богъ намъ дарова твоимъ княжениемь!» (Стлб. 712). (Ср. с пророком Аггеем [2: 3; 2: 9]: «… Кто остался между вами, который видел этот дом в прежней славе, и каким видите вы его теперь? <…> Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф»).

Слушатели (и читатели, поскольку проповедь первоначально писалась, а потом зачитывалась) подготавливались к восприятию чуда, которое многие рады были бы увидеть и ранее, но не смогли, а вот теперь Господь дарует это диво в княжение Рюрика Ростиславича — были выстроены опорные стены под сползающий с днепровской кручи храм св. Архангела Михаила. Сооружена твердь, воспринимаемая как духовное основание всех деяний великого князя Киевского Рюрика Ростиславича.

«Мы же, смирении, что воздамы ти противу благодеянию ти, яже твориши и створилъ еси к намъ? И самъ бо имъ не требуеши, но точию воздыхания и молитвы о здравьи и о спасеньи твоемъ. Богъ же милости воздасть ти противу трудомъ твоимъ (Как и в «Слове» митрополита Илариона. — *А. У.*), и архистратигъ Михаилъ, емуже еси послужилъ нелестно, но о Христе державно милосердуя и о всехъ» (Стлб. 712).

Одна из частей «слов на обновление» (обычно, третья) представляет собой прославление князя-устроителя храма. Игумен Моисей начинает похвальное слово с панегирика князю Рюрику Ростиславичу, не требующего за свой труд никакого вознаграждения, подчеркивая его кротость и смирение. И поэтому игумен

приподносит князю своей «грубости писание, акы даръ словесенъ на похваление добродетели, во газъфулакию (Сокровищницу. — *А. У.*) бо княжения твоего любовь и хотенье ввергъше, акы вдовица она две меднице…» (Стлб. 712–713).

Обращает на себя внимание, что игумен уже дважды использовал греческую лексику: калугер (καλος γερον — “добрый старец”) — монах, и газъфулакия (γαζοφυλαχιον) — сокровищница, хранилище, что может свидетельствовать о знании им греческого языка. А сравнение себя с бедной вдовицей, принесшей две медные монеты, говорит о знании игуменом, что вполне естественно, Священного Писания. Забегая вперед, замечу, что примеров из Священного Писания в этом небольшом творении довольно много. И не только из библейских книг, но и творений Иоанна Златоуста и Мефодия Патарского.

Игумен почитает хорошо известного на Руси за свои пророчества Мефодия Патарского: «Слову ятися о Господе дерзаемъ, то же не от скудости нашего нищетоумья, но от делъ твоихъ притчу приобретше. И со преподобнымъ Мефедьемь глаголемь, днесь бо събытье божественных словесъ его, яже положи въ своихъ ему написаниихъ вещая: “Малое небо, богомудрого душа, воину поведающи славу Божию правостью веры, и словесы истеньными, и делы добрыми. Небеса бесловесное естьство суще, и сочювьствено, и самовластно, то точью светлостью солнца, и растениемь луны, украшениемь звездъ, и непременьно храняще уставы временемь владычня повеления, поведають славу его”» (Стлб. 713).

Важно напомнить, что и ***Автор «Слова о полку Игореве» хорошо знал «Откровение» Мефодия Патарского***, откуда заимствовал образ девы Обиды[489], как и автор летописной статьи из Киевской летописи о походе Игоря Святославича на половцев. По наблюдению А. А. Пауткина, «на отдельных образах и самой горестной тональности речи Игоря (В летописной статье. — *А. У.*) могло сказаться влияние «Откровения» Мефодия Патарского…»[490].

Очень трепетно относится игумен Моисей к словесному творчеству («слову ятися о Господе дерзаемъ»), и не по скудоумию своему обращается он к авторитету Мефодия Патарского, а по своей оценке его словесного искусства и художественной образности. «Богомудрого душа» — это «малое небо», она «сочувственная и самовластная», а сами небеса — есть бессловесное естество, и как небо украшается светом солнца, возрастанием луны, блеском звезд, так душа украшается хранением заповедей, не подвластных времени.

В тот день воплотились «божественные словеса» делами добрыми, князя Рюрика Ростиславича.

«Яко же всимъ добре смотрящимъ Творца о томъ похвалити добраго ради уряжения зде же преболе намъ того о тобе являеться: словеса бо честна, и дела благолюбна, и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звездъ небесныхъ, не токмо в Рускыхъ концехъ ведома, но и сущимъ в море далече. Во всю бо землю изиидоша, по пророку, богомирная словеса твоя, христолюбовная дела, ими же о всихъ владыка твои славиться» (Стлб. 713).

«Честные слова» о «делах боголюбивых» провозглашает игумен созидателю самовластной Русской державы, которая ведома во всех концах земли и в море далече, киевскому князю Рюрику. Здесь наблюдается аллюзия с похвалой митрополита Илариона князю Владимиру Святославичу, крестителю Руси, в «Слове о Законе и Благодати»[491].

Как и митрополит Иларион, игумен Моисей опирается в своем творении на Священное Писание и, следуя древнерусской традиции, искусно вплетает изречения из него в торжественное слово, тем самым, усиливая его весомость.

Он цитирует Евангелиста Матфея, чтобы подчеркнуть значимость княжеских дел: «Дела ваша добрая прославять Отца вашего, иже есть на небесехъ» (Матф.: 5; 16).

Сопоставляет князя Рюрика с пророком Моисеем, который вывел иудеев из египетского рабства (Исх.: 42; 15): «обретша тя проводника, яко Моисеа, новыи сии Израиль

изводящага из работы немилосердья», а князь вывел своих подданных «из мрака скудости».

Сравнивает себя с Мариам — сестрой Моисея и Аарона, которая при исходе иудеев из Египта последовала за Моисеем и при переходе через Чермное море стала во главе еврейских женщин, с тимпанами и ликами прославлявших Господа: «Отселе бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания, пою ти *песнь* победную, аки Мариамъ древле» (Ср.: Исх.: 15; 21).

Здесь возникает ***аналогия и с поющими девами*** на берегу Дуная, впадающем в Черное море, ***из «Слова о полку Игореве»***, которое его Автор называл тоже *песней*.

Мастерски вкрапляет игумен Моисей в текст своей проповеди словосочетание из пророка Исаии: «Днесь, по Исаи, *понавляються острови* («добродетели его во островехъ возвестятъ [Ис.: 42; 12]; «и положу реки во острова» [Ис.: 42; 15]), а реку праведныхъ душа, видяще поновление честнаго храма Господня утвержениемь твоимъ о Господе. Яко и при Зо(ро)вавели свобожьшеися от Вавилоньска нечаяния, днесь и множество верныхъ кыянъ, и населници ихъ болше потщание и любовь ко Архистратигу Господню имети начинають, не токъмо и ради спасения своего, но и новаго ради чюдеси, иже во дни царства твоего свершися» (Стлб. 714).

Игумен Моисей демонстрирует хорошее знание библейских книг. Он проводит сравнение современных ему событий с явлениями при иудейском исходе из Египетского плена. Зоровавель — предводитель первого отряда иудеев, возвратившихся из плена Вавилонского в Иерусалим, был назначен персидским царем Киром правителем Иудеи. Во второй год возвращения Зоровавель заложил при особых торжествах (2 Парал.: 5; 11–14) основание второго Иерусалимского храма. Он был возведен на месте первого, разрушенного царем Навуходоносором, храма при содействии пророков Аггея и Захарии уже в 6-й год правления Дария (Зах.: 4; 9) и торжественно освящен при всеобщей радости народа (1 Езд.: 5; 6)[492].

Наблюдается типичная для древнерусского сознания ретроспективная историческая аналогия современных событий с библейскими.

Несколько раз подчеркивается мысль, сколь важно твердо стоять (в прямом и переносном смысле) на сооруженной князем опоре и «очима си любезно смотрящи, отвсюду веселие душе привлачаще, и мняться яко аера достигше, а тако любовью едва отходять, похваляюще богомудрество твое» (Стлб. 714).

Так захватывает дух от увиденного вокруг, и ликует душа, что присутствующим кажется, что они достигли неба, и, проникнутые любовью, нехотя уходят, прославляя божественную мудрость князя.

«*Блажении же, не видивше, но верующе*; радуються, якоже веща Соломонъ: *Похваляему праведному веселяться людье*».

В этом коротком пассаже целых две цитаты. Одна — из Евангелия от Иоанна, почти дословная: «Глагола ему Іисусъ: яко видевъ мя, верова, *блажени не видевшии, и веровавше*» («Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; *блаженны невидевшие и уверовавшие*») (Ин.: 20; 29).

Вторая — из Притчей Соломоновых, со ссылкой на Соломона, почти точная (только множественное число заменено единственным): «*Похваляемымъ праведнымъ, возвеселятся людие*» (Притчи Сол.: 29; 2).

«Днесь отъяшася от многъ сердець помышления суетьна и глаголи маловернии овии бо глаголаху, яко златомъ власомъ поверзена есть церкви от небесе, и темь же утверждена, а ови, яко поступаеть церкви в монастырь…» (Стлб. 715).

В этот торжественный день отступили мысли суетные от многих сердец, и слова маловерных, воображение которых создавало удивительные образы. Кто-то говорил, что церковь св. Архангела Михаила золотым волосом подвязана к небу, другие видели, что она сама движется в монастырь. И не было помощи в ее спасении, ибо могла сползти с горы и разрушиться.

И вот пришел тот, кому суждена «благодать и милость во преподобныхъ его и посещение во избраныхъ его (Прем.

Сол.: 3; 9)» — князь Рюрик Ростиславич. «И мы долъжнии ти милостивници, нашь приспыи господине, единомыслено суще ко избраньному сему месту надеемься, не забыти жажюще от тебе милости, якоже елень на источникы водныя» (Стлб. 715).

И завершается проповедь традиционными пожеланиями, чтобы «Богъ милости и Отець щедротамъ, и любы единочадного Сына Его, и причастье Святого Духа да будетъ съ царствомъ твоимъ» и с любимыми князем, а Архистратиг Михаил пусть покроет, как кровом, крыльями своими и сохранит «ныне и присно, и въ будущая векы. Аминь» (Стлб. 715).

По своей сути, это похвальное слово игумена Моисея венчает его многолетний рассказ-наблюдение за праведной жизнью великого князя Киевского Рюрика Ростиславича. Он милосердие и смирение проявлял по отношению к своим противникам — взял соправителем Святослава Всеволодовича из враждебной Мономаховичам княжеской династии Ольговичей, вражду князей предотвращал, и на половцев с победами ходил, а теперь — каменную твердыню под семейный монастырь заложил во спасение его главного храма…

Игумен Моисей, что о нем нам известно, — многолетний летописец и автор весьма искусного торжественного слова, т. е., профессиональный писатель. Его писательское мастерство проявляется в умении ненавязчиво использовать библейские цитаты, тонко вкрапляя их в словесную канву торжественного слова. Без этих цитат оно бы не было столь торжественным. Писательская манера игумена напоминает литературные приемы и митрополита Илариона, и епископа Кирилла Туровского, и Даниила Заточника.

Важно отметить, что имеющиеся в тексте проповеди выражения из Священного Писания не всегда представляют собой дословные цитаты из переведенных уже на церковнославянский язык библейских книг. А некоторые из этих книг, например, Премудрости Соломона, 1–3 книги Ездры, Паралипоменон тогда и вовсе еще не были переведены[493].

Следовательно, игумен Моисей пользовался греческим текстом Библии — Септуагинтой, тем более что он знал, как мы убедились выше, греческий язык[494].

Автор «Слова о полку Игореве» так же пользовался текстом Книги пророка Иеремии на греческом языке, поскольку и она не была переведена на церковнославянский язык. Это, несомненно, роднит игумена Моисея и Автора «Слова о полку Игореве».

Всеволод Ярославич, как заметил его сын Владимир, «дома сидя» сумел пять языков изучить. Без практики, и без книжного чтения сделать это было невозможно. Стало быть, в основанном и поддерживаемом Всеволодом Ярославичем, а затем и его потомками княжеском Выдубицком монастыре была собрана хорошая библиотека. По мнению Б. А. Рыбакова в этом монастыре находилась «целая историческая библиотека из рукописных летописей, которая помогла ученому игумену (Моисею. — *А. У.*) создать интереснейший сводный труд по русской истории за весь XII век. В руках составителя оказались летописи разных князей из разных княжеств. Поэтому историк конца столетия мог иной раз изобразить какое-либо отдаленное событие, ту или иную войну с разных точек зрения: и со стороны нападающих и со стороны обороняющихся или осажденных. Это приближало к объективной оценке. В Киевском своде 1198 г. отражены не только киевские события, но и дела, происходившие в Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире на Клязьме, Переяславле Русском, Рязани и в ряде других русских городов, а порой и зарубежные события вроде четвертого крестового похода Фридриха Барбароссы»[495].

Такая библиотека была и под рукой Автора «Слова о полку Игореве», поскольку только из письменных исторических источников он мог черпать знания по истории XI–XII веков, особенно по истории Мономаховичей. На основании использования одних и тех же источников двумя произведениями можно заключить, что это была одна и та же библиотека. Стало быть, Автор «Слова» трудился в Выдубицком монастыре.

Два талантливейших писателя — игумен Моисей и Автор «Слова» — трудились в одно и то же время в одном и том же монастыре, и писали об одном и том же? Или это был один человек?

Представим сопоставительную таблицу примеров, характеризующих игумена Моисея и Автора «Слова».

Игумен Моисей	**Автор «Слова»**
По своим взглядам — провиденциалист	По своим взглядам — провиденциалист («суда Божиа не минути!»)
Упоминает *Каялу* и *Жля*	Упоминает *Каялу* и *Жля*
Обращает внимание на бояр в летописи	Вспоминает дружину — бояр
Знает греческий язык	Знает греческий язык
Знает и использует Септуагинту на греческом языке	Знает и использует Септуагинту на греческом языке
Знает переяславскую летописную статью о походе Игоря Святославича из Лаврентьевской летописи и полемизирует с ней в своем Киевском своде	Знает переяславскую летописную статью о походе Игоря Святославича из Лаврентьевской летописи, полемизирует с ней в «Слове», использует подсказку о дне памяти пророка Иеремии
Вставил в свой Киевский летописный свод летописную статью о походе Игоря Святославича, скорее всего, сам ее написал	Знает летописную статью о походе Игоря Святославича из Киевского летописного свода — в развитии событий следует за ней
Участник похода Игоря Святославича	Участник похода Игоря Святославича
Описывает ключевой момент битвы Игоря с половцами в воскресенье	Вспоминает тот же ключевой момент битвы Игоря с половцами в воскресенье
Знает «Слово на обновление Десятинной церкви», в котором упоминается император Троян	Говорит о Трояне
Использовал обращения *княже*, *господине*	Использовал обращения *княже*, *господине*

Монах, игумен	По лексике и обращениям — монах, духовное лицо
Знает «Слово о Законе и Благодати» с оппозицией ветхого/нового	Выстраивает оппозицию ветхого/нового: Боян/Автор
Знал притчу о Блудном сыне	Интерпретировал притчу о Блудном сыне
«Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече…»	«Тогда великыи Святъславъ изрони злато слово слезами смешено, и рече»
Называет Рюрика Ростиславича господином (особое отношение к нему в летописи и «Слове на обновление…»)	Называет Рюрика Ростиславича господином: «Ты буи, Рюриче и Давыде! Вступита, господина, … за землю Русскую, за раны Игоревы…»
Описывает в Киевской летописи зимний поход 1196/1197 г. Романа Мстиславича на ятвягов	В «Слове» описан итог похода: «Ятвязи… сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи»
Написал свои творения в Выдубицком монастыре	Написал «Слово» в Выдубицком монастыре
Пользовался архивами Мономаховичей	Владел дополнительными сведениями о Мономаховичах
Ссылается в своей проповеди на Мефодия Патарского	Использует образ Девы-Обиды из Мефодия Патарского
Охватывает взглядом все племя Владимирово	Ведет повествование «от стараго Владимера до нынешняго Игоря»
В торжественном «Слове» указана династия Мономаховичей	Обращается с призывом к 11 князьям Мономаховичам, современным продолжателям династии
Называет хана Кончака сватом	Называет половцев сватами: «Сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую»
Говорит о песне Мариам «на брезе ставше» Чермного моря	В «Слове» девицы поют песнь на берегу Дуная, впадающего в Черное море

Мы наблюдаем не одно, и не два совпадения, а более двадцати, которые нельзя назвать случайными. Следовательно, это не два разных автора писали, а один — игумен Моисей — использовал определенные узловые точки в трех своих произведениях.

Пока не найдены доказательства того, что игумен Моисей не был Автором «Слова о полку Игореве».

* * *

Мастерство любого писателя характеризуют, в том числе, и лексические особенности и богатство языка его сочинений. В. Ю. Франчук специально исследовала стиль произведений Выдубицкого игумена Моисея и выявила целый ряд индивидуальных черт в творчестве этого древнерусского писателя.

Прежде всего, она замечает, что «стиль Моисея определяют слова и обороты, которые принято называть книжными». К книжной лексике исследовательница относит старославянизмы, заимствования с греческого и латинского языков, а так же «народно-бытовые слова типа *богъ*, *духъ*, *душа*, *грехъ*, *раи*, *молитися*, *постригтися* и др., которые с принятием христианства, — по ее мнению, — были переосмыслены. Получив новую семантику, связанную с христианской идеологией, эти слова не утратили и старых, бытовых значений, благодаря чему не вышли из народно-разговорного употребления. Отвлеченно-религиозная семантика слов *богъ*, *вера*, *душа*, *раи*, *творець* и др. позволяет рассматривать их в ряду книжной лексики»[496].

Важно отметить, что такую же лексику — *богъ*, *душа*, *грехъ, умъ, знамение, бесъ, судъ* — использует и Автор «Слова о полку Игореве». Пока это еще ни о чем не говорит. Разве что характеризует и его как человека книжного, и как приверженца народной разговорной речи, т. е., близкого к народу, знающего его фольклорную стихию.

Встречаются в произведениях игумена Моисея «семантические и словообразовательные кальки с греческого и ла-

тинского языков, т. е. слова не исконно славянские», например *Богородица*, *великомученица*, *Спаситель*.

Словоупотребления игумена Моисея исследовательница сравнивает с лексикой других составителей Киевской летописи и приходит к выводу, что главной особенностью его текстов выступает «чередование собственно летописных записей с отрывками, которые по языку соотносятся с такой жанрово-стилистической сферой, как жития» (С. 16). Этим можно объяснить употребление игуменом слов *благодать*, *добродетель*, *богомирный*, *благоверный* и др. и словосочетаний с религиозной окраской: *ангельский чинъ*, *изьбраньное стадо*, *ликъ мнишьскыи*, *мнишьскыи чинъ*, *священицкии чинъ* и др.

Игумен Моисей охотно использует в составленной им летописи библейские цитаты: «Яко же Павелъ глаголеть гордымъ Богъ противиться а смиренымъ даеть благодать»; «блажении же не видивше, но вероующе радоуться» и т. д.

Цитата из апостола Павла, по сути, отражает оценку похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., хотя она встречается в статье 1174 г., а во второй раз, с небольшой редактурой, — в оценке гордости половецкого хана Кончака под 1184 г.: «Всемилостивыи Господь Богъ гордымъ противиться и светы ихъ раздроуши»[497].

Здесь отчетливо прослеживается отношение игумена Моисея к гордыне, основанное на библейском ее понимании. Так же ее будет воспринимать и Автор «Слова о полку Игореве», по сути, и представивший ее развернутую интерпретацию в своем творении.

Иноязычная лексика представлена в произведениях игумена Моисея заимствованиями из старославянского языка (*аминь*, *монастырь*, *игуменъ*, *калоугеръ*, *трапеза*, *дьяволъ*, *апостолъ*, *икона* и др.), греческого (*аеръ*, *газъфоулакия*, *кюръ*, *талантъ*, *философствовати*), латинского (*цесарь*, *цесарьскии*). По мнению В. Ю. Франчук, «отмеченные выше слова иноязычного происхождения не составляют отличительной особенности стиля Моисея, так как встречаются у разных

авторов этого времени. Характерными для него следует признать заимствованные из церковных книг имена и собственные названия различного происхождения (греческие, латинские, древнееврейские и т. п.). В совершенстве зная события священной истории, выдубицкий игумен свободно оперирует этой лексикой в самых различных целях» (С. 19).

Иными словами, игумен Моисей предстает перед читателями как образованный человек, достаточно сведущ в книжной иноязычной лексике и книгах Священного Писания. Такую же характеристику можно смело дать и Автору «Слова о полку Игореве».

«Древнееврейские имена выдубицкий игумен нередко использует в сравнениях, намекая на те или иные религиозные события, известные его просвещенным современникам. Так, князя Рюрика он сопоставляет с *Моисеем*, который вывел еврейский народ из египетской неволи, а себя — с сестрой Моисея *Мариам*, стоящей на берегу и поющей ему песню-хвалу: обретше тя проводника, яко *Моисеа*, новыи сии Израиль, изводящаго из работы немлосрдыя и от мрака скоупости. отселе бо не на брезе ставше, но на стене твоего создания, пою ти пес(нь) победноую, аки *Мариамъ* древле» (С. 20).

Автор «Слова о полку Игореве» использует тот же прием сопоставления и сравнивает посредством экзегез поход Игоря Святославича с походом царя Седекия в Вавилон в 586 г. до Р. Х., описанном в Книге пророка Иеремии[498].

Любопытно наблюдение В. Ю. Франчук: в торжественном «Слове» на освящение церкви св. Архангела Михаила и опорной стены под ней, игумен Моисей, чтобы она звучала пафосно, «вообще отказывается от полногласных форм». Наряду с обычной летописной лексикой (*время*, *златъ*, *храмъ*, *преже*), он широко использует неполногласные формы, приближающие язык его «Слова» к нормам старославянской письменности: *брегъ*, *власъ*, *глаголати*, *мракъ*. «Даже народные предания, которые выдубицкий игумен находит нужным ввести в текст» своего торжественного «Слова», «он полностью переводит в книжный план» (С. 27–18).

В отличие от своих предшественников, игумен Моисей использует неполногласную форму существительного *время*, а вот в текстах, приписываемых Б. А. Рыбаковым боярину Петру Бориславичу, в котором он предполагал Автора «Слова», «последовательно употребляется существительное *веремя*» (С. 29).

Следует отметить, что неполногласные формы широко использует именно Автор «Слова о полку Игореве», в том числе и форму *время*: «Свивая славы оба полы сего *времени*». Следовательно, авторские предпочтения игумена Моисея ближе стилю «Слова о полку Игореве», нежели боярина Петра Бориславича.

Игумен Моисей охотно и много использует образные средства в своих произведениях: ***эпитеты*** (туга *люта*, печаль *велика*, плачъ *великыи*), ***сравнения*** (*яко подобает цесаремь творити*; *акы вдовица она*; *якоже елень на источникы водныя*), ***метафоры***. «Слово» игумена Моисея, по наблюдению В. Ю. Франчук, «будучи по жанру памятником ораторской прозы, полностью строится на метафорах и сравнениях, перерастающих в гиперболу[499]. Уподобляя себя пророку, Моисей приравнивает построение монастырской стены к чуду. Любовь и милость инициатора постройки князя Рюрика он сравнивает с двумя лептами, которые бедная вдова пожертвовала в сокровищницу храма. Далее проводится мысль, будто в княжестве Рюрика осуществилось пророчество Мефодия Патарского, ибо душа князя подобна «малому небу», то есть обиталищу Бога, которое всегда «поведающи славу Божию» и т. д. (С. 38).

В качестве стилистических фигур выдубицкий игумен использует ***риторический вопрос***: «мы же смирении, что воздадим ти противоу благодеянию ти?»; ***анафору***: «*днесь* видиста очи наши», «*днесь* бо сбытье божественных словес его…»; ***антитезу***: «мнози бо преже насъ, бывшеи желаше видити яже мы видихомъ, и не ведеша и слышати не сподобишася»; ***перифразу***: «приложивъся къ отцемъ своимъ» (С. 43–45). Использование всех этих художественных тропов и приемов свидетельствуют о писательском мастерстве игу-

мена Моисея, и мы вправе говорить о нем как о высокопрофессиональном, талантливом писателе.

И автор Киевской летописной статьи о походе Игоря Святославича использует эти же литературные приемы и художественные тропы, что подтверждает ее принадлежность перу игумена Моисея. Особенно они заметны в покаянно-исповедальном монологе Игоря Святославича. ***Риторический вопрос*** применен с ***анафорой:*** «Где *ныне* возлюбленыи мои братъ? Где *ныне* брата моего сынъ? Где чадо рожения моего? Где бояре думающеи? Где мужи храборьствующеи? Где рядъ полъчныи (полченыи)? Где кони и оружья многоценьная?». ***Антитеза*** усилена ***сравнением*** (или ***уподоблением***): «Живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи, огнемь от жизни сея искушение приемши». А. А. Пауткин увидел в этой «фигуре двойного противопоставления» тип ***катахрезы*** и обращает внимание, что Георгий Хиробоска в статье «Об образех», вошедшей в Изборник» Святослава 1073 г., называет этот троп «напотребие»[500]. То есть, эти художественные тропы были известны образованному древнерусскому книжнику, то ли из древнейшей переводной поэтики, то ли из личной практики, при изучении этих приемов в торжественных словах святых отцов и проповедников. Киевский летописец еще не раз использует ***антитезу*** (противопоставление) с четырехкратным риторическим повтором: «Старце поревахоуться, оуноты же лютыя и немилостиввыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и расекаеми бывають, жены же оскверняеми». По мнению А. А. Пауткина, «словосочетание “лютыя и немилостиввыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и расекаеми”, по терминологии Хиробоска, следует отнести к “изобилию” (то есть ***плеоназму***). Этот же прием использован во фразе: “яко много убииство кровопролитие створихъ”»[501]. И хотя «речь Игоря не является самостоятельным произведением ораторского искусства, а представляет собой лишь элемент сложной структуры воинского повествования, ее можно рассматривать в контексте ораторской прозы Древней Руси»[502], что мы и сделали, сопоставив ее с ораторским словом игумена

Моисея, не увидев при этом никаких отличий в использовании художественных тропов. Несомненно, игумена Моисея с полным основанием можно назвать искусным витией.

Как и Автора «Слова о полку Игореве», который использует практически все перечисленные выше художественные тропы и приемы, и о нем сразу же, после открытия и публикации «Слова», заговорили как о высокопрофессиональном, талантливом писателе-витии.

Владели ли претендовавшие ранее на роль Автора «Слова о полку Игореве» многочисленные князья и княгини, бояре и конюшие такими же, как игумен Моисей и Автор «Слова», литературными дарованиями? Вопрос, думаю, навсегда останется риторическим.

Подводя итог своим разысканиям, В. Ю. Франчук отмечает: «Выявление языковых и стилистических особенностей произведений, принадлежащих Моисею Выдубицкому, углубляет представление об одном из наиболее образованных людей XII в.» (С. 73). Сделанные им редакторские вставки в текст своих предшественников и литературная обработка всего текста Киевского летописного свода, существенно обогатили его язык. «“Очищенный” от этих вставок язык Киевской летописи, — по мнению украинской исследовательницы, — является обычным древнерусским языком той поры, а ее авторы — киевские летописцы предстают как писатели, владевшие нормами этого языка и в меру своего таланта способствовавшие его развитию» (С. 74). Иными словами, литературный талант игумена Моисея значительно превосходил литературные способности его современников, и тем самым выделял его из среды древнерусских летописцев и писателей.

Дошедшие до нас творения Выдубицкого игумена Моисея «характеризуют его как выдающегося художника слова, создателя образцовых произведений древнерусского красноречия и автора религиозно-философских дополнений и вставок в чужие записи» (С. 74). И что для нас особенно существенно, проведенный В. Ю. Франчук лингвистический анализ приписываемых игумену Моисею летописных

текстов «подтверждает предположение об авторстве одного лица. Знаток церковной литературы, выдубицкий игумен и собственный рассказ строит в книжной манере, заметно отличающейся от летописного повествования» (С. 74).

Подведем итог наших наблюдений о древнерусском "споведателе" Выдубицком игумене Моисее.

«Слово о полку Игореве» было написано в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре. Его Автор был человеком очень образованным; знал греческий язык и работал с рукописями исторического характера в монастырской библиотеке; когда-то был хорошим воином и охотником, участвовал в походе 1185 г. Игоря Святославича на половцев; а во время написания «Слова» пребывал в монашестве в Свято-Михайловом Выдубицком монастыре. Там он узнал и подробности из жизни Мономаха и рода Мономаховичей. Думается, он был одним из тех немногочисленных русских воинов, которым удалось выжить, и в благодарность Богу за свое спасение, он постригся в монастырь, и, служа Богу словом, описал воспринятые духовными очами поход, пленение и освобождение раскаявшегося православного князя Игоря Святославича в назидание потомкам.

Такие произведения, как «Слово о полку Игореве» не возникают в одночасье, это плод многолетних раздумий и трудов, и это не единственное и не первое произведение безымянного гения.

На основании характеристики литературно-художественных достоинств «Слова» можно с уверенностью заключить, что автор — профессиональный писатель. Он хорошо знает гимнографию и законы ее построения и создает свое творение по принципу древнерусских акафистов[503]. Владеет греческим языком и знает Септуагинту, поскольку использовал в «Слове» более 70 цитат из нее и т. д.[504]

Скрупулезный анализ «Летописной статьи о походе Игоря Святославича на половцев» в 1185 г., включенной в Киевский летописный свод игумена Моисея, и самого летописного свода за 80–90-е годы XII века, а так же «Слова на освящение

24 сентября 1199 г. церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря», написанного и произнесенного игуменом Моисеем, позволяет выявить общую манеру этих его произведений и говорить об игумене Моисее как о высокоталантливом писателе.

Игуменом Выдубицкого монастыря он стал в 1189 г. В ктиторском монастыре Мономаховичей игуменами были, как правило, выходцы из бояр. Некоторые из них, как, например, игумены Лазарь и Сильвестр, позднее становились епископами в Переяславле — столице княжества Мономаховичей. Как свидетельствует вышедший из-под пера игумена Моисея Киевский летописный свод за 80–90-е годы XII в., он был близок Мономаховичам и симпатизировал Игорю Святославичу.

Комплексное исследование и сопоставление всех произведений игумена Моисея со «Словом о полку Игореве», их поразительная идейная, смысловая и лексическая связь между собой, хронологическая последовательность в написании, позволяет с большой долей вероятности говорить об игумене Моисее как Авторе «Слова о полку Игореве». Трудно себе представить, чтобы в то же самое время в Выдубицком монастыре пребывал еще один, может даже более талантливый, чем игумен, писатель, но ничего, кроме «Слова», не написавший. И так же, как и игумен Моисей, был не только спасшимся участником похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г., но и так же, как и он, постригся в монахи. Проще допустить, что ***игумен Моисей и был автором «Слова о полку Игореве»***[505].

ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРА «СЛОВА»

Прежде всего, следует обратить внимание на христианское (православное) обращение Автора к своим слушателям или читателям: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, *братие*, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ».

Итальянский профессор Риккардо Пиккио полагает даже, что это обращение было маркированным, присущим монашеской среде: «Формально фразы из "Слова" звучат ближе к традиции, в соответствии с которой *братие* понимались как члены религиозных объединений. Это не значит, что повествователь "Слова" на самом деле стремился обращаться исключительно к сообществу монахов. Тем не менее это могло означать, что он использовал маркированную формулу в духе церковной традиции и таким образом выражал согласие с особым кодом. Потерян ли этот условный знак в "Задонщине"? Или он замещен чем-то иным, но функционально равноценным? <…> Как бы то ни было, есть достаточные основания полагать, что значение *братие* в "Слове" изменено компиляторами "Задонщины"»[506].

Мне так же кажется, что Автор, когда создавал свое непревзойденное творение, принадлежал к монашеской среде, и для него обращение к читателям или слушателям «*братие*», шесть раз встречаемое в «Слове», было естественным[507].

Правда, некоторые исследователи (Н. В. Шарлемань, И. И. Кобзев, В. А. Чивилихин, Л. Е. Махновец, В. В. Медведев и др.), особенно в советское, да и в постсоветское время, видели в Авторе князя, обращавшемся так к другим князьям, как, например, великий князь Святослав Всеволодович в своем «золотом слове»: «А чи диво ся, *братие*, стару помолодити?..».

Однако так дважды обращается и князь Игорь Святославич ко *всем* своим *воинам*. Поскольку, как мы уже подчеркивали, княжеская власть — от Бога, а княжеское служение — это мирское служение Богу, тогда вполне логично такое

обращение Игоря Святославича к своим воинам: он обращается к ним как братьям во Христе и своим воинам-дружинникам.

Обращение Игоря Святославича «*братие*» в «Слове» — это обращение православного князя к православным воинам, а не призыв к своим единокровным братьям, как полагали выше названные исследователи.

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что в Ипатьевской летописи имеются примеры подобного обращения киевского князя Святослава Всеволодовича к другим князьям. Например, к Роману Ростиславичу: «Брате! Я не ищю под тобою ничего же…» (Стлб. 603). К Рюрику Ростиславичу: «Брате и свату! Язъ сына своего послалъ…» (Стлб. 663). К Всеволоду Юрьевичу: «Брате и сыну! Много ти есмь добра творилъ и не чаялъ есмь сякого возмедья отъ тебе» (Стлб. 619).

Комментируя приведенные примеры, В. Ю. Франчук отмечает: «Отличительной особенностью этих обращений, в полном соответствии с традициями XII века, является использование существительных, обозначающих родственные отношения, хотя на самом деле, как отмечает В. Пашуто, «термины родства уже давно стали формой вассалитета». Таким положением вещей объясняется, например, то, что в одном случае Святослав Всеволодович признает своих младших родственников Романа и Рюрика Ростиславичей равными себе «братьями», а в другом называет Всеволода Юрьевича, двоюродного дядю по матери, не только «братом», но и «сыном», подчеркивая тем самым его подчиненное положение»[508].

А вот под пером автора «Слова» эта вассальная иерархия нарушается. И это дает возможность вычленить из «золотого слова» князя Святослава обращения к древнерусским князьям самого автора. «Всеволод Юрьевич, которого летописный Святослав Всеволодович считал свои вассалом, для автора «Слова» становится великим князем, а «брат и сват» Рюрик превращается в господина-повелителя. Вот эти стро-

ки: “Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти?.. Ты буи Рюриче и Давыде! Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую…”»[509].

Именно Автор «Слова», по мнению В. Ю. Франчук, «ввел в состав обращений от своего лица термины князь и господин, которых сами повелители Руси, как правило, избегали»[510].

По мнению ряда исследователей, частое употребление слова *князь* в «Слове», в том числе и в авторских обращениях к князьям, свидетельствует о княжеском происхождения самого Автора «Слова». «Между тем, — замечает В. Ю. Франчук, — факты свидетельствуют о противном. Летописи XI–XII веков не засвидетельствовали *ни одного случая употребления слова князь при обращении самих князей друг к другу* (Выделено мной. — *А. У.*). Не встречается оно в их речи и при упоминании других лиц своей среды. Как уже отмечалось, князья использовали в таких случаях термины родства и личные имена. Зато люди, стоящие на более низкой социальной ступени, обращаясь к своим повелителям, то и дело вынуждены были употреблять термин князь. И в данном случае автор «Слова» только следовал обычаю»[511].

В этом мнении В. Ю. Франчук поддерживал Л. А. Дмитриев: «В текстах XI–XII вв. не зафиксировано ни одного случая употребления слова «князь» в обращениях князей друг к другу»[512].

Значит, Автор «Слова» не принадлежал к княжеской среде. Об этом так же свидетельствует и использование Автором «Слова» в обращении к князьям слова «господине»[513].

Следует отметить, что обращение «княже и господине», или «княже» отдельно и «господине» отдельно, в Древней Руси *было характерным для церковной среды*. И. И. Срезневский отметил, что слово «господинъ, в смысле князя и вообще властителя, присоединяется к титулу и заменяет его», и приводит в качестве примера обращение митрополита Никифора к Владимиру Мономаху: «Самъ ты еси господинъ и князь»[514].

Обращения митрополита Никифора к Владимиру Мономаху сами по себе замечательны: «Мои княже», «о княже мои благоверныи», «княже мои», «христолюбивыи княже мои», «благородныи княже»[515] и т. д.

Примечательно развернутое и витиеватое обращение епископа Даниила к Владимиру Мономаху: «…Почтеному *господьскымъ* и *царьскымъ саномъ*, <…> благочестивому, христолюбивому великому *князю…*». Или: «Молю же о семъ твое *державное царство*, да и милостивъ будеши съгрешающимъ к тобе…»[516].

В церковной среде обращение «господине» могло быть использовано даже и по отношению к ниже стоящему в монашеской иерархии человеку. Так, например, епископ Кирилл Туровский обращается к Киево-Печерскому архимандриту Василию: «Поклоняние отъ моего недостоиньства къ твоему преподобьству, *милыи мои господине*, всечестныи богоблаженыи Василие…». «О всем же семъ, *мои милыи господине* и благодетелю, не прогневаися…»[517].

Хочу обратить внимание и на слова «печатника» Кирилла, монаха, названного кандидата в митрополиты, сказанные князю Ростиславу Михайловичу в Ипатьевской летописи под 1241 г.: «Се ли твори возмездье уема своима воздобродеанье (так ты воздал своим дядьям за их добрые деяния)! Не помниши ли ся, яко король угорьскый изгналъ тя бе и земле сь отцьмь ти? Како тя воcприаста *огосподина моя*, уя (дяди) твоя, отча ти во величи чести державста, и Киевъ обечаста, тобе Луческъ вдаста, и матерь твою и сестру свою изъ Ярославлю руку изъяста и отчю ти вдаста» (Стлб. 791).

Будущий митрополит, перед своей поездкой в Никею на хиротонию, называет Даниила Галицкого и его брата Василька, которые приходились Ростиславу Михайловичу дядями, своими господинами.

Став митрополитом и соратником князя Александра Невского, митрополит Кирилл напишет «Повесть о житии Александра Невского», а в ней сообщит: «Си же вся слышахъ

от *господина* своего … Олександра и от инехь, иже в то время обретошася и в той сечи»[518].

Такое же обращение обнаруживаем и в послании преподобного Кирилла Белозерского к великому князю Василию I Димитриевичу: «… Ты, *господинъ*, приобретаешь себе великое спасение и пользу душевную этимъ смирениемъ своимъ <…> Я, грешный, съ братиею своею радъ, сколько силы будетъ, молитъ Бога о тебе, нашемъ *господине*»[519].

И, наконец, вспомним, как в своем торжественном слове на освящение церкви св. Архистратига Михаила обращался игумен Моисей Выдубицкий, современник Игоря Святославича, к великому князю Рюрику Ростиславичу: «И мы долъжнии ти милостивници, *нашь* приспыи *господине*, единомыслено суще ко избраньному сему месту надеемься, не забыти жажюще от тебе милости, якоже елень на источникы водныя» (Стлб. 715). А завершает проповедь таким же пожеланием, как и епископ Даниил желал Владимиру Мономаху, чтобы «Богъ милости и Отець щедротамъ, и любы единочадного Сына Его, и причастье Святого Духа да будетъ съ *царствомъ* твоимъ» (Стлб. 715).

Обращение игумена Моисея к князю Рюрику, как видим, в традициях церковной практики и ***тождественно авторским обращениям в «Слове»***.

Для нас весьма важен вывод В. Ю. Франчук: «Языковые данные, таким образом, не подтверждают предположение ряда исследователей, настаивающих на принадлежности автора «Слова о полку Игореве» к княжеской среде. Та специфическая терминология вассальной зависимости, которую в процессе становления Русского государства выработали его правители, оказывается чуждой речи создателя этого памятника. Обращаясь к князьям, он придерживается тех приемов, которые применяли в общении с ними бояре, дружинники и горожане»[520]. Я бы к этому перечню добавил бы еще и церковных иерархов.

Думается, нужно вести разговор не о статусе Автора, кем он был, а о том багаже знаний, которыми он владел, и попытаться понять, а где, в каком месте он мог их получить в таком объеме?

Уже давно, по сути, с самого начала изучения «Слова», исследователи обратили внимание на широкий кругозор Автора, на его хорошее знание междукняжеских отношений, военного дела, исторических преданий, да и русской истории XI — XII веков.

По наблюдениям историка В. А. Кучкина, Автор знал ряд «исторических реминисценций» XI века, о которых не упоминают летописи, причем «хронологический диапазон этих припоминаний оказывается достаточно широким: с 1022 г. по 1097 г., т. е. три четверти века»[521], при этом Автор, по мнению В. А. Кучкина «был хорошо знаком с летописными памятниками», прежде всего, конечно, «Повестью временных лет».

Давайте, вслед за В. А. Кучкиным, рассмотрим эти реминисценции.

1. В самом начале поэмы Автор сообщает, что Боян пел песню не только «храброму Мстиславу», но и «красному Романови Святъславличю». В летописных источниках эпитет «красный», т. е. красивый, по отношению к Роману отсутствует. «Очевидно, автор «Слова о полку Игореве» знал о том, что Роман Святославич был красив, не из летописи», — делает первый вывод В. А. Кучкин.

2. «Автор «Слова» знал о Мстиславе Владимировиче гораздо больше, чем написано об этом князе в его произведении. Он знал не только о победе Мстислава над Редедею, но и о княжении Мстислава в Тмуторокани, о вражде его с Ярославом. Источник этих знаний точно указан быть не может. Но им могла быть и летопись, поскольку те факты о Мстиславе, которые можно извлечь из «Слова», есть и в известных к настоящему времени летописных сводах», — делает второй вывод В. А. Кучкин.

3. «В 1094 г. Мономах, узнав о военном походе Олега из Тмуторокани, должен был позаботиться об обороне Чернигова. Согласно «Слову» он это и делал, поскольку другое значение выражения «закладывать уши» — закрывать уши,

проушины, проемы, балкой запирать ворота. Городские ворота запирались на ночь, а утром открывались. Мономах же, по «Слову», запирал ворота Чернигова уже с утра. Ни в какой летописи о мерах Мономаха по обороне Чернигова не говорится. Но в «Поучении» Мономаха сообщается, что при осаде города Олегом с половцами «бишася дружина моя с нимь 8 днии о малу греблю и не вдадуче имъ въ острогъ». Следовательно, Чернигов был действительно укреплен. Отвлеченные, казалось бы, строки поэмы отразили реалию событий 1094 г., штрих, не указанный памятниками летописания», — третье заключение В. А. Кучкина.

Существенно отметить, что эти известия можно было узнать только у Мономаховичей.

4. «Осмысляя судьбу Всеслава Полоцкого, автор «Слова» хочет сказать, что основой, опорой превращения полоцкого князя в князя киевского стали те козни против него, что совершили Ярославичи 3 июля 1067 г. Не будь их, Всеслав не смог бы вокняжиться в Киеве». В. А. Кучкин обращает внимание на предложенную еще в 1948 г. Р. О. Якобсоном конъектуру «вазни с три кусы (вместо «вознзи стрикусы»), «т. е. Всеслав добился успеха в трех попытках. В чем заключался успех, «Слово» говорит далее: «отвори врата Новуграду». Действительно, в 1067 г. Всеслав сумел на время захватить Новгород. Но при чем здесь число три? Исследователи указывали на еще одну попытку Всеслава занять Новгород в 1069 г. Всего получалось две, третьей не было. Следует, однако, напомнить, что в 1065 г. Всеслав напал на Псков, а Псков принадлежал Новгороду. Автор «Слова» знал о всех трех нападениях Всеслава на Новгород (как на территорию Новгорода, так и на сам город) и знал, что только одно нападение было успешным», — делает четвертый вывод В. А. Кучкин.

«Самое же примечательное заключается в приведенной в разделе о Всеславе фразе: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше». Выясняется, что Всеслав, стремясь удержать за собой Киев, вошел в соглашение со своими не-

давними врагами, Святославом и Всеволодом Ярославичами, отдав им Новгород и Владимир Волынский, которыми раньше распоряжался их старший брат Изяслав. И когда Изяслав с помощью поляков в 1069 г. вернул себе Киев, он уже не нашел поддержки у братьев. Через 4 года те вообще изгнали Изяслава из Киева. Свидетельство «Слова» уникально, оно раскрывает причины той борьбы за власть, которая разгорелась на Руси в конце 60-х — начале 70-х гг. XI в.»

5. «Наконец, последнее конкретное известие «Слова о полку Игореве» о событиях XI столетия помещено в самом конце поэмы, где реке Донцу, помогшей Игорю бежать из половецкого плена, противопоставлена река Стугна: «Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ». Речь идет о гибели 26 мая 1093 г. в р. Стугне бежавшего от половцев брата (по отцу) Владимира Мономаха князя Ростислава. Летопись сообщает, что Стугна тогда наводнилась, что вместе с Ростиславом реку переплывал Владимир Мономах, но он не смог помочь брату, что тело Ростислава потом нашли, принесли в Киев и все плакали "уности его ради". "Слово" не сообщает причины, по которой Ростислав должен был переправляться через Стугну, ничего не говорит о Мономахе, в иных, образных словах дает понять, что река была наводнена. Но поэма указывает и на детали, которые отсутствуют в летописи: что переправа проходила близ впадения Стугны в Днепр, что именно Днепр «затвори» князя Ростислава, причем у "темного берега", что Ростислав был юношей. Как следует из летописи, спасавшиеся от половцев Владимир и Ростислав хотели переправиться через Стугну и уйти на левый берег Днепра. Сделать это лучше всего было близ устья Стугны. Но Стугна была полноводна, имела сильное течение («худу струю») и при впадении в Днепр должна была образовывать водовороты. В один из них, очевидно, и попал Ростислав. Потом тело князя течение Днепра прибило к крутому

правому («темному») берегу реки. Все эти мелкие реалии и изложены в поэме. Реально было и определение Ростислава как юноши. Он родился в 1070 г. В год смерти ему было 22–23 года. По В. И. Далю юношей считался человек от 15 до 20 с небольшим лет. В летописи сказано, что Ростислав был оплакан «оуности его ради», однако из таких слов нельзя заключить, что погибший был именно юношей, а не отроком. Очевидно, все перечисленные детали автор поэмы почерпнул не из летописи, а из другого или других источников. А поскольку в «Слове» прямо названы песни Бояна, слагавшего славы старым князьям, их и надо считать этими источниками», — делает пятый вывод В. А. Кучкин.

Опять хочу обратить внимание, что и эти сведения можно было узнать только у Мономаховичей.

«Таким образом, — заключает В. А. Кучкин, — в «Слове о полку Игореве» при изложении далеких от его автора событий XI в. обнаруживаются разного рода детали, которые при внимательном анализе оказываются не вымышленными, придуманными, а вполне реальными. Историческая ценность таких реалий неодинакова. Красота Романа Святославича, юность Ростислава Всеволодовича, переправа его у устья Стугны добавляют штрихи к нашим представлениям о людях и событиях XI столетия, но штрихи эти весьма скромны. Иное дело свидетельства «Слова» о раздаче Всеславом Полоцким городов князьям и повелении Святополка Изяславича привезти тело погибшего под Черниговом отца в Киев и похоронить в Софийском соборе. Эти свидетельства вносят существенные коррективы в историю политических взаимоотношений русских князей XI в. Но и большие, и малые детали «Слова о полку Игореве», относящиеся к этому столетию, обнаруживающие свою уникальность и полную достоверность, ясно свидетельствуют о подлинности этого выдающегося произведения древнерусской и мировой литературы»[522].

Возникает вопрос: а где и из каких источников Автор мог почерпнуть эти сведения? Совершенно очевидно, что они носят не устный характер.

Не приходится сомневаться, что Автор хорошо знал «Повесть временных лет», однако, как заметил Д. С. Лихачев, «в отличие от "Повести", он не констатирует событий, а осмысляет их, размышляет над ними, оценивает их и дает характеристики князьям исходя при этом из своих политических и нравственных представлений»[523].

Важен и сам подход Автора к осмыслению событий и их отражению в «Слове». «Его отношение к событиям современности в высшей степени исторично. События похода Игоря он воспринимает в глубокой исторической перспективе. Современная ему Русь не отделена от русской истории»[524].

Автор «Слова» хорошо знал текст переяславской повести о походе Игоря Святославича на половцев из Лаврентьевской летописи, ибо заимствовал из нее ряд деталей, отсутствовавших в повести из Киевской летописи Ипатьевского летописного свода: указания, что солнечное затмение произошло на день памяти пророка Иеремии (1 мая). Вполне возможно, что именно этот рассказ и подсказал Автору использовать экзегезы из книги пророка Иеремии в «Слове». В переяславской повести и «Слове» указаны одни и те же цели похода Игоря — Дон, рассказывается об осыпающих русских воинов половецких стрелах во время второго боя, о гибели русских от безводия, о погоне за Игорем, когда он бежит из плена, о «туге» в Русской земле[525].

Со всей очевидностью можно заключить, что и автор летописной статьи, повествующей о походе Игоря Святославича на половцев, которая вошла в Киевский летописный свод, имел под рукой тот же текст переяславской повести о походе Игоря Святославича и обстоятельно отвечает в своей повести на обвинения переяславского летописца[526]. Появление переяславской повести в Выдубицком монастыре легко объясняется тесными связями Выдубицкого монастыря с Переяславской епископией. Уже указывалось мной, что игумены ктиторского Мономаховичей Выдубицкого монастыря становились Переяславскими епископами. Отсьда и тесная связь. Знакомство киевского летописца

игумена Моисея с переяславской повестью не вызывает сомнения.

Автор «Слова», в свою очередь, пользовался и этой летописной статьей, повествующей о походе Игоря Святославича на половцев, которая вошла в Киевский летописный свод, работу над которым завершил в 1199 г. игумен Киевского Выдубицкого монастыря Моисей. Где Автор «Слова» мог *одновременно* познакомиться с двумя летописными рукописями? Само собой напрашивается вывод, что *только* в Выдубицком монастыре.

К этим наблюдениям добавлю еще одно для нас важное. Автор в конце «Слова» сообщает, что «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей». Церковь Пресвятой Богородицы Пирогощей на Подоле в Киеве — семейный храм князей Мономаховичей. К ним, по всей видимости, и поехал с примирением князь Игорь Святославич. А где и от кого он мог об этом узнать?

Опять на ум приходит Выдубицкий монастырь Мономаховичей.

Выдубицкий монастырь был основан Всеволодом Ярославичем, женатым на византийской принцессе Анне — матери Владимира Мономаха, для приехавших с ней на Русь монахов-греков.

Автор «Слова» использовал в своем труде Книгу пророка Иеремии, с которой мог познакомиться только на греческом языке, почему и цитаты из нее присутствуют в «Слове» в виде скрытых экзегез. Логично предположить, что с греческой рукописью Книги пророка Иеремии он мог познакомиться именно в Выдубицком монастыре. На церковнославянский язык Книга пророка Иеремии еще не была переведена, были известны только паремийные чтения, но их следы в «Слове» мною не обнаружены.

Наконец, во время своей поездки в Орду к Батыю, Даниил Галицкий, наполовину грек, так же останавливался в Выдубицком монастыре, в котором один из его сопровождающих, будущий автор первой редакции «Летописца Даниила

Галицкого» («Жизнеописания Даниила Галицкого») познакомится и со «Словом о полку Игореве», и с какой-то повестью о траве евшан, выдержку из которой приведет в своем творении.

Эта связь галицких князей с Выдубицким монастырем позволяет предположить, что и сведения о походе Романа Мстиславича на половцев в 1200 г., о котором мы говорили при датировке «Слова», Автор мог узнать непосредственно от галичан. Кстати сказать, тот же Роман Мстиславич пострижет в 1204 г. в монахи в Выдубицкий монастырь своего тестя Киевского великого князя Рюрика Ростиславича, но Киевская летопись об этом не сообщает, поскольку была завершена ранее этих событий.

С полным основанием можно утверждать, что в XII веке в Выдубицком монастыре сложилась целая литературная школа, в центре внимания которой была тема княжеских междоусобиц.

Напомню, что в начале XII века, около 1115–1117 гг. было составлено в нем анонимное «Сказание о Борисе и Глебе»[527]. Там же, около 1116/1117 г. игуменом монастыря Сильвестром была составлена новая редакция «Повести временных лет». В нее было помещено и «Поучение» Владимира Мономаха. В конце XII в. игуменом Моисеем было написано похвальное «Слово» на освящение собора Архангела Михаила Выдубицкого монастыря.

Из всего выше сказанного можно заключить, что Автор «Слова» был человеком очень образованным, знал греческий язык и работам с рукописями в монастырской библиотеке, был когда-то хорошим воином и охотником, был участником похода 1185 г. Игоря Святославича на половцев, а сейчас пребывал в монашестве в Выдубицком монастыре. Там он узнал и подробности из жизни Мономаха и Мономаховичей, о которых говорилось выше. Можно предположить, что он один из тех немногочисленных русских воинов, которые остались живы, и в благодарность Богу за свое спасение, постригся в монастырь…

Для установления Автора «Слова» важна любая деталь, любая авторская оговорка, как, например, авторская ремарка в тексте «Слова о полку Игореве»: «*Что **ми** шумить, что **ми** звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода». Создается впечатление, что автор вновь переживает те события, участником которых он был сам[528].

Любопытная и существенная деталь. Вдумчивый читатель «Слова» и автор «Задонщины» в одном лице использовал в своем сочинении эту же фразу, но, резонно, опустил местоимение ***ми*** *(мне)*: «Что шумит и что гремит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андреевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону...»[529], поскольку не был участником Куликовской битвы. Он прекрасно понимает и осознает, что тот, кого он цитирует, в отличие от него самого, точно принимал участие в сражении.

Более того, Автор «Слова» даже указывает на свой статус дружинника: «Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А ***мы*** уже, ***дружина***, жадни веселия» (С. 20). На это в свое время обратил внимание Д. С. Лихачев[530].

Исходя из выше изложенного, со значительной долей вероятности можно заключить, что Автор «Слова» был непосредственным участником похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и относился к дружинникам.

А где Автор «Слова» мог познакомиться с рукописью выдубицкого летописного свода игумена Моисея? Напрашивается вывод, что только в самом Выдубицком монастыре.

Тогда ***возникает предположение об одном (едином) авторе этих двух произведений — летописной повести из Киевского летописного свода о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и «Слова о полку Игореве».*** На это указывает одно очень важное обстоятельство: в обоих произведениях автор выступает участником событий и сообщает об этом.

Автор Киевской летописной статьи рассказывает, как в воскресенье, на малую Пасху, приближалась развязка трехдневной битвы. Половцы обступили со всех сторон горстку безумно уставших, но продолжающих сражение русских воинов: «И тако во день святого воскресения наведе на ***ня*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642–643).

Обращает внимание на себя тот факт, что автор повествования причисляет себя к сражающимся, на которых обрушился гнев Божий. Он дважды употребил местоимение *ня/ны* — т. е., нас! Думается, это не случайно. В авторе чувствуется участник тех событий, и в разбираемом нами пассаже он проговаривается об этом. Но еще более удивительно то, что и автор «Слова» еще более откровенно говорит об этом, причем *в том же месте описания битвы*: «Что ***ми*** *шумить*, что ***ми*** *звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста».

А вот автор повести в Лаврентьевской летописи, что весьма важно, использует другое местоимение в описании этого же эпизода: «И побежени быша *наши* гневом Божьим. Князи вси изъимани быша. а боляре и велможа и вся дружина избита. а другая изъимана и та язвена. и възвратишася с победою великою Половци. а о *наших* не бысть кто и весть принеса. за *наше* согрешенье»[531]. Сам автор — не участник похода, поэтому и говорит о русских воинах несколько отстраненно, но все равно как о *наших*. Тем самым и себя причисляя к русским.

Нельзя назвать случайным отмеченное совпадение, на которое прежде никто, насколько мне известно, не обращал внимания: *и автор Киевской летописной повести, и Автор «Слова о полку Игореве» были участниками похода Игоря Святославича, указывают об этом в описании* ***одного и того же эпизода битвы, и оба, и только они, упоминают реку Каялу***.

Есть, однако, одно весьма существенное различие в восприятии этой битвы в двух произведениях: если автор летописной статьи осмысливает и *описывает* события по еще горячим следам, то Автор «Слова» *вспоминает* о них!

Из всего этого можно сделать только один вывод: ***оба произведения вышли из-под пера одного автора***, но написаны в разное время и с разными целями.

Подведем итоги сказанному:

1. Автор, когда создавал «Слово о полку Игореве», принадлежал к монашеской среде.
2. Автор «Слова» не принадлежал к княжеской среде.
3. Обращение игумена Моисея к князю Рюрику, тождественно авторским обращениям в «Слове».
4. Автор «Слова» был непосредственным участником похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г.
5. Автор «Слова» относился к дружинникам, то есть, скорее всего, был боярином.
6. Автор летописной повести, так же, как и Автор «Слова о полку Игореве», был участником похода Игоря Святославича.
7. Оба автора указывают о своем участии в битве при описании одного и того же эпизода сражения.
8. Оба автора, и только они, упоминают реку Каялу и некую ж(е)лю/Ж(е)лю.
9. Оба автора были искусными писателями.
10. Оба автора работали в одно и то же время, и в одном и том же Выдубицком монастыре.
11. Автор «Слова» мог познакомиться с рукописью Киевского летописного свода игумена Моисея, над которой тот работал, только в Выдубицком монастыре и только с согласия самого игумена.
12. Из всего этого можно сделать только один вывод: летописная повесть из Киевского летописного свода о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и «Слово о полку Игореве» написаны одним человеком. И этим писателем был Выдубицкий игумен Моисей.

Думается, было не случайным, что игумен Моисей указывал о постриге князей перед кончиной. Светский человек, князь, завершая свой земной путь и подводя итог своему княжению, данному ему Богом, готовился предстать пред Ним в вечности.

Постриг — это не просто изменение жизненного пути коренным образом, это — отрешение от прошлого, сугубое покаяние *во всех своих грехах* и духовное преображение личности. Постриг — это начало новой жизни с чистого листа.

Такую новую жизнь после пострига начал и инок Моисей, ставший затем игуменом одного из главнейших монастырей Древней Руси — Свято-Михайловского Выдубицкого, ктиторского монастыря Всеволодовичей-Мономаховичей.

Постригались, если в юности, то по убеждению и призванию, если в старости, то по необходимости перед зовом вечности. Но был постриг и по обету — обещанию, когда в сложной смертельной ситуации человек молился о спасении и давал обет, в случае счастливого избавления от напасти, постричься в монахи.

Как мне думается, именно такой обет и дал боярин князя Игоря Святославича, представитель его старшей дружины, участник похода на половцев в 1185 г., один из тех 15 удачливых людей, кому, по милости Божией, удалось избежать смерти и плена и вернуться на Русскую землю.

Если выполнение своего обещания он не откладывал на неопределенный срок, а постарался выполнить его как можно скорее (в чем трудно усомниться, зная мировоззренческую установку древнерусских людей), то его постриг произошел уже осенью 1185 г.: или на день памяти преподобного Моисея Мурина (IV в.) — 28 августа, или на день памяти пророка Моисея (1531 г. до Р. Х.) — 4 сентября.

Нет явных указаний, кому из святых было отдано предпочтение. Однако можно вспомнить, что игумен Моисей в своем довольно кратком, но поэтичном «Слове на обновление церкви св. Архангела Михаила» в Выдубицком монасты-

ре, упоминает пророка Моисея, сравнивая с ним князя Рюрика Ростиславича, а себя, «на брезе ставше» и поющего «песнь победную», — с сестрой пророка Мариам, певшей хвалебную песнь Богу на берегу моря[532]. В связи с этим можно предположить, что игумен Моисей тем самым указывает на свою близость к пророку Моисею. К тому же, «Слово» было произнесено Выдубицким игуменом 24 сентября 1199 г., спустя всего 20 дней после дня памяти пророка Моисея, то есть, возможных именин самого игумена Моисея. Упоминание имени пророка Моисея в этом торжественном «Слове» явно не случайно. В древнерусских произведениях не бывает случайных упоминаний имен или событий.

Ипатьевский летописный свод под 1190 г. (на самом деле это события 1189 г.) сообщает о важных изменениях, происшедших в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре.

В этом году умер епископ Белгородский Максим, и великий князь Рюрик Ростиславич поставил на освободившееся место владыки своего духовника — игумена Выдубицкого монастыря Андриана. А на его место Выдубицкого игумена был назначен иеромонах Моисей. Поскольку после 1189 г. и до конца века на этом поприще упоминается только он один, то, стало быть, его определение в игумены именно тогда и произошло.

Поставление Моисея в игумены Выдубицкого монастыря, думается, не было случайным. Как заметил еще Б. А. Рыбаков, работа Выдубицкого летописца над Киевской летописью начинается с 1187 года: «С 1187 г. исчезают какие бы то ни было следы летописи Святослава — полным хозяином летописного текста становится летописец Рюрика…»[533].

Выдубицкий монастырь в XII веке создал целую литературную школу, родоначальником которой следует считать игумена Сильвестра — составителя второй редакции «Повести временных лет» (около 1117 г.) и, скорее всего, автора «Сказания о Борисе и Глебе» (1115 г.)[534]. 1 января 1118 г. игумен Сильвестр был поставлен епископом в Переяславль, вотчину Мономаховичей.

Игумен Моисей продолжил летописную и литературную традицию в Выдубицком монастыре уже в конце XII в.

Спустя непродолжительное время после его прихода в монастырь (предположительно — осень 1185 г.) и пострига (скорее всего, 4 сентября уже следующего года, после предварительного года послушания, как это было в практике Киево-Печерского монастыря) ему, как человеку образованному, происходящему из высшего боярского сословия, игумен Андриан определяет уже монашеское послушание — составление нового летописного свода Рюрика Ростиславича. Следы его работы как летописца уже становятся отчетливо заметными с 1187 года. Результаты его труда — духовного как монаха, и летописца, выполнявшего послушание, — видимо впечатлили главу Мономаховичей князя Рюрика Ростиславича и он в 1189 г. останавливает свой выбор на иеромонахе Моисее как новом игумене родового монастыря Всеволодовичей-Мономаховичей.

Став игуменом Выдубицкого монастыря, Моисей продолжает свою работу в качестве летописца над Киевским летописным сводом. Судя по редакторским вставкам и ремаркам, свидетельствующим о времени их написания, составление Киевского свода длилось с 1187 г. по 1199 г. (Ипатьевская летопись — 1200 г.) и не прекращалась и после назначения Моисея в игумены, то есть после лета 1189 г. Получается, что время работы над летописью в Выдубицком монастыре совпадает с игуменством в нем Моисея.

Смена духовника князя Рюрика игумена Андриана, ставшего епископом в Белгороде, на игумена Моисея, не так давно появившегося в монастыре, свидетельствует, что и игумен Моисей был близок дому Мономаховичей. Это подтверждает и составленная им Киевская летопись, отражающая взгляды и отношение к описываемой действительности с позиции рода Мономаховичей и, прежде всего, великого князя Рюрика Ростиславича.

Кто может давать совет или наставление великому князю, чтобы тот к нему прислушался? Только его духовник.

К авторитетному священнику, иеромонаху, даже если он и не архиерей, прислушиваются все православные князья. А такие духовные наставления создавались, в том числе, и в виде письменных слов и поучений, как об этом мы можем судить по творчеству игумена Феодосия Печерского или епископа Кирилла Туровского.

Работа над Киевским летописным сводом — редактирование и дописывание предыдущих летописных записей, описание прошлых и отражение текущих событий — заняла у игумена Моисея все 90-е годы.

24 сентября 1199 г. (Ипатьевская летопись под 1200 г.) в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре состоялось очень важное событие — освящение церкви св. Архангела Михаила и опорной стены под ней. По этому случаю игумен Моисей выступил с торжественным словом, в котором провел параллель между происходящим обновлением храма в пригороде Киева и происходившими когда-то в Иерусалиме событиями по завершении строительства Второго храма Господня.

Это торжественное слово игумена Моисея было им же включено в Киевскую летопись и завершает ее. Искусная и высокохудожественная проповедь подготавливалась летом 1199 г. (по мартовскому стилю). Видимо, на осень и зиму 1199 г. приходится завершение работы над Киевским летописным сводом.

Параллельно с этим официальным занятием — послушанием летописца — игумен Моисей делал записи и для себя. Уже не один год собирал он исторический материал и обдумывал его. Он пытался с духовной точки зрения осмыслить те уже далекие трагические события 1185 г., в которых и сам принимал участие. Как известно, большое видится на расстоянии. Были две судьбы и два жизненных пути: его собственный и князя Игоря Святославича. Как для человека верующего и духовного ему важно было написать поучительное «Слово», в котором во всей полноте отразились бы и Божий промысел, и Его забота об оступившемся человеке

на примере всего лишь одного поступка князя, оцененного с помощью параллели из Священного Писания.

Так и появилось «Слово о полку Игореве». Обдумывалось и вынашивалось оно долго, но записано было в одночасье, когда «плод созрел». Сотворено «Слово» не по послушанию, не для массового читателя, а для укромного вдумчивого восприятия. Это боговдохновенное творение есть наставление для православной души.

Загадка Беловода Просовича

В предыдущей, мирской жизни, у игумена Моисея было и мирское имя, и другой род занятий. Он принимал участие в походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., о чем проговаривается и в летописной повести («во день святого воскресения наведе на ***ня*** Господь гневъ свои, … наведе на ***ны*** плач»), и в «Слове о полку Игореве» («что ***ми*** шумить, что ***ми*** звенить»), причисляет себя к дружинникам («а ***мы*** уже, ***дружина***, жадни веселия»).

Можно ли узнать мирское имя игумена Моисея?

Попытаться, конечно, можно, но это будет, за ограниченностью фактов, пока только рабочая гипотеза.

Когда игумен Моисей работал над Киевской (Выдубицкой) летописью, то писал о себе в третьем лице, как это было, по библейской традиции, принято и в Древней Руси: «Тогда же князь … созва духовный тый пиръ: епископа …, и архимандрита…, *Моисея игумена святаго Михаила Выдобычьского* и прочии игумени, и черноризьсци, и прозвутеры» (1197 г.). Однако в завершающей Киевскую летопись статье 1199 г. он выступал и от своего имени. В начале он сообщает, что «*игумен же Моисеи* и вся братья яже о Христе велегласно похвалиша Бога, и святого Михаила, и великого князя сдоровье, яко единими усты гляголяще…», а затем приводит свое «Слово на освящение 24 сентября 1199 г. церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря», произнесенное им же самим на этих торжествах[535].

Так повествовали о себе когда-то библейский пророк Аггей, которого процитировал игумен Моисей в упомянутом торже-

ственном «Слове», и Евангелист Иоанн, не менее хорошо известный игумену по церковной службе. Библейская манера повествования и послужила примером для древнерусских авторов.

Эту особенность древнерусских писателей — сообщать в своем творении о себе в третьем лице — я уже разбирал выше (См. раздел «Выдубицкий летописец»).

Если же игумен Моисей счел возможным писать о себе в составляемой им летописи в бытность свою монахом, то, можно допустить, что он мог упомянуть о себе и ранее в каком-то эпизоде из своей предыдущей мирской жизни, но в эпизоде для него весьма значимом.

В этой связи обращает на себя внимание один важный эпизод из летописного рассказа о походе и поражении князя Игоря в 1185 г., написанного, как мы уже установили выше, самим игуменом Моисеем в Выдубицком монастыре и вошедшего в Киевскую летопись. Причем рассказа о событии, в котором он и сам, будучи еще дружинником, принимал непосредственное участие.

Игумен Моисей описал трагический бой, постигшее русских наказание Господне — поражение («наведе на ***ня*** Господь гневъ свои»), подробное покаяние Игоря, перечислил, кто из половцев пленил русских князей, и что хан Кончак поручился за своего раненного свата князя Игоря. А вслед за этим сообщает о горькой судьбе остального русского войска, приводя подробности, которые мог знать только участник и очевидец тех событий: «От толикихъ же люди мало ихъ избысть некакомъ получениемь, не бяшеть бо лзе бегаючимъ утечи, зане, яко стенами силнами, огорожени бяху полкы половецьскими. Ношахуть русь съ *15 мужь утекши*, а ковуемь мнее, а прочии в море истопоша» (С. 83).

Среди этих пятнадцати спасшихся мужей был Беловод (Беловолод) Просович, который прибежал на Русь и поведал князю Святославу Всеволодовичу о случившемся в половецкой степи: «Святослав же идяше в лодьяхъ, и яко приде к Чернигову, и *во тъ годъ*[536] *прибеже* Беловодъ Просовичь и поведа Святославу бывшее о Половцехъ»[537].

Игумен Моисей довольно подробно описывает эту встречу князя и дружинника, и реакцию Киевского князя Святослава Всеволодовича на услышанное от Беловода Просовича: «Святослав же то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: "О, люба моя братья, и сынове и муже земле Руское. Дал ми Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля Господня да будеть о всемь. Да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако ныне жалую болми по Игоре, брате моемь"» (Стлб. 645).

Возникает вопрос: эти слова действительно были услышаны Беловодом Просовичем непосредственно от князя Святослава Всеволодовича, или же они вложены в княжеские уста автором повести игуменом Моисеем как возможно сказанные? В любом случае, они предельно искренне передают отношение киевского князя к Игорю Святославичу: в них чувствуется и любовь к новгород-северскому князю, и печаль о его пленении, и упование во всем на волю Божию. Для нас важно, что в них отражены точно такие же взаимоотношения этих двух князей, какие представлены игуменом Моисеем и в летописной повести из Выдубицкого монастыря, и в «Слове о полку Игореве».

Описание этого эпизода, с небольшими разночтениями, сохранилось и в других летописях, восходящих к Киевской, например, в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи: «Святославъ же идяше в лодiахъ, и яко прiиде к Чернегову, *в тои год прибеже* Беловълодъ Просовичь и поведа Святославу бывшее о половцехъ. Святославъ же, то слышавъ, вельми въздохнувъ, утеръ слез своих и рече: "О, любо моя братаа, и сынове, и мужи земле Руское. Дал ми бяше Богъ притомити поганыя, но [не] въздръжавше юности, отвориша ворота на Рускую землю. Воля Господня да будеть о всемь. Да колко жал ми на Игоря бяше, тако ныне жалую болши по Игоре, брате моем"»[538].

Еще можно привести пример из Густынской летописи: «В то время Святославъ Кiевскiи хоте поити на половцовъ, и се *прибеже* к нему *с тоя бранi* Беловод Просович, поведая ему погибель християнъ въ земле Половецкои…»[539].

Густынская (южнорусская) летопись содержит важное уточнение, что Беловод Просович прибежал к Святославу Всеволодовичу *с тоя брані*, то есть, с той битвы! Это является свидетельством, что Беловод Просович — из числа тех самых пятнадцати спасшихся русских воинов. Так же думал и писал В. Н. Татищев: «…Святослав Всеволодович <…> егда прииде к Чернигову, *в той час притече* Беловод Просович *с полку* и поведа Святославу бывшее в *полцех*. Святослав, слышав сие, вельми прослезися…»[540].

Однако этого эпизода нет в Лаврентьевской летописи. Она сообщает, что «*поиде* путем *гость*, они же казаша, рекуще: “Поидете по свою братью, али мы идем по свою братью к вам”. Князем же всем, слышавше таку погыбель о братье своеи и до бояръ, возпіша вси, и бысть плачь и стенанье…»[541].

А. А. Бурыкин полагает, «что безымянный “гость” Лаврентьевской летописи и Беловод Просович Ипатьевской летописи — одно и то же лицо»[542], хотя для такого отождествления нет оснований.

Рассказ из Киевской и близкой ей Густынской летописи однозначно свидетельствует, что Беловод Просович прибежал с поля брани и сообщил о случившемся в половецкой степи Киевскому князю Святославу. Некий же гость (купец) передает русским князьям слова половцев, касающиеся обмена пленными, т. е., по сути, этот гость ведет переговоры от лица степняков. Участник битвы, спасавшийся бегством, не мог знать этих планов половцев по обмену пленными. Мы уже видели ранее, что у Лаврентьевской и Киевской летописей разные источники и разный подход в освещении одних и тех же событий.

Вернемся к рассказу Киевской летописи. При внимательном его рассмотрении можно заметить, что слова князя Святослава из летописной повести очень близки словам князя Святослава из «Слова о полку Игореве».

Летописная повесть	**«Слово о полку Игореве»**
Святослав …утеръ слезъ своих и рече	Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече

О, люба моя братья, и сыновѣ	О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
не воздержавше уности	рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити
отвориша ворота на Русьскую землю	загородите Полю ворота… за землю Русскую
Воля Господня да будеть о всемь	суда Божиа не минути
жаль ми бяшеть на Игоря	жаль бо ему мила брата

Ранее были представлены и другие параллели, свидетельствующие не только о близости этих двух произведений, но и об одном их авторе — Выдубицком игумене Моисее.

Сейчас же специально обращаю внимание на близость летописной повести из Киевской летописи и «Слова о полку Игореве» именно *в передаче реакции* и *слов* Киевского князя Святослава Всеволодовича *на сообщение* ***Беловода Просовича***. Их схожесть, как мне кажется, также объясняется не только одним источником и общим местом их возникновения — Выдубицким монастырем, но и одним автором — игуменом Моисеем.

В статье «Беловод (Беловолод) Просович» из «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» Л. А. Дмитриев отметил: «…в 1968 г. в ФРГ (?) была выпущена ротапринтом брошюра: «Бѣловолодъ Просовичь. Слово о полку Игоревѣ. Новъгородъ Севѣрскый. Лѣто 6693», содержащая неподписанную статью на укр. яз., в которой Б[еловод] П[росович] назван автором «С[лова]» (именно ему будто бы поведал Святослав Всеволодович свой сон, при нем обращался со “златым словом” к князьям и т. д.); утверждается, что под влиянием соч. Б[еловода] П[росовича] был составлен и рассказ о походе Игоря в Ипат[ьевской] лет[описи]»[543].

Указанная Л. А. Дмитриевым работа для меня оказалась недоступной. Однако, как мы видели выше, некоторые основания так считать у ее автора имелись. Но не только этот неизвестный украинец видел в Беловоде Просовиче возможного Автора «Слова».

По сообщению А. А. Бурыкина, и замечательный ленинградский медиевист «Н. А. Мещерский в ответах на вопросы участников своего семинара по «Слову о полку Игореве» в 1977 г.[544] также называл имя Беловода Просовича как возможного автора «Слова…», приводя следующие аргументы: автор — возможно, не христианин (нехристианское имя), но человек, занимающий видное положение (всюду именуется с отчеством), имеющий широкую известность (не называется ни статус, ни профессия). Однако Н. А. Мещерский не опубликовал своего мнения ни в специальных статьях, ни в комментарии к «Слову…» в издании 1985 г.»[545].

Позволю себе небольшой комментарий к этому пассажу А. А. Бурыкина и мыслям Н. А. Мещерского.

Имя Беловод (Беловолод) — мирское, славянское, а в крещении он был назван, естественно, другим именем, как, например, первые русские святые князья имели славянские имена Борис и Глеб, а в крещении — Роман и Давид, их отец, князь Владимир Святославич, в крещении обрел имя Василий, и Владимир Мономах стал в крещении Василием. Святополк Окаянный в крещении был Петром. Перечислю мирские и крестильные имена некоторых сыновей Ярослава (Георгия) Мудрого: Изяслав — Дмитрий, Всеволод — Андрей, Вячеслав — Меркурий, Игорь — Константин, Святослав — Николай и так далее.

В древнерусском повседневном обиходе князья, бояре и дружинники, как и их жены, пользовались мирскими именами, и под мирскими именами (за редким исключением) они фигурируют в летописях (например, Верхуслава Всеволодовна), но это отнюдь не значит, что они не были крещеными (Верхуслава-Анастасия венчалась с Ростиславом-Михаилом Рюриковичем).

Следовательно, нет никаких оснований полагать, что Беловод (Беловолод) не был христианином, раз он назван мирским именем. Сомнения по этому поводу, как мы видели, были у Н. А. Мещерского.

В качестве еще одного примера приведу славянские (мирские) имена Звениславы, в иночестве Евпраксии, Предславы, в иночестве Евфросиньи, Гориславы (Городиславы), в иночестве Евдокии[546]. Не зная, что Звенислава, Предслава и Горислава приняли иноческий постриг, тоже можно было бы подумать, что они не христианки.

По мнению Н. А. Мещерского, Беловод Просович занимал видное положение в обществе, поскольку «всюду именуется с отчеством», и имел широкую известность, поскольку не назван ни его статус, ни профессия, ибо его и так все хорошо знали.

Тонкое наблюдение. Добавлю к нему, что, почему-то именно он доложил Киевскому князю Святославу о произошедшем поражении русских в половецкой степи. И, ко всему прочему, именно его имя (единственного из пятнадцати спасшихся) попадает в Киевскую летопись, составленную в ктиторском Выдубицком монастыре Мономаховичей. Почему игумен Моисей обратил именно на него свое внимание? Только ли потому, что тот принес худую весть князю Святославу?

Судя по всему, Беловод Просович был хорошо известен не только Святославу Всеволодовичу (Ольговичу), но и другим киевским князьям, в частности, Рюрику Ростиславичу (Мономаховичу), при котором и создавалась Киевская летопись.

Как я уже писал выше, игуменами Выдубицкого ктиторского монастыря рода Всеволодовичей-Мономаховичей становились, как правило, бояре, люди известные и авторитетные. Потом они могли быть рукоположены в епископы и перейти на епископскую кафедру в Переяславль — вотчину Мономаховичей, или Белгород.

Надо полагать, что и игумен Моисей, сменивший в 1189 г. в Выдубицком монастыре игумена Андриана — духовника Рюрика Ростиславича, поставленного князем на освободившуюся епископскую кафедру в Белгород, был человеком в миру известным и авторитетным. Думается, не случайно ему, уже монаху, поручили заняться и летописанием в Выду-

бицком монастыре, имевшем к тому времени вековые литературные традиции.

Почему же игумен Моисей обратил внимание именно на Беловода (Беловолода) Просовича и подробно описал его встречу под Черниговом с Киевским князем? Откуда он знает о словах князя, сказанных Беловоду Просовичу? Почему эти слова так близки «Слову о полку Игореве»? Кто описал игумену Моисею поведение князя при его беседе с Беловодом Просовичем, или *он сам был участником этой встречи*?

Можно, конечно, предположить, что обо всем игумену Моисею рассказал Беловод Просович, и для этого он специально приезжал в Киев в Выдубицкий монастырь в году, эдак, 1187 или позднее, когда игумен работал над повестью и летописью. Однако это нужно доказывать, поскольку о судьбе Беловода Просовича после 1185 г. мы ничего не знаем. А еще следует объяснить, почему разбираемый эпизод, а, главное, слова князя Святослава, нашли отражение не только в летописной повести, но и в самом «Слове о полку Игореве», написанном спустя тринадцать лет.

У меня напрашивается довольно простой вывод, что Беловод (Беловолод) Просович — это и есть игумен Моисей в своей мирской жизни, поэтому Киевская летопись о нем, человеке известном, ничего и не сообщает после 1185 г. Точнее, сообщает, но уже под другим именем.

Если Беловод Просович не имеет никакого отношения к автору летописной повести — игумену Моисею, то какой был смысл его упоминать игумену? Тогда логичнее было бы поступить так, как Лаврентьевская летопись — просто упомянуть некоего безымянного купца, точнее, некоего гонца, сообщившего о трагедии.

Однако игумен Моисей назвал *по имени и отчеству* только одного вернувшегося на Русь дружинника — Беловода Просовича из пятнадцати спасшихся. Пишет в летописи о нем в третьем лице, как будет потом писать и о себе в летописи в третьем лице, и демонстрирует хорошую осведомленность, как будто сам присутствовал при этом, о встрече

Беловода Просовича с Киевским князем Святославом Всеволодовичем, письменное отражение которой обнаруживается не только в летописной повести, но и в «Слове о полку Игореве», написанном гораздо позднее. Сеча с половцами, бегство и встреча с князем Святославом навсегда сохранилась в его памяти.

Эта взаимосвязь людей и событий не кажется мне случайной. По всей видимости, Беловод Просович был боярином Новгород-Северского князя Игоря Святославича. Вместе с ним принимал участие в походе на половцев в апреле-мае 1185 г. На его глазах раненый в левую руку князь Игорь пытался повернуть побежавших черниговских ковуев, но сам попал в плен к половцам. Из всего войска остались в живых и вернулись на Русь всего пятнадцать дружинников, ковуев и того меньше. Князья попали в плен. Сплошные переживания.

Беловоду Просовичу удалось бежать. Древнерусские князья и воины давали обет в таких сложных ситуациях: в случае спасения обещали постричься в монахи. Видимо, и Беловод Просович дал такой обет и принял постриг в Свято-Михайловском Выдубицком монастыре под именем Моисей.

Поход 1185 г. был поворотной вехой в его жизни, он о нем никогда не забывал, как и о своем чудесном спасении. Поэтому и написал два произведения об этом походе: спустя два года после трагедии — историческую повесть о Божьем промысле, для всех, а уже спустя тринадцать лет — и поэтическое «Слово о полку Игореве», для избранных.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и завершилось наше историко-филологическое расследование о «Слове полку Игореве» и его Авторе. Получилось ли ответить на главный вопрос: кто же этот загадочный и безымянный гений Древней Руси? Что удалось выяснить и к каким результатам мы пришли?

Начиная с подготовки первого издания 1800 г. рукописи «Слова о полку Игореве», исследователи задаются вопросами: где, когда и кем оно было написано? От ответов на них в значительной степени зависит и понимание самого содержания этого выдающегося творения: мирское оно или религиозное, уникальное по своей сути или раскрывается во всей полноте только среди других древнерусских произведений.

Поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев в апреле-мае 1185 года привлек внимание нескольких книжников того времени, поскольку это был поход в Половецкую степь, а не на защиту родной Русской земли, в результате которого погибли почти все русские воины, а князья попали в половецкий плен. Видимо, поэтому и появились целых три произведения, пытающихся осмыслить с православных позиций произошедшее: две исторические повести из Лаврентьевского и Ипатьевского летописных сводов и ставшее знаменитым уже в Новое время «Слово о полку Игореве».

Долгое время, почти два столетия, исследователи априори считали, что первым было написано «Слово», а уже затем появились летописные рассказы. При этом обнаруживались общие места между произведениями, но не удавалось объяснить влияния «Слова» на летописи. Даже допускали существование некоего протографа, который мог быть основой всех трех сочинений. При таком подходе нарушалась хронологическая цепочка их появления, и оставался непонятным смысл их возникновения.

Наше историко-филологическое расследование, с опорой на исследования коллег, способствовало восстановле-

нию историко-хронологической последовательности написания сначала переяславльской версии повести, вошедшей в Лаврентьевский летописный свод, затем рассказа из Киевской летописи, вошедшей в Ипатьевский свод, а уже потом и самого «Слова о полку Игореве».

Переяславльский (или Владимиро-Суздальский) летописец, весьма кратко описав поход Игоря Святославича, обвинил молодого князя в несдержанности, легкомыслии и даже авантюризме, в результате которого русские войска были полностью разбиты, князья попали в плен, и за них половецкие ханы потребовали огромный выкуп. А сами половцы, воспользовавшись ситуацией, совершили набег на Переяславльское княжество и опустошили его. При этом еще и тяжело ранили князя Владимира Глебовича, защищавшего свой город Переяславль. Вину за последствия набега половцев и разорение Переяславльского княжества переяславльский летописец полностью возлагает на князя Игоря Святославича. Его рассказ появился первым по времени после злополучного похода и вошел в Лаврентьевский летописный свод, составленный, как полагают историки, во Владимиро-Суздальской земле.

Переяславль был вотчиной Мономаховичей, куда на епископскую кафедру переходили игумены из Свято-Михайловского Выдубицкого монастыря — родовой обители Мономаховичей. Поэтому не удивительно, что переяславльская повесть с негативной оценкой похода князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. оказалась в Выдубицком монастыре и вызвала у тамошнего летописца несогласие в толковании событий.

С 1187 г. (или около этого) в монастыре начинает свою работу над созданием Киевской (Выдубицкой) летописи иеромонах Моисей, который в 1189 г. станет игуменом Выдубицкого монастыря, после того как его предшественник и духовник великого князя Рюрика Ростиславича игумен Андриан будет переведен на епископскую кафедру в Белгород.

Ни у кого не вызывает сомнения, что Киевскую летопись составил и написал игумен Моисей, в том числе и заключительные ее статьи второй половины 80-х и 90-х годов. В их число входит и статья под 1185 г., написанная уже после 1187 г., куда вошла и повесть о походе Игоря Святославича. Следовательно, игумена Моисея следует признать и ее автором.

Игумен Моисей будет трудиться над Киевской (Выдубицкой) летописью до 1199 года и завершит ее торжественным «Словом на обновление церкви св. Архангела Михаила» («Слово на освящение 24 сентября 1199 г. церкви св. Михаила Выдубицкого монастыря»).

Это похвальное «Слово» представляет собой очень искусный пример древнерусского красноречия, который можно поставить в один ряд с одножанровыми и высокохудожественными памятниками XI века — «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона и «Словом на обновление Десятинной церкви».

«Слово на обновление церкви св. Архангела Михаила» свидетельствует о незаурядном писательском, можно даже сказать, поэтическом таланте игумена Моисея, проявившемся в использовании художественных тропов. Составленная им Киевская летопись, особенно написанные им самим статьи второй половины 80–90 годов, говорят о его высоких способностях повествователя-историка.

Со всей ответственностью можно заключить, что игумен Моисей был не просто высокопрофессиональным летописцем, но что он становится к концу XII века самым выдающимся и самым значимым писателем своего времени.

В значительной степени тому способствовало и место его пребывания и труда — Выдубицкая обитель, основанная для греческих и русских монахов правившим в 1078–1093 гг. в Киеве Всеволодом Ярославичем, располагавшая библиотекой из греческих и церковнославянских книг, имевшая почти столетнюю летописную и литературную традицию.

Монах, игумен смотрит на русскую историю и судьбы древнерусских князей с провиденциальной точки зрения.

История для летописца — есть разворачивание Божественного промысла о русском народе до Страшного суда[547]. Божественный промысл виден даже в каждом отдельном эпизоде из жизни православного человека. Так монах взглянул и на судьбу Новгород-Северского князя Игоря Святославича, отправившегося в сепаратный поход на половцев в 1185 г. и попавшего в плен.

Характерно, что статья 1185 г. Киевской летописи начинается не с непосредственного описания похода Игоря Святославича, а с предшествующих ему событий — борьбой других князей с половцами.

Киевский князь Святослав Всеволодович с великим князем[548] Рюриком Ростиславичем отправились против половецкого хана Кончака и «победу приемша» вернулись «восвояси». В этом походе отказался принять участие князь Ярослав Всеволодович Черниговский, поскольку его муж Ольстин Олексич пребывал в то время у хана Кончака для ведения переговоров. Не смог приять участие в походе и князь Игорь Святославич Новгород-Северский, но уже из-за непогоды. Он даже выступил со своими воинами, однако сильный туман помешал ему пройти напрямую, по бездорожью, полями и он вынужден был вернуться.

Спустя небольшое время князь Святослав Всеволодович послал своего воеводу Романа Нездиловича с берендеями на половцев, и они взяли вежи половецкие, полон и лошадей, и вернулись 21 апреля, на Пасху, домой.

А уже 23 апреля выступает со своим войском Игорь Святославич, и игумен Моисей со всеми мельчайшими подробностями, которые выдают в нем участника, описывает весь этот поход, ставший благодаря ему знаменитым. О непосредственном участии автора повести в этих перипетиях свидетельствует его личное восприятие поражения русского войска на исходе трехдневного сражения.

В воскресенье, на малую Пасху, половцы обступили и зажали продолжающую отбиваться горстку обессиленных русских воинов: «И тако во день святого воскресения

наведе на ***ня*** (нас) Господь гневъ свои, в радости место наведе на ***ны*** (нас) плачь и во веселье место *желю* на реце *Каялы*» (Стлб. 642–643). А дальше — почти репортаж с места битвы.

Автор повествования сам причисляет себя к сражающимся, на которых обрушился гнев Господень. Для этого он дважды употребил местоимение *ня/ны* — т. е., нас. Примечательно, что и Автор «Слова» — участник тех же событий. Он сам говорит об этом, причем в том же самом месте описания битвы: «Что *ми шумить*, что *ми звенить* давечя рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой *Каялы*. Ту кроваваго вина не доста».

На это совпадение двух авторских свидетельств, насколько мне известно, никто прежде не обращал внимания. И что особенно важно: автор летописной повести и автор «Слова о полку Игореве» не просто были участниками похода Игоря Святославича, но ***описывают свое участие в нем в одном и том же эпизоде битвы, и при этом оба упоминают еще и реку Каялу***, которая больше ни в одном источнике XI—XIII вв. не упоминается.

Это не может быть простой случайностью. Два разных человека описывают судьбоносный для каждого из них один и тот же эпизод в их жизни, причем оба будут его писать в одном и том же Выдубицком монастыре, или, что проще допустить, это один человек в двух своих произведениях вспоминает судьбоносный для себя момент боя.

Поступки князя Игоря Святославича и последующее развитие событий рассматриваются выдубицким летописцем игуменом Моисеем в контексте всей русской истории и с позиции Божественного промысла о князе. Не случайно рассказчик приводит развернутое покаяние северского князя, без которого не было бы его прощения Богом, и русский князь не вернулся бы домой, где его ожидали жена, дети и все русские люди. Вскользь замечает и о пятнадцати русских вои-

нах, которым удалось Божиим промыслом, спастись от смерти и половецкого плена. Очевидно, игумен Моисей был одним из них, но тогда он еще был дружинником, а не монахом.

Рассказ Киевской летописи Ипатьевского летописного свода написан игуменом Моисеем позднее лаврентьевской (переяславльской) повести о походе Игоря, поскольку последовательно отвечает на ее упреки[549]. На оценку поступков Новгород-Северского князя, думаю, повлияли и давнее личное знакомство монаха с князем, и его личное участие в описанных событиях, и союзнические отношения покровителя Выдубицкого монастыря Рюрика Ростиславича и Игоря Святославича, закрепленные в 1188 г. брачным союзом их детей. А вот в описании доблести князя Владимира Глебовича Переяславльского игумен Моисей даже дословно цитирует переяславльскую повесть, что свидетельствует об объективности монаха.

Историческая повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. стала частью летописной статьи 1185 г., которая специально писалась игуменом Моисеем для составляемого им Киевского летописного свода. Эта летописная повесть была хорошо известна и автору «Слова о полку Игореве», о чем красноречиво свидетельствуют более *тридцати* параллелей между повестью и «Словом», написанном уже гораздо позднее — зимой 1200 года. Они идентичны в том плане, что участник событий, описавший их в летописи, предпринимает попытку по-новому, как вития, представить их снова в «Слове о полку Игореве» — повториться не повторяясь.

По всей видимости, роднит их один автор — участник похода, о чем он засвидетельствовал в обоих своих произведениях. Древнерусские писатели были весьма скупы на автобиографические детали, в том числе и игумен Моисей, и если одна и та же деталь просочилась в оба его творения, то это, как мне думается, значительная подсказка для нас.

Самое же главное, что он и в одном, и в другом своем творении проявляется как талантливый, незаурядный про-

фессиональный писатель. А именно только таким и мог быть Автор «Слова о полку Игореве». Как филолог я исхожу из того убеждения, что создавший «Слово о полку Игореве» не может быть автором всего одного и сразу же гениального произведения. Должны были быть и другие, которые подводили его к вершине его творчества.

Результаты сопоставления повести о походе Игоря Святославича (написана около 1187–1188 гг.) из Киевской летописи, завершенной в 1199 г. в Выдубицком монастыре его игуменом Моисеем, его торжественного «Слова на обновление церкви св. Архангела Михаила» (произнесено 24.09.1199 г.) со «Словом о полку Игореве» (создано зимой 1200 г.), выявление их общих источников, одного места и уточнение времени их написания, позволяют утвердительно говорить об одном авторе этих произведений — игумене Моисее Выдубицком.

Неискушенный исследователь, наверное, хотел бы найти точные соответствия, или даже точные цитаты, или другие текстовые заимствования одним сочинением из другого, что могло бы быть воспринято им как прямое доказательство авторства одного лица — игумена Моисея. Однако это неверный подход в *данной* атрибуции. Многочисленные цитаты из Псалтири в «Молении» Даниила Заточника отнюдь не свидетельствуют, что Даниил Заточник — царь Давид.

Обнаруженные и продемонстрированные значительные стилистические и лексические диапазоны писательского мастерства игумена Моисея как летописца, автора статей и торжественного «Слова» на освящение храма Архангела Михаила, позволяют сопоставить его мастерство художника с литературным мастерством Автора «Слова о полку Игореве». При этом следует учитывать, что *в жанровом плане*, и по своему идейному и художественному замыслу, летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев, входящая в Киевскую летопись, и «Слово о полку Игореве» — это *суть* разные произведения[550].

Нельзя ожидать или искать дословные повторения или заимствования из одного произведения в другое от гениаль-

ного Автора. Гений — не повторяется. Тем более, если он пишет произведения разных жанров: летопись, историческую повесть, торжественную проповедь и слово о походе князя Игоря, Игоря Святославича.

А. С. Пушкин написал на одну сюжетную фабулу два произведения: сначала роман в стихах «Евгений Онегин», а затем и историческую повесть «Капитанская дочка», которая оказалась его последним крупным сочинением и своеобразным духовным завещанием.

Можно отметить богатство языка и стилистическую окрашенность обоих сочинений, но нельзя сравнивать их лексику и стиль, ибо два произведения принадлежат и к разным жанрам, и к разным литературным родам. К тому же, они отличаются и идейным замыслом: роман начинает писать романтик и атеист, а повесть завершает реалист и глубоко православный человек. Если бы мы не знали от самого А. С. Пушкина, что он написал оба произведения, то долго бы все сомневались, что их автор — один и тот же человек.

То же самое можно сказать и о творчестве игумена Моисея. В одном случае он создает историческую повесть о хорошо знакомых ему событиях, которую он включает в составляемую им по послушанию Киевскую летопись, то есть выступает в роли высокопрофессионального историка-летописца. В другом случае из-под его пера и из сердца выплеснулось слово-песнь-повесть о пережитых им самим чувствах и переосмысленных им своих и чужих поступках. И это «Слово», написанное по велению сердца и вовсе не для широкого круга читателей, свидетельствует о нем как гениальном витии-песнотворце. Если хотите, то летописец и песнотворец игумен Моисей Выдубицкий — это А. С. Пушкин Древней Руси.

Оцененный через Священное Писание, и, в частности, через Книгу пророка Иеремии поход Игоря Святославича обретает совершенно новое религиозно-символическое отражение — те самые «новые словесы», о которых говорит Автор «Слова о полку Игореве» в самом начале своего по-

вествования. Оба его произведения говорят о грехе гордыни и спасительном покаянии, только в одном явно, а в другом — иносказательно, как принято в христианстве и поэзии.

Как показало наше расследование, все произведения игумена Моисея объединяет общее авторское начало, выраженное в едином мировоззрении, схожих литературных приемах, общих источниках, образованности и начитанности автора, в знании им языков и Священного Писания, широкой эрудиции и осведомленности в современной ему истории и личной оценке деятельности древнерусских князей. К тому же, все эти творения объединяют и единое место, и время написания, и, конечно же, один Автор — игумен Киевского Свято-Михайловского Выдубицкого монастыря Моисей, в прошлом боярин и дружинник северского князя Игоря Святославича, участник знаменитого похода 1185 года на половцев, один из пятнадцати спасшихся тогда русских воинов, принявший монашеский постриг. А в миру его могли звать Беловодом (Беловолодом) Просовичем, который и принес на Русь скорбную весть о поражении русских, но это тема уже другого разыскания.

Любое завершение научного исследования — это всего лишь начало нового.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015.

[2] См. обзор точек зрения по этому вопросу: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 16–32; *Он же.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 24–36; *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб., 2017. С. 182–183.

[3] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 16–32; *Он же.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 24–36.

[4] *Горлова И. И., Чумаченко В. К.* Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д. С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль // Культурное наследие России. 2016. № 4 (15). С. 57–64.

[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3. С. 215.

[6] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 25.

[7] *Охрименко П. П.* Проблемы места возникновения «Слова о полку Игореве» и социальной принадлежности автора // Вопр. рус. лит-ры. Львов, 1985. Вып. 2 (46). С. 83.

[8] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 25.

[9] *Вяземский П. П.* Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875.

[10] *Зотов Б. И.* Кто он — автор «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 118–124.

[11] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 25.

[12] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 232–274.

[13] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 25–26. *Тищенко В. И., Косарева Т. М.* Проблема авторства в научном освещении // Актуальные проблемы «Слова о полку Игореве». Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 800-летию «Слова». Сумы, 1983. С. 37–39.

[14] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 484.

[15] *Соловьев А. В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 71–103.

[16] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 322–334.

[17] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 334.

[18] «По мнению К. Д. Ушинского, язык Новгород-Северщины представляет собой «серединное звено» между украинским, русским и белорусским языками (что действительно отражает сущность его переходных говоров). В «Слове» наблюдается такое же «смешение наречий» <…>, что у несведущих может вызывать впечатление искусственной пестроты (на что делали упор скептики), а у знающих диалекты Новгород-Северщины — несомненной близости к ее языку. В связи с этим Ушинский делает вывод о том, что «Слово» написано на том языке, на котором должен был говорить его сочинитель, по всей вероятности, житель Новгород-Северска». См.: *Охрименко О. П.* К. Д. Ушинский о «Слове о полку Игореве» // Актуальные проблемы «Слова о полку Игореве». Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 800-летию «Слова». Сумы, 1983. С. 41.

[19] См. обзор у Л. А. Дмитриева: *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 26–27.

[20] *Чернов Андрей*. Хроники изнаночного времени. СПб., 2006. С. 204–209.

[21] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Он же.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Он же*. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

[22] *Махновец Л. Е.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989.

[23] *Рыбаков Б.* А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 304–358, 499–515; *Он же*. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 277–392; *Он же*. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 156–285. *Дмитриев Л. А.* Петр Бориславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 95–98.

[24] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 307.

[25] *Франчук В. Ю.* Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»?: (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьев-

ской летописи) // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 77–92; *Она же*. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 88–104.

[26] *Дмитриев Л. А.* Петр Бориславич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. СПб., 1995. С. 98.

[27] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. С. 21.

[28] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 232–274.

[29] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 6.

[30] *Махновец Л. Е.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989.

[31] См. ее обстоятельный разбор: *Дмитриев Л. А.* Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1991. № 1. С. 88–103.

[32] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 157–163; *Она же.* Киевская летопись. Киев, 1986. С. 88–108;

[33] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 30.

[34] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 232–274, 336–345.

[35] *Чернов А.* Ю. Об Авторе «Слова о полку Игореве» (Атрибуционная справка) // Слово о полку Игореве / Предисловие Д. С. Лихачева; Стихотв. перевод, коммент. прозаич. перевод и послесловие А. Ю. Чернова; Реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. СПб., 2006. С. 318.

[36] *Чернов А.* Ю. Об Авторе «Слова о полку Игореве». С. 319.

[37] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 30.

[38] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 157–163; *Она же.* Киевская летопись. Киев, 1986. С. 88–108;

[39] *Чернов А.* Ю. Об Авторе «Слова о полку Игореве». С. 320. Поиску Автора «Слова», изучению его эпохи и обоснованию своей точки зрения А. Ю. Чернов посвятил целую книгу: *Чернов Андрей*. Хроники изнаночного времени. СПб., 2006.

Примечательны его слова: «Я не ставил себе целью *угадать Автора* (курсив А. Ю. Чернова, но на самом деле именно угады-

ванием он и занимается. — *А. У.*), поскольку, как и большинство моих коллег, полагал, что это неблагодарное (а отчасти и неблагородное) занятие, род гадания на кофейной гуще. Угадать — значило назвать имя, исходя не из текста «Слова», а исключительно из предположения, что известный нам по другим источникам имярек мог быть Автором». В качестве примера такой «угадайки» он называет гипотезу Б. А. Рыбакова, не обходит стороной и предположение Л. Е. Махновца, узнав о нем из статьи Л. А. Дмитриева. Последовал вывод: «Дело в том, что ничто в тексте самой поэмы не указывает на предложенного в качестве Автора боярина Петра Бориславича или князя Владимира Галицкого. То, что «Слово о полку Игореве» написал Владимир Святославич Вщижский, — вывод, сделанный мною из самого «Слова», из того многообразия связей поэтического текста, которые становятся семантически осмысленными, *если именно этот князь*, на коего до сих пор не обращали внимания ни историки, ни филологи, *становится авторским центром поэмы* (Выделено мной. — *А. У.*)». См.: *Чернов А.* Ю. Об Авторе «Слова о полку Игореве». С. 323. Поскольку, однако, Автором «Слова» («авторским центром поэмы»?) не может быть князь, как это показали В. Ю. Франчук и Л. А. Дмитриев, стало быть, то «многообразие связей поэтического текста», о которых говорит А. Ю. Чернов, перестают быть «семантически осмысленными»?

[40] *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб., 2017.

[41] *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. С. 182.

[42] А точно ли их перевел один человек? Это, ведь, нужно еще доказать!

[43] *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. С. 133.

[44] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 78, 104. Существует, однако, и другая точка зрения, что автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» был поп Микула (Н. Н. Воронин) или игумен Феодул (М. Д. Приселков). См.: *Колесов В. В.* Повесть о убиении Андрея Боголюбского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 365–367.

[45] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 500.

[46] *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. С. 141.

[47] *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. С. 150. Далее страницы указаны в тексте книги.

[48] *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 504–525.

[49] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 275–345.

[50] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. «ЛП». М.-Л., 1950. С. 432.

[51] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 303–307.

[52] А. А. Бурыкин еще раз вернулся к этому вопросу в своей книге: «Новая проблема в изучении «Слова…» — это как раз осуществляемый десятками пишущих о «Слове…» подбор претендентов на роль авторов «Слова…» по критериям Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, сформулированным в 1980-е гг., однако все, кто ими явно или неявно пользуется, не могут устраниться от неправдоподобной ситуации, где автор «Слова…» оказывается автором одного произведения». См.: *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. С. 152. Сноска 11. Однако лингвистический критерий, используемый А. А. Бурыкиным, не может быть единственным и даже не главным! А если и главным, то не единственным!

[53] *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 122.

[54] Так и хочется воскликнуть: «Вам бы, батенька, самому романы писать!».

[55] *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и его автор. Изд. 2-е. М., 2016. С. 30–59.

[56] *Ужанков А. Н.* О “внутреннем” и “внешнем” времени произведения и датировке “Слова о полку Игореве” // Литература Древней Руси. М.: Прометей, 2004. С. 95–126; *Он же:* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» // Древнерусская книжность: текстология и поэтика. Коллективная монография. Орел: ОГУ, 2013. С. 13–29; *Он же:* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2012. № 1. С. 159–163; *Он же:* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII вв. М., 2009. С. 215–252; *Он же:* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 232–274.

[57] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова о полку Игореве» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. С. 29.

[58] Слово о полку Игореве. Изд. 7-е. Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д. С. Лихачева. М., 1978. С. 34–35.

[59] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 24.

[60] За исключением, разве что князя Владимира Мономаха, автора «Поучения», да автора «Моления» (или «Слова») Даниила Заточника. Но они — не профессиональные писатели, а авторы посланий детям или князю. Люди, несомненно, образованные, но писательство не было их основным занятием. К тому же, Владимир Мономах окормлялся и в Киево-Печерском монастыре, где получил исцеление от недуга, и в ктиторском Выдубицком монастыре, построенном его отцом.

[61] См.: *Лихачев Д. С.* Текстология. Л., 1983.

[62] *Ужанков А. Н.* Из лекций по истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. «Слово о Законе и Благодати». М., 1999. С. 8–24; *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 20–21, 30–31.

[63] *Горский А. В.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. М., 1844. Ч. 2. С. 206–208.

[64] *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Петр., 1916. С. LXXVI–LXXVII. Об отражении в сочинении преп. Нестора современных ему событий акад. А. А. Шахматов пишет так: «Что Чтение о Борисе и Глебе ссставлено вскоре после 1079 года, видно из содержащегося в нем намека на события 1079 г., когда были убиты юные князья Борис Вячеславич и Роман Святославич, напомнившие Нестору своими именами св. мученика Бориса. Особенно убеждает в том, что Чтение имело в виду именно этих князей, указание не на детских князей вообще, а указание на детских князей, не покоряющихся старейшим и им сопротивляющихся». Там же. С. LXXVII, прим.1.

[65] См.: *Ужанков А. Н.* Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–50; *Он же:* К вопросу о датировке «Жития Феодосия Печерского» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 10. М., 2000. С. 70–79; *Он же:* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памят-

ников XI — XIII вв. М., 2009. С. 97–211. Так, например, в добавок к указанным А. А. Шахматовым сведениям я привел весьма существенный для датировки «Жития» факт, что преп. Нестор не описал в нем перенесение мощей св. Феодосия Печерского, состоявшееся 14 августа 1091 г., и посвятил ему специальное «Слово на перенесение мощей», в котором, к тому же, засвидетельствовал и более раннее написание «Жития Феодосия Печерского» (С. 207–209).

[66] Успенский сборник XII — XIII вв. М., 1971. С. 134 (л. 67б).

[67] См. также: *Ужанков А. Н.* Когда было написано «Житие Феодосия Печерского»? // Русская речь. 2002. № 1. С. 57–62; *Он же:* «Житие Феодосия Печерского»: к вопросу о датировке // *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII вв. М., 2009. С. 203–206.

[68] В который уже раз А. М. Ранчин пытается оспорить эту датировку. При этом он не приводит никаких новых аргументов или собственных исследований, а в свойственной ему манере ограничивается ссылками на чужие работы, разве что, приправляя их своими безапелляционными заключениями. Вот и в недавней своей рецензии он замечает: «В новой книге А. Н. Ужанков *без оговорок* повторяет свою, предложенную в более ранних работах, датировку произнесения «Слова о Законе и Благодати» Илариона (который, как он почему-то полагает, якобы почитался на Руси как святой…) кануном Пасхи 25 марта 1038 г., …несмотря на то что *в последнее время* было показано: проповедь не могла быть составлена до рождения *у Ярослава Мудрого первых внуков*, то есть до самого конца 1030-х — середины 1040-х гг. (Пунктуация — оригинала, курсив мой. — *А. У.*)». См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве // Литературный факт. ИМЛИ. Т. 4. 2017. С. 369–370. При этом ссылается на работы А. Поппэ, А. В. Назаренко, А. Ю. Карпова, последняя из которых датирована 2009 годом.

Во-первых, А. М. Ранчин исказил (не знаю, умышленно, или по неразумению) суть проблемы и, соответственно, суждения своих коллег. Никем, ни *в последнее время*, ни ранее, не ставился вопрос, что «проповедь не могла быть составлена до рождения *у Ярослава Мудрого первых внуков*». В «Слове о Законе и Благодати» речь идет *не о внуках Ярослава Мудрого*, а о правнуках его отца Владимира Святославича. А у него, как свидетельствует «Повесть временных лет», было, как минимум, еще одиннадцать сыновей, не считая дочерей. И Иларионом Киевским подразумевались, есте-

ственно, все внуки и правнуки князя Владимира, а не только внуки одного Ярослава Владимировича.

Во-вторых, зачем мне какие-то *оговорки*, если я просто сослался на свое же исследование, специально посвященное «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона и вышедшее пятью годами позже указанных А. М. Ранчиным работ: *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского (М., 2014), где на с. 68–72 я подробно рассмотрел этот аргумент скептиков и высказал свои рассуждения по нему, до сих пор, кстати, не опровергнутые. Приведу одно из них: «…мы с уверенностью можем говорить минимум о семи живших в 1038 году внуках и, с определенной долей вероятности, — о двух правнуках князя Владимира. Достоверно известно, что в 1044 году в Полоцке сел на отцовский престол Всеслав Брячиславич, внук Изяслава, правнук Владимира. Летописи не сообщают о его младенческом возрасте, стало быть, он уже достиг отрочества (7 лет), т. е. родился не позже 1037 года. Другой правнук — сын Владимира Ярославича (1020–1052) Ростислав, по Татищеву, родился в 1038 году» (С. 69). [См. схему родословной русских князей, составленную Леонидом Махновцем к книге «Літопис руський». Київ, 1989.]

Этот факт наличия правнуков у князя Владимира не опровергает и А. Ю. Карпов в той самой сноске, на которую опирается А. М. Ранчин: «Первый из внуков Ярослава, Ростислав Владимирович, появился на свет (по Татищеву) в 1038 г…, в 30-е гг. у князя Брячислава Полоцкого, по-видимому, уже родился сын Всеслав (также правнук Владимира)…». Правда, в самом конце своих рассуждений А. Ю. Карпов, противореча себе и приведенным им же самим фактам наличия правнуков у Владимира Святославича, почему-то решил усомниться в датировке «Слова о Законе и Благодати» 1038 годом. См.: *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. ЖЗЛ. М., 2001. С. 539–540, примеч. 20. А за ним, естественно, и А. М. Ранчин.

Стало быть, вопрос тут не во *внуках Ярослава Мудрого*, а в восприятии информации моим оппонентом.

Осталось ответить еще на одну реплику из разбираемого пассажа А. М. Ранчина. Его сильно удивило, что я «почему-то полагаю», что митрополит Иларион Киевский «якобы почитался на Руси как святой».

Сразу отмечу, что у меня в книге несколько иная формулировка: «Отнюдь не случайно, что подавляющее *большинство древнерусских писателей этого периода за свою праведную жизнь*

удостоены святости: митрополит Иларион Киевский (курсив мой. — *А. У.*), игумен Феодосий Печерский, епископ Кирилл Туровский, епископ Серапион Владимирский, князь Владимир Мономах и многие другие. А преподобный Нестор канонизирован за свои писательские труды! Писатель — святой, это вообще удивительно! Но, если внимательно разобраться, то получится, что в б***о***льшей части древнерусская словесность XI — XIII вв. ***является по своей сути святоотеческой***, и ее нельзя изучать, используя приемы, применяемые для литературы Нового времени». См.: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 49.

Я умышленно обратил внимание на различие в формулировках, поскольку А. М. Ранчин опять приписывает мне то, чего я не говорил, а потом долго будет рассуждать по этому поводу, как это уже не единожды было.

В моей книге сказано «*удостоен святости*», а не «*почитался на Руси как святой*». Дело в том, что мы достоверно не знаем, когда произошла канонизация святителя Илариона. Но уже «в «Книге степенной царского родословия» (нач. 60-х гг. XVI в.) И[ларион] назван “святителем” (ПСРЛ. Т. XXI. С. 170). В составленном при митр. Киевском св. Петре (Могиле) ок. 1643 г. Каноне прп. отцам Печерским, автором которого считается Мелетий Сириг, И[ларион] упоминается в 1-м тропаре 9-й песни наряду с др. рус. “Божественными иерархами” (необязательно связанными с Киево-Печерским монастырем). Вместе с другими русскими митрополитами И[ларион] назван в светильне канона прп. отцам Киево-Печерским, в Ближних пещерах почивающим (Минея (МП). Сент. С. 830; служба составлена в 1684–1690). “Святый Иларион митрополит” указан среди святых г. Киева в списке XVIII в. «Описания о российских святых», принадлежавшем П. И. Савваитову». См.: *Турилов А. А., Э.П.Р.* Иларион, свт. митр. Киевский // Православная энциклопедия. Т.XXII. Иона-Иннокентий. М., 2009. С. 125. Имеются его изображения и на иконах (Там же, с. 126).

Факт святости святителя Илариона довольно широко известен, поэтому удивительно, что А. М. Ранчин, занимающийся изучением литературы Древней Руси, о нем не знал. Дни памяти святого — 28 августа/ 10 сентября, 21 октября/ 3 ноября. Отмечается его память еще и с Собором Киево-Печерских святых во 2-ю Неделю Великого Поста. См.: *Митрополит Мануил (Лемешевский)*. Русские православные иерархи. 992–1892. Т. 1. М., 2002. С. 502–503.

[69] Речь здесь идет о мартовском 1038 годе, который до 1 сентября будет совпадать с сентябрьским 1037 годом. Более подробно об этом см.: *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 22–33.

[70] *Ужанков А. Н.* Из лекций по истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. «Слово о Законе и Благодати». М., 1999. С. 5–61; *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 42–73. Учитывая размер торжественной проповеди, прочитанной по поводу освящения новой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, и то обстоятельство, что приготовления к всенощной службе начинаются за полчаса до полуночи, можно предположить, что «Слово о Законе и Благодати» было прочитано пресвитером Иларионом *между* 22 и 23 часами.

[71] ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 723.

[72] *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 247–283; *Он же*: «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы X — XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 149–180; *Он же*: «Летописец Даниила Галицкого» // *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. С. 287–370.

[73] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 29–37; *Дмитриев Л.* А. Время создания «Слова» //Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 246–250.

[74] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 277.

[75] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 279.

[76] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 277–278.

[77] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 278.

[78] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Под ред. *В. П. Адриановой-Перетц*. «Литературные памятники». М.-Л., 1950. С. 436–437.

[79] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. — Т. XXXI. Л. 1976. С. 122.

[80] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» С. 122. Попутно замечу, что А. А. Горский, детально разбиравший

точку зрения Б. И. Яценко и не согласившийся с ней в целом, тем не менее, не привел ни одного аргумента против этого датирующего признака.

[81] *Охрименко П. П.* Уточнение хронологии «Слова о полку Игореве» // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (44). Львов. 1984. С. 94. В дальнейшем, при ссылке на эту работу, страницы указываются в тексте книги.

[82] В более поздней работе «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» (М., 1982. С. 508) Б. А. Рыбаков отнес время бегства Игоря из половецкой степи на весну 1186 г., поэтому П. П. Охрименко пришлось приводить дополнительные аргументы, подтверждающие возвращение Игоря летом–осенью 1185 г.

[83] *Горский А.* А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». М., 1986. С. 30–31. В датировке событий А. А. Горский ссылается на исследование: *Бережков Н.* Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 75–76, 83–84, 196, 198, 203–204.

[84] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 696.

[85] Там же. Стлб. 703.

[86] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 31.

[87] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 36. Здесь и ниже я опускаю ссылки А. А. Горского на тексты и исследования.

[88] Слово о полку Игореве / Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 16–17.

[89] *Гудзий Н.* К. История древнерусской литературы. 7–е изд. М., 1966. С. 145–146. Автор считал временем возвращения Владимира 1187 г., поэтому относил окончание работы над «Словом» к концу 1187 — началу 1188 г. (Примечание А. А. Горского. — *А. У.*).

[90] *Робинсон А.* Н. О закономерностях развития восточнославянского и западноевропейского эпоса в раннефеодальный период // Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. М., 1973. С. 197.

[91] *Горский А.* А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 36–37.

[92] В целом совершенно верное определение художественного образа — тьмы и света — требует уточнения. Свет исчезает не при поражении Игоря Святославича, а еще ранее, когда он пересека-

ет пограничную реку Донец и происходит солнечное затмение! Весь дальнейший путь Игоря происходит … во тьме! Совершенно ясно, что несколько дней кряду солнечное затмение не могло длиться, но автор использовал подсказку природы и выстраивает удивительную художественную метафору: весь неблагочестивый поход Игоря происходит во тьме! См. об этом: *Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») //Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 64–68; *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» (К интерпретации авторской идеи произведения) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 2000 г. М., 2000. С. 442–449.

[93] О символике света и тьмы в «Слове» см.: *Робинсон А. Н.* Литература Киевской Руси в мировом контексте // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. М., 1983. С. 18–20. (Примечание А. А. Горского. — *А. У.*)

[94] *Горский А.* А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 37.

[95] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 37.

[96] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб.,1997. С. 42–45, 72 примеч. 30. Л. А. Дмитриев так же полагает, что «Слово» было написано до мая 1196 г. — времени смерти Всеволода Святославича. См.: *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 250. Ниже я постараюсь доказать, что автор работал над «Словом о полку Игореве» после мая 1196 г.

[97] *Еремин И.* П. Лекции и статьи по древней русской литературе. Л., 1987. С. 118. (Сноска Н. С. Демковой. — *А. У.*).

[98] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 42.

[99] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 43.

[100] *Демкова Н.* С. Средневековая русская литература. С. 48–49.

[101] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т.XXXI. Л., 1976. С. 121.

[102] *Яценко Б.* И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». С. 121–122.

[103] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 33.

[104] *Яценко Б.* И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». С. 122.

[105] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». С. 122. На самом деле, как увидим ниже, первый поход Романа Мстиславича на половцев состоялся еще позднее.

[106] *Яценко Б. И.* Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». С. 122.

[107] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 33–34.

[108] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 34. Этого же мнения придерживается и А. М. Ранчин в полемике со мной. «…В тексте «трудной повести» есть *прямое свидетельство*, — пишет он, — что «отним» для Игоря ее творец *называл именно престол новгород-северский*; <…> приближенные Святослава *метафорически* именуют Игоря и его брата «соколами», которые выступили в поход 1185 г. — «слетеста съ отня злата стола». *Естественно*, — заявляет А. М. Ранчин, — речь здесь может идти только о Новгороде-Северском, где некогда правил их отец и откуда вышел с войсками Игорь» (Курсив мой. — *А. У.*). См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве // Литературный факт. ИМЛИ. Т. 4. 2017. С. 367–368.

Да, но Всеволод Святославич вышел из Курска, где их отец Святослав Ольгович тоже когда-то правил, а автор «Слова» употребил двойственное число, указав, что оба сокола слетели с двух отцовских столов. Стало быть, здесь подразумевается и Курск? И как быть с обращением к великому князю Всеволоду «прилетети издалеча отня злата стола поблюсти»? И с какого «отня злата стола» стреляет Галицкий Ярослав Осмомысл? Какое отношение имеют эти князья к Новгород-Северску? Понятно, что у каждого из них есть свой отчий престол. Так что, отнюдь *не естественно* видеть в словах бояр именно Новгород-Северский, а не Курск. Тут уж, скорее, можно согласиться с А. А. Горским о расширительном понимании под выражением *отний стол* всего Черниговского княжества, куда входили и Новгород-Северский, и Курск. К тому же, насколько я понимаю, *метафору* трудно назвать *прямым свидетельством*.

Однако куда проще прислушаться к самому автору, который не метафорически, а прямо именует в обращении к Всеволоду Святославичу «град Чрънигов» как «отний златъ столъ», тем более что сам Буй-Тур Всеволод в нем никогда не княжил. И с мнением автора, думаю, следует считаться, в том числе, и А. М. Ранчину.

[109] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 34–35.

[110] *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска) // ТОДРЛ. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 36.

[111] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 35.

[112] *Горский А. А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве». С. 33–36.

[113] *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве»… С. 36.

[114] *Горский А. А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. XLIII. Л., 1990. С. 24.

[115] *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве»… — С. 36. По мнению Б. И. Яценко, Игорь Святославич был соправителем Рюрика Ростиславича в Киеве. См.: *Яценко Б. И.* К вопросу о перестановках в тексте «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1987. № 3. С. 110.

[116] *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве»… С. 36.

[117] *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и его автор. Изд. 2-е. М., 2016. Далее ссылки на страницы будут приводиться прямо в тексте книги.

[118] «Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». Вступительная статья, подготовка текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А. А. Горского. М., 2002.

[119] *Яценко Б. І.* «Слово о полку Ігоревім» як історичне джерело. Таємниці давніх письмен. Київ, 2006.

[120] *Ужанков А. Н.* О “внутреннем” и “внешнем” времени произведения и датировке “Слова о полку Игореве” // Литература Древней Руси. М.: Прометей, 2004. С. 95–126; *Он же:* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» // Древнерусская книжность: текстология и поэтика. Коллективная монография. Орел: ОГУ, 2013. С. 13–29; *Он же:* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» // «Вестник Литературного института им. А. М. Горького». 2012. № 1. С. 159–163; *Он же:* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII вв. М., 2009. С. 215–252; *Он же:* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015.

[121] *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве». СПб., 2006. С. 346–351. А. А. Зимин так же полагал, что «приписку нет надобности возводить к “Слову”» (С. 351), но относил время написания «Слова» к концу XVIII века (С. 430). Если А. М. Ломов с этим не соглашался, то должен был бы опровергнуть и эту датировку.

[122] *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве». С. 347, 351.

[123] См.: *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926. С. 57–75; *Колесов В. В.* Библеизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 110–111; *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 508–517 и др. См. эту книгу, с. 282–338.

[124] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 275–345.

[125] При этом А. М. Ломов не изучил и не отнесся критически к названным им исследованиям Вс. Ф. Миллера, Е. В. Барсова, В. Н. Перетца и Н. М. Мещерского, а всего лишь пересказал две статьи из «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"», посвященных «Девгениеву деянию» (Т. 2. С. 98–99) и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (Т. 2. С. 316–317), заимствовав оттуда и приведенные им примеры.

К сожалению, А. М. Ломову не довелось познакомиться и с работой своего коллеги — петербургского лингвиста А. А. Бурыкина «"Слово о полку Игореве": текст, язык, автор» (СПб., 2017), в которой изучается не только перевод «Девгениева деяния», находящегося в одном со «Словом о полку Игореве» Мусин-Пушкинском сборнике, но и «Повести об Акире» и «Сказании об Индийском царстве». Тогда ему пришлось бы опровергать точку зрения А. А. Бурыкина на авторство Кузьмища Киянина.

[126] *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 508–522; *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 196–322; см. эту книгу, с. 282–385.

[127] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 296–322; см. эту книгу, с. 327–338.

[128] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // «Слово о полку Игореве». Литературные памятники. М.-Л., 1950. С. 394.

[129] *Смирнов В. Б.* Новая гипотеза об авторстве «Слова о полку Игореве». Рец. на кн.: *Ломов А. М.* «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. ун-та, 2010. 244 с. // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 10. 2011. С. 143–150.

[130] «В 1188 г. Рюрик заключает союз со Всеволодом Большое Гнездо и привлекает на свою сторону Игоря, раскалывая тем самым федерацию Ольговичей. Об этих союзах свидетельствуют браки малолетних детей: сын Рюрика торжественно обвенчан с восьмилетней (sic!) Верхуславой Всеволодовной, а дочь Рюрика выдана

за двенадцатилетнего Игоревича». См.: *Рыбаков Б.* А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л., 1969. С. 61. Игорь Святославич становится, по мнению Б. А. Рыбакова, «важнейшим союзником Рюрика Ростиславича» (Там же).

После смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского и восшествия Игоря Святославича на Черниговский отчий престол в 1198 г., он становится главой княжеского дома Ольговичей. Наконец-то прекратилось противостояние Мономаховичей и Ольговичей и укрепился союз двух княжеских ветвей в лице их глав — Рюрика Ростиславича Киевского и Игоря Святославича Черниговского.

[131] *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв.: Свод археологического источника // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 45–105.

[132] *Зализняк А. А. Янин В. Л.* Новгородская псалтирь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164.

[133] *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 49–50.

[134] *Столярова Л. В., Каштанов С. М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). С. 41.

[135] *Рыбаков Б. А.* Древние русы // Советская археология: Сборник статей. М., 1953. Вып. XVII. С. 29.

[136] См.: *Ужанков А. Н.* Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли» (к вопросу о написании и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 114–117). Ср.: «Пожалуй, самой сильной (а для средневекового книжника — и наиболее важной) чертой, которая помимо общего происхождения, роднила народы и земли, было и остается единое вероисповедание их населения. Если именно этот признак составители «Слова о погибели» и «Списка городов» рассматривали в качестве существенного при отнесении каких-либо территорий или географических пунктов к категории «русский», что само по себе весьма вероятно, то следует сделать вывод: под термином «русский» они имели в виду скорее всего *этно-конфессиональную общность*, близкую тому, что сейчас именуется термином «православный». См.: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современниками и потомков (IX–XII вв.) М., 1999. С. 174.

[137] Наблюдения А. В. Соловьева показали, что широкое понимание термина *Руси* как совокупности всех восточнославянских княжеств имело постоянное значение в двух случаях: во-первых, во взаимоотношении с западноевропейскими странами; во-вторых, в сфере церковной жизни. Он же отметил, что расширительное понимание *Руси* или *Русской земли* как всей страны было присуще периоду между 911–1132 годами. И даже смоляне и новгородцы (примечательно, что Смоленск и Новгород никогда не входили территориально в тот узкий географический ареал, который выражался в XI — XII вв. понятием *Русская земля*) в договорах с иностранцами назывались «русинами». См.: Der Beqriff «Russland» im Mittelalter. Von Alexander Soloviev (Genf). // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. I. Teil. Festschrift für Heinrich Felix Schmid. Graz. Köln, 1956, S. 149–150.

[138] *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона. М., 2014. С. 208–210.

[139] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птр., 1916. С. 27.

[140] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 1–2.

[141] *Ужанков А. Н.* Концепты “Русь” и “Русская земля” в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // «Россия XXI». 2005. № 5. С. 134–163; *Он же*: «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 112–139.

[142] Сказания и повести о Куликовской битве. Издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Серия “Литературные памятники”. Л., 1982. С. 12, 13.

[143] Сказания и повести о Куликовской битве. С. 37, 38, 44.

[144] *Ужанков А. Н.* О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 7–8, 24–36; *Он же*: Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Литературный институт им. А. М. Горького. 2008. С. 71–85; *Он же*: О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII в. Стадии и формации. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 32–42; *Он же*: Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Литературный институт им. А. М. Горького. 2011. С. 41–55.

[145] *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературных формаций.

С. 161–188; *Он же*: Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. С. 126–264; *Он же*: «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 10–65.

[146] *Пиккио Риккардо*. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 504–525; *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» (К интерпретации авторской идеи произведения) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 2000. М., 2000. С. 435–452; *Он же:* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 4–363.

[147] *Ужанков А. Н.* Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII в. // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М.: ИМЛИ РАН, 1995. С. 19–88, 287–289; *Он же*: Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. С. 392–457; *Он же*: Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. С. 295–352; *Он же*: «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 139–230. См. эту книгу, с. 261–265.

[148] *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // «Слово о полку Игореве». Литературные памятники. М.-Л., 1950. С. 430–431.

[149] *Дмитриев Л. А*. Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. С. 250. Точка зрения Г. Н. Моисеевой изложена там же, с. 248.

[150] *Дмитриев Л. А*. Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». С. 248.

[151] См. об этом: *Лотман Ю. М*. Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах киевского периода // Избранные статьи. Т.III. Таллинн. 1993. С. 111–120.

[152] ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 426.

[153] По мнению Л. А. Дмитриева, «Здравица-слава в честь князей, возможно, могла (что, правда, весьма сомнительно) называть и тех князей, которые ко времени провозглашения такой славы уже умерли». См.: *Дмитриев Л. А*. Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 250.

[154] Совсем недавно А. П. Пятнов попытался уточнить время кончины Игоря Святославича: «Наиболее реальной датировкой смерти Игоря Святославича следует считать **первую половину 1201 года** (до августа, когда умерла вдова Михалки Юрьевича Владимирского — Феврония); однако нельзя совсем исключать и ко-

нец 1200 года». См.: *Пятнов А. П.* К вопросу о дате смерти князя Игоря Святославича Черниговского // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 61.

[155] *Туровский Кирилл.* «Слово на собор святых отець 300 и 18…» // ТОДРЛ. Т.XV. М. — Л., 1958. С. 344.

[156] Чаще всего называют события 1180 г., когда Кончак выступал союзником Ольговичей против Мономаховичей. Спасаясь от дружинников Рюрика Ростиславича, Игорь Святославич и Кончак бежали вместе в одной ладье. Возможно, тогда и договорились о свадьбе.

[157] *Каган М. Д.* Кончак // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995. С. 74.

[158] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 43–44. Сноски Н. С. Демковой в цитате опущены.

Н. С. Демкова проводит интересное сопоставление «сна Святослава» с реальными событиями последних дней князя, описанных в Киевской летописи: разболевшись, князь Святослав вынужден был возвратиться из Корачева (в нем он в 1185 г. узнал и о поражении Игоря) в Киев и «ѣхаша лѣтѣ на санехъ, бѣ бо нѣчто извергълося емоу на нозѣ». Затем в насадах по Десне спустился к Киеву, а оттуда, в пятницу, приехал в Вышгород, чтобы поклониться святым страстотерпцам Борису и Глебу за два дня до их праздника, и заехал в Кириллов монастырь поклониться «отню гробу», однако не сумел этого сделать, поскольку не нашел священника с ключом, а дожидаться его уже не было сил. В субботу, 23 июля, в канун праздника святых мучеников Бориса и Глеба, посетил церковь в Киеве, «яко послѣднюю свою службоу принося, в недѣлю же празднику бывшю, и не може ѣхати с нового двора, но тоу и празднова праздникъ святоую моученикоу». Силы все больше покидали его и «отѣмняющи языкъ, и возбноувъ», то есть, *очнувшись от сна,* спросил княгиню, когда наступит праздник св. Маккавеев (1 августа), в который умер его отец — князь Всеволод. И узнав, что только в понедельник, вздохнул: «О не дождочю ти я (О, не дождусь его я)». Княгине же показалось, будто «сновидѣние нѣкако видѣ князь ея» и она спросила его об этом. Святослав «же не повѣдавъ еи и рче азъ вѣроую во единого Бога, и веля ся постричи в черньци» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 679–680).

По мнению Н. С. Демковой, «сам факт предсмертного сновидения князя, сани, на которых его везут, наконец, сама его поездка перед смертью в Кириллов монастырь: ряд исследователей <…> пола-

гает, что таинственный «Плѣсньск» … — это урочище именно около Кириллова монастыря», «как будто нашли отражение в литературном сне Святослава в «Слове о полку Игореве» (См. прим.29 на с. 71).

[159] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 44.

[160] *Там же*.

[161] *Там же*. С. 48.

[162] Подробнее об авторской идее произведения см.: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» (К интерпретации авторской идеи произведения) // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского института. Материалы 2000. М., 2000. С. 435–452 и настоящее издание.

[163] *Яценко Б. И.* Об авторе «Слова о полку Игореве»… С. 36.

[164] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» (К интерпретации авторской идеи произведения). С. 435–442; см. эту книгу, с. 269-282.

[165] *Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстислави ходити на половців раніше 1187 р.? // Український історичний журнал. 1965. № 1. С. 117–120.

[166] *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. СПб., 2011. С. 234.

[167] Цит. по: *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. С. 225.

[168] *Литаврин Г.* Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) СПб., 2000. С. 357.

[169] *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. С. 231.

[170] *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. С. 233–234. *Грушевський* М. С. Історія України–Руси. Київ, 1992. Т.II. С. 561.

[171] *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. С. 234.

[172] Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12–го столетия. С предисловием и примечаниями П. Савваитова. СПБ., 1872. Стб. 88–89.

[173] *Майоров А. В.* Русь, Византия и Западная Европа. С. 231.

[174] Весьма странными кажутся рассуждения А. М. Ранчина о датирующих признаках произведения: «Упоминание о Доне вовсе не подразумевает реального похода Всеволода Большое Гнездо к этой реке: автор пишет о возможности его, прославляя могущество князя («можеши»); это эпическая возвеличивающая гипербола». См.: *Ранчин А. М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 137.

Так можно было бы подумать, если бы Всеволод Ярославич реально не ходил в 1198 г. на Дон. «Также, — продолжает А. М. Ран-

чин, — нет надобности в упоминании о страхе половцев перед Романом усматривать указание на какие-то реальные, определенные походы: это эпическое преувеличение» (Там же, с. 137).

Автор «Слова» не фантазировал, в отличие от А. М. Ранчина, а подразумевал конкретные исторические события, в частности, поход Романа Галицкого в Половецкую степь и разгром половцев осенью 1200 г.

«Галицко-Волынская летопись» тоже помнит об этом походе князя Романа Галицкого и называет его орлом, который «прехожаше землю» Половецкую (ПСРЛ. Т.II. Стлб. 716), к тому же «имже Половци дети страшахоу» (ПСРЛ. Т.II. Стлб. 813). Древнерусские произведения исторически точны, в отличие от профессора А. М. Ранчина.

«Призыв к внукам Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого прекратить вражду тоже нет необходимости привязывать к единичной конкретной ситуации» (Там же, с. 137).

Послушать А. М. Ранчина, так автор «Слова» совершенно оторвался от реальности, просто выдумывает и записывает, что ему в голову придет. Может, и само «Слово» — это тоже «эпическая возвеличивающая гипербола» и не более?

[175] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947. С. 194.

[176] *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. // ЛЗАК за 1865–1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. С. 111.

[177] *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV в. С. 114–115.

[178] *Петухов Е.* В. Русская литература. Юрьев, 1912. С. 53.

[179] *Орлов А.* С. Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916. С. 86.

[180] *Рыбаков Б.* А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. // ТОДРЛ. 1969. Т. XXIV. С. 58–63.

[181] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 193.

[182] *Там же*. С. 193.

[183] *Рыбаков Б.* А. Русские летописцы и автор «Слово о полку Игореве». М., 1972. С. 159.

[184] *Прохоров Г. М.* Летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. К–О. СПб., 1995. С. 151–152.

[185] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 193.

[186] *Там же*.

[187] Скорее всего, летописец просто хотел показать принадлежность Игоря Святославича к княжескому семейству Ольговичей, поскольку он описывает деяния и Мономаховичей, и Ольговичей.

[188] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 194.

[189] *Там же*.

[190] *Там же*. С. 277.

[191] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII вв. М., 2009. С. 215–252; *Он же.* Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» // «Вестник Литературного института им. А. М. Горького». 2012. № 1. С. 159–163; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 232–274.

[192] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 194.

[193] *Там же*. С. 195.

[194] *Там же*. С. 197.

[195] *Франчук В. Ю.* Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Київ, 1988. С. 34.

[196] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 46.

[197] *Там же*. С. 47.

[198] *Там же*.

[199] В поведении князя Святослава прослеживается не нерешительность, как полагает Л. В. Соколова, а православная установка, которую довольно часто нарушали в междоусобицах древнерусские князья: не преступать границ своей земли, вести только оборонительные войны. Ее-то и нарушил Игорь Святославич, отправляясь на половцев к Дону Великому.

[200] *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 94–95.

[201] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 47.

[202] *Там же*.

[203] *Там же*. С. 48.

[204] *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. № 14. Л., 1973. История, язык, литература. Вып. 3. С. 75.

[205] Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади *В. Ю. Франчук*. Київ, 1988. С. 35.

[206] *Яценко Б.* И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. 1985. № 3. С. 37.

[207] *Яценко Б.* И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году. С. 40.

[208] По мнению академика А. А. Шахматова, рассказ о походе русских князей на хана Кобяка, предшествовавшего походу 1185 г. Игоря Святославича, и повесть о походе самого князя Игоря, отразившиеся в Лаврентьевской летописи, написаны одним человеком. Обе повести уже в готовом виде стали известны составителю Владимирского свода 1192 г. В *авторе повести* о походе князя Игоря *чувствуется переяславец*, житель Переяславля Южного или Русского, поскольку основное внимание он уделяет переяславльскому князю Владимиру Глебовичу, обращает внимание, что с союзниками Игорь Святославич сходится у Переяславля, и это обстоятельство послужило основой для заинтересованности переяславцев результатами похода Игоря Святославича, ибо именно поражение войск Игоря и привело к нападению половцев на Переяславль, а его мужественная защита Владимиром Глебовичем сделала переяславльского князя героем. См.: *Шахматов А. А.* Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. С. 75–76.

Позднее академик А. А. Шахматов разовьет эту мысль: «…Мы находим в летописи Переяславля Суздальского <…> рассказ о походе южнорусских князей против половцев (ср. о том же походе, но в другой редакции в Ипатьевской под 1183 г.); рассказ по своей обстоятельности (ср. перечень плененных князей половецких, речь Владимира Глебовича Переяславского) не может быть приписан владимирскому летописцу, а принадлежит, очевидно, южнорусскому летописцу; под следующим 1186 г. в Переяславской летописи <…> находим длинный рассказ о походе на половцев Игоря Ольговича Новгород-Северского; рассказ заканчивается рассуждениями по поводу несчастного исхода знаменитого похода; не подлежит, конечно, сомнению, что рассказ этот от начала до конца написан не владимирцем, а южанином (ср. статью о том же походе, но в иной редакции в Ипатьевской летописи). <…> Имея в виду, что в рассказе о походе 1185 г. Владимиру Глебовичу Переяславскому уделено главное внимание, что и в рассказе об Игоревом походе вставлен эпизод отражения Владимиром половцев от Переяславля, причем в Игоревом полку, по всей видимости, было немало переяславцев («и сняшася у Переяславля Игорь съ двема сынама…»), мы заключаем, что южнорусский летописный свод, находившийся в распоряжении позд-

нейшего владимирского сводчика, был летописью Южного Переяславля», которая оканчивалась «быть может, рассказом об Игоревом походе 1186 г.» См.: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. II. Обозрение летописей и летописных сводов XI–XVI вв. СПб., 2011. С. 57–58.

М.Д. Приселков видел в этих симпатиях к Владимиру Глебовичу — «личным подвигам самого князя Владимира отводилось весьма большое (и преувеличенное) место» — свидетельство их «заимствования из Летописца Переяславля Русского как в составе Киевского свода 1200 г., так и в составе Владимирского свода 1193 г.» См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 67.

В.Ю. Франчук, вопреки доводам А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, полагает, что автор рассказа о походе Игоря Святославича 1185 г. вряд ли был переяславльцем, поскольку он плохо представлял себе географию Южной Руси, но допускает, что «какое-то время автор версии о походе Игоря Лаврентьевской летописи провел в Киеве». Он был приверженцем детей и внуков Юрия Долгорукого, проявил внимание к Владимиру Глебовичу и его отцу Изяславу. Однако, «не придерживаясь исторической точности при описании событий, автор рассказа переработал полученные материалы в литературном плане. Придуманные им речи действующих лиц эффектны и способствуют развороту сюжету». См.: *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Киев, 1986. С. 34.

[209] *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. С. 47.

[210] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 390–391. Далее столбцы летописи указаны в круглых скобках в тексте монографии.

[211] См.: *Ужанков А.* Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 8–105.

[212] Весьма интересное замечание летописца: Владимир Глебович обращается за молитвенной помощью своего святого деда. Кого имел в виду летописец: Владимира Мономаха или Владимира Святославича? Нет сведений, что в то время они уже почитались как общерусские святые, хотя местное почитание обоих уже могло быть. Может, молитвы обращены были к уже прославленным святым князьям Борису и Глебу?

[213] Следует обратить внимание на ошибку летописца: в июне всего 30 дней, а 31 день — в июле, и именно на него приходится память прав. Евдокима Каппадокиянина (IX в.). Но 31 июля 1184 г.

приходилось на вторник, а не на понедельник. Для Лаврентьевского летописного свода характерны ошибки и неточности, как, например, с цифрами плененных половецких князей. Обращаю на них внимание, поскольку с ошибками мы встретимся и при описании похода Игоря Святославича.

[214] Б. И. Яценко полагает, что рассказ о походе Игоря в Лаврентьевской летописи является «составной частью обширного массива южнорусских сведений, в котором резко противопоставлены рассказ 1185 г. (в Ипатьевской летописи — 1184 г.) о военной доблести Владимира Переяславского в объединенном летнем походе русских князей <…> и рассказ 1186 г. (в Ипатьевской летописи — 1185 г.) о сепаратном походе Игоря Северского, о его поражении и плене». Причем, «оба рассказа — о Владимире и об Игоре — объединены одной идеей и написаны по одному замыслу», они отражают противостояние Переяславского и Новгород-Северского князей, явно отдавая предпочтение Владимиру Глебовичу. См.: *Яценко Б. И.* Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. 1985. № 3. С. 33–34. Совершенно резонно ему возразила Л. В. Соколова: «…Летописные повествования двух сводов о военных походах на половцев в 1184 и 1185 гг. отражают противостояние не двух князей (переяславского и новгород-северского), а *двух княжеских ветвей*, Мономашичей и Ольговичей, спор киевского летописца с переяславским (или владимирским)». (Выделено Л. В. Соколовой. — *А. У.*). См.: *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 95.

[215] См.: «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // «Россия XXI». 1999. № 4. С. 138–177.

[216] Повесть временных лет. Серия «Литературные памятники». Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 71. Далее страницы указаны в круглых скобках в тексте книги.

[217] Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР). XIII век. М., 1981. С. 440.

[218] Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып.1. М., 1892. Л. 83–83 об. Ср. с текстом Деяний в Библии: «Рече же к нимъ. несть ваше разумети времена и лета, яже Отецъ положи своею областию» (1; 7).

[219] ПЛДР. XIII век. С. 440.

[220] Там же. С. 406.

[221] Симеоновская летопись под 6778 г. См.: Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 73. Вот как описаны в Волынской летописи последние минуты жизни князя Владимира Васильковича: «И бысть в четверг на ночь, поча изнемогати, … и позна в себе духъ изнемогающ ко исходу души, и возревъ на небо и воздавъ хвалу Богу, глаголя: "Бесмертный Боже, хвалю Тебе о всемь! Царь бо еси всим. Ты единъ во истину подая всей твари (всему живому) всебогатьствомь наслажение. Ты бо створивъ мира сего, ты соблюдаешь, ожидаа душа, яже посла, да добру жизнь жившимь почтеши, яко Богъ, а еже не покорившуся Твоимъ заповедемь, предаси суду. Всь бо суд праведный от Тебе, и бес конца жизнь от Тебе, благодатью своею вся милуешь притекающая к Тебе"» (ПЛДР. XIII век. С. 406).

[222] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XII вв. СПб., 1992. С. 73.

[223] О князе Владимире Мономахе в некрологе под 1125 г. летописец заметил: «иже просвети Рускую землю, акы солнце луча пущая; *егоже слухъ* произиде по всимъ странамъ» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 289). Слух, но не слава!

[224] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 296–322. См. в этой книге с. 327–338.

[225] *Яценко Б. И.* Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году. С. 40.

[226] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV — XVI вв. М.; Л., 1938. С. 70–71; *Приселков М. Д.* История русского летоисания XI — XV вв. Л., 1940. С. 47–49; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 7–8.

[227] Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М., 1998. С. E-N, III–XVI; Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 304.

[228] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 628. Далее столбцы летописи указывается в круглых скобках в тексте книги.

[229] Любопытно отметить, что годом ранее, после пленения хана Кобяка Святославом Всеволодовичем, Игорь Святославич уже ходил на половцев с теми же князьями. См.: Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 633.

[230] По мнению А. А. Зимина, рассказ 1185 г. Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича на половцев составлен из трех частей, заимствованных из черниговского, киевского и переяславского летописцев, объединенных в конце XII века, поэтому и сам рассказ о походе не мог появиться раньше. См.: *Зимин А. А.* Ипать-

евская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 49–50.

Разбирая мнение А. А. Зимина, А. Г. Кузьмин высказывает свою точку зрения на происхождение статьи 1185 г. Ипатьевской летописи: она содержит целостный рассказ с переходом от Святослава к Игорю, описанием нападения половцев на Переяславль и Посемье, сообщением о бегстве Игоря Святославича и прибытием его в Киев к Святославу Всеволодовичу. Более-менее современный событиям рассказ принадлежит одному автору, близкому Игорю и Святославу, и носит незначительные следы позднейшего редактирования. См.: *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 77.

Б. А. Рыбаков полагал, что автор «Повести о походе Игоря Святославича 1185 г.» использовал записи двух летописцев — участников похода: боярина Петра Бориславича, предполагаемого летописца Рюрика Ростиславича, и безымянного летописца Святослава Всеволодовича, которые узнали подробности похода от самого князя Игоря или его окружения. Эти записи были объединены около 1188 г. и дополнены «большим количеством вставок с благочестивой риторикой». См.: *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 172–175; *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 132.

Самое же главное заключается в том, что «Повесть о походе Игоря Святославича 1185 г.», как отметил Г. М. Прохоров, не является самостоятельным произведением, а представляет собой лишь часть статьи 1185 года. (См.: *Прохоров Г. М.* Летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. К–О. СПб., 1995. С. 151–152.) То есть, «Повесть о походе Игоря Святославича 1185 г.» принадлежит перу автора всей статьи, точнее, составителю всего Киевского свода, которому принадлежат и сама статья, — игумену Моисею.

[231] В издании Ипатьевской летописи в ПСРЛ другая разбивка на слова: «а то же намъ видити» (Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 638). Полагаю ее не логичной: если знамение не на добро, и воины в походе погибнут, то они не смогут увидеть результат похода. А вот женам будет горько от потери мужей. Автор «Слова» правильно прочел (или понял) эти слова князя Игоря, поэтому и поместил в конце своего творения плач жены Игоря Святославича.

[232] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XII вв. СПб., 1992. С. 73.

[233] После того, как я это уже написал, обнаружил такое же сравнение у И. П. Хрущева, правда, сделано оно на 140 лет раньше моего: «Из всех известных нам сказаний — сказание это по духу и направлению более других напоминает сказание об ослеплении Василька: та же чуткость к военному делу и тот же правдивый и нравственный суд над героем сказания. От сказаний о Мономахе оно отличается большею искусственностью — свойством или элементом повести. <…> По живости и искусному ведению разсказа сказание свидетельствует об относительной высоте повествовательного творчества». См.: *Хрущев И. П.* О древне-русских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. Киев, 1878. С. 202–203.

[234] Из других древнерусских творений река Каяла упоминается еще только в «Задонщине» (по списку Ундольского), написанной под влиянием «Слова» в конце XIV — начале XV в., поскольку в «Задонщине» есть очень много заимствований из «Слова». Можно выстроить следующую последовательность использования названия реки Каялы: первым ее упомянул автор летописной повести, затем — автор «Слова», а уже потом она попала в «Задонщину».

[235] Некоторые исследователи считают, что Жля — это персонификация, мифический персонаж, олицетворяющий собой скорьбь, печаль. См.: *Соколова Л. В.* Жля // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 187–190.

[236] *Ужанков А. Н.* О “внутреннем” и “внешнем” времени произведения и датировке «Слова о полку Игореве» // Литература Древней Руси. М., 2004. С. 95–125; *Он же:* Проблемы историографии и текстологии древнеруских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 215–252; *Он же*: «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 232–274 и др.

[237] Канон великий творение святаго Андрея Критскаго Иерусалимскаго чтомый въ первую неделю поста. Второе издание. Репр. издание. СПб., 1992. С. 118.

[238] *Там же*. С. 18–19.

[239] *Там же*. С. 22.

[240] *Там же*. С. 102.

[241] *Гаспаров Б. М*. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 298–315; *Есаулов И. А*. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 34–40; *Александров Олександр*. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Одеса, 2000. С. 416–423.

[242] А. А. Пауткин справедливо задается вопросом: «Почему преступления, в которых кается Игорь, упомянуты только в его речи и вообще не нашли своего отражения в других текстах? Причем Игорь говорит о своих злодеяниях именно против переяславцев в явно гиперболизированной форме. У новгород-северского князя имелись и иные прегрешения, достойные сожаления». (См.: *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 92). Ответ, по-видимому, кроется в авторской задумке выдубицкого летописца: «… Возникает противопоставление поведения смиренного Рюрика результатам деяний Игоря, приведших к небывалому дотоле разгрому и пленению русских князей весной 1185 г.» (Там же. С. 94).

[243] М. Д. Приселков предполагал существование «черниговского летописца Игоря Святославича», который был «третьим вспомагательным источником киевского великокняжеского свода 1200 г.». См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI — XV вв. Л., 1940. С. 49.

[244] *Приселков М. Д.* История русского летописания XI — XV вв. Л., 1940. С. 50.

[245] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 193.

[246] *Там же*. С. 194.

[247] *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.–Л., 1966. С. 128.

[248] *Там же*. С. 127.

[249] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 87.

[250] Літопис руський. За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. Київ. 1989. С. 339–340.

[251] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. С. 88.

[252] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 188.

[253] *Там же*. С. 184.

[254] *Там же*.

[255] *Там же*.

[256] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. С. 89.

[257] *Толочко П. П*. Русские летописи и летописцы X — XIII вв. СПб., 2003. С. 134–135; *Толочко П. П*. Київ і Русь. Вибрані твори. 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 196–198.

[258] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. С. 89.

[259] *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1908. С. 200–201.

[260] *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. С. 23.

[261] *Ужанков А. Н*. Проблемы историографии и текстологии древнеруских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 132–153.

[262] *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. С. 100.

[263] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. С. 89.

[264] *Там же*. С. 90.

[265] *Пауткин А. А*. Горизонты прочтения. С. 94.

[266] *Там же*. С. 95–96.

[267] *Там же*. С. 96.

[268] *Франчук В. Ю*. Киевская летопись. Киев, 1986. С. 27.

[269] *Франчук В. Ю.* Формирование текста летописного рассказа Ипатьевской летописи о походе князя Игоря на половцев в 1185 г. С. 90.

[270] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 644 с использованием разночтений по Хлебниковскому и Погодинскому спискам. См.: *Франчук В. Ю.* Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Київ, 1988. С. 100.

[271] На «доселе отсутствовавшие дословные совпадения» Лаврентьевской летописи с Ипатьевской, обратил внимание Г. М. Прохоров. См.: *Прохоров Г. М*. Летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 153.

[272] По мнению Б. А. Рыбакова, первая половина рассказа, «посвященная военной стороне похода Игоря, написана со всеми характерными особенностями летописца Рюрика: перечень полководцев, маршрут, темп марша, донесения разведки, точнейшая дислокация полков, ход битвы, имена воевод и половецких ханов. К этому нужно добавить явную симпатию к Игорю и аристократическое тяготение к боярству». См.: *Рыбаков Б.* А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. // ТОДРЛ. Т. XXIV. Л.,

1969. С. 59. Очень важное замечание, если учесть, что автор этого рассказа бывший дружинник, боярин, а во время его написания — игумен Выдубицкого монастяря Моисей.

[273] Б. А. Рыбаков почему-то посчитал, что полтора года спустя. См.: *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 91.

[274] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 180–181.

[275] *Татищев В. Н*. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2, 3. История Российская. Ч. 2. М., 1995. (Репринт). Т. III. С. 138.

По подсчетам академика Б. А. Рыбакова, «Игорь, его брат, сын, племянник и 50 бояр по расценкам выкупа стоили около 15 000 гривен, что равнялось примерно стоимости годового княжеского дохода шести крупных княжеств, или половины Руси!». См.: *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 181.

[276] *Гаспаров Б. М*. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 298–315; *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 34–40; *Александров Олександр*. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Одеса, 2000. С. 416–423.

[277] В свое время И. П. Хрущев так же выделил 16 частей в летописной повести и провел параллели со «Словом». См.: *Хрущев И. П.* О древне-русских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. Киев, 1878. С. 197–202.

[278] *Ваденюк П. Е.* Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5-го мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгород-Северский и которая названа Каялой // Труды Трьетьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в авг. 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 52; *Лященко А. И*. Этюды о «Слове о полку Игореве» // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. М., 1926. Т. 31. С. 152–153; *Jakobson R*. L’authenticite´ du Slovo / La Geste du Prince Igoré. New York, 1948. P. 307–311; *Зимин А. А.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // Истории СССР. 1968. № 6. С. 47–48.

[279] Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади *В. Ю. Франчук.* Київ, 1988. С. 38–40.

[280] В. Ю. Франчук расположила примеры из «Слова» слева, а справа — из летописной статьи, исходя из распространенного в то время убеждения, что «Слово» было написано ранее летопис-

ной повести. Как показывают современные исследования, летописная статья была написана ранее «Слова», поэтому примеры из нее мы и приводим слева, а примеры из «Слова» — справа.

[281] Таблица А. А. Зимина содержит меньшее количество общих мест. М.: *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006. С. 187–188.

[282] *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. С. 188. А вот с последующими необоснованными заявлениями историка трудно согласиться. Странным видится его размышление, что «автор Слова, если бы он был, как составители летописной записи 1185 г., современником этих событий, не мог бы не прибавить каких-либо новых подробностей о походе князя Игоря». Это уж какую задачу он себе ставил: или соревноваться с летописцем в описании исторических реалий похода князя Игоря, или создать художественно-поэтическое сочинение об этом походе. «И уж совсем необъяснимо, — продолжает историк, — почему он сохранил летописную последовательность рассказа, которая не вытекает из логики развития событий, а объясняется наличием определенных источников у летописца» (С. 188). Вот это, как раз, очень просто объясняется: автором обоих произведений мог быть один человек, к тому же, участник похода князя Игоря Святославича. Об этом речь еще пойдет ниже.

[283] *Ужанков А.* Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 46–47.

[284] *Ужанков А.* Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. С. 152–153.

[285] См.: *Хрущев И. П.* О древне-русских исторических повестях и сказаниях. XI–XII ст. Киев, 1878. С. 195–212; *Яценко Б.* И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // Русская литература. 1985. № 3. С. 33–40; *Демкова Н. С.* Средневековая русская литература. СПб., 1997. С. 46–48; *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 96.

[286] *Туровский Кирилл.* «Слово на собор святых отець 300 и 18…» // ТОДРЛ. Т. XV. М. — Л., 1958. С. 344.

[287] Современная исследовательница «Слова о полку Игореве» Л. В. Соколова предлагает читать эту начальную фразу следующим образом: «Не следует ли нам, братья, начать… старыми… словами… воинских повестей… о походе Игоря, Игоря Святославича?». Под воинскими повестями Л. В. Соколова подразумевает обе летописные повести о походе Игоря: «Существование рассказа Ипатьев-

ской летописи о походе Игоря, который совпадает со «Словом» всей фактической основой, композицией (с переходами от Игоря к Святославу Киевскому, затем в Переяславль и, наконец, снова к Игорю), а в некоторых случаях и текстологически, заставляет склониться к тому, что в основе «Слова» лежат не просто сведения, известия, «молва» о походе Игоря, а художественно оформленное устное или письменное произведение о нем, близкое по тексту к рассказу Ипатьевской летописи. Однако автор «Слова» показывает свое знакомство и с другой версией рассказа о походе Игоря, запечатленной в Лаврентьевской летописи. Поэтому мы можем считать, что он основывается по крайней мере на двух воинских повестях о походе Игоря в 1185 г., учитывал обе существующие версии о нем, что вполне естественно для автора, собирающегося в отличие от Бояна объективно оценить описываемые события». См.: *Соколова Л. В.* Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 214. Впрочем, в конце своей статьи Л. В. Соколова особо подчеркнула, что, «сказанное ни в коей мере не решает вопроса о взаимоотношении «Слова» и летописных повестей о походе Игоря 1185 г.» (Там же. С. 215).

[288] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». М., 2000. С. 298–305; *Есаулов И. А*. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 36–37; *Александров Олександр*. Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізиом. Статті. Монографія. Одеса, 2010. С.416–423.

[289] На это обратил внимание еще И. П. Еремин: *Еремин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1950. С. 107–108.

[290] ПСРЛ. Т. II. Стлб. 645.

[291] Канон Великий. Творение святого Андрея Критского. СПб., 1992. С. 27.

[292] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». М., 2000. С. 308.

[293] *Партыцкий О.* Слово о полку Игоревiмъ. Львiв, 1884. С. 14, 35.

[294] *Соболевский А. И*. Резюме доклада в О-ве Нестора-летописца 15 февраля 1886. // «Чтения в Историческом О-ве Нестора». Кн. 2. Киев, 1888 г.; *Он же*. Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. Т. XXI. Кн. 2. 1916. С. 210–211.

[295] *Соболевский А. И*. Резюме доклада в О-ве Нестора-летописца 15 февраля 1886. С. 211. Лично мне трудно представить, как

переписчик (а, скорее всего, это был монах), зная дороговизну пергамена и взявшись за серьезную работу, не изучил прежде текст переписываемого произведения, и потому исказил его, не выполнив тем самым добросовестно своего послушания! А ведь переписчики более всего боялись допустить искажения переписываемого текста, почитая это за грех, и просили прощения и молитв за них в приписках к средневековым рукописям.

[296] «Слово о полку Игореве» / Ред. и прим. В. А. Яковлева. СПб., 1891. С. IX.

[297] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім». Пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. Київ, 1928. С. 39–40.

[298] *Маштаков П. Л.* К тексту «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1918. Т. XXIII. Кн. 2. С. 74–76.

[299] *Гудзий Н. К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Сб. «Слово о полку Игореве». М.–Л., 1950. С. 249–254; *Он же.* Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XII. М.–Л., 1956. С. 37–41. Его оппонентом выступил В. И. Стеллецкий: *Стеллецкий В. И.* К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XI. М.–Л., 1955. С. 48–58. Позднее ее поддержали и академик Б. А. Рыбаков, и проф. Л. П. Жуковская.

[300] *Гудзий Н. К.* О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»// Сб. «Слово о полку Игореве». М.–Л., 1950. С. 251–252.

[301] Там же. С. 254.

[302] Справедливости ради следует отметить, что в большинстве изданий академик Д. С. Лихачев придерживался текста «Слова» первых его издателей, но не всегда. См. подготовку им текста «Слова», изданного в «малой серии» «Библиотеки поэта» в 1949 г., где он также осуществил указанную перестановку.

[303] *Туровский Кирилл.* «Слово на собор святых отець 300 и 18…» // ТОДРЛ. Т.XV. М. — Л.,1958. С. 344.

[304] См. многочисленные примеры, приведенные В. Н. Перетцем: *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім». Пам'ятка феодальної України-Русі XII віку. Київ, 1928. С. 159–162.

[305] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім». С. 160.

[306] Повесть временных лет. Серия «Литературные памятники». Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 72.

[307] Повесть временных лет. С. 125.

[308] Там же. С. 126.

[309] Там же. С. 128.

[310] Цит. по: *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім». С. 161. Другие примеры см. здесь же.

[311] По подсчетам А. Н. Робинсона, за сто лет, предшествовавших походу Игоря Святославича, можно насчитать 12 солнечных затмений, которые совпали с годами смерти 13 черниговских князей. (См.: *Робинсон А. Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XII–XVII веков. М., 1978. С. 7–58). Причем, в 8 случаях из 12 солнечное затмение предшествовало смерти князя, а в 2 случаях трудно установить, поскольку не известна точная дата смерти.

Эти наблюдения А. Н. Робинсона были подвергнуты серьезной ревизии В. И. Максимовым: «… Из всего длинного списка затмений-“знамений” А. Н. Робинсона только **8 могли быть замечены** современниками, только **6 были замечены**, и только **4 замеченных** современниками солнечных затмения (1113, 1115,1146, 1162 гг.) можно признать в качестве “знамений”, связанных со смертью или гибелью Ольговичей (Выделено В. И. Максимовым. — *А. У.*)». См.: *Максимов В. И.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы (по следам публикаций А. Л. Никитина и А. Н. Робинсона) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13 / Отв. ред. Д. С. Менделеева. М., 2008. С. 413–424.

[312] *Максимов В. И.* Невидимые затмения и фальшивые солнечные символы… С. 423.

[313] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 638.

[314] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 396.

[315] Цит. по: Літописні оповіді про похід князя Ігора. Упорядкування В. Ю. Франчук. Київ, 1988. С. 112.

[316] Слово о полку Игореве. «Литературные памятники». М.–Л., 1950. С. 10. В дальнейшем страницы указываются в тексте книги.

[317] Обращаю внимание на христианское (православное) обращение князя (княжеское служение — мирское служение Богу) к своим воинам: он обращается к ним как братьям во Христе и дружинникам-воинам. Обращение «братие» — это православное обращение, а не призыв к своим единокровным братьям, как полагали некоторые исследователи в советское время.

[318] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 70.

[319] Рецензент моей предыдущей книги «“Слово о полку Игореве” и его эпоха» (М., 2015) А. М. Ранчин любит делать очень серьезные заявления. Например: «Книга А. Н. Ужанкова не лишена

неточностей, порой весьма грубых». (См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве // Литературный факт. ИМЛИ. Т. 4. 2017. С. 370). «Весьма грубая неточность», в моем понимании, способна подорвать научную гипотезу или, хотя бы, разрушить утверждение или тезис. А. М. Ранчин, видимо, пожалев меня, решил ограничиться всего «парой примеров».

Оспаривая мое замечание, что никто из русских князей до Игоря Святославича не попадал в плен, А. М. Ранчин вырывает его из смыслового контекста и приводит в противовес суждение А. А. Горского о более раннем случае пленения половцами древнерусского князя Святослава Всеволодовича: «в 1154 г. половцами был захвачен Святослав Всеволодович, будущий великий князь и один из героев "Слова о полку Игореве"». (См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. С. 27). Видимо, все же понимая, чт***о***′ я имел в виду, рецензент делает существенную оговорку: «правда, во время междоусобицы на русской земле».

Действительно, говоря о походе Игоря Святославича в половецкую степь я имел в виду пленение древнерусских князей в степи. Собственно об этом пишет и А. А. Горский, из работы которого А. М. Ранчин, в свойственной ему манере, выдернул нужный ему кусок, проигнорировав контекст. Приведу пассаж А. А. Горского в более развернутом, чем у А. М. Ранчина, виде: «Случаи пленения русских князей степняками имели место… Но до 1185 г. известен только один факт такого рода: в 1154 г. половцами был захвачен Святослав Всеволодович, будущий великий князь и один из героев "Слова о полку Игореве"; однако это случилось во время не похода в степь (Существенное уточнение! — *А. У.*), а междоусобной войны, дело происходило на русской территории (Еще одно существенное уточнение! — *А. У.*) близ Переяславля, и Святослав был сразу же выкуплен (Еще одно существенное уточнение! — *А. У.*) своим дядей Изяславом Давыдовичем, чьими союзниками выступали половцы. Таким образом, в 1185 г. впервые русские князья попали в плен к половцам (Чем это утверждение отличается от моего? — *А. У.*) на их территории, в результате русско-половецкого столкновения, и при этом захвачено было сразу четыре князя». См.: *Горский А. А.* «Всего еси исполнена земля русская…». С. 27–28.

А. М. Ранчин склонен бездоказательно обвинять своих оппонентов в «откровенных искажениях и инсуниациях», но как можно

назвать его собственные утверждения, примером которых служит разобранный выше абзац?

Второй случай вскрытой А. М. Ранчиным «весьма грубой неточности» — это ошибка наборщицы, принявшая в моей рукописи букву Ф за Р в инициалах В. Ф. Миллера, автора книги «Взгляд на Слово о полку Игореве» (1877), и набравшая В. Р. Миллер. Каюсь, при вычитке верстки книги не заметил. Надеюсь, однако, что и эта «весьма грубая неточность» не в состоянии поколебать выстроенную систему доказательств предложенной мной концепции.

[320] «Повесть временных лет». «Литературные памятники». Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 7–8.

[321] «Повесть временных лет». С. 62.

[322] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 426.

[323] Там же. С. 428.

[324] Слово о полку Игореве. «Литературные памятники». С. 10–11.

[325] Канон великий творение святаго Андрея Критскаго… С. 27.

[326] Это не «второе затмение», и не ошибка автора, как полагал украинский академик Н. К. Гудзий, а художественный образ!

[327] В этом символе кроется еще один смысл: все воины уже изначально обречены на смерть (из пяти тысяч воинов останутся в живых только пятнадцать человек дружинников и горстка ковуев), их тела покроет могильная тьма. И. А. Есаулов отметит: «Тьма здесь — это *отсутствие* света, она является преградой к свету Божиему для вступающей в поход дружины Игоря. Тень означает отсутствие благодати, сопоставляемой с солнцем еще Иларионом (Автором «Слова о Законе и Благодати». — *А. У.*). Князь Игорь лишен духовного света, он отделен от света тьмою как некоей пеленой, которая внезапно исчезает в финальном прозрении, когда и "солнце светится на небесе". При этом обращает на себя внимание именно *внезапность* духовного прозрения героя, выражающаяся в готовности бесповоротного следовать божественному Промыслу (Курсив И. А. Есаулова. — *А. У.*)». См.: *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 39.

[328] См.: *Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 64–68.

[329] Путь из света во тьму — это образный путь предательства: «Прельстиша же ся дети боярские … *отскочьше* ***от света во тму***, и приложишася ко врагом Божиимъ, к литве и къ изменником…».

См: Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 222. Игорь Святославич тоже предал Бога и «приложишася ко врагом Божиимъ», то есть грешникам.

[330] *Ужанков А. Н.* О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII веков. М., 1996. С. 32–37.

[331] См.: *Клейн И.* Донец и Стикс (Пограничная река между светом и тьмою в «Слове о полку Игореве») // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 64–68.

[332] Это уточнение, как мне кажется, весьма существенно по смыслу, и дает указание на время написания поэмы. Автор вполне мог ограничиться сообщением, что «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую», но указание «къ отню злату столу» существенно нарушает логику повествования: исторически Игорь вернулся в Путивль, а затем — в Новгород-Северский, потом совершил поездки в Чернигов и Киев. По «Слову» — «Игорь едетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей», т. е. оказывается в Киеве, хотя это не его отца престольный город. А «отни златъ столъ» находится в Чернигове, и автор об этом знает, но умышленно так написал. Примечателен и предлог, который он использовал в данном случае: «**къ** отню столу», а не **на**, как «на землю Русскую». Игорь и не сел на отчий престол по возвращении из плена (это произойдет только в 1198 г.), но уже приблизился **к** нему по воле Божией, ведь княжеская власть — от Бога. Уже произошло преображение в Игоре, что способствовало не только получению помощи от Бога при возвращении из плена, но и обрести в будущем отчий престол в Чернигове.

Эта деталь позволяет полагать, что автор, когда писал «Слово», знал о княжении Игоря Святославича в Чернигове. В противном случае, не было бы христианской назидательности в произведении: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И до конца не была бы раскрыта его основная идея. А вот о кончине Игоря, произошедшей, как свидетельствуют летописи, после лунного затмения, случившегося 22 декабря 1200 г., автор, скорее всего, не знал…

[333] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стлб.642–644.

[334] Там же. Стлб. 649.

[335] Там же. Стлб. 651.

[336] На это обратил внимание Г. Д. Певцов. См.: *Певцов Г. Д.* Особенности знаково-синтаксического строя «Слова о полку Игореве» // Кусковские чтения — 2017. Культурно-семиотическое пространство

русской словесности: история развития и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 56.

[337] Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 169.

[338] Слово о полку Игореве. «Литературные памятники». М.–Л., 1950. С. 10. В дальнейшем страницы указываются в тексте книги.

[339] См. обзор этих точек зрения в кн.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве» (Далее — ЭСПИ). Т. 1. СПб., 1995. С. 201–204.

[340] А. М. Ранчин по этому поводу заметил: «Что касается упоминания Игоря в одном ряду со «старым Владимером», то этот ряд в «Слове…» не учитывает властного статуса этих двух князей, кем бы ни был Владимир — Владимиром Святославичем или Владимиром Мономахом. Оба Владимира княжили в стольном Киеве, так что Игорь, даже став черниговским правителем, оставался ниже их на лестнице власти на целую ступень». См.: *Ранчин А. М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 137. Исследователь, увы, совершенно не понимает ни автора «Слова», ни специфику средневекового повествования. Автор не случайно дает эту ретроспективную историческу аналогию и сравнивает Игоря Святославича с Владимиром Мономахом не только потому, что оба сражались с половцами, но, прежде всего, потому, что оба, каждый в свое время, были главами своих княжеских родов: Владимир Всеволодович — киево-переяславских князей (Всеволодовичей), Игорь Святославич — черниговских (Святославичей или Ольговичей), на протяжении почти 130 лет враждовавших между собой. Причем причиной вражды выступал, в том числе, и Киевский великокняжеский престол, на который претендовали и Ольговичи. Во времена Игоря Святославича сложился дуумвират: по инициативе Рюрика Ростиславича — Мономаховича в Киеве княжил Святослав Всеволодович — Ольгович.

[341] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 163.

[342] *Лихачев Д. С.* Слово о походе Игоря Святославича // Слово о полку Игореве. «Библиотеке поэта». Большая серия. Изд. 2–е. Л., 1967. С. 7.

[343] Здесь следует напомнить о родственных связях Всеволода Ярославича с греками — он был женат на византийской принцессе.

[344] См.: *Кусков В. В.* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 69–72.

[345] См.: *Кусков В. В.* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве». С. 71.

[346] «В лето 6634. Преставися благоверныи (и благородныи) Христолюбивыи великыи князь всея Руси Володимерь Мономахъ иже просвети Рускую землю акы солце луча пущая, егоже слухъ произиде по всимъ странамъ, наипаче же бе страшенъ поганымъ. Братолюбець и нищелюбець и добрыи страдалець за Рускую землю. Сего приставление бысть маия въ девятыи на десять. И спратавше тело его, положиша оу святеи Софье, оу отца Всеволода. Певше обычныя песни над нимъ. Святители же жалящеси плакахуся по **святомъ** и добромъ князи весь народъ и вси людие по немь плакахуся, якоже дети по отцю или по матери». См. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 289.

В рецензии на мою предыдущую книгу «“Слово о полку Игореве” и его эпоха» (М., 2015) А. М. Ранчин подверг сомнению не только это летописное утверждение, но и саму святость князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Опираясь на примеры из «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», он выбирает шестое по значению толкование лексемы *святыи* как “праведный, добродетельный”, а не как “отличающийся духовным совершенством и близостью к Богу”. См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве // Литературный факт. ИМЛИ. Т. 4. 2017. С. 362; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. В. Б. Крысько. Т. 11: (свѣне — стѣгъ). М., 2016. С. 73.

Следует обратить внимание, что лексема *святыи* в приведенных примерах из «Словаря» используется как прилагательное в паре с существительным: *святое девство*, *святое житие*, *святая братия*, *святые отци* и т. д., и в качестве расширительного своего толкования допускает значения “праведный, добродетельный”. Святость подразумевает, в том числе, и праведность. А может ли А. М. Ранчин провести четкую границу между “праведным” и “духовно совершенным, отличающимся близостью к Богу”?

Между тем, святость *благоверного князя* Владимира Всеволодовича Мономаха (1053/54–19.05.1125) не вызывает сомнения у историков Русской Православной Церкви. Первоначально его память, видимо, отмечалась 19 мая, сейчас — в Неделю 2-ю по Пятидесятнице, в Соборе всех святых, в земле Российской просиявших. «Память В[ладимира] В[севолодовича] отмечена в Кайдаловских святцах (кон. XVII в.) и в «Описании о российских святых» (кон. XVII — XVIII в.): «Святый благоверный князь Владимир Всеволодович Мономах, преставися в лето 6633, а память его ме-

сяца маиа в 19 день»… Канонизация В[ладимира] В[севолодовича] подтверждена включением его имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших (Минея (МП). Май. Ч. 3. С. 360)». См.: *Назаренко А. В.* Владимир (Василий) Всеволодович Мономах // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 681; *Романенко Е.* В. О церковном почитании // Там же. С. 686.

[347] Автор «Слова о полку Игореве», когда создавал свое творение, уже знал о вокняжении Игоря Святославича в Чернигове после смерти в 1198 г. Ярослава Всеволодовича, в результате которого Игорь Святославич и стал главой Ольговичей.

[348] ПСРЛ. Т. II. Стлб. 236. Долее столбцы указываются в тексте.

[349] Следует отметить, что 1 час ночи соответствует 17 часам, а знаменье в Печерском монастыре произошло в 16 ч. 35 мин.; солнечное затмение — в 16 ч. 48 мин.

[350] См. карту-приложение «Східна Європа до кінця XIII ст. за Літописом руським» // Літопис руський. К., 1989.

[351] Автор «Слова» четко различает две битвы Игорева похода: первую — пятничную, завершившуюся победой, когда «помчали девок половецких», и вторую, приходящуюся уже на субботу-воскресенье, завершившуюся поражением, когда Игорь Святославич пересел из княжеского седла, в «кощеево». Между тем, Автор замечает, что «*третьего дни* къ полудню падоша стязи Игоревы». Значит, он объединил обе битвы в одну, чтобы создать художественный образ длительного сражения? Или все же им подразумевается и аллюзия с походом Владимира Мономаха? Трудно дать однозначное толкование этого пассажа «Слова», поэтому меня изумляют математические подсчеты и словесные экзерсисы А. М. Ранчина: «Развеянные звенья причинности — вот связь его». См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве. С. 364–365.

[352] См. например, «Послание к римлянам» апостола Павла: «… Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (13; 1–2).

[353] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 426.

[354] Интересно отметить, что почти те же самые народы, что прославляли поход русских князей 1111 г. теперь «каютъ» Игоря Святославича!

[355] См. обзор литературы по этому вопросу: Жанр «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995. С. 173–

181. Не вмешиваюсь в эту полемику о жанре «Слова», полностью разделяя мнение Риккардо Пиккио: «Не думаю, чтобы понятие литературного жанра, как оно употребляется сейчас, сформировавшись на основе риторических дискуссий эпохи Возрождения, можно было применять к средневековой традиции восточных славян. Тематические и формальные категории, обычно определяемые русскими учеными как жанры <…>, могут соответствовать в широком смысле «типам», то есть категориям-образцам в писательской практике. Что же касается «древнерусской литературы», я отдаю себе отчет в том, что этот термин становитсч все более спорным и неадекватным». См.: *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 502, сноска 1.

[356] *Пиккио Риккардо*. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 499. Далее страницы указаны в тексте книги.

[357] См. главу «Категории "ума" и "разума" в русском средневековом сознании» в книге: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 30–39.

[358] Петербургская исследовательница «Слова о полку Игореве» Л. В. Соколова не соглашается с таким подходом (методом) в изучении произведений этого цикла: «Мне представляется недопустимой, — пишет она, — контаминация сведений из различных произведений тематического цикла, называемая Р. Пиккио методом «интертекстуального исследования». При таком подходе сознательно игнорируется различие, а нередко и противостояние конкретных текстов, они теряют своеобразие, самоценность и превращаются лишь в материал для построения исследователем своей гипотезы. В противовес методу «интертекстуального исследования» в том смысле, какой вкладывает в него Р. Пиккио, мы ратуем за такое комплексное изучение произведений тематического цикла, при котором анализируется как сходство, так и различие произведений, учитывается их идеологическое, мировоззренческое и литературное своеобразие». См.: *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб., 2006. С. 93–94. Справедливости ради, скажу в защиту Риккардо Пиккио, что благодаря «контаминации сведений из различных произведений тематического цикла», ему и удалось выявить *основной* (с его точки зрения, с моей точки зрения он будет другим) и *единый* для всех трех произведений библейский тематический ключ — «ожесточенное сердце» главного героя. Для итальянского ученого было важным

показать, что «Слово» не выбивается из дидактически-религиозного контекста летописных повестей о походе Игоря Святославича.

[359] Ср., например: «Вот, идет буря Господня с яростью, буря грозная» (Иер. 23: 19); «… в вихре и в буре шествие Господа, облако — пыль от ног Его. Запретит Он морю — и оно высыхает…» (Наум. 1: 3–4); «Господь отвечал Иову из бури…» (Иов. 38: 1). Примеры приведены Р. Пиккио. — *А. У.*

[360] Риккарло Пиккио не учел бытования на Руси в XII веке популярной «Беседы трех святителей». На вопрос, «что есть высота *небесная*, широта *земная*, глубина *морская*? — Иоанн рече: Отец, Сын и Святой Дух». (См.: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 169).Солнце олицетворяет собой «высоту небесную», гуляющий по всей земле ветер — «широту земную», река — «глубину морскую». Небо — престол Отца; Сын сошел на землю и оставил на ней свой престол — христианскую церковь; при крещении водой нисходит Святой Дух. То есть получается, что Ярославна обращается к трем природным стихиям, олицетворяющим три ипостаси Святой Троицы. Это и есть ее христианская молитва.

[361] См.: *Якобсон Р. О.* Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 33. Примечание Р. Пиккио. — *А. У.*

[362] *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 98.

[363] *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 98.

[364] Поучение Владимира Мономаха // ПЛДР. Т. 1. М., 1978. С. 396.

[365] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 397.

[366] *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птрг., 1916. С. 30.

[367] Это и ответ А. М. Ранчину на его свободные, не привязанные к древнерусскому сознанию, размышления о *буести* и *славе*. См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве. С. 365.

[368] *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 99. А вот подменять религиозные цели политическими, как это делает исследовательница, я бы не стал.

[369] *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 102. Эта же и другие параллели были указы и А. А. Гогешвили: *Гогешви-*

ли А. А. Три источника «Слово о полку Игореве». Исследование. М., 1999. С. 203.

[370] Современный исследователь «Слова» лингвист А. А. Бурыкин отмечает: «…автор, противопоставляя свой стиль Боянову, вместе с тем «свивает их», вводя в текст извлечения из песен Бояна или намеренно меняя стилистическую окраску в подражание его слогу». См.: *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб., 2017. С. 316.

[371] *Певцов Г. Д.* Особенности знаково-синтаксического строя «Слова о полку Игореве» // Кусковские чтения — 2017. Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения: Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 55.

[372] *Певцов Г. Д.* Особенности знаково-синтаксического строя «Слова о полку Игореве». С. 55.

[373] Автор «Слова» «противопоставляет свое “слово”, свою “песнь” “замышлению” Бояна. Замышление, — по мнению Н. С. Серегиной, — это то, что не случилось, не проявилось еще, а находится лишь в невидимом мире мыслей. “Замышление” Бояна — это то, что скрыто в его сознании и проявляется в загадках-гаданиях, в притчах, в припевках, существовавших в древней традиции как определенный набор текстов. Поэтому Автор никак не может уподобиться Бояну: он не творит гадательную песнь, не пытается предугадать события Игорева похода, <…> а слагает горестную песнь о печальных событиях, которые уже случились» (См.: *Серегина Н. С.* Познание будущего в «Слове о полку Игореве» // Материалы конференции «Древняя Русь. Христианство и язычество: мифы и реальность». СПб., 2014. С. 52). Исследовательница приходит к выводу, что «Боян трактуется Автором как несовместимый с христианством образ — его фантазийное “замышление” и “вещая” направленность мысли в будущее не принимается им с первых строк — как “не лепо”, неуместное в “Слове о полку Игореве”» (Там же, с. 53). Н. С. Серегина соглашается с мнением В. А. Кожевникова, что “замышлению” язычника Бояна, его козням, «Автор «Слова» противопоставляет христианский взгляд на мир» (Там же, с. 53).

[374] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 33–36.

[375] «При сопоставлении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» в интересующем нас аспекте обнаруживается, в частности, что актуальное ранее противопоставление стиля Бояна и автора

«Слова…» теперь уже перестает быть таковым: стоявшие за ними различные духовные ориентиры, <…> ушли в прошлое. “Русь православная” к этому времени уже основательно освоила мощный пласт язычески-ветхозаветного наследия». См.: *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С. 42.

[376] *Якобсон Р. О.* Ущекоталъ скача // Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV. Slavic Epic Studies. The Hague–Paris, 1966. P. 609.

[377] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». М., 2000. С. 319.

[378] Мое цитирование осуществлено по Острожской Библии. Каким текстом Библии пользовался Б. М. Гаспаров — не знаю. Но приведенная им цитата существенно отличается от текста Острожской Библии, прежде всего, утратами некоторых выражений и слов. Ср.: «Готово сердце мое, Боже, буду воспѣвати и пѣти, еще и слава моя. Востани Псалтирь и гусли: востану рано. Буду прославляти Тя въ народахъ, Господи, и воспъвати среди племенъ. Яко велика, превыше небесѣ, милость Твоя, а истрина Твоя даже до облакъ. Вознесися, Боже, выше небесъ, и по всей земли слава Твоя» (Псалтирь 107: 1–6). Существенный момент: Б. М. Гаспаров не стал цитировать 7 стих, в котором сокрыта важная аллюзия к избавлению Игоря из плена: «Яко да избавятся возлюблении Твои, спаси десницею Твоею, и услыши мя» (Пс. 107: 7). Попутно замечу, что этот Псалом Давида цитирует Даниил Заточник в своем «Слове» («Молении»). Т.е., он был «ходовым» на Руси.

[379] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». М., 2000. С. 320–321.

Б. М. Гаспаров приводит несколько таких примеров, в которых греческий текст лексически более точно передан в «Слове».

[380] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». С. 319.

[381] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С.34.

[382] Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 227.

[383] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С. 35.

[384] См. комментарии к переводу «Слова о полку Игореве» №№ 30 и 40.

[385] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С.35.

[386] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». С. 298–299.

[387] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С. 36–37.

[388] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С. 37.

[389] *R. Jakobson.* L'authenticité du Slovo. — In: La Geste du Prince Igoré. Epopee russe du douzième siècle. New York, 1948. P. 297–306.

[390] *Клейн Й.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 110.

[391] *R. Jakobson.* L'authenticité du Slovo. P. 304. *Клейн Й.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. С. 110.

[392] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». С. 305.

[393] *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. С. 38.

[394] М. Б. Гаспаров, сводя свой анализ текста к теории мифа, полагает, что «эти детали выстроены в произведении в образный коррелят, имеющий обобщенную мифологическую проекцию». См.: *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». С. 311.

[395] *Александров Олександр.* Література Київської Русі: Між міфопоетикою і християнським символізмом. Статті. Монографія. Одеса, 2010. С. 416. Перевод с украинского — мой.

[396] *Гаспаров Б. М.* Поэтика «Слово о полку Игореве». С. 217–233.

[397] *Александров Олександр.* Література Київської Русі… С. 417. Далее страницы указаны в тексте книги.

[398] См.: *Тюпа В. И.* Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 67–81.

[399] *Лихачев Д. С.* Избранные работы: в трех томах. Т. 1. Развитие русской литературы XI–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1987. С. 507–509.

[400] *Лихачев Д. С.* Избранные работы в трех томах. Т. 1. С.632.

[401] *Александров Олександр.* Література Київської Русі… С. 418.

[402] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 820.

[403] *Александров Олександр.* Література Київської Русі… С. 422.

[404] Уместно, полагаю, привести здесь размышления В. М. Живова: «…Можно думать, что увлеченные языческой архаикой исследователи *неадекватно подчеркивают значимость языческих подтекстов* (выделено мной. — *А.У.*), тогда как ничто, по существу, не препятствует интерпретации Слова как развернутой иллюстрации историографического сообщения, существующего в рамках той общей картины христианской истории, которая задана летописи-

ми <…>. Единственный связанный со Словом текст, Задонщина, с большой вероятностью указывает именно на такое восприятие: усвоенные из Слова нарративные элементы и поэтические формулы сочетаются здесь с такими типичными для христианизированной историографии моментами, как молитва, вложенная в уста идущего на сражение князя, постоянные упоминания "христианской веры", защита которой рассматривается как цель описываемых подвигов, и т. д. Очевидно, что автор Задонщины воспринимал Слово в той же христианизированной перспективе». См.: *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 99.

[405] *Грамматин Н. Ф.* Слово о полку Игореве, историческая поэма, написанная в начале XIII века на славянском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера, с привосокуплением другого буквального приложения, с историческими и критическими примечаниями, критическими же рассуждениями и родословною. М., 1823. С. 89–90 (и др. примеч.)

[406] Слово о плъку Игореве, Свтъславля пѣстворца старого времени / Объясненное по древним письменным памятникам магистром *Дмитрием Дубенским.* М., 1844. Ч. III. С. 1–255.

[407] *Вяземский П. П.* Замечания на Слово о полку Игореве. СПб., 1875. С. IX.

[408] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1890. Т. 3. «Лексикология "Слова"».

[409] *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926. С. 57.

[410] *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». С. 58–74.

[411] Странным, в таком случае, кажется утверждение В. В. Колесова о «не более 40 достоверных по употреблению Б[иблеизмов] в тексте С[лова]». *Колесов В. В.* Библеизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 111.

[412] *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». С. 74.

[413] *Там же.*

[414] *Там же.* С. 75.

[415] *Там же.*

[416] *Там же.* С. 74.

[417] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 14.

[418] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т.III. Кн. 1. Л., 1930. С. 308.

[419] *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». С. 61.

[420] *Там же*. С. 61–62.

[421] *Там же*. С. 62.

[422] *Там же*.

[423] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 303–307.

[424] *Перетц В. Н.* К изучению «Слова о полку Игореве». С. 67.

[425] *Там же*. С. 73.

[426] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. С. 298.

[427] *Там же*. С. 308.

[428] *Там же*. С. 309.

[429] *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 9.

[430] *Серегина Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011. С. 29. Далее страницы указаны в тексте книги.

[431] См. обзор, представленный в монографии Н. С. Серегиной: *Серегина Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. С. 29–31.

[432] *Бирчак Вл.* Візантійська церковна пісня і «Слово о полку Игореве» // Записки наукового товариства імені Т. Г. Шевченка / Под ред. М. Грушевського. 1910. Т. 95. С. 5–29; Т. 96. С. 5–32.

[433] *Мурьянов М. Ф.* «Слово о полку Игореве» в контексте европейского Средневековья // Palaeoslavica. IV. 1996. Cambridge — «Palaeoslavica» — Massachusetts.

[434] *Золотухин А. И.* Тайны «Слова о полку Игореве» (Монограф. исслед.). Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2005.

[435] К такой реконструкции «Слова о полку Игореве» следует относиться весьма осторожно, не менять его структуру. Не следует забывать, что его Автор создавал художественную песнь, а не гимнографический канон. Другое дело, что гимнография была для него, судя по всему, вещью привычной, и другой поэзии он не знал, поэтому и создавал свое творение по гимнографическому подобию.

[436] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 328–329.

[437] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 426.

[438] *Picchio R.* La letteratura russa antica. Sansoni-Accademia ed., Firenze-Milano. 1968. См. ее перевод на русский язык: *Пиккио Рик-*

кардо. Древнерусская литература / Пер. с итал. М. Ю. Кругловой, И. В. Михайловой, Е. Ю. Сапрыкиной, А. В. Ямпольской; Предисл. А. С. Демина; Отв. ред. Д. С. Менделеева. М., 2002.

[439] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1997. С. 430–443. Эта статья вошла в книгу: *Пиккио Риккардо.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 504–525. В млей книге цитаты приводятся по этому изданию.

[440] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1997. С. 436.

[441] *Ужанков А. Н.* Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 20.

[442] Примечательно, что и киевский автор летописной повести о походе Игоря Святославича указывает на начало "обедни", т. е. литургии в пятницу утром, когда произошло первое столкновение русских с половцами: «*Заутра* же пятъку наставшу, во *обеднее веремя*, усретоша полкы Половецькие…» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 639).

[443] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1997. С. 435.

[444] См.: *Кусков В.В* Исторические аналогии событий и героев в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 69–72.

[445] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 296–322.

[446] Здесь и далее Книга пророка Иеремии цитируется в синодальном переводе. И это не случайно. Дело в том, что до 1499 года, когда полностью была переведена Библия попечительством новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова), полного перевода Книги пророка Иеремии на церковнославянский язык не существовало. Тогда-то и были переведены с латинского языка четырнадцать библейских книг, отсутствовавших до той поры в славянском переводе. «Это 1–2 Паралипоменон, 1 Эздры, Неемии, 2–3 Ездры, Товит, Иудифь, Есфирь (главы 10–16), Премудрости Соломона, Иеремии (главы 1–25, 46–51), Иезекииля (главы 45–46), 1–2 Маккавейские Переводчиком этих текстов был католический монах Вениамин, предположительно бенедиктинец из Эмаусского монастыря в Праге, пришедший в Новгород в составе мисии монахов-доминиканцев». См.: *Ромодановская В. А.* Перевод инфинитива в «латинских» книгах Геннадиевской библии // ТОДРЛ. Т. LXIV. 2016. С. 26.

На церковнославянском языке были известны только девять паримийных чтений из Книги пророка Иеремии (*Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 23), но они не оказали влияния на «Слово о полку Игореве». В таком случае, становится очевидным, что автор «Слова» пользовался греческим текстом Книги пророка Иеремии.

Это мое заключение попытался оспорить А. М. Ранчин в свойственной ему манере — исказив мои мысли и пытаясь подтасовать факты. Он пишет: «А. Н. Ужанков, прослеживая в «Слове» переклички с Книгой пророка Иеремии, утверждает, что на Руси до 1499 г. был известен перевод лишь отдельных фрагментов в составе Паремийника, а совпадения древнерусского памятника и ветхозаветной книги выходят за их рамки. Из этого утверждения делается вывод: автор должен был читать Книгу Иеремии на греческом (До этого момента все верно. — *А. У.*), что, скорее всего, мог именно монах. Увы, это утверждение не соответствует истине», — замечает А. М. Ранчин. См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве. С. 368.

Прерву дальнейшее цитирование, чтобы ответить по ходу. Во-первых, как видно из ссылок выше на работы В. А. Ромодановской и А. А. Алексеева, мое утверждение опирается на мнение специалистов в этой области. Во-вторых, я говорил и говорю не об абстрактном древнерусском монахе, а конкретно о Моисее, игумене Выдубицкого монастыря, первыми насельниками которого были греки, без сомнения, привезшие на Русь книги на греческом языке, в том числе и Библию.

Рассмотрим, что же «соответствует истине» по Ранчину. Продолжу его «научные» утверждения: «На Руси был известен помимо фрагментарного перевода в составе толковых пророчеств, который подразумевает автор книги (Это он обо мне, но я не подразумевал «толковых пророчеств», а паремийные чтения из Книги пророка Иеремии, а это не одно и то же! — *А. У.*), еще и мефодиевский перевод; он тоже неполный, но по выбору фрагментов из Иеремии во многом дополняет тот, о котором писал А. Н. Ужанков».

Вот тут бы и представить А. М. Ранчину в качестве доказательства пару-тройку красноречивых примеров, подтверждающих эту его «истину». И случилось бы сенсационное открытие: А. М. Ранчин привел бы примеры, которые не удалось обнаружить академику В. Н. Перетцу! Но утверждения А. М. Ранчина, увы, как всегда, оказались голословными, цитаты из «мефодиевского пере-

вода» не приведены, поскольку А. М. Ранчин и в глаза его не видел. Но рецензент уже не может остановиться, входит в раж, и делает еще одно “сенсационное” утверждение: «Наконец, известен сохранившийся в небольшом отрывке еще один славянский перевод», и делает ссылку на работу А. А. Алексеева: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 93, 109, 117. А после нее добавляет: «Каким он был по объему, неизвестно» (*Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова… С. 368).

Странное заявление доктора филологических наук: «*известен сохранившийся* (Настоящее время. — *А. У.*)… славянский перевод» — «каким он *был* (Прошедшее время. — *А. У.*) по объему, *неизвестно*». Так этот «славянский перевод» сохранился и известен, как первоначально заявляет А. М. Ранчин, или был и неизвестен? Может кто-то разобраться в хитросплетении профессорской мысли?

Если же мы проверим эти, якобы подтверждающие утверждения А. М. Ранчина, ссылки на монографию А. А. Алексеева, то обнаружим, что на с. 93 Книга пророка Иеремии вовсе не упоминается; на с. 109 рассматриваются различные издания Септуагинты XVIII–XIX вв. и нет упоминаний Книги пророка Иеремии; на с. 117 упоминается Книга пророка Исайи, но тоже нет Иеремии, хотя, возможно, для А. М. Ранчина, что пророк Исайя, что пророк Иеремия, — все равно.

Следовательно, доктор наук А. М. Ранчин сознательно приводит ложные ссылки и умышленно вводит в заблуждение своих коллег?

А вот если бы профессор МГУ дочитал монографию А. А. Алексеева до конца, то обнаружил бы на с. 197 сходный с уже приведенным выше списком книг, переведенных с латинского языка для Геннадиевской Библии в конце XV в.: 1–2 Паралипоменон, 1 Эздры, Неемии, 2 Ездры, 3 Ездры, Товит, Иудифь, Есфирь (главы 10–16), Премудрости Соломона, *Иеремии (главы 1–25, 46–51)* (Именно те главы, параллели с которыми наблюдаются в «Слове». — *А. У.*), Иезекииля (главы 45–46), 1–2 Маккавейские, с очень важным для меня заключением А. А. Алексеева: «…Эти книги и части книг были *неизвестны славянской рукописной традиции* (Курсив мой. — *А. У.*)».

Возможно, именно это обстоятельство и объясняет, почему до недавнего времени не были обнаружены эти экзегезы. В. Н. Перетц в свое время умышленно ограничивал свои поиски библейских параллелей со «Словом» только славянскими переводами библейских книг, сделанными не позднее XII века.

[447] Сторонница традиционного, т. е. светского подхода в изучении «Слова» Л. В. Соколова, тем не менее, отмечает: «…Отсылки к библейскому тексту могут создавать сверхсмыслы в “Слове о полку Игореве”». См.: *Соколова Л. В.* Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве». С. 102.

[448] По-прежнему вызывает у меня удивление стремление А. М. Ранчина отдать приоритет открытия влияния Книги пророка Иеремии на «Слово» итальянскому ученому Р. Пиккио, с которым я, якобы, соглашаюсь. См.: *Ранчин А. М.* Путеводитель по «Слову о полку Игореве». М., 2012. С. 115. Прим. 31.

Замечу, ***не*** Риккардо Пиккио ***обнаружил*** влияния Книги пророка Иеремии на «Слово», о котором я впервые написал еще в 1994 г., за три года до него. См.: *Ужанков А. Н.* Эволюция средневекового мировоззрения и развитие русской литературы XI–XVIII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 20. Имеющий совесть — да укажет.

Спустя три года после моей публикации, в 1997 г., итальянский ученый привел всего лишь *единственную* и, что самое главное, *ту же самую* параллель между Игорем, желавшим «испити шеломом Дону», и «желавшими» из Израиля «пить воду из Нила» из книги пророка Иеремии (2: 18), на которую я обратил внимание в выше названной статье, и которую привел еще раз в другой работе 1996 г.: *Ужанков А. Н.* О принципах постороения истории русской лиературы XI — первой трети XVIII веков. М., 1996. С. 34. То есть, за год до появления статьи ***Р. Пиккио***, в которой, еще раз подчеркну, кроме единственной цитаты ***не рассматривается влияние Книги пророка Иеремии на «Слово»***.

Могу только предположить, как эта цитата оказалась в статье итальянского ученого. Он был знаком с моей статьей в «Герменевтике», поскольку этот совместный сборник Общества исследователей Древней Руси и ИМЛИ РАН был подарен Р. Пиккио в моем присутствии А. С. Деминым на одном из заседаний Общества, в один из приездов слависта в Москву задолго до появления его статьи.

Поэтому и возник у меня закономерный вопрос: как я мог в статье 1994 г. «соглашаться с мнением Р. Пиккио», как пишет А. М. Ранчин, если статья итальянского профессора (*Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. Т. L. СПб., 1997. С. 430–443) вышла тремя годами позже моей?! Впрочем, А. М. Ранчин имеет в виду даже

не эту статью Р. Пиккио, а ее переиздание в книге «Slavia Orthodoxa: Литература и язык» (М., 2003). Однако до этого издания уже успели выйти мои другие развернутые статьи по экзегезам из Книги пророка Иеремии в «Слове о полку Игореве».

Эти мои резонные вопросы вызвали у А. М. Ранчина раздражительную реакцию. Вместо спокойного признания возникшего недоразумения и объяснения его появления, он обвинил меня в «сплошной череде передержек и фальсификаций» (*Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова… С. 371). Из его пояснений стало понятным, что это не банальная оплошность, как я полагал, а как раз намеренная фальсификация. Он заметил, что его «Путеводитель по “Слову”» является учебным пособием (при этом укорил меня, что я об этом не упомянул), а не научной работой, а «потому не претендует на полноту информации об истории изучения “Слова”» (С. 371).

Во-первых, на с. 113–115 «Путеводителя» не говорится об истории изучения «Слова». Речь идет об исследованиях Р. Пиккио по библейским параллелям со «Словом», и на с. 114 приводится вышеупомянутая параллель с Книгой пророка Иеремии. А. М. Ранчин пишет: «Страстное желание Игоря “испити шеломомь Дону” [СПИ 1800: 6] омрачено грозною тенью слов пророка Иеремии о тех, кто, не доверяя водительству Господа, привел Израиль к гибели: “И ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила? и для чего тебе путь в Ассирию, чтоб пить воду из реки ее?”» (Иер. 2: 18). (*Ранчин А. М.* Путеводитель… С. 114).

А. М. Ранчин (умышленно или нет — не знаю) не оговаривает, кто обнаружил эту параллель и в целом исследовал влияние Книги пророка Иеремии на «Слово о полку Игореве», имеющее существенное значение для понимания авторской идеи произведения. Тем самым, по умолчанию, А. М. Ранчин приписывает это важнейшее открытие Р. Пиккио, ведь далее следуют примеры из разысканий итальянского ученого. Более того, после всех представленных библейских цитат, обнаруженных Р. Пиккио, и ссылки на его книгу **2003** г., присутствует сноска: «С мнением Р. Пиккио согласился А. Н. Ужанков; см.: [Ужанков **2000**: 442–449]». См.: *Ранчин А. М.* Путеводитель… С. 115. Сноска 31.

С каким мнением Р. Пиккио я согласился, осталось тайной. Но из контекста и представленных цитат, в том числе и цитаты из Книги пророка Иеремии, получалось, что я соглашаюсь и с рецепцией этой книги «Словом», о которой итальянский ученый вовсе не писал.

В маловразумительных объяснениях по этому поводу уже в рецензии, А. М. Ранчин пишет: «… приводя ряд наблюдений итальянского слависта, я писал далее о согласии с ним А. Н. Ужанкова в подходе к этому произведению как памятнику религиозной литературы (Ну, так и надо было тогда написать, и не было бы никаких недоразумений. — *А. У.*), а не о приоритете в обнаружении конкретных реминисценций из библейских книг. Причем слово «соглашусь» точно отражает позицию самого А. Н. Ужанкова, выраженную в его статье, на которую я и ссылался и в которой сказано: «Совершенно прав Р. Пиккио». Эти слова согласия повторены и в рецензируемой книге». См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова… С. 371.

А вот тут опять А. М. Ранчин передернул. Он, видимо, полагал, что никто его утверждения проверять не будет.

Мои слова и цитата из Р. Пиккио дословно повторены и в этой книге. Я написал: «Совершенно прав Р. Пиккио, заметивший в одной из последних своих статей по «Слову о полку Игореве»: «Обратившись к библейскому контексту (который, будучи боговдохновенным, несет абсолютную истину), мы можем проникнуть в "духовный", т. е. высший, смысл текста, в котором без этого "восхождения" нам открылся бы только "исторический", т. е. буквальный и "низший", смысл».

Если А. М. Ранчил не понял, то объясню еще раз, что речь шла и идет о боговдохновенности библейского текста и о духовном смысле «Слова о полку Игореве». Судя по его репликам в конце рецензии, видимо, он так и не понял, иначе бы не писал об «идеологизации филологических интерпретаций» и «религиозной филологии».

Создается такое впечатление, что А. М. Ранчину просто хотелось создать крайне негативное отношение к рецензируемой книге, и не важно, каким способом. Просто набросать в кучу мелких придирок и необоснованных претензий с надеждой, что их никто проверять и опровергать не будет. А негативное отношение к книге сложится.

Заслуга же Р. Пиккио в изучении библейского влияния на «Слово о полку Игореве» заключается в том, что он указал на «библейские тематические ключи» — *отдельные* смысловые параллели из Второзакония (2; 30) об «ожесточенном духе» и «упорном сердце» Игоря, и из 3-й Книги Царств (Гл. 22): параллель между походом Игоря и Всеволода Святославичей и походом Ахава и Иосафата, не внявших предсказанию и потерпевших поражение и погибших.

В более ранней, на сей раз, как я полагаю, уже научной книге, А. М. Ранчин по поводу этой последней параллели пишет: «Р. Пиккио и А. Н. Ужанков истолковывают *Слово о полку Игореве* как аналогию ветхозаветному рассказу о небогоугодном походе царей Ахава и Иосафата, а благополучное возвращение Игоря объясняют божественным покровительством князю после его покаяния». См.: *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 420.

Опять невпопад! А. М. Ранчин приписывает мне то, о чем я не писал. Это Риккардо Пиккио обнаружил библейскую аналогию походу Игоря и Всеволода Святославичей в виде похода царей Ахава и Иосафата, которые проигнорировали предсказание, были разбиты и погибли.

Я же сравниваю поход Игоря Святославича с походом в Египет израильского царя Седекия и его пленом, а не гибелью. Это совершенно разные библейские истории и смысловые параллели!

К сожалению, А. М. Ранчину и ранее были присущи домыслы, которые он приписывал своим коллегам и стремился утвердить в науке. (См. их разбор: *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 167–196.) В очередной раз убеждаюсь, что мало быть начетчиком, нужно еще уметь анализировать первоисточники и сопоставлять полученные из чужих работ факты и сведения. В противном случае это приводит к искажению смысла и выводов научных исследований коллег.

Да, кстати, если я правильно понял профессора МГУ, учебное пособие не обязано содержать объективную научную информацию, и позволительно приписывать важные научные открытия кому заблагорассудится?

[449] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стлб.648.

[450] Там же. Стлб. 642–644.

[451] Там же. Стлб. 649.

[452] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стлб. 399–400.

[453] Київ. Енциклопедичний довідник. *За редакцією А. В. Кудрицького*. Київ, 1981. С. 99, 215, 321.

[454] По уточненной Н. Г. Бережковым хронологии, проповедь игумена Моисея была произнесена 24 сентября 1198 г. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 210.

[455] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 132–153.

[456] *Воронин Н.* Н. «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 46; *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII веков. М., 2009. С. 97–153.

[457] *Иловайский Д. И.* История России. Т. 1. М., 1876. С. 100–167.

[458] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 70–71.

[459] *Рыбаков Б.* А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 8.

[460] *Приселков М. Д.* История русского летописания. Л., 1940. С. 47–49.

[461] *Там же*. С. 48.

[462] См.: *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; *Рыбаков Б.* А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; *Рыбаков Б.* А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991.

[463] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. Киев: Наукова думка. 1986. С. 14.

[464] *Там же*. С. 12–74.

[465] *Рыбаков Б.* А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 23–24. В дальнейшем страницы указываются в тексте монографии.

[466] *Приселков М. Д.* История русского летописания. С. 48.

[467] Исследователи обратили внимание на внутреннюю речь героя, как отличающий игумена Моисея авторский прием. (См. обзор: *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. С. 45–52). Хочу подчеркнуть, что этот прием использован и в летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г., вошедшей в Киевскую летопись. Я имею в виду покаянный монолог Игоря Святославича.

[468] Позднее Б. А. Рыбаков сменит свое мнение о кругозоре киевского летописца: «В Киевском своде 1198 г. отражены не только киевские события, но и дела, происходившие в Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире на Клязьме, Переяславле Русском, Рязани и в ряде других русских городов, а порой и зарубежные события вроде четвертого крестового похода Фридриха Барбароссы». См.: *Рыбаков Б.* А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд. 2-е. М., 1993. С. 482–483.

[469] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. С. 74.

[470] *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. СПб., 2003. С. 131.

[471] *Рыбаков Б.* А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 72.

[472] По наблюдению В. Ю. Франчук, «…находит поддержку и гипотеза о том, что свод Моисея включил не только отдельные фрагменты, но и своды предшественников выдубицкого игумена <…> Можно сделать вывод, что все редакторы и сводчики Киевской летописи, включая и Моисея, бережно относились к текстам своих предшественников». См.: *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. С. 29–30.

[473] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. С. 74.

[474] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII веков. М., 2009. С. 350–352.

[475] Успенский сборник XII — XIII вв. М., 1971. С. 176.

[476] Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. Вып. I. С. 276.

[477] Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1891. Стлб. 243–244.

[478] Сказание Авраамия Палицына / Изд. подгот. *О. А. Державина* и *Е. В. Колосова*. М.-Л., 1955. С. 7.

[479] Сказание Авраамия Палицына. С. 176–177.

[480] Примеры употребления в средневековой литературе авторами третьего лица по отношению к себе можно найти и в работе: *Андрей Чернов.* Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 288.

[481] Літопис руський. За Іпатським списком переклав Леонід Махновець.Київ, 1989. С. 127, прим. 1 к 1088 г.

[482] Некоторые исследователи считают ее автором Василия. См.: Василий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 91–92.

[483] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. М., 1998. Стлб. 624.

[484] Что текст этот принадлежит игумену Моисею, думает и современный украинский академик П. П. Толочко: «В некрологе князю Давиду имеется запись, которая с большой уверенностью позволяет приписывать его авторство именно Моисею. Речь идет о похвале Давиду Ростиславичу за создание необыкновенной красоты церкви св. Михаила в Смоленске. <…> В … тексте отчетливо прочитывается параллель со «Словом» митрополита Илариона, аналогичным образом аттестовавшим Софию Киевскую. Если учесть, что обращение к «Слову» имеет место и в «Похвале Рюрику Ростиславичу», можно сделать вывод, что оба произведения напи-

саны одним и тем же автором». См.: *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. С. 143.

[485] *Зотов Р. Вл.* О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 25, 41–43.

[486] Современный украинский историк П. П. Толочко допускал, как и Б. А. Рыбаков, что при совместном правлении Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича могли вестись две летописи, но после смерти киевского князя летописание слилось воедино и продолжалось в Выдубицком монастыре. В отличие от Б. А. Рыбакова он считал, что летописцем был человек церковный, а не светский. Окончательный вид Киевская летопись обрела под пером игумена Моисея. См.: *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X — XIII вв. С. 128–144.

[487] *Бегунов Ю. К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. Л., 1974. С. 60–76.

[488] *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 46–49.

[489] *Клейн Й.* «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Т. XXXI. Л., 1976. С. 110.

[490] *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.–СПб., 2017. С. 90.

[491] «не токмо в Рускыхъ концехъ ведома, но и сущимъ в море далече» — ср. со «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона: «Не въ худе бо и неведоме земли владычьствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». См.: *Ужанков А. Н.* «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 208–210.

[492] Библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. М., 1891. С. 281.

[493] Об этом можно судить потому, что в конце XV в. переводчики архиепископа Геннадия Новгородского делали переводы этих и некоторых других Ветхозаветных книг с латинского языка. Большинство же книг для первого полного перевода Библии были взяты по славянским рукописям. См.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 197–198.

[494] *Бегунов Ю.* К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1974. С. 73.

[495] *Рыбаков Б.* А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Изд. 2-е. М., 1993. С. 482–483.

[496] *Франчук В. Ю.* Киевская летопись. С. 15. Общая характеристика стилистических особенностей произведений игумена Моисея приводится на с. 15–74. Далее страницы указываются в круглых скобках в тексте книги.

[497] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 635.

[498] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 315–322.

[499] На это обратил внимание еще Ю. К. Бегунов. См.: *Бегунов Ю.* К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. С. 65.

[500] *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М.–СПб., 2017. С. 89.

[501] *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения. С. 89.

[502] *Там же.* С. 91.

[503] *Серегина Н. С.* «Слово о полку Игореве» и русская певческая гимнография XII века. М., 2011. С. 107–128.

[504] *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. С. 139–200, 296–334.

[505] Кому-то, наверное, хотелось бы найти точные соответствия, или цитаты, или заимствования одним сочинением кусков из другого, что могло бы быть воспринято как прямое доказательство авторста одного лица. Однако это ошибочный подход в подборе доказательной базы. Рука гения видна в неповторимости. Автор может использовать один и тот же сюжет, но облечь его в две совершенно разные формы, как это сделал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке». Так же это сделал игумен Моисей в летописной повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. и в «Слове о полку Игореве». В прозаической повести «Капитанская дочка» нет цитат и указаний на роман в стихах «Евгений Онегин», как нет цитат и указаний в «Слове о полку Игореве» на историческую повесть из Киевской летописи. Но их объединяет личность их создателя. Игумен Моисей Выдубицкий — это древнерусский А. С. Пушкин.

[506] *Пиккио Риккардо.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 481

[507] Затрудняюсь ответить, чем руководствовался А. М. Ранчин, когда в этих моих словах увидел совершенно противоположный смысл: «Безосновательно утверждение А. Н. Ужанкова, —

пишет он, — о том, что обращение во вступлении Слова о полку Игореве — «братие» — подразумевает *адресацию к монашеской аудитории*». (См.: *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 422). Тот же упрек он повторил и в рецензии на мою книгу: «Обращение *братие*, принадлежащее автору «Слова», А. Н. Ужанков считает *адресацией к монашеской аудитории*, не принимая во внимание, что оно в древнерусских текстах — в летописях, в одной берестяной грамоте, в Сказании о Борисе и Глебе — часто подразумевает мирян, прежде всего дружинную среду» (См.: *Ранчин А. М.* О новой книге А. Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве. С. 369). Весьма характерно, что в *обоих случаях нет прямой ссылки на мой текст*! И далее А. М. Ранчин в обеих своих статьях объясняет, почему это не так. Ради этого "наставления", думаю, и было сделано замечание.

Однако если бы А. М. Ранчин читал мою книгу более внимательно, то, во-первых, обнаружил бы, что я, полемизируя со сторонниками версии автора-князя, который, якобы, именно так (*братие*) обращался к князьям, отмечаю, что и сам князь Игорь Святославич дважды обращается ко *всем* своим *воинам* — *братие*, поясняя: «он обращается к ним как братьям во Христе и своим воинам-дружинникам. Обращение "*братие*" — это обращение православного князя к православным воинам…». (См.: *Ужанков А. Н.* «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. С. 337). Во-вторых, я писал и пишу, что автор «Слова» принадлежал к монашеской среде, в таком случае обращение *к читателям или слушателям* "*братие*" было для него естественным (этот пассаж дословно повторен выше). В-третьих, это Р. Пиккио обратил внимание, что обращение "*братие*" присуще монашеской среде, но он специально отметил, что из этого не следует, что автор адресуется исключительно к монашеской среде (его мнение в виде цитаты дословно повторено выше).

Получается, что А. М. Ранчин уже в который раз, не знаю, умышленно или нет, искажает написанное мной или приписывает мне свои собственные измышления.

[508] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 160.

[509] *Там же*. С. 161.

[510] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе. С. 161; *Она же.* Киевская летопись. С. 107.

[511] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе. С. 162.

[512] *Дмитриев Л. А.* Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1. СПб., 1995. С. 30.

[513] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 157–163; *она же.* Киевская летопись. Киев, 1986. С. 88–108; *Дмитриев Л. А.* Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1991. № 1. С. 88–103.

[514] *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I. Ч. 1. А-Д. М., 1989. Стлб. 564.

[515] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XII вв. СПб., 1992. С. 66–73.

[516] *Там же*. С. 56.

[517] *Понырко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XII вв. С. 166, 168. Н. В. Понырко полагает (С. 163), что во время написания этого послания владыка Кирилл уже пребывал на покое, оставив епископскую кафедру, но это не меняет дела: поскольку епископского сана он не лишался, то на иерархической лестнице стоял выше архимандрита.

[518] Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Вып. 3. С. 430. Об авторстве митрополита Кирилла см.: *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 325–356.

[519] Цит. по: *Тальберг Н.* История Русской Церкви. М., 2004. С. 193.

[520] *Франчук В. Ю.* К вопросу об авторе. С. 163.

[521] *Кучкин В. А.* XI век в «Слове о полку Игреве» // Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2000 г. М., 2002. С. 61. Далее представлено реферирование этой работы.

[522] *Кучкин В. А.* XI век в «Слове о полку Игреве». С. 58–69.

[523] *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 113.

[524] *Там же*.

[525] *Яценко Б.* И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году. С. 40. Впрочем, о деталях боя Автор знал и сам, как участник этих событий.

[526] *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. № 14. Л., 1973. История, язык, литература. Вып.3. С. 75.

[527] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII веков. М., 2009. С. 132–153.

[528] ***Ми*** — это краткая (энклитическая) форма местоимения ***азъ*** в дательном падеже единственного числа (полная форма — ***мне***). В «Слове о полку Игореве» имеются и другие примеры ее употребления. Например, рассказ князя Святослава Всеволодовича о своем сне: «Си ночь съ вечера одевахуть мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисове; чръпахуть ***ми*** синее вино съ трудомь смешено, сыпахуть ***ми*** тъщими тулы…великыи женчюгъ на лоно, и негують мя». Или его же слова: «Нъ се зло — княже ***ми*** не пособие». (См.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып.1. А-Г. М.-Л., 1965. С. 35–36). Поэтому трудно согласиться с А. А. Потебней, который видел форму ***ми*** в разбираемой фразе в качестве «частного случая» использования «дательного поэтического», который «выражает сознание живости, с какой певец или рассказчик представляет себе то, о чем говорит…» (См.: *Потебня А. А.* «Слово о полку Игореве». Изд. 2-е. Харьков, 1914. С. 186; см. разбор у В. Л. Виноградовой: *Виноградова В. Л.* К лексико-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 149–152). Что автор говорил именно о себе свидетельствует и его ремарка «А ***мы*** уже, дружина, жадни веселия».

[529] Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 10.

[530] «В словах “мы … дружина” можно усмотреть указание на то, что автор «Слова» принадлежал к дружине». См.: *Лихачев Д. С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. «ЛП». М.-Л., 1950. С. 432.

[531] Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 398.

[532] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. Стлб. 714; БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 294

[533] *Рыбаков Б.* А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 173.

[534] *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI — XIII веков. М., 2009. С. 97–153; *Воронин Н.* Н. «Анонимное» Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 46.

[535] Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. Стлб. 712–715.

[536] Сразу же хочу отметить, что выражение *во тъ годъ* означает *в то время*. Год — это не только календарный год, но и время вообще; см. однокоренные слова: година (час), годинник — часы, годить, годный и т. д.

537 Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. Стлб. 645.

538 *Франчук В. Ю.* Літописні оповіді про похід князя Ігоря. Київ, 1988. С. 100. Практически в этой же редакции приведен данный пассаж и в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи. См. там же, с. 128.

539 *Франчук В. Ю.* Літописні оповіді про похід князя Ігоря. С. 112.

540 Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. IV. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 304. Вторая редакция «Истории Российской» В. Н. Татищева содержит сообщение близкое Киевской летописи: «В то время Святослав Всеволодович <…> идучи на низ по Десне в лодиях к Чернигову, тогда *прибежав Беловод*, возвестил ему несчастие Игорево и всех полков руских. Святослав, слыша, горько плакал о сей погибели…» (Т. III. С. 136).

541 Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стлб. 399.

542 *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб., 2017. С. 198.

543 *Дмитриев Л. А.* Беловод (Беловолод) Просович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. I. С. 99–100.

544 В мою бытность студентом, в мае 1977 г. я принимал участие в научной студенческой конференции филологического факультета Ленинградского государственного университета. Студенты-филологи и пригласили меня тогда на семинар по «Слову» к Н. А. Мещерскому в отдел рукописей Публичной библиотеки и познакомили с ним. В обсуждениях Автора «Слова» прозвучало и имя Беловода Просовича, но в ту пору я не был столь сведущ, чтобы обратить на него внимание. Да и «Словом о полку Игореве» я тогда еще не занимался, увы.

545 *Бурыкин А. А.* «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. Прим. 33 на с. 196.

546 *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X — XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 354, табл. № 4.

547 Характерны в этом плане названия древнерусских летописей, например, Новгородской первой летописи: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и *како избра Богъ страну нашу на последнее время…*» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 103). Или «Софийского временника», включенного в Тверскую летопись: «Временникь Софейскый, иже глаголется летописець

Рускыхъ князей, и *како избра Богъ страну нашу на последнее время…*» (Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью// ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. С. 26). Или самой Софийской первой летописи: «Временникъ, еже нарицается Летописецъ рускыхъ князь, и *како избра Богъ страну нашу на последнее время…*» (Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. С. 11).

Очевидно, что само понимание *Русской земли* как новой обетованной (христианской) земли формируется в процессе осмысления "последнего времени". Стало быть, *русская история* осмысляется новгородскими и тверским летописцами так же, как и киевскими — как Промысл Господень перед концом света. Характерно, что и само древнерусское летописание велось до "конца времен" — Страшного суда. См.: *Ужанков А. Н.* "Совестные книги" Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. М., 1999. № 4. С. 151–177.

[548] Очень существенная деталь, характеризующая Выдубицкого монаха как точного в деталях историографа: Святослав Всеволодович (Ольгович) не назван здесь великим князем, в отличие от Рюрика Ростиславича (Мономаховича), который назван великим князем. По сути, в этом отражено тогдашнее положение дел: это великий князь Рюрик Ростиславич поделился своей властью со Святославом Всеволодовичем, пригласив его на Киевское княжение, оставив за собой Киевские земли. Но в других местах Святослав Всеволодович будет именоваться великим князем Киевским.

[549] *Демкова Н. С.* К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве» // Вестник ЛГУ. № 14. Л., 1973. История, язык, литература. Вып. 3. С. 75.

[550] Литературовед, поэт и переводчик, тонко чувствующий слово, Владислав Ходасевич, оценивая попытки переложить или перевести «Слово о полку Игореве» на современный лад, уловил всю суть этого неповторимого творения и его авторского замысла: «Этот автор придал своему гениальному произведению ту форму, которую счел за благо. Содержание «Слова» неразрывно связано с его формой, как в каждом истинно художественном творении. Эту форму нельзя менять, не совершая поступка, в эстетическом смысле *варварского* (курсив В. Ходасевича. — *А. У.*). Но у нас поклонники «Слова» непременно хотели его исправить. Только потому, что «Слово» есть памятник (труп!), над ним творились эксперименты, которых никто бы не вздумал произвести над созданиями

новой литературы. Понимают, что нельзя перелагать «Войну и мир» в стихи, а «Евгения Онегина» пересказывать прозой. Относительно «Слова» эта простая истина как будто все еще не открыта». См.: *Ходасевич Владислав*. «Слово о полку Игореве» // Великое русское слово. Из наследия русской эмиграции. Сборник / Сост. М. Д. Филин. Ред. и коммент. В. А. Кожевников. М., 2000. С. 40.

А. Н. Ужанков

«Слово о полку Игореве» и его автор

Верстка
Е. Д. Платонова
Корректор
Т. В. Глазкова
Выпускающий редактор
Т. В. Глазкова

Формат 84х108/32. Объем 30,5 п. л.
Подписано к печати 01.06.2020.
Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Согласие»
e-mail: so-glasie2014@yandex.ru
Сайт: www.so-glasie.ru

Отпечатано:
Публичное акционерное общество
<Т 8 Издательские Технологии>
109316 Москва,
Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322–38–30